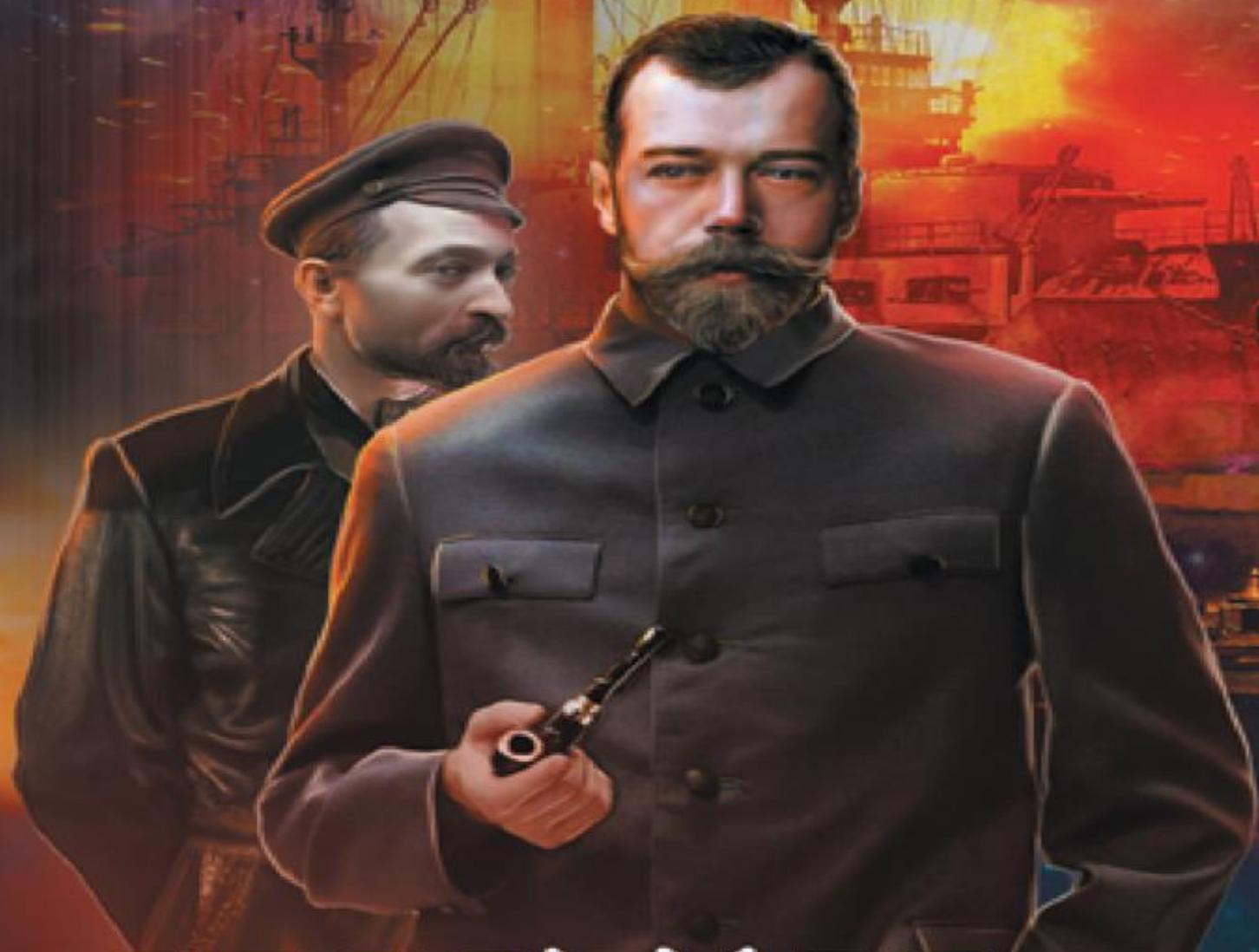

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

СТЯЛЬНАЯ
ХВАТКА
ИМПЕРИИ

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

СТАЛЬНАЯ
ХВАТКА
ИМПЕРИИ

Annotation

Протоиерей Андрей Ткачев сказал в своей проповеди: «Для того чтобы сохранить Российскую империю, государю Николаю Александровичу пришлось бы стать Сталиным...»

Заставить Японию воевать, когда она еще не успела мобилизоваться. Заставить Британию ввязаться в схватку, когда она менее всего к этому готова. Сделать консерваторов революционерами. Натравить царские спецслужбы на Уолл-стрит и лондонский Сити. И все это ради строительства светлого будущего, где библейское «каждому воздастся по делам его» объединяется с материалистическим «от каждого по способностям, каждому по труду». Успеть бы...

- [Сергей Васильев](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
-

Сергей Васильев
Император из стали. Стальная хватка империи

Серия «Боевая фантастика»

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Сергей Васильев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

15 марта 1902 года. Стамбул

Казематный броненосец «Александра» вполне мог бы стать музейным кораблем. Это был первый корабль флота Ее Величества королевы Виктории с машинами двойного расширения и цилиндрическими котлами. Уже на излете карьеры, в 1899 году «Александра» стала первым кораблем Королевского флота,

оснащенным радиостанцией. К тому же этот корабль стал настоящим символом британско-турецкого содружества: в 1878-м он, наряду с прочими кораблями Королевского флота, вошел в Мраморное море, дабы не допустить захват русскими варварами цивилизованной турецкой столицы, а несколькими годами позже принес возмездие варварам Александрии, вознамерившимся бросить вызов европейской цивилизации. Британское влияние в Египте, славном уже не столько своими пирамидами, сколько проходящим по его территории Суэцким каналом, после визита Grand Fleet стало неоспоримым и определяющим.

Корабль был красив. Он изначально создавался в качестве флагманского, поэтому роскошь и комфорт адмиральских помещений гармонично сочетались в нем с убийственной для своего времени огневой мощью и могучей броней. Но если броня и пушки стареют, то стиль и респектабельное величие вечны. По количеству посвященных ему полотен флагман уступал только «Катти Сарк» и «Фермопилам».

Вот и сейчас на пристани Бешикташ, что на европейском берегу Стамбула, на покрытом коврами причале собралась весьма солидная толпа фотографов. Некоторые из них уже успели потратить несколько драгоценных пластинок на то, чтобы запечатлеть изящный корабль с гордо реющим штандартом наследника британского престола и вымпелом первого морского лорда на мачте.

Сам наследник и лорд стояли на борту рядом с площадкой парадного трапа. Их лица были по-английски маловыразительны, и только пальцы первого морского лорда, касающиеся лееров так нежно, как касаются руки любимой когда-то женщины, выдавали хоть какие-то чувства.

– Нам пора, ваше высочество, – не дрогнув ни мускулом промолвил адмирал.

– Да, – еле заметно кивнул принц Уэльский, служивший в свое время на «Александре», – пора.

Он развернулся, отдал честь командиру корабля и офицерам, оглядел рвущиеся в небо мачты, скользнул взглядом по когда-то грозным орудиям, по сплюснутым с боков высоким трубам и сделал первый шаг по трапу. Первый морской лорд последовал за ним.

Принадлежащие им штандарт и вымпел вздрогнули и поползли вниз, синхронно с уверенными шагами двух заслуженных моряков, но полностью спуститься не успели. Когда им оставалась всего половина пути, раздался глухой удар, вода у противоположного борта поднялась пенным фонтаном. Старый, но изящный броненосец вздрогнул и начал медленно, поначалу почти неощутимо крениться и оседать в воду под многочисленными объективами корреспондентов ведущих мировых газет, собравшихся, надо сказать, очень удачно.

Историческая справка

Среди знаменитых провокаций, послуживших поводом к войне, «почетное» место занимает гибель американского крейсера «Мэн» в бухте Гаваны в 1898 году. Загадочный взрыв, унесший жизни 266 человек, послужил для США отличным предлогом для начала испано-американской войны.

За день до взрыва броненосца «Александра». Париж. Отель «Ритц»

Великий князь Алексей Александрович грузно опустился в кресло и самым кончиком пальца брезгливо отпихнул пачку бумаг, рассыпавшихся веером по журнальному столику.

– Извольте изложить кратко и внятно: для какой цели вы это мне принесли, и вообще, что надобно лейб-жандармерии Российской империи от отставного моряка?

Поручик Щетинин усмехнулся, нагнулся и собрал рассыпавшиеся документы в аккуратную стопку.

– Перед вами результат кропотливой работы по выявлению, сбору и систематизации свидетельств злоупотреблений, творившихся в морском ведомстве России под вашим руководством. Желтым цветом выделены суммы, которые тем или иным способом перекачивали в ваши карманы, а также к вашим друзьям и дамам, коим вы оказывали знаки внимания.

– И что, вы приехали в Париж меня арестовать?

– Нет, я приехал сообщить, что можно вообще обойтись без унижительных процедур, а весь этот материал вы сможете лично сжечь в камине.

– И что взамен?

– Только одно официальное заявление.

– Господи, что еще требуется от меня его императорскому величеству?

Князь Щетинин усмехнулся, выпрямился, одернул мундир.

– Ваше высочество, Россия – это не только царь. В нашем Отечестве достаточно патриотов, чтобы...

– Что от меня хочет «не только царь»? – нехорошо ослабившись, нетерпеливо перебил собеседника великий князь.

Щетинин недовольно поморщился от высокомерного тона генерал-адмирала и даже скрипнул зубами от раздражения. Его слова были восприняты неожиданно холодно и пренебрежительно. Отступить, однако, было поздно.

– Ваше высочество, я уполномочен передать вам предложение, которое позволит восстановить ваше положение в обществе как государственного деятеля и даже поправит финансовые дела. При этом ваша репутация останется кристально чистой: авуарами никто никогда не будет интересоваться, все компрометирующие бумаги будут немедленно уничтожены. От вас требуется сущая мелочь – официальное заявление, что ваша отставка связана с отказом выполнять распоряжение государя об организации терактов на кораблях Британского военно-морского флота.

– Та-а-ак... – Алексей Александрович неожиданно легко для своего веса поднялся из кресла и вплотную подошел к поручику, дыша так, как пытит паровоз на полустанке. – И кто же, позвольте спросить, уполномочил вас сделать такое предложение?

– Ваше высочество, – Щетинин спокойно выдержал прямой взгляд великого князя, – вы же должны понимать, что такие предложения не могут быть частной инициативой. Но если вам угодно, я работаю по поручению Фалька.

– Ах вот оно что, – фыркнул великий князь. – «Священная дружина» решила охранить Россию от русского царя? Ну что ж, Саша как в воду глядел, понимал, чем закончатся все эти игрища в тайные общества... Распускал, распускал, да недораспустил... А вы-то, молодой человек, как там оказались? Если не ошибаюсь, вы – тот самый герой, предотвративший год назад покушение на Боголепова, убивший одним выстрелом наповал фальшивого гвардейского

офицера? Вас тогда отметили более чем достойно – орден, внеочередное звание... Что же изменилось за этот год?

– За этот год – ровным счетом ничего. – Губы поручика тронула чуть заметная усмешка. – Я пришел в лейб-жандармерию по заданию Фалька. А спасение Боголепова – это досадная случайность. Важнее было, чтобы не попал в охранку и не заговорил террорист Карпович...

– Даже так? – Великий князь вздернул бровь, покачал головой и пробормотал, разговаривая больше с собой, чем обращаясь к собеседнику: – Тогда... С такой личной охраной у Никки нет никаких шансов...

Алексей Александрович отрешенно сделал несколько шагов по просторному номеру и остановился у бара, как будто пытаясь что-то вспомнить или принимая какое-то решение.

– Поручик, не желаете выпить? Нет? А я, пожалуй, позволю себе... Так, что тут у нас есть?.. – Генерал-адмирал звякнул бокалами. – Ваше предложение, князь, безусловно, интересно, и в другое время при других обстоятельствах я бы его даже принял, но вот именно сейчас... Позволять себе вольности с казенными деньгами и быть подлецом и предателем своего собственного племянника и государства в целом – это не одно и то же... Поэтому я, пожалуй, вынужден буду отклонить ваше предложение... А чтобы вы более не разносили эту заразу по приличным домам...

Великий князь по-охотничьи резко развернулся. Неизвестно откуда оказавшийся в его руке револьвер дважды рывкнул, дырявя гобелен в том месте, где секунду назад находился Щетинин. Более молодой и проворный поручик, упавший мгновение назад на колено под прикрытие стола, уже успел выдернуть из-за пояса браунинг и нажать на спусковой крючок.

– Вот дура-а-ак! – сквозь зубы прошипел он, глядя, как медленно оседают на дорогой наборный паркет семь пудов августейшего мяса.

Он поморщился, аккуратно положил на журнальный столик пистолет, тяжело встал, опершись на спинку кресла. Терпеливо дождался, когда в номер вломятся, запыхавшись, охрана, служба и специально приглашенные им же журналисты, сделал два шага в центр комнаты, развернулся лицом к вбежавшим и громко, как будто на плацу, произнес:

– Я, поручик лейб-жандармерии Российской империи, князь Щетинин, прибыл во Францию по личному приказу его императорского величества с целью арестовать и доставить в Россию генерал-адмирала, великого князя Алексея Александровича за его отказ выполнить приказ императора о тайном минировании кораблей британского военного флота.

На следующий день после взрыва. Лондон

– Господин Игнатъев, вы потрясающе пунктуальны, несмотря на столь ранний час! – Безымянный офицер с золотыми эполетами и короной директората военно-морской разведки Британии был обходителен, подобно самке богомола в период брачных игр. – Как та пташка из английского фольклора, которой достаются все червячки – the early bird catches the worm. Неудивительно, что сэр Джеймс дал вам самые комплиментарные рекомендации.

– Вы мне льстите, кэп, – обозначил легкий поклон Алексей. – Я просто аккуратно делаю свою работу, стараясь быть полезным моему Отечеству.

– Нисколько, – еще более благостно прожурчал англичанин, – вся ваша информация оказалась предельно точна, а прогнозы подтвердились самым удивительным образом.

– Кэп, – еще раз отвесил поклон Игнатъев, – предлагаю закончить с комплиментами и перейти к сути дела, так как предполагаю, вы меня пригласили не для того, чтобы осыпать лепестками роз, а совсем по другой, гораздо более прозаической причине.

– Да... К сожалению... Hope for the best, but prepare for the worst^[1], – мгновенно помрачнел английский разведчик. – Вы уже в курсе этого ужасного преступления? Какое варварство! Какая первобытная бесчеловечность!

Игнатъев вздохнул, кивнул и сделал максимально постное лицо, всем своим видом демонстрируя возмущение варварством вообще и каждым конкретным проявлением бесчеловечности в частности.

– В таком случае, – приободрился англичанин, – прошу, ознакомьтесь с информацией, только что полученной из Парижа. Она завтра появится во всех газетах у нас и на континенте.

– Если вы о лейб-жандарме Щетинине, генерал-адмирале и приказе императора России, то не трудитесь, я уже получил

соответствующее телеграфное сообщение из Франции.

– Ах да, конечно, я забыл, с кем имею дело, – с пониманием улыбнулся англичанин, – у вас везде свои люди. Как говорят ирландцы, *birds of a feather flock together*^[2]. Тогда перейдем к делу. Как вы сами понимаете, Британия не оставит без внимания акт такой вопиющей агрессии со стороны России. Но мы не заинтересованы в примитивном военном сокрушении вашего государства. В наших интересах иметь Россию сильной, целостной и дружественной. Поэтому мы предпочли бы не воевать с ней, а просто помочь избавиться настоящим русским патриотам, таким как вы, граф, от насквозь прогнившего царского режима.

– А вам не кажется, что строить государственную политику и принимать серьезные решения, основываясь на словах какого-то поручика, даже и лейб-жандармерии, это несколько неубедительно?

– Ну что вы, граф. Это не единственный источник информации. Еще до трагедии мы имели честь беседовать с великим князем Кириллом Владимировичем, полностью подтвердившим информацию, полученную вчера от поручика Щетинина. Великий князь лично засвидетельствовал наличие этого приказа, так как должен был быть в числе его исполнителей. Теперь, сами понимаете, *the rep is mightier than the sword*^[3]. Кроме этого, ему вменялось в обязанность организовать захват острова Борнхольм. Как видите, ваш монарх не щадит даже родственные чувства своей мамы. Ну, и как можно иметь дело с таким неадекватным правителем? Вы не представляете, граф, с каким удовольствием мы бы сотрудничали с людьми, подобными вам, стоящими во главе России. *When the going gets tough, the tough get going*^[4], - продолжал сыпать разведчик крылатыми фразами.

– Вы мне опять льстите, – с укоризненной улыбкой отреагировал Игнатъев.

– Ну, может быть, самую малость. – Настроение англичанина вернулось на прежний вальяжно-оптимистический уровень. – Я хочу предложить вам триумфальное возвращение на Родину. Как говорят шотландцы, *there's no place like home*^[5]. Тем более что у нас теперь есть все, чтобы вы остались довольным нами так же, как и мы довольны нашим сотрудничеством.

– Считайте, что вам удалось меня заинтриговать!

– Постараюсь не разочаровать и в дальнейшем. За прошедший год в связи с бурными и жестокими репрессиями, развязанными русским царем, очевидно, вообразившим себя вторым Иваном Ужасным... [6] – На этом месте англичанин сделал паузу, проверяя реакцию Игнатьева, но, не найдя ничего, кроме маски вежливости, продолжил: – Количество недовольных его правлением выросло настолько резко, что вся страна представляет собой пороховой погреб. Поднеси спичку – и она вспыхнет ярким революционным пламенем. Британия, как старейшая демократия Европы, имеющая семивековой опыт парламентаризма, готова всемерно содействовать прогрессивным силам в России в их справедливом желании свергнуть самодержавие, потерявшее всякие представления о цивилизованном существовании, провозгласить республику и влиться, таким образом, в ряды просвещенных европейских держав.

– Мне кажется, кэп, вы излишне оптимистичны насчет количества недовольных в России и их готовности к вооруженному мятежу.

– Ошибаетесь, дорогой граф. Россия, конечно, огромна и, как бы правильнее выразиться, статична. Среди русских очень много тех, кто трагически лоялен, и на них мы не рассчитываем. Как говорят янки, you can lead a horse to water, but you can't make him drink [7]. Но за тот год, пока вы беззаботно проводили время в Англии и Шотландии, в России, как кролики, плодились антиправительственные кружки, общества и партии. Мы установили связь более чем с двумя сотнями революционных организаций самого различного толка, объединенных лозунгом Великой французской революции – Liberte, egalite, fraternite. Вместе они уже представляют серьезный революционный союз... Пока неформальный, но тут дело за лидером...

Ваша русская интеллигенция, в которой никогда не угасал дух Герцена и Чернышевского, вполне грамотно и настойчиво создает атмосферу недоверия и нетерпимости к любым действиям властей и приветствует самое решительное, в том числе вооруженное, сопротивление режиму. Работать с ней одно удовольствие. Вся она находится на казенном содержании, но при этом занимает крайне враждебную позицию по отношению к кормящему ее самодержавию. Русская интеллигенция, как говорят буры, one man's trash is another man's treasure [8].

Английский офицер даже прикрыл глаза, переживая столь удачно складывающиеся отношения с творческими образованцами России. Ни в одной другой стране это было невозможно. Власть содержала тех, кто усиленно подрывал ее авторитет. Немыслимо! Нигде! Ни в свобододлюбивой Франции, ни в бесшабашной Америке, и уж тем более кажется полным абсурдом в Британии и Германии. Особенно англичан радовало то, что интеллектуальные голодранцы России имели прямой доступ к ушам и глазам простого населения, работая в газетах и университетах, формируя мировоззрение сразу всех слоев российского общества.

– Второй, и крайне немаловажный фактор, – стряхнул наконец с себя грезы капитан английской разведки, – это предприимчивые купцы, раздраженные непомерными налогами на такие респектабельные и законные виды предпринимательства, как спекуляция и ростовщичество. Они не только активны, но еще и богаты, могут позволить себе финансировать оппозиционную печать, движения, партии. Третье – это революционные боевые отряды, формируемые из радикально настроенной молодежи и обиженных властью граждан. Цементируют эту разношерстную публику и усиленно обучают ее военному делу уволенные из армии и сочувствующие революции офицеры.

Большое количество бывших военнослужащих среди боевиков позволяет надеяться, что вооруженное сопротивление выльется не в бунты, а грамотные военные операции. Остается только поджечь запал, роль которого предстоит сыграть британским вооруженным силам и нашим союзникам... Мы намерены нанести сокрушительное поражение царским войскам, готовящимся к удару по Индии, и думаем, что две-три военные неудачи превратят тлеющую массу недовольства в активно полыхающий пожар спасительной для России революции. Ну а дальше дело за вами и вашими единомышленниками, граф. If you want something done right, you have to do it yourself^[9].

– Но, кэп, вы же прекрасно помните, чем закончилось выступление гвардии в январе прошлого года.

– Да, – поморщился англичанин. – Это как раз тот случай, когда, как говорят у нас в Лондоне, too many cooks spoil the broth^[10]. Но мы сделали соответствующие выводы. Руководитель будет один, а революционное выступление состоится на фоне военных неудач и

разочарования населения в самодержавии. Кроме того, мы предлагаем сместить точку приложения усилий. Столица, нашпигованная жандармами, вообще, не самое удобное место для организации революционных акций. События на этот раз будут развиваться совсем по другому сценарию. Задача вашей революционной армии – захватить небольшую провинциальную территорию, провозгласить на ней республику, обратиться за признанием и помощью к цивилизованным странам и уже потом, по мере накопления сил, расширять ее границы, пока они не достигнут рубежей всей империи, а может, – англичанин заговорщицки посмотрел на Игнатьева, – даже и превзойдут их...

– И куда вы предлагаете сместить точку приложения усилий? – максимально нейтральным голосом поинтересовался Алексей, старательно скрывая свое волнение.

Англичанин подошел к огромному, в половину человеческого роста глобусу, качнул его и уверенно ткнул пальцем в Байкал.

– Оптимальным для провозглашения свободной республики является место, где долго и успешно служил губернатором ваш отец. У вашей семьи наверняка осталось достаточно много хороших друзей и влиятельных знакомых... Именно там сегодня находится артерия царского режима. Стоит ее пережать, и империя распадется на две части, не способные существовать друг без друга. Благодаря широкомасштабному строительству, затеянному царем на Урале и в Сибири, резко возросло количество новых людей в этих краях, и подпольные революционные организации получили возможность концентрировать силы под видом людей, завербовавшихся на строительство заводов и дорог. Вот и вам мы предлагаем отправиться в эти места, но в другом, привычном для вас, статусе кавалерийского офицера.

– Но как? – развел руками Игнатьев. – Кто восстановит меня на службе и пошлет в нужное место? Или я отправлюсь в Россию как частное нелегальное лицо?

– О, не беспокойтесь, – самодовольно улыбнулся англичанин. – Как говорится, *no man is an island*^[11]. Я же сказал, что мы не теряли времени, и этот год был самым урожайным на новые полезные знакомства. Лояльные люди есть практически во всех ведомствах, в том числе и в военном. Они помогут легализовать ваше отсутствие, а мы поможем им. Для всех вы будете добровольцем, воевавшим весь

прошлый год с Англией в рядах буров. Мы даже объявим вас в розыск как особо опасного партизана.

Но ваша миссия в России будет не только военно-революционной... Мы хотим поручить вам присмотреть за одним молодым человеком, вместе с которым вы вернетесь домой... Для всех он будет вашим непосредственным начальником, но сугубо между нами... Мы питаем некоторые сомнения относительно соответствия амбиций этого офицера его умственным способностям, поэтому предлагаем вам контролировать его действия...

– И кто же этот несамостоятельный, но такой нужный вам человек?

– Сын дяди русского царя, неудавшегося регента неудачного прошлогоднего бунта, великий князь Андрей Владимирович. Он тоже, якобы, воевал с вами в Трансваале...

– Вы сказали, что он – непосредственный начальник. Будет еще кто-то?

– Да. Формально ваш босс, как говорят янки, подпольный военно-революционный комитет. В действительности вас найдет человек и представится Фальком. Это и будет реальный руководитель. А чтобы вы не сомневались, что это именно он, его представитель или он сам передаст вам вторую половину вот этой купюры.

– Еще один вопрос, кэп... – Игнатъев подождал, пока англичанин сфокусирует на нем свой взгляд. – На территории Российской империи будет провозглашена всего одна независимая республика?

Разведчик явно не был готов к такому вопросу и откровенно замялся...

– Простите, граф, а зачем вам такие подробности?

– Для того чтобы понимать: на подавлении нас одних будет сосредоточена вся мощь правительственной армии или кто-то еще готов разделить с нами все тяготы борьбы за светлое будущее моего Отечества?

– О, не беспокойтесь, граф, – растянулось в резиновой улыбке лицо английского разведчика. – Обещаю, вы будете не одиноки! Но кто из сепаратистов главней, вам придется решать самостоятельно.

– Вы меня успокоили. – Игнатъев поклонился. – Когда назначен отъезд?

– Если у вас нет никаких срочных дел, то немедленно. Впрочем, ничего не меняется, даже если они у вас есть. Великий князь ждет вас в соседнем помещении, и вам обоим надо еще многое обсудить с нашими африканскими специалистами, чтобы ваша легенда о пребывании в Трансваале не рассыпалась при встрече с первым же волонтером.

20 марта 1902 года. Китай. Ляолун

Станция Дашичао – ключевая точка на южно-маньчжурском участке КВЖД, железнодорожный перекресток, где смыкаются английская ветка, тянущаяся от Пекина, и отрезок Харбин – Порт-Артур. Расположенная на границе долины и гор провинции Ляодун, отделяющая взъерошенную холмами юго-восточную часть от плоской поймы реки Ляохэ, на фоне гор она выглядит совсем игрушечной, особенно весной, когда по вчера еще голым сопкам взбегают вверх первая зелень, а причудливо изогнутые ступенчатые крыши пагод уже утопают в белых и розовых облаках цветов фруктовых деревьев.

Совсем недавно отшумел китайский Новый год, самый длинный и веселый праздник Поднебесной, а сегодня китайцы, как мураши, уже ковыряются в земле, торопясь ее обработать и заложить хорошую основу для будущего урожая. Солнечная и теплая весна – время оптимизма, излучаемого даже пеньками на месте зимней вырубki.

Но офицеры, собравшиеся в пакгаузе охранной стражи КВЖД, радостью явно не светились. Они внимательно слушали донесение китайского агента с непроизносимым именем, по взаимному согласию окрещенного Семеном. Только что вернувшийся из Инкоу торговец скобяными товарами – ходзи, – Семен качал головой и сбивчиво рассказывал о разгроме русской таможни, обстреле и утоплении бедного пароходика «Самсон», штурме градоначальства, аресте подданных империи и перечислял, загибая пальцы, подразделения Бэйянской армии. За их спинами маячили японские и английские военные, участвовавшие в этой акции идвигающиеся в настоящее время на полуостров.

– Степан Андреевич, – обратился начальник укрепрайона подполковник Леш к капитану Ржевуцкому, мундир которого украшал «Георгий» четвертой степени, – вот вам и второе пришествие ихэтуаней. Значит, придется повторить ваш подвиг. Собирайте

железнодорожников, горных инженеров, вообще всех, кого сможете найти, снимайте гарнизоны от Дальнего до Мукдена, формируйте эшелон и эвакуируйте в Харбин. Справитесь?^[12]

Офицер в новой форме пограничного корпуса, с подкрученными вверх усиками, уже успевший загореть до черноты на весеннем солнышке, коротко кивнул и взглянул на карту, разложенную на столе.

– Не впервой, Леонид Вильгельмович! Два года назад только винтовки да сабли в руках были, и все равно пробились. А сейчас, с пулеметами да горными пушками, точно не подведем.

– Ну вот и славно. Теперь вы, Леонид Николаевич, – обратился Леш к приданному его гарнизону командиру артиллерийских разведчиков. – Как стемнеет, занимайте наблюдательный пост на западной высоте железнодорожного холма у деревни Шихуяоцзы. Сидеть тихо. Себя не выдавать. Будете нашими глазами и ушами. Проверьте телефонные линии, удостоверьтесь, что в аварийном случае сможете передавать сообщения морским семафором.

Проводив глазами артиллериста, подполковник еще раз пробежался взглядом по карте, вздохнул и резко поднялся из-за стола.

– Казачьим разъездам установить визуальный контакт и вести непрерывное наблюдение за противником. Отправить в Порт-Артур подробное телеграфное сообщение. Просить генерала Стесселя поторопиться с эвакуацией гарнизона. Мы будем держать позиции, пока последний эшелон не проследует к Мукдену... Но у меня всего две батареи и один батальон, а, если верить китайцам, сюда идут не менее двух полков, так что пусть поторопятся... Ну а нам, господа, – обратился он к оставшимся офицерам, – самое время прогуляться по свежему воздуху на рекогносцировку.

Позиции на господствующей над станцией Дашичао Стрелковой горе начали отстраивать год назад. Поначалу сами укрепления и порядок их возведения для подполковника были незнакомы и малопонятны. Вместо привычных по Михайловской академии люнетов, редантов и эполементов – ломаная линия траншей с бойницами в бруствере и блиндажами через каждые полсотни шагов. Странные и непривычные артиллерийские капониры, изначально даже не предусмотренные для стрельбы прямой наводкой, где сейчас стояли модернизированные – с противооткатными механизмами – 87-миллиметровые пушки на поворотной раме.

Командиры батарей штабс-капитаны Андреев и Янушевский уже проверяют связь с корректировщиками. До передового наблюдательного пункта на железнодорожном холме чуть больше версты. Связисты и артиллеристы вместе тестируют полевые телефоны Голубицкого, прозванивают линии, тянущиеся на метровой глубине под железнодорожным полотном до передовой НП.

Щелкает тумблерами коммутатор на центральном командном пункте. Штаб укрепрайона строили особенно долго, пряча в тело горы, закрывая армированным бетоном, тщательно маскируя под рельеф местности. Все работы – только ночью, и только силами специальной военно-инженерной команды. Но зато и получилось на славу. КП вписан в рельеф горы идеально.

Подполковник взбежал на железнодорожную насыпь, придирчиво осмотрел пулеметные гнезда. Если бы он не знал их как свои пять пальцев, вряд ли смог бы разглядеть. В голове всплыли строчки наставления по использованию главного оружия его гарнизона: «При наступлении пулеметы в большинстве случаев применяются для фронтального обстрела впереди лежащих целей. При обороне же они представляют собою огневое средство для действия преимущественно во фланг. Всегда нужно стремиться к фланкирующим действиям».

Леонид Вильгельмович покрутил головой и улыбнулся легкости, с которой всплыл в голове текст секретной книжицы, читать которую можно было только в учебном центре. Он, как и другие офицеры, желающие остаться на службе, весь прошлый год, словно юный кадет, не только зубрил новые уставы наставления, но и сдавал экзамены по теории и практике применения. «Тактика пехоты в обороне и в наступлении», «Наставление по полевой службе штабов», «Инструкции по взаимодействию родов войск», «Наставление по использованию средств связи», «Руководство по оборудованию оборонительных позиций дотами, дзотами, колючей проволокой и самовзрывающимися фугасами»...

Экзамены у подполковника принимал добрейший генерал Зарубаев, закрывший глаза на некоторые огрехи подчиненного, поэтому проскочить удалось с первого раза. А вот у самого генерала, как и у всех военачальников, начиная с полковников, экзамены принимал лично государь и резал безо всякой оглядки на старые заслуги. Количество «оставленных на повторную переаттестацию с

временным отстранением» и даже уволенных без прошения среди них было ужасающим – три четверти генеральских должностей остались вакантными...

– Господин подполковник, разрешите обратиться? – К начальнику укрепрайона спешил запыхавшийся связист.

Такое обращение тоже было новым. «Ваше благородие» оставили только для георгиевских кавалеров, «ваше превосходительство» – для кавалеров совсем новых орденов – Кутузова и Суворова, Ушакова и Нахимова...

– Да, слушаю, подпрапорщик.

– Мукден сообщение принял. Крепость не отвечает!

– Продолжайте вызывать. Семь батальонов не иголка в стоге сена... Что-то еще?

– Ставка объявила о смене шифра на красный и просит слать донесения по беспроволочному телеграфу каждые два часа.

Подполковник удовлетворенно кивнул. Это означало, что в Москве заработало оперативное управление Генерального штаба, и теперь через немыслимые расстояния связисты будут непрерывно передавать информацию с мест, а штабисты – непрерывно наносить на карту империи свежие данные по каждому батальону: местоположение, текущая задача, направление движения, потери, боезапас, а также информацию о противнике, которой обладает каждое подразделение. Информация будет обновляться двенадцать раз в сутки. Так есть надежда, что никого не забудут в суматохе, и их боевая работа, а может быть, и смерть на поле боя не будут напрасны.

Сутки спустя

Капитан J. Kean Bart презрительно посмотрел на знамя первой Бэйянской дивизии, развевающееся над его боевой колесницей, скривился, как от незрелого лимона и поспешно отвернулся. Видеть над башней английского морского орудия флаг этих желтолицых варваров было невыносимо. Да и вообще, участвовать во всем этом маскараде потомственный военный, гордо добавляющий к своему имени приставку «сэр», считал неуместным и унижительным.

Его бронепоезд, вооруженный длинной 12-фунтовой (12 pr 12 cwt QF) пушкой, швыряющей трехдюймовые гранаты аж на девять тысяч ярдов, в одиночку мог прогуляться по всем русским станциям и

мокрой тряпкой загнать их гарнизоны обратно в русскую тайгу. Но политики играли в свои игры, поэтому приходилось наступать песне на горло и изображать добровольцев-волонтеров, сражающихся за китайцев, которые освобождают свою землю от русских интервентов, то есть прямо намекать царю на русских добровольцев, воюющих за буров.

Теперь приходится сидеть на солнцепеке и ждать, когда закончится этот восточный политес – парламентареры, уточнение полномочий, переговоры, вручение китайцами местному русскому начальнику ультиматума о капитуляции, опять парламентареры...

Командир десанта и всех гламорганских йоменов майор Уиндем-Куин, отмеченный в Африке орденом «За выдающиеся заслуги», счастливый человек. Он в своей стихии и с интересом смотрит на маневры идущего в авангарде китайского полка Бэйянской армии. Майор, нигде, кроме Англии и Африки не бывавший, увидев прусскую форму и вооружение китайцев, сделал охотничью стойку на эту помесь бульдога с носорогом – Востока с Западом. А капитану Барту зоопарк неинтересен. Он насмотрелся на него в Индии. Не представляет, что может быть нового и интересного у этих китайских, русских, японских дикарей? Они даже на лицо все одинаковые...

Капитан приподнялся на цыпочки, приглядываясь к отчаянно семафорившему адъютанту китайского полковника. Ну наконец-то долгожданный сигнал! Теперь можно повеселиться! Орудие – к бою!

* * *

Решительные реформы, затеянные императором, застали штабс-капитана Гобято^[13] на последнем курсе Михайловской артиллерийской академии, и Леонид с первых же дней стал их яростным адептом. Стрельба с закрытых позиций, вычисление вражеских батарей по трассировке и акустике, управление огнем специально подготовленными корректировщиками настолько увлекли молодого офицера, что он не раздумывая подал рапорт на включение в специальное подразделение артиллерийских разведчиков.

Почти год теоретические занятия перемежались с пытками и издевательствами на полигонах, где ветераны англобурской войны и

казаки-пластуны наглядно демонстрировали, чем отличается хороший разведчик от мертвого. А еще требовалось приобрести навыки работы с полевым телефоном, беспроводным телеграфом, морским семафором, сигнальными ракетами, приобрести навык наводить на цель по ориентирам, не видя противника, и дистанционно корректировать огонь орудий.

И вот сегодня – проверка всех его теоретических знаний. Высота, на которой оборудован тщательно замаскированный наблюдательный пункт, оказалась на правом фланге развернутого в четыре батальонные колонны китайского полка.

В тылу китайцев – прямо напротив НП штабс-капитана – пыхтел вражеский бронепоезд, вода жалом длинноносой морской трехдюймовки.

Цейсовская оптика давала возможность в деталях рассмотреть грозную новинку – сухопутный железнодорожный крейсер – и оценить, насколько полезным может быть эта бронированная повозка для огневой поддержки пехоты. Вот прислуга орудия засуетилась, офицер европейской наружности скользнул в башенное отделение, после чего ствол дернулся чуть влево, пушка злобно гавкнула, украсившись цветком огня и облачком белесого дыма.

Станционное здание вздрогнуло, из окон вместе с дымом и пылью полетели осколки рам и осколки стекла, а русский триколор взметнулся вверх, сорванный с флагштока, и раненой птицей ринулся вниз на заваленный мусором перрон.

– Прошу разрешения на открытие огня, – не отрываясь от бинокля, кинул связисту Гобято.

– Господин подполковник требует начинать только по его команде, – пробубнив что-то в телефон, сиплым шепотом ответил висящий на линии связист.

Орудие бронепоезда тем временем перенесло огонь на блокгауз и лупило по нему без остановки. Бетонная коробка буквально утонула в грязных клубках дыма от разрывов гранат и цементной пыли. Прикрывшись такой завесой, китайская полурота не спеша сосредоточилась у насыпи и, дождавшись окончания артподготовки, одним броском добралась до бетонного основания блокгауза.

Пока у атакующих все шло как по нотам. Блокгауз молчал, покинутый гарнизоном в самом начале артподготовки, и остальные

батальоны уже не спеша начали подниматься на насыпь. И вдруг гора ожила. Огненные росчерки опоясали ее склоны, как будто живущий в глубине вулкан пробился наружу через микроскопические жерла. Били сразу шесть пулеметов, по два на взвод – все, что были на вооружении роты, занимающей фронтальные позиции.

Подданных Юань Шикая, успевших перебраться через насыпь, будто срезало гигантской косой. Остальные порскнули обратно под прикрытие рукотворной защиты. Султанчики песка и высверки рикошетов от камней и рельсов проводили уцелевших солдат Бэйянской армии до спасительного укрытия.

Будто опомнившись, заговорила артиллерия бронепоезда. Штабс-капитан знал, что взводные при первых же выстрелах загонят подчиненных в блиндажи, поэтому гранаты, посылаемые снизу вверх, не должны нанести какого-либо ущерба защитникам, но все равно каждый раз вздрагивал всем телом, когда на склоне горы расцветал тюльпан взрыва, разнося в разные стороны куски глины и камни.

– Прошу разрешения на открытие огня, – повторно запросил штабс-капитан подполковника, когда одна из гранат взорвалась прямо на бруствере.

Связист, продублировал его просьбу в телефонную трубку, застыл, густо покраснел и протянул аппарат командиру.

– Господин штабс-капитан! Первый вас требует...

– Ну вот что, дорогой мой Леонид Николаевич, – от голоса Леша буквально веяло ледяным сарказмом, – если вы не прекратите демонстрировать свой служебный энтузиазм, я заменю вас кем-то менее впечатлительным, а вас отправлю на стажировку к кавалергардам, чтобы они вам за карточным столом объяснили, когда стоит открывать прикуп...

Прикуп пришлось-таки открыть раньше времени. После недолгой артподготовки и еще одной атаки, закончившейся не менее катастрофическими потерями атакующего колоннами китайского авангарда, бой притих, а еще через час у деревни Лицзятунь, отстоящей от укрепрайона примерно на три версты, появилась полубатарей пятидюймовых английских гаубиц.

Бурные переговоры прибывшего подкрепления, командира бронепоезда и китайского полковника закончились тем, что прямо к сопке с наблюдательным пунктом русских артиллеристов направились

английские офицеры-корректировщики с явным намерением обосноваться на возвышенности, в то время как расчеты их орудий деловито снимали передки, отводили лошадей и готовили гаубицы к бою.

– Леонид Николаевич, – в голосе подполковника слышалась явная досада, – а вот теперь воленс-ноленс пора.

Командуйте! Отгоните непрошенных гостей и сразу же переносите огонь на их пушки. Бронепоезд оставьте, он со своей пукалкой не так опасен.

Первые облачка шрапнели, лопнувшие в небе над головами англичан, проинформировали их о присутствии на поле боя нового игрока. Но реакция британских подданных оказалась совсем не та, на какую рассчитывали защитники. Вместо того чтобы ретироваться до бронепоезда или до ближайших построений, английские артиллеристы, умело используя ложбинки и валуны, опоясывающие холм, словно складки шарпея, с удвоенной энергией начали карабкаться по крутому склону, хватаясь за кустарник и используя в качестве посоха артиллерийскую буссоль.

– Прикрытию – огонь! – упавшим голосом приказал Гобято, понимая, что инкогнито раскрыто и дальше игра пойдет открытыми картами.

Ожили и застрекотали оба пулемета на восточной высоте железнодорожного холма. К ним присоединился «мадсен» от самого НП. Срезанные косо прицельным перекрестным огнем, английские офицеры своей смертью купили информацию о наличии на правом фланге еще одной позиции противника. Пушка бронепоезда медленно начала разворачиваться на девяносто градусов, а к подножию холма устремились сразу два резервных китайских батальона.

Бой рассыпался на отдельные, не связанные друг с другом участки. Пулеметчики прикрытия артиллерийского НП отчаянно пытались не пустить на вершину непрошенных гостей, прижимая к земле китайские цепи. Пушка бронепоезда молотила своей кувалдой по вершине, судорожно пытаясь нащупать позиции защитников, а штабс-капитан Гобято, не обращая внимания на близкие разрывы, оглушенный и оглохший, орал в телефонную трубку, наводя огонь своих батарей на гаубицы противника, готовых вот-вот включиться в эту смертельную дуэль.

– Еще полделения вправо! Уже лучше... Еще! Так держать! Есть накрытие! Беглым...

– Господин штабс-капитан! Уходить надо! – кричал сквозь очередной разрыв английской гранаты второй номер пулемета, привалившись к бревенчатой стене блиндажа и спешно набивая магазин к «мадсену».

– Нельзя! Отсюда они у нас как на ладони! – бросил через плечо Гобято и опять схватился за морской бинокль.

– Дальше два. Гранатой. У них там зарядные ящики. Огонь!

– Господин штабс-капитан, обошли! От станции подкрались! Не сдюжим!

– Оставить вторую высоту! Группу прикрытия на НП! – прорычал артиллерист.

Он беспомощно осмотрел блиндаж. Сделано-то добротнo, но даже с тремя пулеметами два батальона не сдержать. «Да будь что будет», – решил он и опять схватился за бинокль, не только услышав, но и почувствовав, как вздрогнула земля, а на месте, где стояли английские гаубицы, поднялся вверх столб грязно-серого дыма.

– Ай да Андреев! Ах молодец! Врезал так врезал! – удовлетворенно закричал в трубку артиллерист. – Прямое попадание, лиддит взорвался! А чего это бронепоезд замолчал? Неужто и ему досталось?

– Да нет, – судорожно сглотнул пулеметчик, аккуратно снимая с брестера оружие, стараясь не касаться раскаленного ствола, – своих задеть боится. Больно близко подобрались, черти...

– Прикрытие...

– Нет больше прикрытия, все там полегли...

– Ну что ж...

Штабс-капитан расстегнул кобуру, потянул оттуда штатный наган, внимательно осматриваясь, как бы половчее забаррикадироваться в немудреном укрытии. Дощатый стол, скамья, планшет с нанесенной на карту сеткой координат... Нет, все-таки оружие артиллериста – это пушки!

– Андреев! – После принятого решения голос штабс-капитана стал спокойным и даже каким-то вальяжным. – Вылезай из своей берлоги, будешь сам корректировать. Квадрат восемь плотненько по куполу, пока узкоглазые не закончатся. Понял? Да, Коля, квадрат

восемь – это мой НП. И давай поторапливайся, а то к нам уже гости в дверь стучат...

* * *

Полностью расстреляв снаряды, бронепоезд капитана Барта медленно отползал от негостеприимной станции. Дымились отработавшее на расплав ствола орудие и позиции гаубичной полубатареи, так и не сделавшей ни одного выстрела. Белый дым поднимался в весеннее небо от занявшихся огнем станционных построек.

Из авангарда Бэйянской армии отползать было некому. Отряд капитана Ржевуцкого, возвратившийся из Порт-Артура и ударивший с ходу во фланг потрепанным и прижатым к земле китайским батальонам, окончательно сломил волю солдат к сопротивлению, и они начали массово бросать оружие.

Едва закончился бой, все, оставшиеся в строю, включая только что плененных китайцев, бросились тушить разгорающиеся пожары, грозящие перекинуться на крыши стоящих рядом китайских фанз и железнодорожных мастерских. Но был в гарнизоне один человек, не принимающий участия в этом аврале – штабс-капитан Николай Николаевич Андреев^[14], командир крепостной батареи 87-миллиметровых пушек.

Вместе со своими подчиненными он буквально руками разгребал заваленные ходы сообщения на артиллерийском НП, растаскивал полуобвалившиеся перекрытия блиндажа, в самой глубине которого под массивным столом из грубо сколоченных досок были найдены изрядно помятые и надышавшиеся дыма, но все же живые командир разведчиков-корректировщиков и его связист.

– Ленька, чертушка, живой! – Андреев осторожно смахивал с лица друга пыль и песок. – А я так боялся, что своими руками угробил тебя!

– Слышь, Коля, – еле ворочая языком, отвечал артиллеристу разведчик, – в следующий раз надо не лениться, три наката на блиндаж стелить, тогда не прошибет...

22 марта 1902 года. Цишикар

Капитан Варгасов с сожалением оглянулся на теплую уютную казарму, поправил мохнатую маскировочную накидку, делающую его похожим на средневекового пилигрима и скомандовал.

– Рысью – арш!

Ворота добротного шестиметрового забора медленно и величаво закрылись, отделив взвод от робкой надежды на отдых и сон. Батальон был поднят по тревоге аккуратно после ужина, когда офицеры занимали места в клубе, предвкушая свежие газеты, гитару, неспешные разговоры и чашечку кофе, сдобренного сумасшедшими изделиями полковой хлебопекарни.

Взвод капитана привычно уходил в ночь по стократно изученному за этот год маршруту. Лица сосредоточены и спокойны. Одежда «леших» уже не веселит и не вызывает удивления: оценили и привыкли. Никаких внешних знаков различия, с виду – почти как местные разбойники-хунхузы. Хотя никто и не вспомнит, когда этих разбойников видели тут в последний раз. Отдельный батальон охотников, сформированный на четверть из прошедших школу бурской партизанской войны и на три четверти – из добровольцев, выдержавших жесткий многомесячный отбор, больше напоминавший гонку на выживание, извел хунхузов под корень еще в прошлом году.

Во время восстания ихэтуаней из Европейской России массово направлялись офицеры для укомплектования развертываемых Сибирских стрелковых полков. Среди них был доброволец Павел Александрович Варгасов. Участие в Китайской кампании 1900 года стало его боевым крещением. А когда надо было возвращаться в полк, началась общая реорганизация всей армии, и Павел, недолго думая, подал рапорт о зачислении в учебный батальон особого назначения, формируемый по новому штату и новому уставу.

Привлекала возможность служить рядом с африканерами, овеванными героическими легендами и слухами. Грели душу двойной оклад, полное вещевое и продуктивное довольствие, а значит, не требовалось тратить жалование на обмундирование, оружие, пропитание и самые различные полковые взносы. Переступая порог бывшего китайского импаня, перестроенного в хорошо укрепленный военный городок, Варгасов даже не представлял, насколько его новая жизнь будет отличаться от предыдущей.

Поначалу создалось впечатление, что вернулся в родное Казанское юнкерское училище. Строгий, спартанский казарменный быт, без оглядки на звания и былые заслуги, и великое множество разных занятий!

Тактика и вооружение британской армии в Трансваале, анализ партизанских операций буров, Японо-китайская война, тактика и вооружение японской и китайской армий. Общие правила диверсионных операций, базирования и передвижения в тылу противника. Обеспечение скрытности марша, преодоление водных преград, полевая разведка и контрразведка, опыт отечественных пластунов и партизанов, начиная от гусара Давыдова. Проверки на внимательность, зоркость, способность запоминать большие массивы информации.

Все остальное время занимало изучение оружия и стрельба из него. Единственное развлечение – прибытие пополнения, не осведомленного о столь разительных отличиях в новых и старых армейских порядках.

В конце XIX века в русской армии существовала весьма примечательная форма снабжения, в соответствии с которой офицер должен в очень большой степени всем необходимым обеспечивать себя сам. Система «без расходов от казны» была заведена еще при военном министре Ванновском. Преемник его, Куропаткин, будучи ревностным и убежденным хозяйственником, развил ее, доведя до геркулесовых столпов. Мало того что каждый офицер вооружался и обмундировывался самостоятельно, так еще и возил с собой личный обоз со всем необходимым в походе – от армейской палатки до кухонной утвари и продуктов питания.

Естественно, к обозу прилагались денщики, вестовые и просто слуги, набираемые и содержащиеся офицером самостоятельно, без всякой оглядки на какие-то там требования секретности. Немудрено, что в таких условиях войсковое подразделение в походе представляло собой цыганский табор, где ни о каком порядке и сохранении военной тайны невозможно было даже мечтать.

Вся эта привычная старорежимная армейская действительность оставалась для вновь прибывших за шестиметровым забором в самом буквальном смысле этого слова. Военные, явившиеся на место службы со своим обозом, вставали перед выбором – пересечь порог части в

одинокости и без барахла или остаться с милым сердцу имуществом и слугами, но за пределами подразделения и службы в целом.

Старослужащие батальона от души потешались, наблюдая метания новичков между скарбом и КПП, отчаянные попытки уговорить флегматичного ветерана Англо-бурской войны полковника Щеглова «сделать исключение» и даже пригрозить ему высокопоставленными родственниками. Попервой почти половина явившихся разворачивала оглобли. Но зато подписавшиеся под обязательством «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы» очень быстро оценили благотворное влияние новых порядков, полностью скрадывающих имущественное расслоение, и даже нашли романтику в аскетичном быте, сравнивая батальон с легендарными тремя сотнями воинов спартанского царя Леонида.

По мере комплектования штата начались совершенно другие занятия. В учебных классах – китайский, японский, корейский языки, обычаи, порядки, этические нормы и мораль различных слоев дальневосточных этносов преподавались так, словно офицеров готовили для дипломатической службы. «На свежем воздухе» проходили освоение совсем незнакомой мобильной телеграфной связи, как проводной, так и беспроводной, минно-взрывное дело, навыки маскировки, умение обнаружить противника, не будучи обнаруженным самому, дневное и ночное ориентирование на местности и тщательное изучение карт – совсем новых, будто вчера вышедших из под пера картографов. При этом ни на один день не прекращались занятия по стрельбе, фехтованию, джигитовке, горной подготовке и медицинской практике.

Летом прошлого года закончилась зубрежка и начались «выходы». Сначала освоили окрестности дислокации: учились на ходу визуально запоминать детали местности до мельчайших подробностей, до сдвинутого камня и сломанной ветки, читать следы, выявлять потайные тропинки и стоянки, оборудовать собственные секреты так, чтобы никто даже не догадывался об их существовании.

Окрестные мальчишки стали лучшими спарринг-партнерами на тренировках по скрытому передвижению и маскировке, а шастающие вокруг хунхузы – той кусачей боксерской грушей, на которой отрабатывались навыки обнаружения, слежения, засад и уничтожения противника. Убитыми и ранеными батальон потерял почти четверть –

естественный отбор. Как правило, в лазарет или на кладбище отправлялись самые лихие и бесшабашные, щеголявшие своим презрением к опасности, или закоренелые двоечники, неспособные усвоить правила, писанные кровью.

Обычно вся учеба проходила днем, но по мере освоения окружающего пространства работа все больше смещалась на ночь. В конце концов именно ночное времяпровождение стало основным и главным. День – для отдыха и наблюдения, ночь – для передислокации, оборудования позиции и выполнения задания. Когда местные хунхузы закончились, ареал работы начал стремительно расширяться. К осени марш-броски по пять-десять и даже по пятьдесят верст превратились в рутину. Условия оставались неизменными – выдвинуться в заданную точку так, чтобы ни одна душа не догадалась о присутствии там подразделения российской армии, оборудовать позиции для засады, уничтожить противника, а после так же скрытно вернуться обратно.

В такой обстановке весь год шло боевое слаживание, формирование снайперских пар и подгонка оружия, ставшего предметом особой гордости всего батальона. Его получили перед самым началом нового 1902 года – триста кавалерийских карабинов под патрон 6,5x55SE, известных также как шведский маузер. И если две сотни из них были хорошо знакомыми Carl Gustaf M96 производства норвежской фирмы Ole H. J. Krag, то карабины, предназначенные для снайперов, оказались абсолютно новыми, невиданными отечественными самозарядными изделиями с магазином на десять патронов и пятикратной оптикой.

Привыкшие к отчаянно бодающейся «мосинке», стрелки сразу оценили мягкую отдачу, настильность легкой остроконечной пули, удобство прицеливания без передергивания затвора. Меткость стрельбы и темп поражения целей выросли кратно. Триста шагов уже считались ближним боем, шестьсот – дистанцией уверенного поражения. Особо глазастые умудрялись попадать в мишень даже на тысяче. Павел Варгасов был как раз одним из них.

Его взвод, все три отделения, сегодня уходил на задание в полном составе. В каждом пара – снайпер и наблюдатель, – расчет ручного пулемета Федорова – Рощепея и сапер. Два ездовых и коновод, отвечающий за все хозяйство маленького подразделения, –

единственные, не имевшие офицерского звания. Все остальные – не ниже прапорщика, командиры отделений – поручик и штабс-капитаны.

Новый внештатный атрибут – повозка с беспроводным телеграфом. Начальство потребовало беречь его как зеницу ока, при риске захвата – уничтожить. В кармане капитана Варгасова лежал запечатанный пакет с приказом Генштаба – вскрыть после прибытия в квадрат 32, самый дальний пункт тренировочных походов, что под Мукденом.

25 марта 1902 года. Перл-Харбор

Если на Земле существует рай, то Гавайские острова, несомненно, являются его неотъемлемой частью. Аборигены этой благословенной земли, как и положено детям рая, легкомысленны, жизнерадостны и не слишком склонны к тяжелому монотонному труду. Поэтому не столь уж давний эмигрант, а ныне полноправный гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, мистер Соломон Кац начал строить в Жемчужной бухте свои терминалы – четыре угольных, нефтяной, два грузовых и пассажирский, не считаясь с расходами, оснастив их всей погрузочной и разгрузочной техникой, какую только могла предоставить промышленность Соединенных Штатов.

Впрочем, механизация и стремительное изобретение более совершенных машин и механизмов под новые задачи стали визитной карточкой капитализма по-американски довольно давно: слишком необъятны территории молодой и энергичной страны и крайне мало людей на этих территориях, чтобы полностью полагаться на ручной труд. Машина стоит дорого в момент покупки, но ее обслуживание неизмеримо дешевле, чем заработная плата знающих себе цену и неплохо, по мировым меркам, образованных рабочих, не говоря уже о том, что время выполнения трудоемких операций сокращается в разы, если не в десятки раз. А время – деньги.

– Хм, признаться, я был уверен, что ты разоришься на этой аванюре, Сол, – усмехнулся представительный джентльмен с умным, обрамленным бородой лицом и резко контрастирующими с его обликом озорными, мальчишескими глазами. – Уж больно много ты вбухал в свою машинерию.

Из длинного хобота конвейерного погрузчика в горловину ямы русского броненосца лился черный угольный поток.

– Я и сам этого побаивался, Ник, – усмехнулся его собеседник. – Но уже два месяца назад я добился рентабельности по текущим операциям. Многие шкиперы, знаешь ли, ценят скорость, с которой мои малышки забивают их бункера.

Несмотря на то, что оба они использовали привычные американские имена, общались собеседники на чистом русском языке.

– Но сейчас ты, похоже, полностью отобьешь свои вложения. Никогда бы не подумал, что такую ораву можно загрузить углем и нефтью всего за три дня. Полагаю, адмирал Макаров сполна оценил твою расторопность?

– Это коммерческая тайна, мистер президент сената, – усмехнулся мистер Кац. – Ты сможешь ознакомиться с моей налоговой декларацией... Так что – да. Я взял с них тройную цену и уже через неделю смогу досрочно погасить все кредиты.

– И будешь продолжать стричь купоны, – усмехнулся президент Ник.

– Вряд ли, – не согласился Сол. – Уголь – это коммерция. Но большой уголь – это уже политика. А я только что перешел от просто угля к большому. Пятьдесят тысяч тонн, бункеровка целой эскадры с угольщиками – это уже другой уровень, мой друг.

– Политика... – Ник нахмурился. – Ты не думал сам пойти в политику?

– Думал, – кивнул Сол. – Собственно, теперь у меня не будет другого выхода. Благодаря этой эскадре я забрался слишком высоко, и мне теперь будет довольно больно падать. Я просто вынужден играть в эти игры. Ты хочешь спросить меня о том, что я думаю о русском царе, Ник?

– Нет, Сол, – вздохнул тот. – Честно говоря, я собрал о нем уже столько информации, что несколько растерян. Я привык рассматривать его как недалекого, самовлюбленного, капризного вельможу, врага свободы. Но сейчас я просто не знаю, что о нем думать. Кроме того, в настоящий момент меня больше беспокоят поползновения парней с континента. Может быть, они и отрекаются от тирании на словах, но их дела... Я боюсь за будущее Гавайев и их народа.

– Тогда мы беспокоимся примерно об одном и том же, – кивнул Сол. – Саквояжники уже начинают облизываться на мои и твои острова, Ник, на этих славных людей... Мне это не нравится. Боюсь,

если мы не примем срочных мер, они подомнут под себя эту территорию и... Нет, какое-то время мы продержимся. Отбились же «Эл-Эй Севен» от мистера Рокфеллера, но...

– Ходят слухи, что это ты помог им отбиться, – усмехнулся Ник.

– Не стану скрывать, – кивнул Сол. – Собственно, вот эти танки, – он кивнул в сторону огромных цилиндров нефтехранилищ, соединенных трубами с нефтяным причалом, – были заполнены и еще заполнятся именно их нефтью. Джонни Эр думал, что прижал ребят из Лос-Анжелеса, но у них были заказы, был аванс, была возможность выдержать атаку на понижение, да еще и скупить собственные акции и даже упрочить свое положение. А Джонни сам потерял немалый кусок и был вынужден пойти на мировую.

– Тогда что делать мне? Точнее, нам? – поднял бровь президент сената Гавайев.

– Езжай в Вашингтон, Ник, – усмехнулся Сол. – Я соберу тебе в дорогу небольшой чемоданчик.

– И что же я должен купить в Туманном болоте?

– Статус полноправного штата, Ник. Полагаю, это поможет тебе и дальше оставаться при деле: ни одна вонючая шишка из Вашингтона не сможет сковырнуть тебя, если ты станешь избранным губернатором.

– Это неожиданно.

– А значит, имеет шансы на успех. Смотри: царь вот-вот сцепится не только с японцами, но и с англичанами, у которых совершенно внезапно образовался собственный «Мэн». А мы не имеем в Тихом океане приличных баз, способных защитить наши интересы на Филиппинах и в Азии.

Оба мужчины посмотрели в сторону грузового терминала, где мощные краны поднимали непривычно длинные, почти полтонны весом снаряды с недавно пришедшего из Владивостока транспорта и перегружали их на броненосец под Андреевским флагом. Ник не был уверен, что это законно, но ради светлого будущего столь любимых им островов он был готов закрыть глаза на это мелкое нарушение.

– Ты готов расстаться со своими активами здесь? – поднял он бровь, вновь обращаясь к собеседнику. – Дядя Сэм... наверняка захочет выкупить твои причалы.

– Я готов поторговаться, – усмехнулся Сол. – И полагаю, ты тоже. За возможность наблюдать эту войну из первых рядов и при необходимости стать участником... За такой шанс с парней в Вашингтоне можно слупить довольно много.

– Я понимаю, в чем тут интерес Гавайев, – кивнул Ник, – и мой личный тоже. А в чем твоя выгода?

– Я простой хваткий еврейский паренек из местечка под Житомиром и гимназиев не кончал. Сам знаешь старые порядки в России, – ответил Сол. Он не врал: в гимназии, действительно, не учился, но закончил Пажеский корпус и очень расстроился, когда в рамках легенды был вынужден перенести некую специфическую операцию по удалению совершенно лишнего кусочка плоти. – Я возьму деньгами. Большими деньгами. И начну новое дело.

– Здесь же?

– Я планирую повторить операцию в Сан-Диего. Флоту понадобится еще и база непосредственно на Западном побережье, а Сан-Диего довольно близко к Панаме, если ты понимаешь, о чем я.

– Мне не хотелось бы терять такого союзника, Сол.

– Я не сказал, что собираюсь продавать весь свой бизнес, Ник, и останусь гражданином Свободного штата Гавайи, полноправно входящего в союз. И чем больше преференций ты сможешь выкупить...

– Иногда ты бываешь довольно убедителен.

– Если не возражаешь, Ник, я бы направил с тобой в Вашингтон пятерку своих парней. Когда Джонни Рокфеллер сцепился с ребятами из «Эл-Эй», он был не вполне джентльменом. Мои ребята предотвратили то ли семь, то ли восемь поджогов и минимум три покушения. Мне тоже не хотелось бы терять союзника в твоём лице.

Собеседники еще немного полюбовались видом прекрасно работающего морского порта и Андреевскими флагами, заполонившими буквально всю акваторию, расплатились с любезным официантом и направились по своим делам, не заметив, как из-за соседнего столика вслед за ними поднялся, неторопливо осмотрелся и двинулся им вслед невзрачный лопухий клерк John Baptiste Bernadou, lieutenant commander ВМФ САСШ и «по совместительству» сотрудник ONI – Office of Naval Intelligence, управления военно-морской разведки^[15].

Историческая справка

Ник – Николай Константинович Судзиловский (псевдоним – Николас Руссель), ученый-этнограф, географ, химик и биолог; революционер-народник, один из первых участников «хождения в народ». Активист революционного движения в России. В эмиграции – сенатор Территории Гавайи (с 1900), президент сената Территории Гавайи (с 1901 по 1902 год).

1 апреля 1902 года. Ставка Верховного главнокомандующего

– Вот, государь. – Ротмистр Шершов протянул императору лист бумаги. – Здесь телеграммы, направленные в британское посольство в России из Форин Офиса, и действия, предпринятые послом Скоттом на следующий день.

– Расскажите своими словами, Александр Александрович, – потер воспаленные от недосыпа глаза самодержец, – а я послушаю и похожу, разомну ноги...

– Пятнадцатого марта, почти сразу же после взрыва «Александров» на рейде Константинополя, посольство получает телеграмму о том, что среди прочего лимит средств на закупку дров составляет тридцать один фунт. И почти сразу же мистер Скотт испрашивает аудиенцию на шестнадцать ноль-ноль следующего дня, на коей заявляет о крайней озабоченности Британской империи относительно даже не возможной, а вероятной причастности российских подданных к этому злодеянию. Пятнадцать плюс шестнадцать – как раз тридцать один.

– А когда посол получил телеграмму с описанием инцидента? С подробностями?

– Спустя три часа. Телеграмма была зашифрованной, дешифровка заняла у нас восемь суток и... Государь, в ноте посла было несколько деталей, не вошедших в ту телеграмму.

– Ну, это неудивительно. Такие инциденты готовятся долго, тщательно и более подробное описание вполне могло быть доставлено дипломатической почтой. Вернее всего, и сама телеграмма писалась в расчете на то, что когда-нибудь мы ее расшифруем, и тогда она объяснит, откуда послу стало известно об этом инциденте. Хотя для доказательства сговора этого, конечно, недостаточно.

– Далее... Двадцать восьмого марта посольство получает телеграмму, что лимит расходов на уголь – уже не на дрова, а на уголь! – составляет пятьдесят фунтов...

– И мистер Скотт испрашивает аудиенцию на завтра, на двадцать два часа субботы. Причем в японском и турецком посольствах тоже замечены некие признаки возбуждения. Двадцать два плюс двадцать восемь... Во Владивостоке в это время пять утра...

– А в Персидском заливе – двадцать два тридцать. И вся ночь для минных атак впереди. И третья телеграмма: «Лимит на закупку угля признан ошибочным, ожидайте следующего циркуляра». После чего господин посол, извинившись, отменяет аудиенцию, ссылаясь на благополучное разрешение некоего недоразумения.

– Хм. Да, тут они ошиблись. Вы ведь именно поэтому обратили внимание на дрова и уголь?

– Именно так, ваше императорское величество. Это действительно ошибка. Все когда-нибудь ошибаются.

– То есть если они не осознали последствия этой ошибки (а в суматохе вполне могли этого и не сделать – просто недооценить нас), нам, точнее, послу Скотту, нужно ждать следующей телеграммы?

– Полагаю, да, государь. Вероятно уже в эту пятницу, четвертого апреля.

– Что-то вроде «Скорректированный лимит расходов на уголь составляет... двадцать шесть фунтов»?

– Вроде того, государь.

– Интересно, – задумался император. – А не могут ли на телеграфе немного... перепутать? Только вот в какую сторону? Если господин посол испросит аудиенцию слишком рано, когда группировки противника еще не будут готовы, мы с чистой совестью сможем нанести превентивный удар... Хотя нет. Боюсь, подготовка нашей армии и особенно флота пока не та... К тому же нас все равно обвинят в нападении, поспеши посол хоть на неделю, хоть на год. Хм, с другой стороны, если мистер Скотт несколько запоздает, скоординированное нападение британцев и японцев де-факто произойдет до объявления войны... Ваше мнение, господин ротмистр?

– Я бы увеличил посольский лимит, государь. На один фунт. Этого будет вполне достаточно. К тому же вряд ли они сменят шифр. Если

посол получит дополнительные инструкции, ошибка в них тоже вполне возможна. И если мне будет позволено...

– Вам будет позволено, Александр Александрович. В случае, когда это необходимо для защиты страны, вы можете даже использовать чернильницу посла в качестве ночного горшка, как бы грубо это ни звучало и ни выглядело.

– В этом пока нет необходимости, государь. – Ротмистр улыбнулся, но тут же посерьезнел и уточнил: – Пока нет. Дело в том, государь, что прямого кабеля между Петербургом и Лондоном не проложено. Телеграммы в британское посольство поступают либо через Швецию и Финляндию, либо же через Германию.

– Вот как?

– Именно так, государь. И если финский кабель будет поврежден, к примеру, людьми господина Циликауса...

– То... Вы хотите сказать, что ошибку в телеграмме могут допустить немцы? Вы действительно в состоянии... организовать это?

– Мы много работали, ваше императорское величество.

– Я заметил. И я ценю это. Все Отечество ценит. Хотя, – император усмехнулся, – оно и не в курсе иных... деталей. И не будет в курсе еще минимум сто лет. Действуйте, ротмистр. Пусть господам британцам будет немного теплее, даже немного жарче. Если все получится, советую найти хорошего портного. И вам лично, и непосредственным исполнителям.

– Мы подождем результата наших усилий, государь.

Историческая справка

Александр Александрович Шершов – один из основателей русской контрразведки. С крайне ограниченными ресурсами противостоял японской разведке во время Русско-японской войны.

5 апреля 1902 года. Нью-Йорк

Отвлекаться на посторонние дела на рабочем месте неправильно. Иногда хочется плюнуть на правила, особенно весной, когда только что вернулась из путешествия в Уругвай, не оправилась от полученных телесных ран и душевных потрясений и еще не вошла в привычный рабочий ритм. Однако эти обстоятельства не были определяющими для аккуратной и строгой начальницы почтовой службы Pacific

Express. Приехав в офис после встречи со своим боссом Терезой Леб, она засела в своем «аквариуме» и уже час занималась явно не служебными делами.

Со стороны казалось, что молодая женщина увлеченно читает книгу графа Толстого «Воскресение», проговаривая вполголоса текст и пометая для себя самое интересное на полях и бумажке. Но это только на первый взгляд. На самом деле шеф Pacific Express, известная нам как русская подданная Мария Александровна, торопилась передать в Россию информацию, обжигающую руки, как печеная картофелина.

Когда спешишь, выходит еще медленнее. Поэтому, испортив две шифровки, Маша, закусив губу, старательно пересчитывала строчки и параграфы в своем шифроблокноте, перенося на клочок бумаги цифры с закодированным текстом.

Графу Канкрину! Срочно! Особо важно! В течение ближайших суток в Берлине состоится покушение на капитана гессенской драгунской гвардии, внука королевы Виктории Альберта Шлезвиг-Гольштейнского. Исполнитель – кто-то из русских подданных, студентов берлинского университета. Публично демонстративно будет заявлено, что теракт – месть социалистов-революционеров за унижение и порабощение Китая объединенными войсками европейских держав. Реальная цель – окончательно и бесповоротно поссорить Россию с Англией и, если получится, с Германией...

* * *

– Не представляю, зачем нужны эти игры с русскими. – Джейкоб Шифф раздраженно бросил на стол перчатки и отвернулся к окну, меланхолично разглядывая великолепный пейзаж за окном фамильного поместья Рокфеллеров Кукуит. – Романовых нужно давить, как клопов, а не разыгрывать с ними шахматные этюды^[16]. Все пытаются извлечь какую-то выгоду из этой дикой северной страны, а ведь польза может заключаться только в том, чтобы она перестала существовать. Сначала этот бедняга Ротшильд, спятивший со своими фантазиями о Сионе и схватившийся за предложение царя переселить в Палестину всех желающих. Теперь вы с абсолютно бессмысленной игрой в поддавки с

русской охранкой, в надежде извлечь из этого какие-то дивиденды. Откуда такая наивность?

– Твоя проблема, Джейкоб, упертость. – Фрэнк Вандерлип, вице-президент одного из крупнейших банков САСШ National City Bank of New York, глубокомысленно выпустил в потолок сигарный дым. – Она хороша, когда ты зарабатываешь деньги, но никуда не годится, если дело касается политики. Ты увлеченно бодаешься с дубом русской империи, не замечая, что находишься в лесу, среди других таких же деревьев. Твои вложения в Японию, желающую убиться о русского медведя, заслуживают похвалы за смелость. Но позволь поинтересоваться: какие конкретно выгоды получит все наше сообщество от военной победы Страны восходящего солнца и даже от крушения Российской империи в целом? Какие глобальные, а не сиюминутные проблемы мы решим, когда ты всласть потешишь свое болезненное самолюбие?

– А ты предполагаешь, что, помогая царю, можно решить какие-то глобальные проблемы? – фыркнул Шифф.

– Вопрос неправильный. – Вандерлип покачал головой, аккуратно положил сигару на край фарфоровой пепельницы, встал и подошел к окну, в которое уставился Джейкоб. – Ты воспринимаешь русского царя и Россию как самостоятельное зло, а это не так. Они – часть системы, которая душит свободу движения капиталов, товаров и рабочей силы. Империи, возникшие как прогрессивное явление, позволившие когда-то концентрировать ресурсы, строить промышленные и аграрные гиганты, превратились в тормоз свободного рынка и должны быть разрушены. Все до единой! Надеюсь, в этом у нас нет разногласий?

Вице-президент National City Bank of New York обвел глазами собравшихся, как строгий учитель разглядывает учеников перед проверкой домашнего задания. Пол Мориц Варбург, Джон Рокфеллер и самый младший участник собрания эмиссар JP Morgan Бенджамин Стронг-младший коротко кивнули, ожидая продолжения речи. Шифф, понимая, что остался в меньшинстве, еще больше насупился и втянул голову в плечи, как бы защищаясь от неудобных сентенций.

– Ну так вот, – продолжил Вандерлип, возвратившись на свое место и с наслаждением повторив ритуальные манипуляции с сигарой, – если долго биться головой об стенку, то что-нибудь

обязательно разобьется. Зная крепость лба Джейкоба, предположу, что первой сломается Россия. Но тогда за счет русских резко усилятся Британия, Германия и новый крупный игрок – Япония. И что прикажете делать дальше? Разбивать голову о следующее дерево? Но тогда оставшиеся империи станут еще сильнее. И в конце концов не только возможностей Kuhn, Loeb & Co., но и наших объединенных ресурсов не хватит, чтобы бороться с монстром, выращенным в том числе и нашими усилиями. Молчите, Джейкоб?

И правильно делаете! Потому что любой ход в такой ситуации ведет к поражению...

– Хорошо, будем считать, что вы меня достаточно пристыдили и самое время поменяться ролями, – ухмыльнулся Шифф. – Пожалуйста, изложите ваш гениальный план, а я позволю себе язвить и искать огрехи в вашей стратегии.

– Ты зря так кипятишься, Джейкоб, – подал голос Рокфеллер, – в любом плане могут быть огрехи, и наша задача – искать не только проблемы, но и их решение. Фрэнк ясно указал на недостаток твоей стратегии: сосредоточившись на противостоянии с Россией как на самом слабом звене среди европейских держав, мы невольно усиливаем остальные, и в первую очередь Британию. Хотя я бы и с Германией не спускал глаз. Нам действительно не хватает ресурсов валить каждую из монархий по отдельности. Поэтому мы пойдем другим путем – создадим все условия, чтобы империи уничтожали себя сами...

– Эти взрослые мальчики так страстно желают расквасить друг другу носы, – вернул себе слово Вандерлип, – что мы просто обязаны помочь им сделать это как можно более качественно. Поэтому наша стратегия – помогать слабейшему, чтобы он как можно сильнее лупил сильнейшего. Если будет побеждать один, мы будем помогать второму, если верх начнет одерживать второй, мы поможем первому, и пусть они убивают как можно дольше... Сейчас слабейшим выглядит русский царь, и мы с удовольствием поможем ему выравнять шансы в схватке с британским львом и его японским пуделем.

– Важно, чтобы они внезапно не передумали. Поэтому, – Рокфеллер кивнул флегматичному Варбургу, – наш дорогой Пол поможет осуществить мечту одного русского юноши уничтожить кого-нибудь из сатрапов, например, внука королевы Виктории.

– Причем этот юноша уверен, – Варбург улыбнулся одними уголками губ и наклонил лысеющую голову, – что действует чуть ли не по прямому распоряжению петербургской тайной организации.

– Скажите, Фрэнки, – вышел из глухой защиты Шифф, – а насколько эта стратегия совпадает с пожеланиями Белого дома и Капитолия?

– Целиком и полностью, мой друг! – самодовольно улыбнулся Вандерлип. – Скажу больше! Я специально для этого поменял пост помощника министра финансов на кресло банкира. Официальный Вашингтон не хотел бы быть связанным какой-то... неавторизованной активностью, но поддерживает и одобряет озвученную мною концепцию.

– Но одновременное сталкивание лбами монархий – это мировая война!

– Год назад один русский писатель опубликовал замечательную прозу в стихах, закончив словами «Пусть сильнее грянет буря!». Весь мир чувствует затхлость нынешнего существования и мечтает об очистительном огне, который сожжет без остатка никуда не годное старье и освободит место для нового и прогрессивного, – задорно, как с трибуны, возвестил самый молодой участник встречи Бенджамин Стронг-младший.

– Это, прежде всего, мировое перераспределение финансовых и товарных потоков, а для нашего правительства – единственный способ, оставаясь за скобками конфликта, превратиться из страны-должника в страну-кредитора, – улыбнулся Вандерлип. – Главный вопрос, настоятельно требующий решения, находится вообще вне устаревших моральных норм и нравственных оценок. Как известно еще со времен Наполеона, для войны нужны три условия – деньги, деньги и еще раз деньги. И наша самая насущная задача – найти эти деньги, чтобы было чем топить разгорающийся костер. Однако, господа, предлагаю разговор на эту тему перенести на другое время и в другое место, ибо даже стены могут иметь уши.

– Если вы так боитесь огласки, – Шифф явно хотел оставить последнее слово за собой, – то вообще непонятно, зачем вам тогда эта девчонка Мари, работающая на русское военное ведомство? Если вы ее вычислили, не проще ли просто обезвредить?

– Джейк, ты все-таки неисправим, – теперь уже в голос расхохотался Рокфеллер. – Если тебе не дадут убить русского царя, ты пытаешься утешиться, отправив на тот свет хотя бы его служанку? Раскрытый агент автоматически, даже не подозревая того, начинает работать не на, а против своего сюзерена. Главное, чтобы на том конце верили всему, что он сообщает... Мы так или иначе хотели организовать прямой канал поставки информации в русские коридоры власти. И тут такая удача! Нельзя резать курицу, пока она не снесла яйцо!

– Именно поэтому мы допустили утечку информации о покушении на Альберта Гольштейнского. Предотвратить его они уже не успеют, но доверие к ее сообщениям будет абсолютным, – добавил Варбург.

– Я надеюсь, господа, вы знаете, что делаете, – прокряхтел Шифф. – Когда и где мы сможем обсудить вопрос финансирования... э-э-э... пикника с участием мировых монархий?

– Место и время я сообщу отдельно, – кивнул Вандерлип. – Мистер Стронг предлагает отдохнуть и набраться сил вдали от суеты, на частном курорте, принадлежащем мистеру Моргану, – на острове Джекилл, что неподалеку от побережья Джорджии...

7 апреля 1902 года. Лондон

Эдуард VII, монарх империи, над которой не заходит солнце, меланхолично разглядывал карикатуру в американском еженедельнике *Ruck*, вполуха слушая доклад уже немолодого и, что гораздо хуже, серьезно больного премьер-министра. Юмористический журнал из Сент-Луиса славился своей нелюбовью к России и регулярно публиковал убойные карикатуры на «эту дикую северную страну».

Художники не подкачали и в этот раз, выложив сразу несколько едких антирусских памфлетов. Но рядом с ними король вдруг обнаружил себя, толстого и беспомощного, никак не похожего на льва, чей образ традиционно ассоциировался с британским владычеством. И вот теперь карикатуру, намекающую на английскую немощь, так живописно дополняет страдающий одышкой и артритом косматобородатый старик, больше нуждающийся в инвалидной коляске, нежели в кресле премьер-министра Великобритании. Тьфу!

Эдуард VII с грустью посмотрел на журнал, сердито перевернул его обложкой вниз и, сцепив на животе пальцы, уперся глазами в политического долгожителя, занимающего высшую исполнительную должность империи в третий и наверняка последний раз.

Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери, пытаясь сделать политическую жизнь в метрополии плановой и управляемой, сосредоточил в своих руках как законодательные, так и исполнительные властные нити, являясь и премьером, и лидером консервативной партии. Одновременно с высшим исполнительным, он предпочел оставить за собой пост министра иностранных дел, и только ухудшающееся здоровье заставило Солсбери в 1900 году уступить его лорду Лансдауну.

Всю свою жизнь сэр Роберт продвигал имперские интересы викторианской Англии по всему миру и делал это настолько искусно, что за эти годы в Европе не произошло ни одного серьезного международного конфликта. Неоднократные столкновения с Францией, Германией, Россией так и не вылились при Солсбери в вооруженное противостояние... Пока. Потому что последний год кабинет министров Британии не создавал обстоятельства непреодолимой силы для других мировых держав, а сам судорожно пытался реагировать на ускоряющийся поток событий, становящихся все более опасными и менее управляемыми.

– Говорите проще, Роберт, – прервал король длинный спич своего премьера. – Общественность не поймет, если мы начнем какие-либо переговоры с Петербургом, кроме как о безоговорочной капитуляции русских. Так?

– Так, ваше величество, – выдохнул Солсбери. – Консультации с ведущими политическими и общественными организациями не радуют разнообразием, общественность уверена, что против нашей страны уже ведутся военные действия, и ждет решительных ответных шагов. Газеты так оформили и подали последние новости, что не оставили нам никакого пространства для политического маневра.

– И если я попытаюсь как-то договориться с моим племянником Никки, меня заклеят позором, – продолжил мысль премьера король.

– В Трансваале работает военный корреспондент, некто Черчилль, так вот он написал: «Если страна, выбирая между войной и позором, выбирает позор, она получает и войну, и позор...»

– Неплохо сказано, – кивнул король. – Присмотритесь к этому корреспонденту, из него определенно может выйти толк...

Эдуард VII поморщился, тяжело поднялся, опершись о ручку кресла, медленно, приволакивая ногу, подошел к высокому окну и задумчиво посмотрел на Кенсингтонский парк с широким, в три кареты променадом.

– Вы же знаете, Роберт, как я ненавижу идти туда, куда меня подталкивают, – произнес он настолько тихо, что Солсбери больше догадался, чем услышал слова короля.

– Ваше величество, адмиралтейство предлагает ограничиться показательной поркой вашего нерадивого племянника, быстро и безжалостно разгромив одновременно русский флот на Балтике, Черном и Персидском морях... Тихий океан мы оставляем пока японцам. Первый морской лорд уверен, что этого будет достаточно, чтобы Николай II запросил пощады...

– Мне кажется, Роберт, вы забываете, что моему племяннику только тридцать три, а его премьеру Столыпину – всего сорок. В этом возрасте не очень-то слушаешь старших, даже если они правы и демонстрируют убийственные в своей доходчивости аргументы... Что мы будем делать, если акций устрашения на море окажется недостаточно?

– Разрешите, ваше величество? – поднялся из своего кресла министр иностранных дел, самый молодой из присутствующих, статный, стройный мужчина. Вся его растительность сползла с макушки и сконцентрировалась над верхней губой в виде шикарных усов, вследствие чего все остальные черты лица казались абсолютно несущественными.

Глава Форин Офис Генри Чарльз Кит Петти-Фицморис, 5-й маркиз Лансдаун, с 1900 года возглавлял внешнюю политику Великобритании и фракцию Либеральной юнионистской партии в палате лордов. Он знал не понаслышке колониальные проблемы: до МИД служил на посту вице-короля Индии. Весь 1901 год Лансдаун предпринимал шаги к заключению направленного против России союза с Германией и Австрией, с оптимизмом расценивая дружеский визит кайзера Вильгельма к больной королеве Виктории, а также настойчиво добивался любви Франции, романтично назвав проект договора с республикой «Entente cordiale» – «Сердечное согласие». Но

главным и самым ярким успехом министра стал англо-японский союз, заключенный 30 января 1902 года, несмотря на то, что русский царь на переговорах с маркизом Ито подписал все предложенные Японией соглашения, включая отказ от претензий на Корею.

– Ваше величество! – Лансдаун широким жестом открыл кожаную папку и вынул заранее заготовленный конспект. – Позвольте обратить ваше внимание на то, что наш договор с микадо прямо и недвусмысленно указывает: Великобритания и Япония соединяются в целях охраны существующего положения на Дальнем Востоке, в особенности в целях охраны независимости и территориальной целостности Китайской и Корейской империй.

Далее в статье первой: «Высокие договаривающиеся стороны объявляют, что не имеют агрессивных стремлений в этих империях. Имея, однако, в виду свои специальные интересы в Китае и Корее... стороны признают, что каждая из них имеет право принимать меры для охраны этих интересов в случае, если им будет угрожать опасность от агрессивных действий какой-либо третьей державы или от внутренних волнений...»

Вторая статья объявляет, что если Англия или Япония, преследуя вышеуказанные цели, будут вовлечены в войну с какой-либо третьей державой, то другая из договаривающихся сторон обязуется сохранять строжайший нейтралитет; но (статья третья) если война осложнится и державу, ведущую войну с Англией или Японией, поддержит еще какая-либо четвертая держава, то другая из договаривающихся сторон обязывается прийти на помощь союзнику и «вести войну сообща и заключать мир с общего согласия»^[17].

– Ну и что это нам дает? – пожал плечами король. – Какая четвертая сторона начнет военные действия против нас? Германия? Франция?

– Прежде всего, это дает нам оправдание присутствия наших войск на всей территории Китая, включая Маньчжурию, совместные операции с японским Генштабом и моментальное включение в боевые действия любой из союзных армий, если будет выявлена угроза хотя бы одной из них. Что же касается четвертой стороны... Мы провели соответствующую работу, ваше величество, и я могу вас уведомить, что в случае любого военного столкновения государству, противостоящему России, немедленно объявит войну Черногория.

Таким образом, мы получим формальный повод задействовать третью статью нашего договора с микадо.

– Как в конечном итоге будет выглядеть наша позиция?

– С точки зрения международных отношений – безусловно. К нам с просьбой о помощи обратился Китай, и мы оказываем содействие его вооруженным силам в подавлении мятежа и вытеснении русских интервентов. При выполнении этой благородной миссии наши солдаты подверглись агрессии со стороны царских войск, а далеко за пределами Китая против нас, без объявления войны, русскими подданными развязан гнусный террор, в результате чего потоплен наш военный корабль и тяжело ранен член королевской семьи – ваш племянник.

– Только ранен?

– Да, террорист оказался крайне бестолковым стрелком: из шести выпущенных в упор пуль в сэра Альберта попали только две, и хотя задето легкое...

– Хорошо, продолжайте. Безусловно, зло должно быть наказано. Но как будет выглядеть противостояние на суше?

– Сегодня, пока русские еще не развернули свои экспедиционные корпуса для похода на Индию, против двадцатитысячного русского контингента, находящегося в Маньчжурии, мы можем сконцентрировать наш собственный сорокатысячный корпус, состоящий в основном из колониальных войск Индии. Две китайские дивизии, правда, сомнительной боевой ценности, представляет Юань Шикай. Но основным военным материалом будут две японские армии, в одной из которых сорок, а в другой – шестьдесят тысяч солдат и офицеров, прекрасно обученных, знающих театр военных действий, имеющих опыт Японо-китайской войны. Таким образом, с семикратным перевесом мы вправе рассчитывать на успех, тем более что для русского царя непосредственную угрозу будут представлять отнюдь не наши или японские вооруженные силы.

Эдуард VII приподнял бровь и вопросительно посмотрел на министра.

– Бурная реформаторская деятельность русского императора, – увлеченно продолжал Лансдаун, – привела к тому, что еще одна невидимая армия сформирована прямо у него под боком. Недовольные репрессиями и лишением привилегий дворяне, купцы и даже

некоторая часть крестьянства, не говоря уже про интеллигенцию, традиционно настроенную оппозиционно, – все они, пользуясь некоторыми политическими послаблениями, активно сбиваются в политические антиправительственные организации, имеющие в своих рядах настоящую подпольную армию.

Глава Форин Офис скосил глаза в шпаргалку и продолжил:

– Это не менее пяти тысяч недавно уволенных офицеров. По сигналу они готовы поднять бунт на Урале, в Сибири и полностью отрезать Петербург от Владивостока. Таким образом, при отсутствии подкреплений, которые царь мог бы перебросить из европейской части России, разгром русской армии в Маньчжурии будет лишь вопросом времени...

– Хорошо, Генри, будем считать, что вы меня убедили в бедственном положении моего непутевого племянника. Но я руки не подниму, пока не пойму, как будут вести себя Франция с Германией.

– О, – самодовольно улыбнулся Лансдаун, – в Европе мы разыгрываем самую незамысловатую партию в две руки. Франции, опасющейся Германии, мы предлагаем заключить договор о взаимопомощи, который...

– Да-да, я помню, Антанта... Но почему вы так уверены, что они подпишут этот договор?

– Благодаря нам Парижу стало известно о проектируемой в Берлине войне Германии против Франции – так называемом плане Шлиффена... Пока он существует только в черновиках, но Франция уже сама торопит нас с подписанием соглашения.

– Только не говорите, Генри, что точно такой же договор вы хотите заключить с Вильгельмом...

– Нет, ваше величество, я предлагаю неформально и конфиденциально довести до кайзера, что Британия не будет иметь ничего против его территориальных приобретений на востоке, ну хотя бы в Прибалтике, густо заселенной немецкими колонистами... Что касается Франции, то требуется во всеуслышание заявить о недопустимости любого движения Германии на запад. А потом также конфиденциально и неформально намекнуть Берлину, что наше негодование не будет для него излишне обременительным...

– Хорошо, Генри, пусть будет по-вашему. Подготовьте соответствующий манифест. А вы, Роберт, передайте Китченеру, что у

нас нет времени и желания вести затяжные кампании. К осени все должно быть закончено!

10 апреля 1902 года. Желтое море. Учебная эскадра Израиля

Крейсер «Африка», построенный как рейсовый пароход, успевший поработать на линии Нью-Йорк – Гавана, никогда не претендовал на роль грозы морей, даже переоборудованный на верфях Крампа и вооруженный пятью 20-калиберными шестидюймовками и шестью такими же древними противоминными 107-миллиметровыми пушками. Одинокая труба, задранный полубак и весьма скромная, всего двенадцать узлов скорость выдавали его глубоко штатскую сущность. Но зато как учебная база корабль был незаменим благодаря просторным вспомогательным помещениям и вместительным трюмам.

Именно поэтому «Африка» была выбрана в качестве базового судна для обучения израильских гардемарин. После утомительного учебного дня их миноноски притулились к «мамаше» и, притираясь на волне к высоким бортам базового судна, дружно скрипели, жалуясь на свою миноносную судьбу.

Командно-преподавательский состав крейсера, обычно придиричивый и строгий, под вечер позволял себе расслабиться и неформально побалагурить, тем более что большинство из них были уроженцами одного южного города, о котором по всей России ходят легенды, полные невероятной доброты и оптимизма. Сегодня, оторванные от своего привычного занятия фэйф-о-клок, они с тревогой вглядывались в ту сторону, где находилась Порт-Артурская крепость.

– Поднимитесь к дальномеру, поглядите, кто там бежит, Яков Самуилович.

– А смысл? Кгоме «Бугакова» там таки никто не сможет так бежать, Алексей Дмитгиевич. На полных тгидцати идет, тогопится, шо моя Циля на Пгивоз за бичками, ну и шоб увидеться со мною. Пгавда, она так бегала тгидцать лет назад, а сейчас она гогдо шествует, но я-то помню...

– Лейтенант, сигнал на миноносцы. Подойти к бортам, принять уголь.

– Господин капитан, «Бураков» передает: в крепости бунт. Генерал Стессель приказал гарнизону не сопротивляться и спустил флаг!

Новый комендант обратился за помощью к японцам и англичанам, их войска уже высаживаются в Порт-Артуре!

– Нарिश тухес.

– Вынужден согласиться, Яков Самуилович. Объявляйте общий аврал. Всех незанятых – грузить уголь в мешки и передавать на миноносцы. Шлюпки вывесить после отхода миноносцев. Корабль – к бою! Кочегаров – к топкам, поднимать пары до марки. Комендоров – к орудиям, кранцы первых выстрелов поднять, минные аппараты зарядить. Пожарные магистрали – в готовность, разнести шланги.

– Слушаюсь, господин капитан втогого ганга! Боцман, кочегагов к топкам, остальных – навегх! Бистго, янгеле, бистго!

– Запросите «Бураков» об остатке угля: возможно, его придется загружать первым.

– «Бураков» с полными ямами, торпед не имеет: вклепил единственную, что была, в японский транспорт. Тот сел на грунт. Запрашивает о наличии у нас пятнадцатидюймовых.

– У нас только немецкие были, да и те отстреляли на учениях. Кто у японцев в Артуре?

– Корнильев семафорит о четырех крейсерах: «Чиода», «Мацусима», «Ицукусима», «Хасидатэ». Шесть миноносцев: четыре «Хаябусы» и «Котака» с «Сиратакой». «Сиратака», уворачиваясь от тарана «Буракова», сел на мель.

– Так... Это, видимо, их минари на горизонте и дымят. Идут они на двадцати четырех, вряд ли больше, и догонят нас через минут сорок. Все! Этим двоим хватит. Прикажите им уступить место «Навину» и «Давиду», пусть примут, сколько успеют. Яков Самуилович, перейдете на «Давида»...

– Осмелюсь-таки спгосить, почему и зачем, господин капитан втогого ганга?

– Потому что ваше досье, с которым меня ознакомили господа жандармы, занимает не одну папку, а три, и каждая с кирпич толщиной, и на всех страницах – описания удивительных по своей лихости и наглости способов ухода от погони на суше и море.

– Однако!..

– Полагаю, вы лично оплатили не меньше половины миноносца со своей контрабанды...

– Да ой же вэй, господин капитан, какая у бедного иегуди-гыбака контгабанда?! Но то, шо год назад я сделал небольшой пезент господину Ногману, шобы он согласился считать четыге уже заложенных кия не узкоглазыми, а немножечко пейсатыми, таки совегшеннейшая пгавда!

– Весьма разнообразная контрабанда, господин прапорщик по адмиралтейству. Я аж зачитывался. Так вот. Чтобы довести молодежь до Циндао...

– До Циндао, господин капитан? Таки шо мы можем такого натогговать в Циндао, чего нам так остго не хватает в жизни, кгоме угля и тогпед? Но уголь и тогпеды мой племянник Додик, котогый живет в этой дыге с пгошлого, извините, года, уже немножечко купил, и уже даже немножечко поггузил на пагоход, котогый уже давно стоит в Пусане, где тепло и пока нет японцев! Так зачем нам Циндао? Шобы пага японских или даже, на минуточку, английских кгейсегов нас там зажали, как я зажал свою Цилечку, когда она была на тгидцать лет моложе и весила вдвое меньше? Нет, немцы, конечно, культугная нация, но в сей момент в Циндао нет такого гешефта, котогый стоит необходимости до конца войны смотгеть на эти постные гожи!

Еще уголь? Таки еще уголь лучше бгать у самих японцев: вгляд ли их тгампы успели попгятаться. И даже совегшенно наобогот, сейчас они навегняка везут в Когею очень много всякого, шо может опгавдать хогоший гоп-стоп! А их утюги сейчас либо, пгостите, здесь, либо во Владивостоке, так шо этот гоп-стоп будет еще и дешевле!

– Давайте, господин прапорщик. Вам пора. Вестовой ваш сундучок уже доставил. Корабельную кассу тоже возьмите, под подпись.

– Андгей Дмитгиевич. Я, конечно, дико извинюсь, но могу я еще спгосить? – Старый еврей отложил ручку-самописку и поднял взгляд на командира.

– Почему нет?

– Ой вэй, я все вгемя забываю, шо хоть ви и из кантонистов, но все же таки тоже да! Могу я сказать своим янгеле, когда мы отойдем, что ви, пегед тем как вас гаскатают до состояния мацы... Ми, конечно, помолимся, шоб этого не случилось, но какая уж тут гагантия... Так вот, смогу ли я объявить, шо ви взяли и пегеименовали, пгостите, «Афгику» в «Масаду»?

– Разве ж я смогу вам это запретить? Все! На «Давид», прапорщик. Пока идем вместе, чтобы нам из своих музейных экспонатов выбить столько минарей, сколько сможем... А как подтянутся крейсера... Ход у них узла на четыре больше нашего, так что... «Масада» так «Масада». Но в рапорт этого не включать!

– Мальчикам нужны легенды, господин капитан, а начальству они пготивопоказаны. И господам адмигалам все сообщим в точности. А чего не в точности, того, наобогот, не сообщим. Мазлтов, ‘ав-Алуф.

– Мазлтов, Тааль.

В это же время. Персидский залив

Бесчисленные поэты, воспевавшие тишину персидских ночей и волшебство, иногда коварное и опасное, на сей раз были бы посрамлены. Ночь, разрезаемая длинными мечами русских прожекторов и вспышками осветительных ракет^[18], разрывалась гулками залпами противоминного и среднего калибра, сминалась взрывами торпед и якорных мин.

– Три больших истребителя, правее пятнадцать, дистанция десять!

Короткие рыла сорокадвухлинейных орудий, снятых с канонерок за явной устарелостью и установленных на спешно возведенной береговой батарее, довернулись, нащупывая цель.

– По головному! Скорость цели двадцать пять! Упреждение один корпус! Огонь!

Орудия ухнули, из распахнутых настезь затворов по позиции растекся кисло-сладкий запах сгоревшего пороха. Наводчики приникли к прицелам, пытаясь разглядеть цели за клубами порохового дыма. Если бы подул легкий ветерок... Но душная ночь была не на стороне артиллеристов: жаркий воздух был неподвижен.

– Недолет полкабельтова! Дистанция восемь! Упреждение три четверти...

Дымная тьма озарилась вспышками: истребители огрызались из своих шести- и двенадцатифунтовок, пока, слава богу, безуспешно.

– Вижу! Вижу!

Наконец дым рассеялся достаточно, чтобы стали видны скользящие по гладкой воде тени с пенными бурунами от полного хода.

– Огонь!

– Накрытие! Дистанция семь! – продолжал командовать мичман, прильнувший к короткому дальномеру с базой всего четыре фута. Корректировочный пост был вынесен на сложенный из камней искусственный курган, и дым не мешал ему наблюдать за выходящими в атаку минными силами британцев. – Упреждение прежнее – три четверти!

Дым по-прежнему сильно затруднял наводчикам обнаружение кораблей противника. Заряженные, готовые к выстрелу орудия молчали.

Внезапно ночь озарилась еще одной вспышкой.

– Наводить по второму! – среагировал мичман.

– Шестидюймовым в головного вlepили, – пробурчал наводчик третьего орудия. – С «Георгия», мыслю. – И через секунду уже другим голосом, полным злого азарта: – Вижу цель!

– Огонь!

Третий залп был удачен: один из выпущенных батареей снарядов разорвался рядом с рубкой ставшего головным второго миноносца, и британец вильнул на курсе. Мичман увидел, как кто-то из прислуги шестифунтовок, судя по всему, артиллерийский офицер, рванулся к рубке, чтобы перехватить управление.

– Орудия готовы!

– Дистанция семь! Упреждение прежнее!

– Вижу!

– Огонь...

Двенадцатифунтовая шрапнель лопнула над позициями, и мичман стек на камни рядом с дальномером, испачкав его кровью.

– Дистанция семь! Скорость двадцать... один! Упреждение полкорпуса! – подоспел состоявший при наблюдательном poste телефонист-вольнoопределяющийся.

Он был из бывших семинаристов, сухорукий и спокойный, по слухам – политический. Одно время работал в Тифлисской обсерватории и с оптическими приборами был знаком не понаслышке, поэтому движения его были уверенны и только резко усилившийся грузинский акцент выдавал нешуточное волнение.

– Вижу!

– Огонь!

Пушки снова выстрелили.

– Есть попадание! Парит, выходит в циркуляцию! Наводить по второму. Отставить! По третьему!

– Почему? – поднял глаза на невозмутимого кавказца наводчик.

– Он уже пустил мины, преждевременно, до прохода бонов, не опасен. А вот за ними – не пойму что... Одиночная цель правее двадцать.

Стоявшая неподалеку труба осветительного поста без приказа плюнула ракетой, телефонист приник к окулярам.

– Похоже на кита... с одной трубой. Дистанция одиннадцать, скорость... шестнадцать, упреждение полкорпуса!

* * *

Миноносный таран «Полифемус», чудо британской инженерной мысли, пользовался незаслуженной славой. Он ни разу не участвовал в бою: сразу после его постройки войны не случилось, а потом орудия среднего калибра стали слишком скорострельными и слишком быстро наводящимися на цель, чтобы его восемнадцатиузловая скорость и почти полностью погруженный в воду корпус оставались надежной защитой. Поэтому выйти, как и задумывалось, в таранную атаку стало делом не просто опасным, но фактически самоубийственным.

Тем не менее этот корабль был одним из самых знаменитых во флоте ее, а следом его величества. Именно «Полифемус» описал всемирно известный сочинитель мистер Уэллс в романе «Война миров» под именем «Сына грома», уничтожившего марсианский треножник.

Неизвестно, испытывал ли неудобство по этому поводу сам корабль. Вполне возможно... Но его командир, самый молодой капитан Королевского флота Дэвид Битти, отчаянный храбрец, был уверен, что во-первых, это действительно весьма неловкая ситуация, а во вторых – через несколько минут он эту несправедливость исправит.

– Все вниз, быстро! – приказал он. – Сейчас нас засыплет снарядами, а наши шестифунтовки и митральезы будут полностью бесполезны! Питер, в рубку!

Сублейтенант, получив приказ, нырнул в дополнительно обложенный мешками с песком стальной стакан и задраил за собой

дверь.

– Минные аппараты носовой и правого борта – к бою! – приказал командир. – Пит, тараним третьего: оба головных уже начали движение и подняли сети.

– Впереди боны, сэр. – Сублейтенант старался выглядеть столь же невозмутимым, как и мастер.

– Нас, – усмехнулся капитан, – как раз и создавали для того, чтобы плевать на боны. Машина – полный ход! При гудке сирены – держаться! Кто за что может!

Как и полтора десятка лет назад на испытаниях, боновые заграждения, набранные из бревен, привезенных аж из России, просто разметало по сторонам. Стальное тело почти полностью погруженного в воду корабля только слегка вздрогнуло – сначала от удара, а затем от попадания пары снарядов калибра в три или четыре дюйма, сбивших трубу и искалечивших надстройки, но неспособных остановить атаку.

– Носовой аппарат товсь, – приказал Битти. – Пит, командуйте, когда разрядить аппараты правого борта.

Удары снарядов, в основном трехфунтовых, стали сыпаться на миноносный таран в ритме стального дождя. «Странно, – подумал капитан, – а говорили, что русские сняли эту мелочь с кораблей. Видимо, не всю». Он усмехнулся, когда две или три болванки бессильно высекли искры из стальных листов рубки.

– Аппараты правого борта товсь! – скомандовал в раструб переговорной трубы молодой офицер. – До пуска... пять секунд. Три... Две... Одна... Пли!

– Дистанция четыре кабельтова. Носовой аппарат – пли! Это, конечно, не Кронштадт, куда я всегда мечтал ворваться, но тоже неплохо. Пит, сирену!

Глаза капитана замерли на черном кружке шестидюймового жерла, направленного из каземата русского броненосца прямо ему в лицо. Странно, что он вообще заметил его в этой разрезаемой вспышками света ночи. Впрочем, увидеть свою смерть в такой вот ситуации – вполне приемлемый исход жизни.

Он слегка довернул штурвал и отпустил рукоятки, чтобы его тело в падении не сбило корабль с курса. Увидел вспышку, но не почувствовал боли, и еще успел ощутить удар, когда выдающийся вперед таран «Полифемуса» вонзился в борт русского броненосца.

И он, и его корабль с честью выполнили свой долг. Теперь все стало правильным.

В ту же ночь. Владивосток

– Нам всем выпала особая честь первыми нанести удар по северным варварам, готовящим коварный удар в спину Священной Ямато!

Командир дивизиона, капитан первого ранга Кота Сакума обращался к команде своего истребителя «Сиракумо», а двое сигнальщиков репетовали его речь на остальные семнадцать миноносцев, стоящих на якоре почти в самом вражьем логове.

Небо на горизонте было чуть тронут светом ранней зари, и вспышки ратьеров превосходно читались всеми – и японскими моряками, и двумя не предусмотренными планом капитана Кота зрителями на темном берегу бухты Табунной. Неофициальный хозяин этих мест, естествоиспытатель, географ и коннозаводчик, бывший ссыльный поляк пан Михал Янковский двадцать последних лет воевал с проникающими на его землю хунхузами и систему оповещения в своем уделе наладил давно.

– Не расшифруете ли, Фридольф Кириллович, – спросил он у спутника, обветренное лицо которого выдавало в нем моряка, правда, не военного, а, скорее, торгового, – о чем они там перемигиваются?

– Белиберда какая-то, Михаил Иванович, – нахмурился моряк. – Совершенно незнакомый код, но это точно не хунхузы. Может быть, наши миноносники ввели в действие секретный код? Истребители, как я могу видеть, на «Соколов» похожи. Хотя...

– Хотя?

– Насколько я могу судить, «Соколов» у нас во Владивостоке всего восемь, а здесь почти два десятка на якорях стоят... Японцы? Но у японских корабликов иероглифы чуть ли не во весь борт нанесены – для опознания. Британцы? Вряд ли, не дойти им до нас от Вэйхайвэя... Темное дело, Михаил Иванович, очень темное... Прожектор бы...

– Уж чего нет, того нет. Кто бы знал... Давайте-ка оставим тут казачков понаблюдать, да и подмогу им вышлем. У меня отыщется пара списанных с кораблей трехфунтовок с командой отставных фейерверкеров. Сами же помните.

Фридольф Кириллович, носивший фамилию Гек, тяжело вздохнул. Старая рана на душе вновь заныла. Двадцать с лишком лет назад хунхузы разорили его дом и повесили жену, а малолетний сын моряка пропал без вести, и до сих пор, бывая в корейских и китайских портах, моряк вглядывался в незнакомые европейские лица молодых людей, пытаясь узнать знакомые черты.

– Я, пожалуй, тут останусь, Михаил Иванович, – вздохнул он. – Если они и впрямь десант высаживать будут... Пушки – дело хоть немного, да знакомое. А вы поспешайте, голубей же в усадьбе держите?

– Держу. Хотя когда тот голубь долетит? Ходили слухи, что на пост беспроводный телеграф установят, но когда это будет... Погодите, Фридольф Кириллович, что это там?

Капитан Кота Сакума оглянулся на серию огоньков – один зеленый и пять красных, – загоревшихся на вершине сопки. Значит, адмирал Иессен действительно вывел свой флагманский крейсер и все пять броненосцев из Золотого Рога. Пора.

– Наша флотилия – тигр, который долго подбирался к своей цели, пряча горящие полосы среди лесных теней! – крикнул он. – Теперь мы атакуем в стремительном и смертоносном прыжке! Божественный микадо ждет от нас подвигов! Передавайте: тигр! Тигр! Тигр!^[19]

Оглушительное «банзай!» было настолько громким, что наблюдатели на берегу расслышали его и отбросили последние сомнения относительно принадлежности загадочных миноносцев. Но сделать они уже ничего не успевали.

– Дивизиону сниматься с якорей! Следовать строем звеньев! Распределение целей согласно письменным приказам! Мы вместе с «Асасио» и «Акацуки» атакуем флагман!

Загремели цепи, взбурлила вода под кормовыми подзорами, и восемнадцать истребителей, разбившись на тройки, устремились к заранее разведанным подходам в минных полях.

Капитан улыбнулся. Как раз сейчас посланник божественного тэнно, сопровождаемый британским и турецким послами в Петербурге, зачитывает императору северных варваров ноту об объявлении войны. Ну а успеют ли варвары отреагировать на разящий внезапный удар просочившихся прямо под их длинными носами корабликов или нет – их проблемы.

Миноносцы уже набрали двадцатипятиузловой ход, приближаясь к проливу Босфор-Восточный. На берегу мельтешили огоньки – видимо, русские получили информацию о начинающейся войне и теперь лихорадочно готовились к бою. Поздно.

Колонна миноносцев растянулась: поднимался туман, и было бы глупо протаранить друг друга. Они шли по счислению, что было рискованно, но фактор внезапности нельзя было упускать.

– Ракетницы! – приказал капитан.

Молодой мичман протянул ему пистолет с широким коротким дулом, сам он держал такой же.

– Сигнал!

Оба пистолета выстрелили, выпустив в небо красную и зеленую искры. В ответ сразу целый сонм таких же звезд поднялся с берега, указывая на колонну целей. На берегу кто-то несколько раз выстрелил, пророкотал пулемет, но русские орудия пока молчали, видимо, не наблюдая целей.

Капитан уже решил было, что все обошлось, как вдруг сзади донесся глухой, раскатистый взрыв.

– Выстрела не было слышно. Возможно, кто-то из наших выскочил на мину, Кота-сан? – настолько почтительно, насколько это было возможно в такой ситуации, спросил мичман.

– Это уже неважно. Аппараты к бою! – приказал командир отряда.

Мичман закричал на матросов, ворочающих торпедные трубы на левый борт. Сзади послышались удар, скрежет, затем еще два таких же звука и беспорядочная стрельба. Похоже, одна из последних троек по неопытности сбилась с курса и полным составом вылетела на камни острова Попова. Это плохо. Знать бы, кто именно оказался столь неумелым, тогда бы перенаправили часть истребителей с пораженных целей на оставшуюся без внимания... Но увы, умения его моряков, вынужденных вступить в бой, не завершив подготовку, еще не те, чтобы менять план на ходу...

С берега снова взлетели сигнальные ракеты, сопровождаемые яростной стрельбой: видимо, неповоротливая русская полиция пыталась обезвредить сигнальщиков, и прикрывающие их воины Ямато отдавали свои жизни за возможность послать товарищам еще хотя бы один сигнал. Осталось чуть-чуть...

Только проходя мимо замыкающего строй русского броненосца – кажется, это был «Сисой Великий», – капитан осознал свою ошибку: надо было начинать обстрел с ближайшего фланга русского броненосного строя, а не производить залпы по всем кораблям гайдзинов одновременно. А теперь, пытаясь выйти на флагманскую «Россию», он вынужден последовательно проходить через огонь всех русских броненосцев.

Богиня Аматаэрасу пока хранила его экипаж. Море вокруг уже бурлило от трех- и шестидюймовых снарядов, но попаданий в

головной экипаж пока не было. Следующие за ним «Асасио» и «Акацуки» уже горели, как магнитом приманивая на себя новые и новые смертельные подарки. Что ж, у его звена в залпе остаются еще две торпеды...

* * *

– Верткий япошка попался, чуть не упустил! – пробормотал наводчик казематной шестидюймовки «Севастополя», глядя, как поднимается в небо столб грязного пара и дыма на том месте, где только что находился лидер миноносцев «Сиракумо». Загазованность на батарейной палубе была намного меньше, чем в неудачных по конструкции башнях, и он, в отличие от товарищей, еще мог вести огонь. – Матерь божия, да сколько же их тут! Снаряд, черти!

Все новые и новые тени появлялись из утренней дымки с той стороны, откуда их не ждали, скользя мимо трех неподвижных костров в неверном свете зарождающейся зари. Белоснежные следы восемнадцатидюймовых торпед чертили темную воду. Оседала на правый борт пораженная сразу двумя торпедами «Полтава», пытаясь отползти на мелководье на неповрежденной машине.

Старый миноносец, не способный развить и двадцати узлов, бросился поперек третьего торпедного следа и исчез в пенно-огненном столбе взрыва, приняв на себя предназначенную броненосцу смерть. Еще один взрыв, оглушительный и страшный, раздался справа.

– «Петропавловск»! – заполошно крикнул подносчик. – Братцы, «Петропавловск» подорвали! В клочья!

– Заткнись, салага! – рявкнул наводчик. – Снаряд!

* * *

– Посмотрите, Петр Иосифович, не иначе третий отряд японцев на Попова склоняется? – Контр-адмирал Иессен приник к биноклю.

Командир крейсера «Россия» Петр Иосифович Серебренников предпочитал биноклю стереотрубу, установленную в боевой рубке

всего пару месяцев назад: не из сугубой осторожности, а исключительно по причине более широкой оптической базы.

– Так точно, Карл Петрович, достали береговые Камимуру, вот они и пытаются разобраться с ними с близкой дистанции, считая, что на нас и двух отрядов с лихвой хватит. Шутка ли, двенадцать против четверых, если посчитать нашу «Россию»...

– Да уж...

Адмирал был мрачен. Как ни готовились они, как ни тренировались, как ни налаживали разведку и оповещение, как ни вылавливали шпионов, а все же потеряли два броненосца из пяти. «Полтаву», слава богу, удалось посадить на грунт, а «Петропавловск»... И ведь самое обидное, сообщение о подозрительных кораблях в Амурском заливе поступило в штаб всего за пять минут до первого взрыва...

Он задумался. Вспомнилось загадочное распоряжение императора – никого из командного состава эскадры на «Петропавловске» не иметь. Возможно, государю доложили, что японцы будут первым делом атаковать самый боеспособный из броненосцев? С другой стороны, он и сам предпочел в качестве флагманского корабля резко прибавившую в ходе и вооружении «Россию»...

– Уже девяносто кабельтовых. Не соблаговолите ли... – потормошил адмирала Серебренников.

– А что тут соблаговольять? Николай Карлович и так свое дело знает, сейчас...

Со стороны укоротившейся почти вдвое колонны русских броненосцев разнесся гулкий звук залпа. Через сорок секунд еще один, со второго в колонне, и еще один, с третьего...

– Как же медленно стреляют, – пробормотал адмирал.

– С таким-то цирком, – не отрываясь от трубы, пожал плечами командир «России», – хорошо еще, что хоть так можем...

Новые, удлиненные снаряды не умещались в старые лотки и снарядные погреба, и если на черноморском «Потемкине» все же удалось модифицировать поданные механизмы, то во Владивостоке совсем было отчаялись перейти на новые снаряды. Выручила русская смекалка: носовые баллистические колпачки выполнили съёмными, и башенные команды навинчивали их на снаряды непосредственно перед выстрелом^[20].

Четыре всплеска поднялись вокруг головной «Микасы» уже со второго залпа: сеть береговых постов неустанно сообщала командующему броненосным отрядом Рейценштейну вычисленное по пеленгам местоположение и его тройки, и эскадры противника. Благодаря отработанной за зиму системе связи и гигантским двенадцатифутовым дальномерам на самих броненосцах, дистанция была определена точно.

– Да, молодцы артиллеристы. Эх, было б нас хотя бы пятеро... Мичман, сколько снарядов японцы уже в остров вколотили?

– Виноват, господин адмирал, – выкрикнул кто-то из крейсерских мичманов, внимательно наблюдавших за вражеской колонной. – Японцы дают один выстрел в полторы минуты – видимо, по «Фудзи» с «Ясимой» равняются... Восемнадцатый залп!

– Считай, четверть боекомплекта у них долой. И ничего нашим башням береговым пока не сделалось, – кивнул Иессеи, наблюдая, как рядом с головным броненосцем вскипают пять белопенных всплесков, а на палубе начинает разгораться очередной пожар от попадания пятисотфунтового фугаса, шестого в залпе.

– Берег-два: скорость японцев падает до двенадцати! – отрапортовал еще один мичман. Поверх его светло-русых вихров пристроились массивные наушники с пористыми каучуковыми шумоизоляторами.

– Надеюсь, Николай Карлович тоже принял и не сплхует, – пробурчал Иессен. – Ага!

Видимо, полутонный снаряд с одного из броненосцев Рейценштейна попал в палубу японца по крутой траектории, пробив ее прямо над шестидюймовым казематом. Бронебойный борт озарился вспышкой, и адмиралу показалось, что многотонное орудие, выброшенное из каземата силою взрыва, вошло в воду подобно торпедо.

– Японцы ворочают вправо, последовательно! – выкрикнул первый мичман.

– Не понравился господину Того наш горячий прием. Не ждали они. На «телефункене» – передать Рейценштейну: бить по точке поворота!

– Господин адмирал! – отрапортовал через полминуты радист. – Три японских бронепалубника попытались прорваться к бухте

Подъяпольского, отогнаны «Мономахом» и береговой батареей! Один, предположительно «Акаси», парит и отстает! Подводные лодки провели атаку, одна торпеда его достала!

– И там самураи по зубам получили-с... И смертничков наших с почином, да. Но мало, мало! «Мономаху» преследовать «Акаси», не дать бронепалубникам соединиться с основными силами.

– Неужели Того так и уйдет? – задумчиво пробормотал Серебренников. – Сколько нам про самурайский дух говорили, про упорство японское... Ну да, береговые батареи, которых он ждать не ждал, ну да, бьем мы его с дистанции, о которой они даже мечтать не смели... ЕСТЬ!

Очередной залп русских двенадцатидюймовок, нацеленный в точку поворота вражеской эскадры, оказался тем самым золотым, какие зачастую решают исход боя. Тяжелый снаряд попал во всего-то шестидюймовую броню развернутой в диаметральной плоскости для перезарядки башни идущего пятым «Фудзи», успешно пробил ее и высвободил энергию полного пуда тринитротолуола. Несколько секунд башня с глядящими вразнобой стволами курилась ядовиточерным дымом, а потом взмыла в небеса на огненной колонне взрыва.

– Теперь, может быть, и правда уйдет, – развел руками Серебренников. – Глядишь, решит, что хватит ему.

– Мало ему будет, – мрачно промолвил Иессеи, наблюдая, как уходит под воду японский броненосец и как остальные кренятся в повороте, стараясь не столкнуться с задравшим корму корпусом. – Одного – мало! Только за «Петропавловск» нам троих нужно взять!

– Третий отряд японцев отворачивает от Попова! Уходят! «Токива» горит, идет последним! – сообщил радист.

– Миноносцам атаковать «Токиву». Радену идти под прикрытием «Соколов», затем сократить дистанцию до пятнадцати и атаковать полным залпом дивизиона! – отреагировал Иессен. – Все на одного! Хоть одна мина из двенадцати да попадет... Мичман, радио на «Святителей»: держаться не ближе восьмидесяти за японцами, обстрел продолжать! Все внимание – первому и третьему отрядам, второй атаковать только при невозможности стрельбы по остальным! Из зоны действия береговых батарей не выходить – съедят-с! В остальном действовать по своему разумению. А мы постараемся утопить «Акаси», ну и еще кого из бронепалубников, если повезет. Слишком

далеко они от своих оторвались, слишком нагло себя ведут. А наглость наказуема. Дадите двадцать один, Петр Иосифович?

– С половиной, – усмехнулся тот. – Угля-то у нас не в полный груз, специально облегчались!

Взвыли вестингаузовские турбины, вращая генераторы General Electric, и русский крейсер словно бы взлетел из воды, совершая широкую циркуляцию на перехват оставшихся без поддержки японских крейсеров. Все его восьмидюймовки зашевелились в предвкушении грядущей мести.

Историческая справка

Адмирал Иессен – земляк автора. В годы Русско-японской войны начальник Отдельного отряда крейсеров эскадры Тихого океана. Возглавлял русскую эскадру в бою в Корейском проливе. Адмирал Иессен уникален уже тем, что в Русско-японской войне он – почти единственный из участвовавших в ней российских флотоводцев! – не погиб и не попал в плен. Выдержав тяжелейшее сражение с превосходящими японскими силами и потеряв крейсер, он сумел спасти два других своих корабля и привел их во Владивосток Петр Иосифович Серебренников – участник Цусимского сражения, командир «Бородино». Во время боя он был тяжело ранен (ему повредило шею и оторвало кисть правой руки), но даже на операционном столе он «ни на минуту не терял сознания и все время отдавал распоряжения, интересуясь ходом боя и ободряя команду». В молодости состоял членом морского кружка военной организации партии «Народная воля» в Кронштадте. В 1874 г. вместе с мичманом В. Н. Миклухой гардемарин Серебренников распространял нелегальную литературу и намеревался оставить военную службу, чтобы примкнуть к «хождению в народ». После разгрома военной организации «Народной воли» оставил революционную деятельность.

В то же время. У Цапличьей лагуны

Шальной шестидюймовый снаряд, долетевший аж до противоположного берега Амурского залива, лопнул у прибрежных камней, подсветив фигуры непрошенных гостей. Японские сигнальщики пока не поняли, что потревожившие их русские не воинская часть и даже не казачий разъезд, а всего лишь двое

сотрудников русской контрразведки. Один из них – филер, отслеживающий связную майора Фуццо Хаттори, а другой – прикомандированный к нему прапорщик Степан Степанович Гордеев, едва оправившийся после ранения, но выдернутый из госпиталя как знаток японского языка.

– Вот ведь беда, ваше благородие, – прошептал филер, обратившись к офицеру по-старорежимному, – следили за девчонкой, а тут целый батальон нехристей.

– Максимум взвод, – автоматически ответил прапорщик, снаряжая последними патронами «Маузер К96», именное оружие, врученное лично полковником Потаповым в награду за похищенные из японского штаба документы. – Эх, знал бы, что столько стрелять придется, взял бы с собой вещмешок. У тебя как?

Филер крутнул барабан револьвера и грустно усмехнулся.

– Пусто...

– Тогда так, служивый, – Степан вдруг засмутился, что второпях забыл даже спросить имя контрразведчика, – бери обеих лошадок – и наметом до ближайшего поста или разъезда. Думаю, что наши уже увидели иллюминацию и сами спешат сюда. Ты им подскажешь, где искать гостей, а я пока с ними побеседую по-свойски...

– Эх, Степан, Степан, – прошептал прапорщик, провожая глазами юркого не по годам филера, – везет же тебе на приключения. Из огня да в полымя. Кстати, насчет пламени...

Над заливом грохотало и сверкало непрерывно. В трех или четырех местах занималось зарево. Казалось, что колесницы Зевса спустились с небес и раскатывали по волнам Золотого Рога и Амурского залива.

«Пора и нам пошуметь!» – скомандовал себе Гордеев, передернув затвор, и рывком бросил себя из-за спасительного укрытия вправо по прибрежной тропинке. Десять шагов, приглядеться, развернуться – и быстро сделать пять выстрелов в сторону противника, на ходу изображая стрельбу пачками целого отделения. Потом такой же маневр в другую сторону. Ну вот, кажись, и все... Теперь только кулаком грозить и камнями бросаться.

Кусты шевельнулись неясной тенью, и под ноги разведчику упала галька.

– Эй, солдатик! – услышал прапорщик насмешливый девичий голос. – Живой?

– Кто там? – полушепотом ответил Гордеев, отбросив бесполезный маузер и судорожно схватившись за шашку.

– Единственный, кто может спасти тебя от героической гибели.

Кусты еще раз чуть качнулись. Прапорщик готов был поклясться, что никто к нему не подбегал и не подползал, только рядом вдруг материализовалась лесная кикимора. Во всяком случае, именно так описывала их маленькому Степушке бабушка. Мол, кикимора мала, тонка, с большой головой, длинными руками, короткими ногами. У нее выпученные глаза, мохнатые лапы, рожки, хвост, она покрыта перьями или шерстью. Еще бабушка говорила, что кикиморы обыкновенно невидимы, неугомонны, быстро бегают и могут общаться с людьми человеческой речью.

Единственное, о чем умолчала бабушка, это об оружии лесных жительниц. Существо, присевшее рядом с прапорщиком на одно колено, опиралось тоненькой рукой на короткий кавалерийский карабин. Все остальное совпадало. Большая голова с торчащими сухими веточками, мохнатая, будто покрытая мхом, шкура и глаза...

Вот глаза были вполне человеческие, смеющиеся и совсем не страшные. Но Гордеев увидел их не сразу, а когда «кикимора» легким движением руки откинула закрывающую все лицо вуаль, наклонила голову и внимательно осмотрела прапорщика.

– Не ранен?

– Кто вы? – Гордеев говорил это, понимая, что произносит самую большую глупость, какую только можно выдумать в его положении.

– Урядник Юдина, ваше благородие, особый взвод ночных охотников, – насмешливо представилась «лесная жительница».

И прапорщика будто тюкнуло в темечко, а память услужливо вытащила из закровов прогремевшее год назад на весь Дальний Восток награждение героических казачек, защищавших Благовещенск во время восстания ихэтуаней, и слухи, что все они до единой приглашены императором в его личную охрану.

– Не задели? Ну и слава богу! Отдохните, ваше благородие, теперь мы повоюем...

Только теперь прапорщик заметил, как слева и справа от него бесшумно появлялись и перемещались вдоль тропинки неясные тени,

слышалось сосредоточенное сопение и клацанье передергиваемых затворов.

– Огонь по готовности! – уже громче скомандовала «кикимора» и направила в сторону японского десанта сигнальный пистолет Бери.

Ослепительно белый комок огня вытянулся дугой к берегу заскакал по камням, зашипел рассерженной змеей, и его недовольный голос сразу же заглушил дружный треск автоматических винтовок Федорова – Рощедея.

В то же время. На острове Попова

По ступенькам КП экспериментальной башенной батареи береговой обороны буквально скатился казак, ошалело вращая глазами и судорожно хватая ртом воздух.

– Господин капитан! Все! Смяли нас! Охранения больше нет. Еще десять минут – и японцы будут у орудий...

Артиллерист забористо, по-морскому выругался, бросил на планшет карандаш и рывком поднялся с места, одновременно расстегивая кобуру револьвера.

– Как же не вовремя! Мы так хорошо накрыли Того! Сколько их?

– Не меньше сотни! В основном с миноносцев, что на камни налетели. Было больше. Первую волну наши пулеметчики посекали, а потом по ним врезали с воды прямой наводкой, а англичане ударили в тыл, в окопы ворвались...

– Англичане? С чего ты взял? Откуда они тут?

– Поручик пехотный сказал, до того как убило его. Пароход еще вечером шастал, вроде как германский, могли с него высадиться...

– Ладно, потом разберемся... Пошли, покажешь, откуда пойдут!

Они поднялись на контрэскарп как раз во время очередного залпа. Длинные языки пламени, вылетевшие из стволов и разорвавшие ночное небо, моментально ослепили, а грохот залпа заставил невольно присесть, оставив после себя нудный неумолкающий звон в ушах.

– Вот там и там нехристи поднимаются, – уверенно указал казак направление движения неприятеля. – А по-другому и не получится: скалы...

Решение пришло моментально. Офицер нырнул в боевую рубку, уже зная, как и чем встретит врага.

– Никифоров! Слушай внимательно! Стволы – в ноль! Развернуть на тридцать градусов влево, ориентир – одинокая сосна, правее два, зарядить холостым. Да, только пороховой заряд, и не жадничай! Огонь по красной ракете!

Точно такую же команду получила вторая башня. Стволы орудий нехотя отворачивались от вражеской эскадры и нащупывали новую цель. Треск ружейной перестрелки слышался все ближе, и вот на склоне, на фоне светлеющего неба появилась редкая цепь защитников – жалкие остатки двух рот прикрытия, в чью задачу входила противодесантная оборона побережья.

В отступлении инфантерии с позиций артиллерист не видел ничего позорного, наоборот, удивлялся, что хоть кто-то остался в живых и более-менее организованно отходит после массированного обстрела главным морским калибром. Отступающие успели добежать почти половину расстояния до батареи, когда из-за откоса вымахнула и начала расползаться по небольшому плато темно-синяя волна военноморских мундиров Японского императорского флота. Вот они остановились, грохнул нестройный залп, и несколько отступающих, будто споткнувшись, упали на пожухлую траву и больше не поднялись.

Капитан почувствовал, как у него повлажнели ладони при одной мысли, что пистолет может дать осечку и комендоры не увидят сигнал на открытие огня. Да нет, командир башни, прапорщик Никифоров, вполне самостоятельный и понимает, что делает и зачем. Должен сообразить... А если не сообразит? Вот и он сам вылез из под брони, кричит и машет руками отступающим...

Японские матросы, сломавшие строй в предвкушении расправы над ненавистой батареей, превратившись в многоголовую и многорукую толпу, жаждущую крови, почти настигли беглецов и почти прорвались к орудиям. До них оставалось не более тридцати шагов, когда с горы, господствующей над островом, взвилась в небо одинокая красная ракета, а в лицо атакующим плеснуло пламя из преисподней...

В Ормузском проливе. Спустя два часа после начала боя

– Вот и все, Дмитрич, – вздохнул поручик Жуковский, – пара корабельных залпов – и нет батареи, только наше орудие и осталось. И корректировщиков накрыли.

– Впредь нам, дуракам, наука, – согласно кивнул фельдфебель. – Коли выживем, конечно. Об заклад бьюсь, что они по вершине чисто для проформы вмазали. И правы оказались. Вдругорядь корректировочный пункт рядом с ориентирами не ставить, скромнее надо быть, вашбродь, скромнее. А то вон штабных, что в португальской крепости засели, еще издали в пыль разнесли, тоже чисто для проформы. А это грех смертный: они ж безвредные совсем, чисто кошенята, а потому бесполезные.

– И что сейчас предлагаешь? Без корректировки?

– Почему же без? Помните, флотские жалились, что у них кто-то малый дальномер спер?

– Так это...

– А Чемоданов нашел. Под кустиком валялся, – невозмутимо пояснил фельдфебель. – Не Чемоданов, само собой, валялся, а дальномер. Маленький Кузнецов с ним сидит вон в тех камушках, под мешковиной. И телефон для него Чемоданов в портовой конторе нашел, в Бондарь-Басе еще. Хороший телефон, американский, фирмы «Белл». Так что считайте, вашбродь, а мы тут меры примем. Эй, болезные! Брезент поправить! Водой смочить! – заорал он. – Живо, живо, ишаки, банником обдроченным деланные! Чем меньше пыли, тем позже нас накроют!

Солдатики забегали, расправляя и прибивая кольями расстеленный перед восьмидюймовым жерлом брезент и поливая его грязной, пахнущей гнилью водой из здоровенной бочки.

– Наводи, Дмитрич, – вздохнул поручик, – у тебя опыта побольше будет. Пару выстрелов успеем дать. А там...

– Надо три, – вздохнул в ответ фельдфебель, – чтобы для гарантии. Что за два попадем, не ручаюсь. Акопян! – крикнул он.

– Здесь, господин фельдфебель!

– Бери Петренко, Чагина и Кузнецова-большого. Хватайте под мышку по картузу, к ним шашки динамитные, из тех, что от саперов остались. И зажигалки не забудьте. Добираетесь вон до тех камней, что в четверти версты правее и чуток пониже, пристраиваете меж камнями заряды, с интервалом шагов двадцать между ними. Через семь минут поджигаете шнуры – на две минуты режьте, да поровнее, чтобы как батарейный залп выглядело, – и ноги в руки. Держи вот.

Он протянул носатому фейерверкеру дешевые часы-луковицу, их выдали всем унтерам пару месяцев назад. Тот отдал честь и рванул к дальнему блиндажу.

– Мы, вашбродь, молчим, пока по вспышкам главный калибр не разрядят. По четырем-то они обязательно отработают, не побрезгуют. А потом им для перезарядки стволы по носу да по корме ворочать, потом обратно... Две минуты у нас будет. Как они пальнут, так и мы. Мокрожопые-то проспали, как обычно, так что с утюгами этими, – он кивнул на наползающую справа броненосную колонну, – только нам и разбираться. Наводим не по головному, а по второму в колонне: у первого башни закрытые, не пробить. Все, добегай черт носатый. Командуйте, вашбродь.

– Дистанция шесть восемьсот шесть, скорость восемнадцать верст! – заорал сидящий с телефонной трубкой у уха Чемоданов.

– Дальномер у флотских в богомерзких милях да кабельтовых размечен, – пояснил фельдфебель, прикикая к прицелу, – срамота! Кузнецову ажно табличку для перевода рисовать пришлось.

Поручик присел за бруствер, приложил к глазам бинокль, прикинул...

– Упреждение... девять тысячных, или полкорпуса. Угломер на шесть восемьсот! На сопровождение! Все от ствола! Воду приготовить! Стрелять после залпа по Акопяну!

– Сопровождайте, черти! – рывкнул фельдфебель на артиллеристов, занявших позиции у ворота горизонтальной наводки. – Вот так! Крути влево, чуть быстрее... Притормози... Во, так и вертите!

В четверти версты справа длинно грохнуло. Орудия в башнях и барбетах, прекрасно видимых с позиции английских кораблей, зашевелились, затем по темным силуэтам пробежали вспышки...

– ОГОНЬ!

Последнее уцелевшее орудие батареи выстрелило за мгновение до того, как земля между ним и разбитыми ранее позициями соседей превратилась в ад. Несколько шестидюймовых фугасов легли перелетом, расчеты засыпало охряной крошкой.

– Откат нормальный! – заголосил замковой.

– Заряжай! – скомандовал поручик. – Живо, живо! Дмитрич, ты как?

– Живой! – ответил тот, наблюдая за поднявшимся всплеском в сотне метров от идущего вторым броненосца.

– По целику хорошо, дальше сто двадцать! – крикнул покрытый пылью Чемоданов.

Батарейцы вертели рукоятки лебедки, поднимая к старому орудью очередной восьмипудовый снаряд нового образца.

– Брезент поправить! Воду на брезент! – приказал Жуковский.

Броненосцы снова рывкнули, на этот раз средним калибром, вколачивая снаряды в тучу пыли, подымающуюся на месте предыдущих попаданий.

– Орудие готово! – крикнул замковой.

– На дальномере шесть триста девяносто! – сообщил Чемоданов.

– Упреждение... восемь тысячных, угломер... шесть пятьсот! По готовности... Огонь!

– Откат нормальный!

Снаряд снес одну из стоящих в ряд труб броненосца, не разорвавшись, и пенный всплеск встал чуть дальше цели.

– Брезент поправить! Воду на брезент!

Судя по всему, на головном разглядели вспышки. Его башни все еще находились в сагитальной плоскости, стволы были задраны вверх, на угол перезарядки, но батарея шестидюймовок отстрелялась почти верно: снаряды легли с недолетом саженой в пятьдесят.

– На дальномере шесть двести пять!

– На угломере ставить шесть двести пятьдесят! Упреждение восемь! По готовности!

На этот раз прицел шестидюймовок головного был точнее. По руке чуть выше локтя ударило, почти не больно, сзади кто-то закричал.

Приникший к биноклю Жуковский левым виском чувствовал взгляд направленных на него стволов главного калибра «Худа». Он знал, что не услышит «своего» залпа: тринадцати с половиной дюймовый снаряд летит вдвое быстрее звука. Поэтому он был очень удивлен, когда со стороны моря донесся взрыв.

– Орудие готово!

– Огонь!

Пушка рывкнула, и поручик понял: они сделали, что могли.

Он оторвался от окуляров.

Бруствер орудейного дворика был почти полностью разрушен. У подъемника лежало несколько тел в местных рубахах, а на его собственном порванном рукаве расплывалось кровавое пятно, к счастью небольшое. Головной «Худ» все так же шел вперед, но стволы его носовой башни, уже и вправду развернутые в сторону берега, торчали под нелепыми углами, а с крышей башни что-то явно было не в порядке: из-под нее курился дымок.

«Мы же по второму целились!» – успел подумать поручик, прежде чем рядом с бронированным бортом встали еще четыре фонтана. А потом истекающую дымом башню «Худа» подбросило. Секунд через двадцать накатила гулкий грохот, и поручик понял, что они еще немного поживут.

– Не проспали морячки! – крикнул от орудия фельдфебель. – Это ж наши броненосцы по головному бьют! Да и мы своему влепили, вашбродь, правда, по поясу. Эй, кто живой остался – брезент, вода! Давай-давай! Не все нас видят, и мы не торопимся помирать!

– Дистанция шесть ровно! – передал Чемоданов.

– Так... скорость они увеличили, сейчас двадцать одна верста. Угломер шесть ноль пятьдесят! Упреждение десять! По готовности!

Следующим выстрелом они снова попали. И еще одним прямо в барбет. Но второй броненосец тоже записали флотским. Обидно. Это, как оказалось, был «Рипалс». После взрыва второго им и удалось добиться попадания еще в один броненосец, правда, без видимого эффекта. Но весь расчет старой восьмидюймовки точно не останется без наград. Только, как назло, Акопян разгрохал о камни фельдфебельские часы, когда улепетывал из-под первого залпа, и Жуковский пообещал почтою заказать Ивану Дмитриевичу золотые, фирмы «Павел Буре».

Вечер того же дня. Ставка Верховного главнокомандования

– ...Таким образом, наши потери в Персидском заливе следующие. Безвозвратно – эскадренный броненосец «Георгий Победоносец» и три истребителя. Броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и два истребителя подлежат ремонту. Почти полностью уничтожена восьмидюймовая батарея, а батарея одиннадцатидюймовых орудий – без возможности восстановления.

– Береговые батареи выполнили поставленную задачу, и это главное, – прищурился император. – Англичане в Персидском заливе и японцы у Владивостока, как ни осторожничали, все-таки попали в артиллерийскую засаду, сунувшись в узкие проливы. У этих устаревших пушек, оставь мы их на канонерках, не было шанса даже приблизиться на расстояние открытия огня, а скрытно установленные и замаскированные на берегу они смогли выдержать почти двухчасовой бой... Кстати, каковы потери англичан?

– В бою при Ормузе уничтожены два британских броненосца – «Худ» и «Рипалс», тяжело повреждены еще два – «Рамиллиес» и «Императрица Индии». По неподтвержденным данным, «Рамиллиес» затонул на переходе.

– Каков процент попаданий? – уточнил император, раскуривая папиросу.

– По береговым батареям данных нет ввиду полного уничтожения штаба. По кораблям после завершения пристрелки – два с половиной процента на дистанции семьдесят, около двух – на дистанции девяносто кабельтовых, господин Верховный главнокомандующий. Огонь нашими кораблями на меньших дистанциях не велся, поэтому в артиллерийском бою наши корабли повреждений не получили вообще.

– Это хорошо. Это значит, что наш расчет был правильным, – кивнул император. – Надо использовать это преимущество прежде, чем наши враги успеют принять контрмеры. Что с потерями легких сил англичан?

– Миноносный таран «Полифемус» также не смог расцепиться с «Георгием Победоносцем» и затонул вместе с ним. Потери противника в истребителях составляют до десяти единиц.

– Точнее, – потребовал император. – Один – это тоже «до десяти». И даже ноль – это тоже «до десяти».

– Я же говорил, – слегка обиделся докладчик. – Штаб береговых батарей и пост наблюдателей уничтожены полностью. Результаты наблюдений утеряны. Но за четыре могу ручаться, с них захвачены пленные.

– Значит, пока считаем четыре. А что в Бушере?

– На выставленных накануне минах подорвался и затонул бронепалубный крейсер первого ранга «Крисцент», пытавшийся в составе отряда из четырех крейсеров типа «Эдгар» обстрелять порт.

Однотипный «Гибралтар» был поражен попаданием одиннадцатидюймового снаряда, после чего противник отошел.

– Три крейсера, – вздохнул император, – хорошо, пусть даже два. Они попортят крови и нам, и персам...

– С вашего разрешения, государь... Поврежденный крейсер отходил курсом на северо-запад, вероятно, в Эль-Кувейт. Туда уже отправлены «Наварин» и «Ростислав», они уверенно держат пятнадцать узлов и, как я уже говорил, не получили в бою повреждений... Полагаю, крейсеров у британцев останется всего два, да и те отойдут в Карачи вслед за броненосцами. Им без поддержки «Роялей» делать нечего.

– И все же, почему британцы отступили, как считаете, господа?

– По непроверенной информации, государь, на «Рамил – лиесе» ранен командующий операцией адмирал Фишер, – заметил начальник разведки. – Видимо, без него у британцев не хватило духу продолжать операцию после первых потерь. Я согласен, что «Сент-Джонс» и «Роял Артур», два оставшихся неповрежденными бронепалубника англичан, действительно покинут Персидский залив. А вот «Гибралтар» уползал на двенадцати узлах, и вряд ли мы его упустим.

– Это хорошо, – кивнул император. – Британские крейсера, особенно первого ранга, для нас даже более неприятный противник, чем броненосцы, за исключением новейших кораблей. Докладывайте, как только получите новую информацию. Что во Владивостоке?

– В результате внезапной атаки миноносцев взорван «Петропавловск», – доложил еще один капитан из оперативного отдела главморштаба. – «Полтава» села на грунт. Как говорят портовые, ее можно будет поднять, но правая машина полностью уничтожена и не подлежит восстановлению. Мы потеряли также все четыре моторных миноносца, утопивших броненосец второго класса «Токива». Один – на сближении до пятнадцати кабельтовых, – капитан вздохнул, – два были перехвачены скоростными бронепалубными крейсерами уже на отходе; один ушел, но подорвался на нашей же mine.

– Полный список экипажей и личного состава береговых батарей мне, для награждения. Информацию о том, что «двести восьмой» подорвался на нашем заграждении – не распространять.

Капитан удивленно дернул бровью: в его докладе не был указан номер несчастлившего миноносца.

– Слушаюсь, ваше императорское величество. Больше потерь в кораблях нет. Повреждения башенных батарей на островах Русский и Попова незначительные, двухорудийной открытой батареи на полуострове Подъяпольского – умеренные, ее боеспособность уже восстановлена.

– Понятно.

Император прикрыл глаза. Ему очень хотелось спросить: ну как же это можно, имея всю информацию о начале войны, вот так вот просто проморгать сразу две миноносные атаки. И это притом, что последующий бой прошел точно в соответствии с расчетами – без потерь и даже без повреждений крупных кораблей. Но он промолчал. Разбор ошибок он оставит на потом.

– Что с японцами?

– «Фудзи» взорван снарядом с «Трех Святителей», государь. Прямое попадание в башню. Процент попаданий на дистанции от восьмидесяти до девяноста кабельтовых был даже выше, чем у Персидской эскадры: семь отмеченных попаданий на двести сорок выпущенных снарядов, а у береговой артиллерии нового образца – даже до трех с половиной процентов. Поэтому почти все остальные броненосцы получили те или иные повреждения. «Микаса» лишился примерно половины средней артиллерии левого борта. Еще два броненосца – «Хатсусе» и «Ясима» – при отходе подорвались на крепостном минном поле, сохранив, правда, девятиузловой ход.

– «Хатсусе»... «Ясима»... На минах... И снаряд в башню «Фудзи», – пробормотал император. Казалось, потери противника его не радовали, а беспокоили. Да и «Микасу», как-никак флагман Объединенного флота, он почему-то проигнорировал. – И взорванный «Петропавловск»... Не обращайтесь внимания, господин капитан, продолжайте, просто сегодня очень длинный день... Самый длинный, пожалуй...

– Так точно, ваше императорское величество! Также броненосным крейсером «Россия» уничтожен бронепалубный крейсер «Акаси», поврежденный до этого подводной лодкой «Ерш». Кроме того, крейсер «Такасаго», пытавшийся помочь товарищу, был поврежден в результате артиллерийского боя. Потоплено минимум шесть японских миноносцев: один подорвался на mine до атаки, три уничтожены во время атаки и два расстреляны береговой артиллерией на отходе. Еще

три миноносца выскочили на камни у острова Попова в результате навигационной ошибки.

– Так это их команды приняли за десант? – удивился император.

– Так точно. Японцы подорвали миноносцы зарядами и головными частями запасных торпед и пошли в атаку на батареи. С саблями.

– И как?

– В боекомплекте батарей не предусмотрены картечные снаряды для самообороны, поэтому командир гарнизона принял решение подпустить атакующие цепи на pistolетный выстрел и ударил двойным порохом зарядом... Из всех шести стволов. Часть японской штурмовой группы просто испарилась, примерно треть получила контузии разной степени тяжести. Оставшихся, полностью деморализованных, добило в контратаке пехотное прикрытие. Пленных нет. Нет среди этого десанта, – поправился он. – Двое ракетчиков, подававших сигналы миноносцам, и несколько человек из их прикрытия взяты живыми.

– Почему их не обнаружили предварительно? – нахмурился император. – Были ясные указания на недопуск азиатов...

– Это европейцы, государь. Предположительно британцы. Но дрались они отчаянно.

– Что ж, по крайней мере, японские миноносные силы мы ополовинили. Думаю, британцы вполне могут помочь союзникам кораблями. У них миноносцев сотни полторы, не так ли?

– Уже меньше, государь. Помимо потерь, они переделывают все свои стотридцати- и шестидесятифутовые миноносцы в тральщики, как и двадцатишестиузловые типа «А». В основном они стягивают их на Балтику.

– А на Черноморский театр?

– Они планировали войти в Черное море еще до того, как мы выставили заграждения, государь. Но в Босфоре флагманский крейсер адмирала Керра «Террибл» внезапно взорвался по неизвестным причинам. Первый морской лорд погиб.

– Вот как? Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Избежал, значит, адмирал наш коварного покушения на «Александре», а тут такое, понимаете ли, несчастье... Продолжайте, капитан.

– Англичане решили, что пролив заминирован, прекратили продвижение и...

– И?..

– И опоздали. Наши минные крейсера, все четыре, успели ночью выставить в горле Босфора мины, прямо с рельс, на десятиузловом ходу, ориентируясь на скрытые огни, выставленные разведывательными командами Черноморского флота. Мины были выставлены в радиусе действия береговых батарей турок. А те, как мы полагаем, проспали.

– Ну, не одним же нам просыпать начало войны, – проворчал император. Его раздражение все-таки вылезло наружу, хотя бы краешком. – И что дальше?

– Дальше мы начали ставить заграждения уже официально, если так можно выразиться. Британцы, не обнаружив мин в проливе, выдвинули вперед «Цезарь», «Илластриес» и «Викториес», чтобы помешать «Бугу» и «Пруту». «Цезарь» шел первым. «Екатерина», прикрывавшая постановки, уже приготовилась открыть огонь с восьмидесяти кабельтовых, но опоздала: «Цезарь» налетел на мину.

– И что с этим «Цезарем» стало? – заинтересованно спросил император.

– Потерял носовую оконечность, – развел руками капитан. – По самый барбет. На том самом «ночном» заграждении, упущенном турками. Но не взорвался, и даже не опрокинулся, а отошел задним ходом. Через полгода он, возможно, и вернется в строй. Но прямо сейчас, полагаю, британцам на Черном море не до атаки.

– Это хорошо, – кивнул император. – Нам очень нужно время. На Черном море каждый час, каждая минута работает на нас. И мы не должны забывать тех, кто предоставляет нам эти бесценные минуты. Поэтому, когда будет возможность, пригласите в Ставку эту неизвестную причину внезапного взрыва британского флагмана... «Террибл»...^[21] Действительно, какое неудачное название для боевого корабля...

Накануне. Стамбул

В Стамбуле все покупается и продается – так повелось от века. А уж сейчас, после нескольких загадочных смертей, неизбежных при столь резкой смене политики от «пожалуйста, не трогайте нас, дайте

помереть спокойно» до «сейчас мы вместе с инглезскими гяурами отомстим русским гяурам за старые обиды и за подлый подрыв „Александры“ тоже», и подавно. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вполне приличный и не слишком даже старый итальянский пароходик с претенциозным именем «Князь Боргезе» встал под разгрузку на одно из лучших мест, всего в полутора милях от выстроившейся на рейде британской эскадры.

Понятное дело, британцы, начиная с прошлой недели, изрядно нервничали, особенно ночью. Лучи их прожекторов метались по водной глади, нащупывая фелюги и шхуны, проходящие на приличном расстоянии от флота неверных. Еще хорошо, что обошлось без стрельбы. Днем эскадра вела себя поспокойнее: видимо, слишком уставали за ночь.

– Дон Серджио! Дон Серджио!

– Что тебе, Пьетро? – обернулся к молодому моряку шкипер – плотный, крепко сбитый, с огромными кулаками и окладистой бородой.

– Пожар на берегу, дон Серджио!

Несмотря на обращения в итальянском стиле, оба моряка разговаривали по-русски.

– Значит, сегодня... – Моряк взял лежащий на столике бинокль и уставился на мерцающий вдали на берегу рыжий огонек, увенчанный султаном черного дыма. – И на этот раз они не отменят нападение, поскольку сигнал экстренный и явно окончательный... Вниз, Пьетро.

Он аккуратно положил бинокль обратно, стараясь не оборачиваться в сторону серых британских кораблей.

Они спустились по трапу в котельное отделение и остановились у люка, который теоретически должен был вести в угольную яму. Но количество и солидность задраек на люке было несколько избыточным для столь прозаической цели.

Несколько матросов, тоже плотных, мускулистых и явно тренированных, поднялись, продемонстрировав прекрасную выправку.

– Степаныч, оборудование в порядке?

– Так точно, господин капитан! – отрапортовал один из них, «проглотив» долженствующие завершать обращение слова «второго ранга». – Батареи заряжены, баллоны набиты. Хоть сейчас...

– Сейчас и пойдём, – ответил «дон Серджио», – экстренный сигнал пришел. Дай бог успеть. Идем электрическим ходом, на десяти саженьях, по компасу, обратно – по линиям. Вешки-то расставили?

– Обижаете! Два дня рыбаков изображали, пузыри эти топили... Но сейчас ведь...

– Ну да, сейчас день. Но вода грязная, поэтому нас все равно не увидят. К тому же бдительность у британцев после бессонных ночей ослаблена. Самое время нанести визит.

– Кому наносим? – уточнил унтер, щелкнув костяшками мощных пальцев – аккуратно подковы гнуть.

– Флагману, ясное дело. Адмирал Керр флагманский вымпел на «Террибле» поднял. Будем выбивать командование. Глядишь, устроим им неразбериху на пару-тройку суток, чтобы наши на выходе из Босфора успели мины набросать. «Террибл» с «Пауэрфулом» у них самые шустрые. Был бы у нас второй буксировщик или времени побольше, наведались бы и на второй большой крейсер. Но чего нет, того нет. Да и стоит «Террибл» удачно, с самого края.

– По часам взрывать будем, Сергей Захарыч, или...

– По якорю. С двухчасовой задержкой. До объявления войны они к выходу из Босфора не двинутся. Пока соберутся, выстроятся, потом малыми ходами...

Унтер, ничуть не смущаясь, двинулся в дальний угол и достал из металлического шкафа два массивных топочных колосника с исполненным готическим шрифтом литым клеймом производителя. К каждому из них были привязаны смотанные в бухты линьки.

– Вот, господин капитан, немецкие, как приказывали! Опустим на дно, линьки к чекам... Колосники тяжелые, как только «Тетеря» ход даст, выдернет чеки за милую душу. А если англичане потом на месте стоянки будут искать чего, так и пусть найдут, хоть порадуются.

– Отлично. Пьетро, – распорядился «Дон Серджио», – через сорок минут после нашего отбытия начинайте разведение паров и имитируйте мелкий ремонт. Три удара кувалдой по шпангоуту через каждые две минуты, если у вас все нормально. Если долбить прекратите – это будет означать, что возвращаться нельзя... Тогда будем уходить через Турцию... Шлюз держать открытым. Расстроены, что не идете с нами?

– Так точно... дон Серджио!

– Не расстраивайтесь, молодой человек, успеете еще навоеваться.

Шкипер скинул сюртук и брюки, продемонстрировав впечатляющую мускулатуру. Двое матросов помогли ему надеть поверх шерстяного белья прорезиненный комбинезон.

– Просто мы со Степанычем уже имеем опыт: доставали как-то рельсы, утопленные в устье Гольчихи, лет семь назад... Эх, были времена... Ну и принять нас нужно будет. Думаю, уйти успеем.

– Так точно, дон Серджио! – «Пьетро» выглядел разочарованным.

Степаныч тоже облачился в прорезиненный костюм и внимательно разглядывал галоши с носом, плавно переходившим в перепончатые лапы, на манер лягушачьих.

– Чисто тюлени мы с вами, Сергей Захарыч^[22], - вздохнул он. – Хотя вещь, надо сказать, дельная.

– Отдраивай, – приказал «дон Серджио», навешивая на спину сверкающий медью баллон в чехле, от которого шел к медному редуктору-загубнику ребристый шланг, и принимая гуттаперчевую маску с толстым стеклом.

Лязгнули запоры, из темного помещения, оказавшегося на месте угольной ямы, повеяло сыростью. Луч электрического фонаря высветил стоящую на кильблоках торпеду раза в полтора длиннее и толще обычной пятнадцатидюймовой, с двумя укрепленными поверх нее сиденьями и щитком.

– Мина в головном рундучке, господин капитан, только три часа, как проверена.

– Отлично. Благодарю за службу, братцы. Пьетро, помните, что делать?

– Так точно, господин капитан! Через сорок минут после вашего отплытия разводить пары и подавать звуковые сигналы ударами кувалды, три удара через две минуты. В случае вашего невозвращения через три часа после отплытия, уходить в Таранто, сдать корабль синьору Томмазо и выполнять его распоряжения.

– Верно, молодой человек. Степаныч, за мной!

Дон Серджио перекрестился и нырнул в люк. Унтер последовал за ним. Молодой офицер проверил задрайки и провернул штурвал; из-за переборки послышался шум наполняющей отсек забортной воды.

– Иван Федорович, – приказал «Пьетро», – оповестите команду. Общую тревогу не поднимать, сбора не устраивать. Командир

приказал уйти тихо, значит, уйдем тихо.

И тоже перекрестился.

12 апреля 1902 года. Военно-морской госпиталь. Цейлон

– Каждого, кто сравнит меня с лордом Горацио, я отправлю на Шпицберген воевать с белыми медведями, – прошипел Джон Арбетнот Фишер.

Вошедшие в палату офицеры опустили глаза. Шрам, начинающийся на лбу, уходящий под прикрывающую левый глаз повязку и оканчивающийся на щеке, навевал именно такие ассоциации.

– Итак, к делу. Мне нужно знать: почему мы отступили? Неужели я был единственным, кто стремился к победе? Почему мы не гнали русских до тех пор, пока наши орудия не стали, наконец, доставать до портовых сооружений и не разнесли там все к чертям, и уничтожение русских броненосцев не стало только и исключительно вопросом времени и сожженного угля? Я знаю, что мы потеряли три броненосца. Но почему вы не добились того, чтобы их гибель стала оправданной?!

– Разрешите доложить, сэр? Первый лейтенант Дрейер, сэр! – вытянулся возмутительно молодой офицер с висящей на перевязи правой рукой. – Старший артиллерийский офицер на корабле его величества «Ройял Соверен», сэр!

– Помню вас, лейтенант. – Фишер скривился от боли, пронзившей его при попытке улыбнуться. – Докладывайте.

Лейтенант сделал два шага, высунул голову в коридор и скомандовал:

– Завози!

Больничная каталка явно была перегружена. Дрейер четким движением сорвал с нее покрывало.

– Это русский снаряд калибра девять и четыре дюйма, сэр. Обратите внимание, его длина составляет сорок два дюйма, или почти четыре с половиной калибра.

– Сколько же он весит?

– Почти четыреста девяносто восемь фунтов без взрывателя, сэр. Притом что немецкие снаряды, которые я изучал в Гринвиче, весят всего триста десять. Мы нашли его в нашей угольной яме: он пробил палубу, зарылся в уголь и не разорвался. Нам очень повезло, сэр.

– Что у него внутри, лейтенант?

Адмирал поморщился. Дьявол! Он ведь предполагал, что с этими новыми пушками уменьшенного калибра что-то не так... Коварных русских нужно было смести с поверхности моря быстро и решительно, но... Этот снаряд впечатлял и, действительно, не имел ничего общего с кургузыми немецкими поделками...

– Тридцать фунтов тринитротолуола, – продолжил лейтенант. – Судя по всему, это коммон, сэр. Мы демонтировали взрыватель и выплавили взрывчатку на водяной бане. Разведка доложила, что русские закупают это вещество у немцев, и даже приложила небольшую справку относительно его свойств, сэр, поэтому у нас все получилось. Разрешите продолжить демонстрацию?

Фишер кивнул.

На второй каталке лежали несколько крупных осколков, соединенных вместе посредством обожженной глины так, чтобы хорошо видеть форму изделия. Этот фрагмент снаряда был коротким и почти цилиндрическим, без привычного носового сужения, хотя два широких ведущих пояска с косыми следами от нарезов однозначно говорили понимающим людям о том, что до попадания в цель этот снаряд был не короче первого.

– Это бронебойный, сэр. Вероятно, на носу у снаряда имеется коническая нашлепка из мягкого железа, облегчающая проникновение через броню, и тонкостенный баллистический обтекатель, предотвращающий потерю скорости на дальних дистанциях. Эти осколки найдены в котельном отделении «Эмпресс оф Индия». Заряд взрывчатого вещества составляет около пятнадцати или шестнадцати фунтов. Это эквивалентно примерно шестидесяти фунтам черного пороха, господин адмирал. К сожалению, осколков двенадцатидюймовых снарядов найти не удалось: «Худ» и «Рипалс», которыми они были обстреляны, сейчас на дне.

Фишер прикрыл глаза. Теперь все стало на свои места. Мощность русских девятидюймовых снарядов, считавшихся никчемными, ненамного уступала могуществу снарядов британских тринадцати с половиной дюймовых орудий, а в осколочном или тем более фугасном исполнении даже превосходило его.

И ведь это всего девять с половиной дюймов... Что же за чудовищная мощь спрятана в двенадцатидюймовых снарядах того же

«Потемкина»? После гибели первого морского лорда разбираться со всем этим тоже придется ему! Теперь Джон Арбетнот Фишер был уверен: слухи о более чем тысячефунтовых снарядах новых броненосцев царя вовсе не были ложными. Русские стреляли с дистанций, не оставлявших даже надежды на ответный огонь, и делали это, вероятно, благодаря своим чертовым двойным дальномерам. И попадали. Безответно. Безнаказанно.

– Я все еще не согласен с вашим решением, джентльмены, – глухо сказал Фишер. – Думаю, что нам следовало дожимать русских до упора. В конце концов, их погреба не бездонны. Но я не намерен ставить вам в вину этот отход. Боюсь, с этой войной мы или опоздали, или же поторопились. Скорее опоздали. Но теперь придется играть теми картами, что у нас имеются. Я в курсе судьбы Уолли Керра, джентльмены, и знаю, что русские воспользовались нашей нерешительностью на Босфоре.

Я запрошу адмиралтейство об объединении наших эскадр. Если мы перебросим сюда «Маджестики» с «Адмиралами» и новейшие «Формидеблы» канала, вряд ли русские высунут нос из черноморской и балтийской луж. Возможно, мы сможем предпринять вторую попытку, и на этот раз отступления просто не будет, даже если мы все пойдем ко дну. Чтобы построить броненосец, нужно два года, чтобы воспитать моряка – два десятка лет. Но для восстановления нашей репутации и сотни лет будет недостаточно.

Офицеры козырнули и вышли. Фишер с помощью санитаря вернулся в постель. Хватит ли у адмиралтейства храбрости бросить турок на произвол судьбы, может быть, даже оголить канал и китайскую станцию, ударить здесь всеми силами – двумя десятками оставшихся у Британии броненосцев? Он боялся, что нет. Особенно сейчас, при отсутствии ясности в положении дел на Балтике и на побережьях Тихого и Северного Ледовитого океанов...

В это же время. Петропавловск

– Прекратить огонь, – скомандовал адмирал Бридж, глядя на почти полностью скрытый дымом берег с пробивающимися кое-где огоньками пожаров. – Хорошая работа, джентльмены. Однако нам пора. Поднимите сигнал: готовиться к отходу.

– Мы уходим, сэр? – удивился командир «Орландо» капитан Берк.

– Да, Джеймс. Думаю, тут уже не осталось ничего, достойного наших снарядов. Только дым и огонь.

– Дым, – усмехнулся Берк. – Но ведь могло так случиться, сэр, что этот дым – результат поджога самими русскими тех штабелей с бочками, назначение которых...

– Так и осталось непонятным, – торопливо и с нажимом закончил за своего подчиненного адмирал, – и абсолютно неважным. Давайте считать, что в бочках была нефть. Или китовый жир. Или что угодно. Главное, что оно, чем бы это ни было, сгорело. Как и весь Петропавловск.

Капитан вопросительно взглянул на адмирала.

– В прошлую войну, – пояснил тот, – я уже атаковал русские берега, правда, не здесь, а на Кольском полуострове. Мы с легкостью разнесли деревянный острог, сожгли половину Архангельска, но когда морская пехота высадилась на берег, русские ждали наших парней и разбили их. Впрочем, там у нас все прошло немного лучше, чем здесь. Меня не прельщают лавры адмирала Прайса^[23].

– Вы не чистили перед боем пистолет, сэр, – усмехнулся капитан. – Вряд ли вам грозит та же судьба.

– Пистолет все-таки менее опасен, чем орудия. Какой процент боекомплекта вы уже расстреляли, Джеймс? По сорок снарядов на пушку?

– Да, сэр, согласно приказу.

– А сколько снарядов израсходовали крейсера русских? И сколько их было?

– Два, сэр! Я опознал «Нахимов». Кстати, судя по всплескам, они перевооружили их на шестидюймовки, как у наших «Имперьюзов»... Второй вроде бы «Корнилов». Мне показалось, что шестидюймовки на нем тоже новые... Они дали всего по десятку залпов и скрылись за дымовой завесой.

– За дымом пожаров, Джеймс. «Корнилов» тоже горел. Но, по данным разведки, крейсеров должно было быть восемь. Их новые быстроходные транспорты, угольщики и ледоколы тоже несут по шесть орудий среднего калибра и наверняка уже подняли крейсерские флаги. Не то чтобы они были так опасны, но их тут не оказалось. Как вы думаете, куда они ушли?

– Ледоколы я бы отправил в Северный океан, – пожал плечами капитан. – В условиях войны проход арктическими морями становится еще более актуальным.

– Именно. Возможно, оба угольщика и оба транспорта пойдут с ними, но...

– Вы считаете, что они могут отправиться навстречу эскадре адмирала Макарова?

– Это вполне вероятно. Мы не знаем направления и, судя по частому упоминанию Владивостока, туда – вряд ли. А если они пойдут сюда, то будут здесь уже завтра... Против четырех наших броненосных крейсеров русские могут выставить «Громовой» и пять быстроходных, уж точно не медленнее наших, стариков-броненосцев. Тогда против четырех наших бронепалубников у них будет восемь, не уступающих нам по боевой мощи. Забавно, что в случае встречи с обеих сторон будет по «Диане» и «Авроре». Действительно, забавно, но вряд ли этот курьез оправдает уничтожение нашей эскадры.

– Мне тоже не хочется встречаться с мистером Макаровым с пустыми погребам, сэр. Собственно, мне вообще не хотелось бы сталкиваться с ним при таком соотношении сил.

– Именно поэтому мы удовлетворимся полным, вы слышите, Джеймс, полным сожжением города и угольных складов! Что, собственно говоря, уже состоялось. И этот дым будет тому свидетельством.

Адмирал устремил свой взгляд на палубу, где кто-то из младших офицеров старательно фиксировал картину затянутого черными клубами берега с помощью массивной деревянной фотокамеры.

– Я полагаю, эти снимки станут достаточно впечатляющим свидетельством для истории, – задумчиво произнес он, – и доказательством для тех идиотов, которые раздергивают наши силы так, что мы не в состоянии достичь решительного преимущества ни в одной точке.

– С другой стороны, мистер Макаров вполне мог бы пойти и в Австралию, сэр, – возразил капитан Берк. – И отправка броненосцев адмирала Сеймура на юг вполне логична, не так ли?

– Будь «Центурионы» здесь, русская эскадра отправилась бы туда почти гарантированно, с весьма тяжелыми для нас последствиями. Мы вынуждены защищать слишком много позиций одновременно,

Джеймс. А русские тоже умеют считать, и радиостанции у них, к сожалению, лучше наших. Узнав, что все наши свободные силы атакуют эту деревню-переросток, Макаров неизбежно сложил бы два и два... Ну почему, почему эти идиоты никогда не учат историю?! – воскликнул адмирал, страсть которого к историческим штудиям была широко известна. – Надеюсь, старине Уолкеру в Мурманске повезет больше, чем нам в свое время...

В это же время. Мурманск

Мурманск полыхал. Горели деревянные дома и здания мастерских, причалы, исходили ярким пламенем и черным дымом угольные склады. В пяти милях к норду, прямо напротив Белокаменки, горел новейший ледокол «Федор Литке», вынесенный ударом броненосного тарана «Санс Парейль» на отмель и только потому окончательно не затонувший. Лениво тлел и сам «Санс Парейль», поймавший сразу после тарана два снаряда с железнодорожной мортирной батареей. Она первым эшелонам была переброшена на Север, когда предназначенная для защиты нового российского порта береговая артиллерия отбыла неразгруженной в неведомые дали.

Еще два похожих на него корабля, «Конкерор» и «Хиро», чуть поменьше, но тоже с единственной орудийной башней в носу и выдающимся вперед массивным тараном, не горели. Из их коротких двенадцатидюймовых жерл каждые пять минут вылетали языки порохового пламени в тщетных попытках нащупать надоедливую батарею.

От взрывов снарядов горел редкий полярный лес, и клубы дыма надежно скрывали дюжину миноносков, укрытых рыбацкими сетями с навязанными на них ветками и кусками мешковины почти в самом устье Ваенги, еще восточнее. По сравнению с громадой английского броненосца кораблики выглядели несерьезно, да и технические их данные не слишком впечатляли. Единственным достоинством было то, что в случае нужды их можно перебрасывать хоть в трюмах кораблей, хоть по железной дороге, что и сделали в преддверии войны.

– Что «Рюрик»? – спросил лейтенант с надменным лицом у другого моряка, чуть постарше, с погонами инженера-механика.

– Говорят, не дошел до Кильдина. Влепили ему в румпельное, пытался машинами управляться, но где там! Подошла «Галатhea» и

торпедами добила. С острова передали: семерых спасли, а из офицеров – никого.

Лейтенант отвернулся. Видимо, от дыма у него защипало глаза.

– Позор, – наконец сказал он. – Просто позор, Василий Васильевич. Последний год только и говорили, что о войне, а у нас все не слава богу. Мины якорные есть, но ставить их не велят, чтобы не нарушать собственное судоходство. Даже торпеды есть, пусть и старые, а головные части только учебные: боевых не довели-с. И привозят их аккурат в момент, когда британцы начинают станцию обстреливать. Как так?

– Как обычно, – вздохнул инженер-механик. – Я читал сборник статей по Крымской, очень похоже, знаете ли. Либо купили британцы интендантов наших, чтобы те перепутали все, либо, что вернее, обычная наша безалаберность да авось с небосью. Понадеялись, что все броненосцы у британцев заняты и гнать их в такую даль не будут, а они вон что учудили! Собрали все старье, да и этого нашей худосочной эскадре с избытком хватило. Хорошо хоть «Светлана» ушла, пока они «Рюрика» убивали... Был у вас на «Рюрике» кто-то? Родственник?

– Друг, – кивнул лейтенант, – Филиппов Дмитрий. В Корпусе вместе учились. Все за первенство спорили: то он первым по списку, то я... А теперь вот...

Инженер-механик поднял руку, чтобы перекреститься, но замер, развернувшись лицом к лесу.

– Идут, – сказал он, присев на корточки.

Лейтенант последовал его примеру. Матросы, залегшие за корягой, пошевелили рылом старого, под бердановский патрон, «максима».

Из-за деревьев показалась одетая в железнодорожную тужурку фигура. Человек остановился и помахал руками.

– Эгей! Есть кто? Сорок семь, господа моряки! – крикнул он.

– Пятнадцать, – ответил лейтенант.

– Ага, – удовлетворенно кивнул штатский. – Как и сказывали. Позвольте представиться, господа: коллежский советник Образцов Владимир Николаевич, начальник путейской службы Мурманской дороги.

– Лейтенант Колчак Александр Васильевич, – представился офицер.

– Инженер-механик Зверев Василий Васильевич, – кивнул моряк постарше. – Чем порадуете, Владимир Николаевич?

– Немногим, господа, – вздохнул железнодорожник. – Откатили мы руками ваш литерный вагон по лесозаводской ветке, туда англичане не стреляли. Ну а дальпе-то как? Удалось собрать два десятка лошадей, притом без телег. Поэтому взяли только то, что навьючить смогли, а это не больше шести пудов на лошадку: чай, не вагон и даже не вагонетка.

Моряки разочарованно переглянулись.

Тем временем на лесной тропинке показалась низенькая местная коняшка, которую вел под уздцы парень в поморской одежде, за ней еще и еще...

– Владимир Николаевич, – прохрипел лейтенант, взглядевшись в длинный деревянный ящик, венчавший вьюк первой лошади. – Дорогой вы наш человек! Да вы не представляете, что вы сделали! Боцман! – крикнул он в сторону корабликов. – Общий аврал! Мины привезли, метательные! Мины, понимаете! Как же вы угадали-то?!

– Да, собственно, мы и не угадывали. Просто эти мины поменьше. Те, что побольше, Уайтхеда, на лошадь не навьючишь, а эти удалось, хотя и с трудом.

– Свиридович, всех свободных сюда! Давай, братцы, освобождай лошадок, заряжайте аппараты! Ну, господа британцы...

– Далеко ли такая мина идет? – почему-то шепотом спросил путеец у инженера-механика, наблюдая, как матросы с матом и криканьем заряжают похожие на рыб мины в установленные на носу корабликов трубы.

– Сначала по воздуху летит саженой на двадцать, – так же тихо ответил тот, – а потом еще столько же под водой: форма у нее специальная, обтекаемая.

– Так вы должны приблизиться к вражескому кораблю на сорок саженой? – охнул путеец. – Это же верная смерть!

– Не такая уж верная, – не согласился инженер-механик. – С шестовыми минами вообще на три-четыре подходить приходилось. И с метательными, конечно, опасно, но... Служба, знаете ли. И долг. К тому же мы ночью пойдем, глядишь, и повезет кому, а маневрировать британским броненосцам тут особо негде: залив-то пару миль шириной, не больше. Хоть одного да достанем, а повезет, так и двух.

Не должны они отсюда после такого погрома уйти, никак не должны. Ведь даже по госпиталю стреляли, ироды!

– Крейсер! Крейсер с моря идет! – прокричал сигнальщик с устроенной в развилке кривой сосны наблюдательной площадки. – Похоже, «Галатя», вашбродь! Побитая! И с ей два транспорта, по всему – войсковых! Медленно идут, узла три всего, через час тут будут!

– «Галатя» – это хорошо, просто замечательно! Особенно побитая. Значит, противоминная артиллерия у нее частью не действует. А транспорты – так и вообще как яйцо ко Христову дню! Ветер... – лейтенант посмотрел на верхушки деревьев, – ветер с оста – то что надо. Шалько! Дымовые шашки разнести по берегу, поджигать по команде! Разводить пары, готовиться к атаке из-под дымовой завесы. В Ягельное передать: пусть выходят и перегораживают минами весь фарватер. Если повезет, британцы еще и «Австралию» с позиции в горле залива сдернут и на подмогу пошлют, когда мы тут тарарам устроим. Вот все их силы разом и запрем. Все там засеять, сколько мин хватит. Чтобы никто не ушел! «Светлана» вернется – поможет при нужде. Ну а вы, Владимир Николаевич, возьмите с собой нашего механика...

– Александр Васильевич...

– Отставить, инженер-механик Зверев! Без вас паровозникам не справиться. Подумайте, как удобнее: либо только боевые части на лошадей выючить (в них как раз пудов шесть будет), либо целиком торпеды на волокушах тащить. Дотащим до берега – погрузим на лодки и переправим к ягельным. Когда британцам выход в море перекроем, все наши большие миноносцы уже при оружии должны быть. Вы уж, Василий Васильевич, постарайтесь...

* * *

Из одиннадцати рванувшихся в самоубийственную атаку миноносок не вернулся никто. Из зашедших в длинный Кольский залив кораблей его величества вырвались только «Австралия», два шлюпа и таранный броненосец «Конкерор». Последний черпанул

слишком низким для открытого моря бортом волну и затонул на подходе к Шпицбергену.

Из двух батальонов и полевой батареи Горской легкопехотной бригады, срочным порядком развернутой в Глазго всего три месяца назад и посаженной на мобилизованные транспорты, в Шотландию вернулось меньше четверти, и то не сразу.

15 апреля 1902 года. Виндзорский замок

– Ваше величество, – министр иностранных дел Великобритании пятый маркиз Лансдаун коротко поклонился, – информирую вас, что посол при дворе короля Кристиана успешно выполнил ваше поручение.

– Роберт, напомните мне имена тех джентльменов, что оповестили мир о сумасшествии Николая, – обратился король к своему премьер-министру. – Сколько бы мой несчастный племянник ни опровергал эти... слухи, но даже его собственный дед настолько боится русского медведя, что пошел против воли собственной дочери. Итак, Борнхольм наш?

– Да, сир. Аренда на сорок девять лет с возможным продлением таковой, в случае если за десять лет до окончания срока аренды Россия или иные балтийские державы все еще будут угрожать Дании.

– Иные державы?

– Признаться, решающим аргументом были запущенные нами слухи о том, что на Борнхольм точит зубы Вильгельм. У Глюксбурггов с Гогенцоллернами даже более старые счеты, чем у Франции. Поэтому столь удобная для нас оговорка стала инициативой датского парламента, сир.

– Вот как... Ну что ж, логично. И Борнхольм, действительно, тяготеет скорее к Пруссии, чем к России. Поэтому не стесняйтесь обустроить остров самым серьезным образом, маркиз Солсбери. Думаю, первый лорд адмиралтейства будет рад поддержать вас в этой благородной миссии.

– Корабли с королевскими инженерами и строительными материалами уже в пути, сир, – поклонился Солсбери. – И адмиралтейство проявляет огромную заинтересованность в этом проекте. Но финансы...

– Если вам, маркиз, нужна поддержка оппозиции по вопросу выделения экстренных сумм, я готов провести несколько встреч и убедить этих джентльменов в крайней выгодности совершенной нами сделки для всей Британии. Мы желали бы видеть на Борнхольме балтийский Гибралтар, не меньше. Ведь и через тридцать девять лет кто-то обязательно будет угрожать этому столь удачно расположенному острову. Если не Россия, которую мы намерены все же призвать к... более скромному поведению, то Германия или даже Швеция.

– Я как раз хотел поговорить с вами о Швеции, сир, – склонил голову маркиз Лансдаун. – Сама по себе аренда Борнхольма уже вызывает определенное беспокойство в шведских политических кругах, особенно в сочетании с аннексией нами Шпицбергена...

– При чем тут Шпицберген? – удивился король. – Он есть, точнее, был до сегодняшнего дня terra nullis – земля незанятая. У шведов, как, впрочем, и у русских, было достаточно времени, чтобы заявить и подкрепить свои права на этот архипелаг. Если же они не в состоянии освоить эти земли, им не следует мешать сделать это тому, кто может и готов использовать острова на благо цивилизации. К тому же шведы, как мне кажется, будут не прочь вернуть другие, ранее принадлежавшие им земли.

– Петербург, сир?

– Думаю, Петербург вполне может стать международным сэттльментом наподобие Шанхая. Вряд ли Швеция сможет в одиночку контролировать миллионный город, населенный многочисленными туземцами, даже если их поголовье уменьшится в два-три раза. Балтийские ворота в Евразию – слишком большая ответственность для королевства, испытывающего немалые проблемы с единством территорий. А вот Финляндия, Выборг, Нарва – почему бы и нет? Я не тешу себя надеждой, что шведы поддержат наши военные усилия, хотя это было бы крайне желательным, но снять с наших плеч бремя управления освобожденными от варварства территориями они, полагаю, не откажутся. И это будет вполне приемлемая компенсация за несколько обледенелых скал.

– Ваша аргументация вполне резонна, сир, – согласился маркиз. – Однако следовало бы донести ее и до шведских правящих кругов. А ваш посол в Стокгольме...

– Хорошо, я приму этого джентльмена сегодня же вечером, с тем чтобы уже завтра он отправился к месту службы. Но вы уверены в его способностях?

– В настоящее время нам нужны не способности, а просто присутствие. Но я, разумеется, обдумаю ваши слова, сир. Возможно, послу Гошену следует проявить свои несомненные таланты чуть севернее...

– Хорошо. Итак, мы получили Борнхольм для базирования наших сил. Что дальше? Мы идем к Либаве? Кстати, как развиваются наши операции на других театрах? Мы уже вошли в Черное море? Бендер-Аббас копенгагирован?^[24] Японцы уже высадились во Владивостоке?

– Граф Селбурн и генерал Сеймур уже ждут вас в приемной, сэр. Мне бы не хотелось отнимать у них хлеб, – потупился маркиз Солсбери.

Его величество король Англии Эдуард VII подумал, что вряд ли совместный доклад флота и армии будет радужным, иначе премьер-министр не преминул бы заработать пару очков престижа. Что ж, когда приходится реагировать на действия готовящихся вторжение врагов в такой спешке, ошибки и накладки неизбежны.

– Благодарю вас за добрые вести, джентльмены. Но теперь я вынужден уделить внимание моим морякам и солдатам... И все же что-то меня гложет... Вот прямо сейчас, когда мы занимаем Борнхольм и Шпицберген, не совершают ли аналогичную операцию полномочные представители русского престола?

– Не извольте беспокоиться, ваше величество! Мы контролируем ситуацию! Любое подобное действие русских превратится для них в последний парад!

В это же время. Бонин. Остров Иводзима

Весь серо-голубой, адмиральский катер ткнулся в кранец у борта посаженного на грунт японского парходика. Даже блестящие в обыкновенное время медяшки, гордость и отрада боцмана, были выкрашены в сливающийся с волнами цвет.

Адмирал Макаров первым поднялся по сброшенному штурмтрапу: парадного адмиральского на старом трампе не было и в помине. Не очень-то и надо. Он потряс головой: огни газорезок и

грохот сносимых кувалдами и такой-то матерью надстроек ошеломляли.

– Господин адмирал, инженерная команда Первого батальона морской пехоты заканчивает оборудование временного пирса! – отрапортовал одетый в черную форменку офицер с тонкими, мягкими чертами лица и пронзительным, умным взглядом голубых глаз под козырьком флотской фуражки. – Окончание работ ожидается через семнадцать часов!

Макаров оглянулся. Еще один стоящий вплотную и уткнувшийся в берег парходик, поменьше, уже щеголял почти полностью гладкой палубой, укрытой лежневым бревенчатым настилом. Единственной выдающейся деталью оставались шлюпбалки левого борта. Дюжина морских пехотинцев крутила ворота, поднимая прямо с воды длинное бревно, доставленное с транспорта одним из снующих туда-сюда моторных катеров. На берегу маминский трактор с бесконечной звенчатой лентой вместо колес сгребал здоровенным отвалом грунт и камни, выводя пологую насыпь на уровень палубы. Еще один такой же трактор стоял в сторонке, и инженеры в промасленных рабочих рубашках ковырялись в моторе.

– Не буду вас торопить, Михаил Петрович...

– Все понимаем, Степан Осипович, работаем изо всех сил. Через семнадцать часов можно будет пушки сгружать.

– Добро. Шестидюймовки сейчас в Коминато и Копепе разгружают, на плотиках, а вот крупный калибр получится сгрузить только здесь, да-с. Только скажите, где лейтенант Берлинг?

– На берегу, господин адмирал. Два часа назад они закончили с мачтой, но не знаю, удалось ли наладить аппараты.

– Хорошо, Михаил Петрович, не смею вас больше задерживать.

Адмирал в сопровождении двух штабных и четырех возникших неведомо откуда морских пехотинцев перешел по солидному, укрепленному скобами настилу на парходик поменьше, а затем, воспользовавшись срубленным из жердей трапом, спустился к подножию насыпи.

Радиорубка располагалась в наскоро срубленной и обшитой досками хижине. Начальник связи временной базы лейтенант Берлинг выскочил из прикрытого парусиной дверного проема, когда адмиралу оставалось пройти не больше полусотни саженей.

– Господин адмирал, – улыбка офицера была почти детской, – получена радиограмма! Я связался с «Пересветом», но мне сказали, что вы отбыли...

– К вам-то я и отбыл, Роберт Иванович. Ну-с, что у нас там?

– Подтверждено прибытие в Сасебо трех поврежденных японских броненосцев – «Хатсусе», «Ясимы» и «Танго». Постановка в доки будет завершена послезавтра. «Микаса», «Якумо», «Ивате» и бронепалубники по непроверенным данным идут в Нагасаки и Токио.

– Значит, Сасебо, – задумчиво произнес адмирал. – Штаб не сообщал, как там насчет корректировщика? Хотелось бы, знаете, торжественно! И последний парад, и прощальный салют – чтобы все было по высшему разряду!

– В готовности, – отрапортовал лейтенант. – Не изволите ли к аппарату, господин адмирал? Связь достаточно устойчивая, со второго или в крайнем случае с третьего раза и принимаем, и передаем!

– Изволю, – усмехнулся Макаров. – Великое дело это радио, не так ли, лейтенант? И... Выражаю вам и вашим людям свое удовольствие. Что-нибудь слышно про «Ретвизан» и «Громобой»?

– В соответствии с указанием Ставки корабли идут в режиме радиомолчания, но по расчетам они уже должны быть в Сангарском проливе...

В это же время. Сангарский пролив

Три новеньких, с иголки броненосных красавца, гордость японского флота крейсера «Идзумо», «Асама» и «Адзума» устало резали свежую волну Сангарского пролива, потеряв всякую надежду на перехват русских бронепалубников, отправленных гайдзинами шакалить на торговых линиях Страны восходящего солнца. Здесь же, между островами Хоккайдо и Хонсю, должна была пройти эскадра Макарова. Отряд имел распоряжение и на этот случай, не ввязываясь в бой, сопровождать русские корабли, наводя на них броненосцы Того.

Но водная гладь, насколько хватало обзора, была до обидного скучна и безлюдна. Командир лидера, капитан первого ранга Нарито Кацура, ломал голову над этой загадкой. Что случилось? Почему не видно русских? Ошиблась разведка? Гайдзины поменяли свои планы? Прошли другим проливом? Просочились в утреннем тумане? Да нет, невозможно! Сангары – это всего десять миль в ширину и пятьдесят в

длину Четыре корабля, развернутые строем пеленга, плотно перекрывали его от берега до берега – мышшь не проскочит... Значит, только ждать...

К вечеру изрядно посвежело. Ветер стал колючим и почти зимним. Капитан поежился, прикрыл глаза, утомленные многочасовым наблюдением за горизонтом и в голову сами собой пришли поэтические строки:

Ueno hatsu no yakou ressha orita toki kara
Aomori eki wa yuki no naka
Kita e hito no mure wa dare mo mukuchi de
Uminari dake wo kiite. Watashi mo hitori renrakusen ni nori
Kogoesou na kamome mutsume naite Aa fuyugeshiki^[25]

– «Тацута» возвращается, – негромко произнес вахтенный, заметивший шустрый авизо.

Капитан коротко кивнул, не открывая глаз, плавно пружиня на качающейся в такт волнам палубе, и опять погрузился в поэтический транс.

Sayonara anata watashi wa kaerimasu
Kaze no oto ga mune wo nake to bakari ni
Aa fuyugeshiki^[26]

– «Тацута» передает – думы на горизонте! – уже другим, тревожным тоном оповестил капитана вахтенный. – Два корабля, три и четыре трубы, следуют в кильватере! Капитан Ретаро предполагает – «Пересвет» и «Громовой»!

– Ну наконец-то! – моментально стряхнув с себя поэтическое наваждение, прошептал капитан Кацура. – Поблагодарим Аमतэрасу и помолимся, чтобы русские не смогли уклониться от боя. – И уже громче, так, чтобы слышали подчиненные: – Доложить адмиралу о визуальном контакте с противником!

– К нам пожаловал господин Макаров? – коротко осведомился Камимура, появившись на мостике.

– Нет, господин адмирал, только два крейсера, даже без сопровождения миноносцев. Больше никого, горизонт чист! Кроме того, русский беспроволочный телеграф молчит. Такое впечатление, что на этих двух кораблях вообще не установлены станции...

– Странно... – Камимура задумался. – Два одиноких рейдера вблизи наших берегов... Без сопровождения и без связи... Или это отвлекающий маневр, или в штабе Макарова завелся двоечник. Артиллерийский офицер! Что можете нам сообщить об огневых возможностях противника?

– Головной «Пересвет» – четыре орудия главного калибра по девять и четыре дюйма. «Громовой» – аналогичное вооружение, но более скромное бронирование – шесть дюймов против девяти. После модернизации радикально сокращен средний калибр. Оба корабля несут всего по три шестидюймовых орудия на каждый борт.

– Какая же это модернизация? – покачал головой капитан Кацура. – Это разоружение! Наверно, у русского царя совсем плохо с артиллерией и артиллеристами...

– Ну что ж, – удовлетворенно кивнул Камимура, – идем на сближение и внимательно следим за горизонтом. Если наши предположения верны и Макаров не использует эти крейсера как наживку, тогда главное – не дать им уйти! Поднять пары до максимума! Средней артиллерии – вести огонь по небронированным конечностям! Пристрелку начинать с сорока кабельтовых!

Произнеся последние слова, адмирал поморщился. Русские у Владивостока начинали стрелять, и самое противное – попадать, на дистанции вдвое большей. Но у них там были береговые корректировщики, а здесь такой бонус отсутствует. Слабое место – недостаточная обученность японских экипажей, осваивающих новые корабли, – с лихвой компенсируется огневым преимуществом. Двенадцать восьмидюймовок главного калибра и сорок две шестидюймовки среднего не оставляли гайдзинам ни единого шанса на благополучный исход боя, а преимущество японских крейсеров в скорости на два узла не давало надежды даже на бегство. А посему, тэнно, хэйка банзай! Атака!

– Головным вроде бы «Идзумо», Эдуард Николаевич... Точно «Идзумо». За ним – «Асама» с «Адзумой» и кто-то из «собачек». Броненосцев не видать. Вот только что ж он прет на нас, как купчина на буфет?

– За «Пересвет» принял, Николай Иванович. Не вижу иного варианта. А «Пересветы» у британцев да японцев не слишком котируются, да-с. Вот и выиграло у самураев ретивое, так полагаю.

– И то верно. Видимо, не дошли до японцев вести о вашем новом «украшении», – мотнул подбородком мрачный моряк с контр-адмиральскими погонами, указывая на довольно-таки уродливую коробку командно-дальномерного поста, расположившуюся на боевом марсе вместо срезанной мачты. – Вот и приняли вас за Бойсмана. Командуйте, Эдуард Николаевич!

– Сигнальный! «Громобую» держаться позади. Котлы раскочегарить, быть готовым дать полный ход, когда они удирать начнут.

– Не хотите спугнуть, Эдуард Николаевич?

– Не хочу. Огонь откроем с сорока кабельтовых, проверим, достижимы ли с этой бандурой пятнадцать процентов попаданий на такой дистанции. А пока пожалте в рубку, Николай Иваныч. Если я вас не уберегу после того, как вы нас через полсвета провели, мне государь лично голову оторвет. Да вы не грустите, господин адмирал, к тому все идет, что из наших мы с вами первыми счет откроем.

– Дай-то бог, Эдуард Николаевич, дай-то бог. И что же господин Камимура здесь забыл, без единого броненосца?

– Думаю, наши разговоры в Жемчужной гавани сыграли. Степан Осипыч приказал не скрывать, куда мы направляемся... Англичане после Монтевидео и Мадагаскара на всю голову пуганые. Они или чисто на всякий случай крейсера послали, не веря, что мы и правда сюда пойдем, или океан сторожат. Ведь наши бронепалубники у всего японского побережья шумят. Эй, на дальномерах! Заснули?!

– Дистанция до головного пятьдесят, скорость сближения четыре в минуту!

– С сорока открываем огонь средним калибром, – распорядился командир броненосца. – КДП, вносите поправки.

Через полторы минуты носовая башня и борт первого японского крейсера расцвелились вспышками – залп лег с небольшим перелетом.

А еще через пятьдесят секунд носовой плутонг левого борта самого «Ретвизана» глухо ухнул, отправляя в полет три пятидесятикилограммовых снаряда.

Еще секунд через пятнадцать звякнул звонок, и телефонист доложил:

– На первом тридцать девять, недолет два, по целику – лево три!

Пушки ухнули снова, игнорируя пенные столбы от японских снарядов, образовавшиеся на сей раз с сильным недолетом.

– На первом тридцать шесть, перелет ноль пять, по целику хорошо!

– Еще два залпа – и открывайте огонь главным калибром, – распорядился Щенснович. – Будьте готовы к тому, что после первого, край после второго залпа, японцы пойдут на разворот и попытаются удрать: всплески от наших снарядов ни с чем не спутаешь. На «телефункене»! Через двадцать секунд начинайте глушить эфир. Передадите приказ «Громобою» на преследование или мне распорядиться, Николай Иванович?

– Командуйте, капитан, командуйте. Как думаете, не уйдут?

– От «Громобою» с его свистелками? И когда у него ямы только на четверть полны? Ави́зо, может, и уйдет, а вот броненосные... Нет, не убегут, господин адмирал, ни при каких обстоятельствах. Даже если «Громобою» ход собьют, у них перед нами всего два узла преимущества, а значит, с сорока до восьмидесяти кабельтовых они час отрываться будут. При десяти процентах попадания мы в них два десятка снарядов вколотим, а Дабич – все три.

Адмирал кивнул. По всем расчетам выходило, что совершившие ошибку японские броненосные крейсера подписали себе смертный приговор.

Капитан тем временем продолжал:

– И не обижайтесь вы на Степана Осипыча, господин адмирал, он и сам очень хотел во Владивосток. Опять же, пакет под императорской печатью так просто в собственные руки не дают. И ждут вас, Николай Иванович, большие хлопоты. Ну а мы под вашим флагом таких дел натворим...

Адмирал Небогатов, слегка приободренный после внезапной, как ему казалось, и уж совершенно точно незаслуженной опалы, державшей его в депрессии с самых Гавайских островов, криво

усмехнулся, но ответить не успел: обе башни главного калибра жажнули так, что все в рубке инстинктивно присели.

* * *

– Что это? Как это?.. – ошеломленно произнес Камимура, упершись взглядом в гейзер, взметнувшийся перед носом «Идзумо». Его размеры не оставляли никаких иллюзий насчет главного калибра русского корабля. Такой всплеск могут оставлять только двенадцать дюймов...

– Это не «Пересвет», – с каменным лицом произнес стоящий рядом с адмиралом капитан Кацура, – это...

Грохот взрыва и треск падающей мачты заглушили слова офицера. По броне боевой рубки будто кто-то ударил гигантским молотом, и через смотровые прорези командный пост заволкло дымом занимающегося пожара.

«Слава Аматаэрасу! Попадание пока только шестидюймовыми, – холодно и как-то отстраненно резюмировал мозг адмирала. – Быстро пристрелялись! Хотя чему тут удивляться? По докладам разведки, почти все комендоры русских служат сверхсрочно, а в боевых походах к наводке орудий допускаются только имеющие специальный знак отличия „За меткую стрельбу“...»

– Передать адмиралу Того: наткнулись на русские броненосцы, ведем бой, просим помощи! – скомандовал он, перекрикивая подчиненных.

– Эфир забит помехами! Передача невозможна!

– Семафор на «Тацуту»: выйти за пределы действия русского беспроволочного телеграфа, продублировать просьбу о помощи!

– Господин адмирал! Русские увеличили ход до восемнадцати узлов и перестраиваются пеленгом!

– Разворот «все вдруг»! Выходим из боя! – успел крикнуть Камимура вахтенному офицеру, прежде чем крейсер вздрогнул всем корпусом, будто наткнулся на невидимую стену...

* * *

– Вы были правы, Эдуард Николаевич, – усмехнулся Небогатов. – После второго же залпа Камимура нам корму показать попытался. А ведь поздно уже?

Двенадцатидюймовки громыхнули в четвертый раз, и «Идзумо», ставший после поворота «все вдруг» из головного замыкающим, снова дернулся.

– Пробили пояс ему, Николай Иванович, и вроде как в котельное влепили, – согласился Щенснович. – Парит и отстает.

– На «телефункене»! – распорядился адмирал. – Прикажите «Громобой» ускориться и следовать впереди уступом вправо. Огонь вести по второму, а нам сейчас надо флагман добить. Эка он неосторожно-то... – Казалось, адмирал сокрушается по поводу ошибки противника.

– Бронепалубный «Тацута», – доложил начальник сигнальной вахты, – набирает ход. Видимо, рассчитывает выйти из-под помех и вызвать помощь!

– Надо было все-таки уговорить Степана Осипыча нам «Богатыря» с «Витязем» отдать, – вздохнул Щенснович. – Сейчас бы их как раз в погоню отрядили.

– Согласен, Эдуард Николаевич, – кивнул командир «Ретвизана».

Он сказал что-то еще, но собеседник его не расслышал: сразу несколько снарядов, как минимум один из которых был восьмидюймовым, разорвались на броне русского корабля.

– Шестидюймовку нам сбили, – доложил старший офицер. – Хорошо хоть фугасом: ствол, конечно, к чертям, и пятеро легкораненых.

– «Громовой» попал! – радостно вскричал один из сигнальщиков. – Под корму «Асаме»! Японец сбавляет ход! Пятнадцать узлов у него, отстает от головного!

– Передайте Дабичу: перенести огонь на «Адзуму», – распорядился Небогатов. – Даже если «Тацута» сбежит, то эти уже не должны. Эх, почему у нас не шесть стволов на борту... Две башни наподобие береговых владивостокских, да стволы калибра пятьдесят...

– Только после войны, – вздохнул Щенснович, когда прогремел очередной залп обуховских орудий. – И снова попадание! Двадцать пять процентов по окончании пристрелки – совсем, скажу я вам, недурно!

– Ну, с такой-то дистанции – невелико умение, – отмахнулся Небогатов. – Хотя, конечно, отлично...

– Японцы вправо ворочают, вашвскбродь! – крикнул один из сигнальщиков. – «Все вдруг»!

– Поняли, что не уйти им уже... А флагман бросить – позор для самурая... Подавайте сигнал: пять румбов вправо, последовательно. Спрячем за собой «Громовой», чтобы ход ему не сбили... Пока они все втроем на нас идут, отходим, держимся вне досягаемости среднего калибра, а если они задумают разделяться, чтобы господину Камимуре дать уйти, вот тогда на них пойдём. Тут уж без вариантов. А пока вы, Эдуард Николаевич, кормовой башней поработайте...

– Поработаем, а как же. А ведь «Идзумо» уже вполне заметно кренится...

– Да, не жилец. Удачно... Пожалуй, что и хватит ему на пока. Давайте-ка вместо этого мы тоже в очередь с Даби-чем по «Адзуме» пристреляемся, раз уж прицел все равно сбился. «Идзумо» и «Асаму» мы уже прилично общипали, а эта нетронута еще. – Небогатов поводит стереотрубой. – У Владивостока ей, похоже, досталось немного. Вон следы пожаров виднеются, и повреждены два шестидюймовых каземата...

– Перейти на коммоны, – приказал Щенснович артиллерийскому офицеру. – Броня у «Адзумы» худшая из всех троих. Оно и лучше будет, если туда сам господин Того пожалует со всем, что у него уцелело. А его коммонами не шибко-то возьмешь...

* * *

Того не успел. Когда «Громовой» и порядком подкопченный «Ретвизан» закончили сбор уцелевших японцев с воды (увы, адмирала Камимуры среди них не оказалось), сигнальщик заметил дымы, пятнающие багровую полосу заката. Ночь приближалась значительно быстрее японских броненосцев, и все три броненосных крейсера так и остались неотомщенными, а Владивостокская эскадра получила необходимое ей усиление, хотя и не такое большое, как надеялся Иессен.

Вытащенный из прохладной весенней воды чудом выживший командир крейсера «Асама» капитан 1-го ранга Накао Юи, сидя в адмиральском салоне «Ретвизана», отсутствующим взглядом смотрел в иллюминатор на волны Сангарского пролива, а в голове его назойливо крутилось хокку.

Вымпелы вьются,
В ряд орудия к бою.
Последний парад наступает!

15 апреля 1902 года. Токио

Императора Муцухито можно смело назвать японским Петром I. При нем не только изменилась политическая система, появились новая промышленность, армия и флот, но и европеизировался весь народный быт. А он был настолько далек от европейского, что японец, извините за такие подробности, принимал ночной горшок – нет, ни за что не догадаетесь! – за то, что надо класть под голову во время сна, вроде подушки.

Все изменилось меньше чем за десять лет. Япония впитала в себя все европейское, умудрившись не потерять свою самобытность. Конечно же, для таких кардинальных перемен в частной жизни необходим авторитетный пример. И Муцухито охотно подавал его, нарушив вековое правило «никто не должен видеть лицо императора». Он стал первым монархом, кого можно было лицезреть всем смертным.

Личная жизнь императорского дома стала предметом самого пристального внимания. Частный взгляд проник в святая святых – дворец императора в Токио с удивительно аскетичным убранством и непритязательным бытом монаршей семьи. Император не стеснялся появляться на людях в европейской одежде и с соответствующей прической, участвовать в светских мероприятиях, хотя, как говорили при дворе, императрица не жаловала европейские наряды. Но Муцухито был настойчив, и его привычки стали для людей своего рода поведенческой моделью.

Одежда, танцы, календарь – это цветочки. Настоящий переворот был связан с землей: у всех князей изъяли их владения. Были

отменены сословия, включая самурайское, имевшее право на вооруженное насилие. Дальше – больше. Самое воинственное сословие страны, будучи и самым образованным, при новой власти пошло на госслужбу, составив сорок процентов от числа всех учителей.

Конечно, самурай терял привилегии, почетное право зарубить простолюдина, но одновременно становился хозяином своей судьбы, избавляясь от сурового повседневного подчинения вышестоящему начальству. В то время в Японии феодальная иерархия была намного жестче и бесчеловечнее, чем в Европе, поэтому многие сочли такой обмен выгодным. Несмотря на отдельные восстания и акты индивидуального террора, государство Мэйдзи сумело внедрить этих непокорных воинов в новую жизнь.

Реформаторы продвигали самураев в бюрократию, в ответ самураи интегрировали в государство свои ценности. Самурайская идеология, замешанная на ксенофобии, национализме, высокомерном презрении к любому, кто показался слабее, постепенно становилась официальной.

Одним из самурайских вирусов, инфицирующих японское общество, была религиозная синтоистская клятва богине Аматаэрасу «распространить императорскую власть на весь мир так, чтобы собрать восемь углов под одной крышей» – «хакко ити у». Это заклинание, часто переводимое как «весь мир – одна семья» или «весь мир под одной крышей», рассматривалось в качестве божественного императива. Проповедники воинственного тэнноизма доказывали, что только японцы, осененные добродетелями «японского духа» благодаря «расовой чистоте и единству» способны «распространить свет своей культуры на все человечество», ибо «нихонкоку-но тэммэй» – небесное предназначение японского государства – состоит в создании единой новой культуры для всего человечества.

Именно пропаганда «божественной» миссии «хакко ити у» в глазах простых японцев легитимировала любые экспансионистские акции на континенте. Главной силой, призванной выполнить клятву Аматаэрасу, считалась японская императорская армия, или, по тэнноистской терминологии, «священное воинство, посланное небом принести жизнь всему сущему». Японские воины, от высших офицеров до простых солдат, выполняя свой воинский долг,

становились «едиными по духу с божественным императором» и приобщались к сонму синтоистских ками.

Документом, подтверждающим столь высокое предназначение армии и флота, стал рескрипт «Гундзин тёкую», изданный императором Муцухито в 1882 году, обращенный к солдатам и матросам. Задуманный как официальный моральный кодекс для всех военнослужащих, он трактовал главные добродетели, которые должны быть присущи японскому воинству в традициях бусидо. От бусидо его отличали два момента: во-первых, военная служба определялась в категориях абсолютной лояльности по отношению к императору, во-вторых, «милитаристские добродетели» подавались в виде сакрализованной доктрины, исходящей от высшего религиозного авторитета. Поэтому провозглашенные в рескрипте моральные принципы преподносились как священные обязанности.

Для того чтобы усилить близкие узы между армией и императором, Муцухито вручил этот рескрипт военному министру лично во время специальной церемонии во дворце. Подчеркивая важность этих связей, император со времен Японо-китайской войны не снимал военную форму и всячески демонстрировал свою жесткость, хотя на фоне суровых соратников выглядел образцом либерализма, легко амнистировал противников, как живых, так и исторических.

Оцените: император пришел к власти, свергнув военных правителей, сёгунов из рода Токугава. Но после победы он посещает семейное святилище Токугава. И один из представителей свергнутой династии тут же включается в учебник этики для начальной школы как образец «делать жизнь с кого». Почему? Потому что глава государства «призван обеспечить не только территориальное единство, но и связь времен».

Понимая, что на одних штыках не усидеть, император Муцухито немало времени уделял сплочению гражданского общества. В результате была провозглашена Конституция великой Японской империи – Дай-Ниппон Тэйкоку Кэмпо, вошедшая в историю как Конституция Мэйдзи, обнародованная с большой помпой 11 февраля 1889 года.

Кропотливая интеграция японского общества вкупе с концентрацией в одних руках всех ресурсов государства дали невероятный рост всех показателей, по которым можно судить о

развитии страны. Даже средний рост подданных увеличился на сантиметр. Страна, которую европейцы презирали как варварскую (император Николай II называл ее жителей макаками), стала вровень с мировыми державами.

Непривычная публичность императора Муцухито как паровоз тащила за собой гласность всей остальной политики, ранее наглухо закрытой от простых людей. Количество газет за тридцать лет увеличилось почти в тридцать раз, а журналисты постепенно стали завсегдатаями более-менее значимых мероприятий. Японская элита привыкала жить в стеклянном дворце, где каждый шаг или неосторожное слово становились поводом для широкого обсуждения и могли привести к самым неожиданным последствиям.

Но сегодня, 15 апреля 1902 года, никаких газетчиков в Западной приемной императорского замка тодзай-но-тамари не ожидалось. Начало военных действий на континенте против одной из самых крупных европейских держав решено было не предавать огласке до первых победных реляций.

До приема у императора оставалось не более часа. Предшествующая ему суэта уже была завершена. Человеку, скромно расположившемуся в уголке аскетичного зала, никто не мешал работать, то есть думать. Именно это занятие было его основной обязанностью во время всей пожизненной государственной службы. Не избавлен он был от этой ноши и сейчас, несмотря на весьма почтенный возраст.

Маркиз Ито Хиробуми в японском ареопаге занимал почетное место гэнро – личного советника императора. В далеком 1867 году он был произведен в ранг гоятои и официально стал самураем, а уже через год, в ранге санъё, будучи советником правительства, присутствовал на переговорах Муцухито с иностранцами и писал проект Конституции Японии. К началу XX века Хиробуми собрал все мыслимые награды, побывал на всех высочайших государственных постах. Забрался, образно выражаясь, на самую вершину Фудзи и даже обрел покой, все чаще замечая, что молодое поколение относится к нему как к памятнику – уважительно, но отстраненно. И если бы не эта поездка в Россию...

Во время первой, неофициальной аудиенции, назначенной в ослепительно солнечный осенний день в октябре 1901 года, маркиза

поразили глаза русского царя. Он прекрасно понимал, что нарушает этикет, откровенно разглядывая его величество, но не мог ничего с собой поделать. Эти глаза жили отдельно от всего остального облика и никак не могли принадлежать молодому тридцатилетнему мужчине.

Впрочем, не только глаза. Слова императора России тоже принадлежали не мальчику, но мужу... Слушая его, Ито явственно представил себе медведя – казалось бы, неповоротливого и ленивого, сонного и неуклюжего, а на самом деле стремительного, ловкого и беспощадного хищника.

– Проезжая по Транссибирской магистрали, ваше величество, я был поражен объемами строительных работ, которые мне удалось видеть из окна поезда, – наклонился в ритуально низком поклоне Ито. – Позвольте выразить вам свое восхищение...

– Благодарю, маркиз. – Губы русского монарха тронула чуть заметная улыбка. – Будем считать, что я просто прислушался к словам одного мудрого человека, сказанным тридцать лет назад: «Политические системы, обычаи, образование, медицина, оборонное производство Запада превосходят восточные. Поэтому наш долг – перенести на восточную почву западную цивилизацию, стремиться к прогрессу, чтобы наш народ быстро стал вровень с этими территориями, день и ночь стараться и учиться».

Меньше всего Ито Хиробуми предполагал услышать из уст императора России свои же слова, написанные в докладе микадо после первой поездки по Европе и США в 1871 году. Вот тогда он первый раз кинул внимательный взгляд на лицо российского монарха и обомлел: на него смотрели глаза глубокого старика – уставшего, умудренного и искушенного. Взгляд императора настолько контрастировал с его внешним видом, что Ито даже потупил взор, чтобы отогнать наваждение, а когда снова глянул, монарх неторопливо колдовал над пузатым заварочным чайником.

– Японская чайная церемония, – император сопровождал свои действия размеренной беседой, – это спокойное наслаждение мелочами, удовольствие от внимания к деталям и тихое очарование внутреннего мира. Своего собственного, мира чайного сада, чайной комнаты, утвари – в общем, мира, окружающего участников церемонии, будь то луна или утренний снег. И главная цель японской чайной церемонии – помочь раскрыться внутреннему миру.

Монарх закончил разливать чай, повернулся к Ито, снова обжег его своим не по возрасту матерым взглядом пожилого хищника, жестом пригласил присаживаться.

– А в русском чаепитии, – продолжил он, явно наслаждаясь процессом, – важна компания. «Заходи в гости, попьем чаю» означает прежде всего приглашение к разговору. Причем получить удовольствие от изысканной беседы в чистом виде, в абстрактной компании, состоящей из воспитанных людей, которые кушают опрятно и говорят правильно, во время русского чаепития просто невозможно. Но вот если за чаем собрались друзья, настоящие или будущие, – на этом слове император сделал чуть заметный акцент, – то совершенно неважно, о чем они будут говорить или молчать, какой чай они будут пить и какими плюшками станут его заедать, сколь изысканны будут манеры и насколько изящны шутки... Тогда в какой-то момент чаепития его участники замечают на лицах друг друга довольную улыбку, а чему они радуются, толком и не понять...

Вот эти искренние, от души, улыбки, создающие ощущение уюта и комфорта, и есть цель истинно русского чаепития – неосознанная радость от того, что за столом сидят хорошие люди, что разговор течет мирно, степенно, и есть возможность вырваться на часок-другой из суеты, забыть обо всех делах и просто выпить чаю. Вот что является самой важной частью русского чаепития... Ну а теперь пришла пора поговорить о вещах гораздо более осязаемых...

Ито Хиробуми, убаюканный размеренной, как тихий стук метронома, речью императора, откровенно «проспал» последнюю фразу, поэтому следующие слова застали его врасплох.

– Из всех японских сановников только вы и Иноуэ Каору выступаете против союза с Англией и полагаете, что союз с Россией был бы выгоднее, – продолжал император ровно и спокойно, но взгляд его стал настолько пронзительным, что маркиз почувствовал себя так, будто в глаза ему сыпанули песком. – Вы пытаетесь убедить императора Муцухито в том, что если предпринять дипломатические усилия и Россия признает право Японии на оккупацию Кореи взамен на Маньчжурию, никакая война будет не нужна... Так вот, смею вас заверить: вы ошибаетесь.

Ито Хиробуми аккуратно поставил чашечку с чаем на блюдце, стараясь не выдать внезапную дрожь в руках и, плюнув на весь этикет,

с силой потер глаза и виски. Кровь ощутимо пульсировала в них, и в голове начинало шуметь, мешая сосредоточиться. Такая информированность русского царя в тонкостях взаимоотношений японских придворных, оглушала и заставляла подозревать наличие осведомителя среди самого приближенного круга государственных чиновников.

– Да, ваше императорское величество, – ответил Ито после минутной паузы, – министр Витте ранее уведомил меня, что «полный отказ от Кореи станет слишком высокой ценой за соглашение с Японией»^[27].

– Вы не поняли, – покачал головой император, – я готов немедленно подписать меморандум о признании Кореи территорией жизненно важных интересов Японии. Мало того, господин Безобразов, безобразничавший в тех краях, уже отозван, разжалован и заключен под стражу. Официально его будут судить за казнокрадство, но я напишу императору Муцухито, что на самом деле причина его опалы и наказания – это попытка поссорить наши страны...

Император тоже поставил свою чашечку с чаем, взял из стеклянной вазочки румяную баранку и с треском расколол ее в ладонях. На блюде выпали четыре неравных кусочка...

– Но это ничего не изменит. Вам, старой гвардии, придется подчиниться напору молодого и агрессивного большинства. Таким, как премьер Кацура Таро и министр иностранных дел Комура Дзютаро, хочется повоевать еще раз. Успешная война с Китаем окрылила их. Они прекрасно понимают, что гордая Англия, никогда и ни с кем не заключавшая союзы, вдруг пошла на договор с принятием на себя столь серьезных обязательств из сугубо земных соображений.

Англия опасалась, что Россия продолжит свое «сползание» к югу, и тогда британские интересы в Китае и Индии могут оказаться под угрозой. На пути России выставляется японский щит. Значительная часть японской политической элиты соглашается стать таким щитом и надеется в обмен получить от Англии поддержку для экспансии не только в Корею, но и на территорию самой России. К тому же Япония уже получила такие внешние займы, отдать которые можно, только ограбив кого-нибудь. А глядя на землю с высоты птичьего полета, – монарх коротко махнул рукой на противоположную стену,

украшенную картой мира, – понятно, что кроме России, другого кандидата на ограбление для Японии просто не существует.

– Простите, ваше императорское величество, – попытался перехватить инициативу Ито, – но откуда вам известно про какие-либо обязательства Британии, если договор еще не подписан, а текст его не известен даже мне?

– Да? – явно притворно удивился император, а в глазах его, впервые с начала беседы, заиграли бесенята. – Тогда предлагаю исправить эту досадную оплошность и ознакомиться с полным текстом немедленно.

Когда перед Ито Хиробуми появилась кожаная папка с договором Британии и Японии, маркиз понял, что конкретно этот раунд переговоров он уже проиграл. Те высоты, за которые он был намерен воевать на переговорах, были отданы царем без всякого боя, но за ними оказался целый частокोल вопросов, и ответы на них находились у русского монарха. Оставалось только послушно идти по коридору возможностей, указанному императором России, силясь разгадать его игру, конечные цели и роль, отводимую наследником легендарной Византии маркизу Ито и всей Японии.

– Вы считаете, что война между нашими странами неизбежна?

– С тех пор как Япония заключила кредитные соглашения с участием лондонского Сити – да.

– Но вы можете проиграть. Я понял бы ваш оптимизм, если бы речь шла только о Японии, но Британия и Америка, которые горячо нас поддерживают, – это сильнейший флот и мощнейшая экономика...

– Хорошее лекарство всегда горькое, – блеснул император знанием японского фольклора, – а иногда проиграть – значит победить!

– Вы говорите об этом так спокойно...

– Один немецкий богослов, Фридрих Этингер, в XVIII веке написал: «Господи, дай мне силы изменить то, что смогу, спокойствие принять неизбежное, и мудрость, чтобы отличить одно от другого». Я с ним полностью согласен...

Маркиз Ито опять внимательно посмотрел в глаза русского монарха и сразу отвел свой взгляд. «Нет, в глаза этому хищнику лучше не смотреть. Лучше в пол или в чашечку с чаем, где крутятся в вихре танца проскользнувшие мимо серебряной сеточки чайники...»

– Предполагаю, – осторожно произнес Ито, – что вы хотите использовать внешний конфликт в качестве рычага для решения каких-то собственных, внутренних проблем... Но что в таком случае вам нужно от меня, ваше императорское величество?

– Ничего более того, что вы уже делаете, маркиз, – по-сыновьи заботливо, мягким успокаивающим тоном произнес император. – Вы уже публично высказали свою точку зрения о войне с Россией. Повторите ее по возвращении в Токио, а я постараюсь создать для этого наиболее благоприятный фон. Кроме подписания меморандума о Корее и Маньчжурии, а также пояснения причины репрессий против Безобразова, я объявлю о сокращении нашего воинского контингента на Дальнем Востоке...

– Но это только подстегнет нашу партию войны и создаст у нее иллюзию быстрой бескровной победы, – заметил Ито.

– Я знаю, – коротко ответил император. – Но повторяю: ни вы, ни я не сможем изменить то, что будет. Зато в нашей власти повлиять на то, *как* будет... Так вот, маркиз, я просил бы вас, если у партии войны что-то пойдет не по плану, напомнить императору Муцухито о моем миролюбии и готовности всегда вернуться к мирному разговору за чашечкой чая... В качестве особого условия можете сообщить о моем настойчивом желании видеть в качестве посланника именно вас...

Все шесть месяцев после этой встречи Ито Хиробуми регулярно получал подтверждения слов, услышанных поздней осенью от русского монарха. Текст, предложенный ему в Лондоне, был полностью идентичен прочитанному во время царского чаепития. Партию войны ни в чем не убедил меморандум о признании Кореи зоной интересов Японии, а наоборот, даже раззадорил. Сокращение русской армии было воспринято как удачное стечение обстоятельств, а последние данные разведки о невероятных ценностях, складываемых недалеко от границы в Забайкалье, переполнили чашу бурно кипящего милитаризма.

Нежно прижатый к стенке новый император Китая Юань Шикай быстро подписал все необходимые воззвания к международным «силам добра». Как следствие, у японцев и англичан оказались развязаны руки. Остановить военную машину было уже некому и

нечем. И вот сегодня первый доклад о военных успехах в противостоянии с русскими...

Погруженный в свои мысли, Ито Хиробуми не заметил, как зал наполнили синие мундиры, и чуть не прозевал выход самого императора Муцухито. Монарх, как все последние десять лет, был в военной форме. Строг. Сосредоточен. Внимателен. Сегодня он будет только слушать, бросая реплики в крайнем случае, являя свою божественную волю.

А сейчас говорят его министры.

– Наши легкие силы, подобно божественному ветру камикадзе, обрушились на северных варваров и пресекли саму мысль напасть на священную землю Ямато, – коротко поклонился министр флота Ямамото Гомбэй. – Были взорваны и более не существуют два вражеских броненосца, а третий поврежден и, по сообщениям офицеров флота и разведки, не может давать более восьми узлов, что вынудило адмирала Иессена отойти под прикрытие береговых батарей.

Присутствующие не шевельнули ни единым мускулом на сосредоточенных лицах. Даже те, кто сомневался в том, что малый ход «Севастополя» был вызван именно попаданием торпеды, а не плохим качеством изготовления машин броненосца. Свара перед лицом императора допустима, если она проводится стремительно и не оставляет противнику шанса на парирование удара, подобно высверку меча в иай-дзюцу. Сейчас явно не тот случай.

– В настоящее время эскадра Макарова с его кораблями второго класса не сможет угрожать священным берегам Японии, даже соединившись с эскадрой Иессена. Более того, отряд воинов тэнно, – тут адмирал коротко поклонился, – высадился на вражеский берег на острове близ Владивостока и привел к молчанию русские береговые батареи.

То, что всего через двадцать минут после атаки экипажей миноносцев, вылетевших на камни, бронированные башни возобновили огонь и даже добились пары попаданий по японским кораблям, тоже осталось за кадром и не было прокомментировано.

– Еще одна батарея, – продолжил Ямамото, – разбита крейсерами Четвертого боевого отряда. Таким образом, в настоящий момент оборона Владивостока значительно ослаблена, и в ближайшее время может быть проведена высадка в заливе Данвиру^[28].

– Хватит ли у флота сил, Ямамото-сан? – с разрешения императора очень вежливо поинтересовался маркиз Ито Хиробуми, почитаемый многими как излишне осторожный, хотя и проницательный муж, последовательно выступавший против недружественных акций в отношении северных гайдзинов.

– Хотя корабли «Фудзи» и «Токива» более не могут участвовать в усмирении русских, наших семи броненосцев будет достаточно...

– Семи? – поднял бровь Ито.

– Экипажи «Микасы», «Ясимы», «Хатсусе», «Танго»^[29] и двух броненосцев второго класса «Якумо» и «Ивате» нуждаются в отдыхе и пополнении, – пояснил адмирал, – а сами корабли – в исправлении незначительных повреждений.

Маркиз Ито поднял вторую бровь. Император прекрасно знал этот жест и мог догадаться: «незначительные повреждения» означали, что доки Сасебо и Нагасаки переполнены искалеченными кораблями. Слава Аматэрасу, потери в экипажах, пусть и тяжелые, были не стопроцентными, как в случае с «Фудзи» и «Токивой». Опытные моряки были намного важнее кораблей...

– Если мне не изменяет память, вполне боеспособными можно считать десять броненосцев из восемнадцати?

– Броненосцы второго класса «Идзумо», «Асама» и «Адзума» направлены в пролив Цугару для несения боевого дозора, тогда как «Сикисима», «Асахи» и пять броненосцев типа «Канопус» будут обеспечивать высадку далеко за пределами русских береговых батарей. Они же смогут перехватить эскадру Макарова, когда она пойдет на помощь Владивостоку и будет обнаружена дозорным отрядом.

Ито мысленно поставил еще одну зарубку. Беспокойство о якобы «приведенных к молчанию» батареях было явной ошибкой.

– Но достаточно ли будет этих сил? – усомнился он. – В конце концов, у господина Макарова пять броненосцев...

– Согласно полученным от наших союзников сведениям, три из пяти броненосцев Макарова лишились половины и без того слабой средней артиллерии. Количество их шестидюймовок в бортовом залпе вдвое, а то и того меньше, чем у наших броненосцев второго класса. А их новые, но крайне неудачные германские орудия уступают нашим восьмидюймовкам, – пояснил Ямамото. – Некоторую опасность представляет только вооруженный двенадцатидюймовками

«Ретвизан», но, по сообщениям разведки, его скорострельность с использованием новых снарядов удручающе низка. Адмирал Камимура имеет приказ обнаружить корабли Макарова и дать возможность броненосцам Того перехватить их.

– А почему вы уверены, что Макаров пойдет именно через Цугару?

– Потому что он распускал слухи именно об этом маршруте. Русский адмирал умен и понимает, что ни мы, ни англичане не клюнем на одну и ту же уловку дважды, а в Монтевидео ему удалось с помощью таких слухов обмануть наших уважаемых союзников. В Жемчужной гавани он повторил тот же прием (его офицеры говорили именно о Цугару), а значит, он так и сделает.

Император коротко кивнул, давая понять, что доклад моряков окончен, и выжидательно посмотрел на маршала японской армии Ивао Ояма.

– Войска божественного тэнно, – поклонившись доложил начальник Генерального штаба, – еще третьего дня подняли флаг Восходящего солнца – Кёкудзицуки – над Порт-Артуром, а сегодня, потеряв на марше всего двести семьдесят человек личного состава убитыми и ранеными, выходят к предместьям Мукдена. Передовые разведочные отряды, совершив обходной маневр по рекам Ляохэ, Сунгари и Нэньцзян, скрытно вышли к Харбину и Цицикару...

Внезапный шум, пробежавший по рядам офицеров и чиновников, как ветер по камышам, означал внезапное и абсолютно неплановое появление в приемной какого-то раздражителя.

– Ваше императорское величество! Делегат связи со срочной депешей от адмирала Того! Морское сражение в проливе Цугару! Погиб адмирал Камимура...

16 апреля 1902 года. Москва.

Ставка Верховного главнокомандования

Последний докладчик удалился, когда московское небо стало уже светлеть. Есть пара часов, чтобы присесть, спокойно раскурить трубку и собраться с мыслями, анализируя сделанное за день, сверяя его с главной целью своего так неожиданно и своеобразно исполненного последнего желания.

Несколько шагов к окну. Короткий взгляд на утренний весенний город. Хорошо получилось со связью: из Иркутска до Москвы добивает, а до Питера – никак. Этим удалось обосновать перенос Ставки в Первопрестольную. Здесь, в Кремле, он занял в здании Сената тот же кабинет, что и в прошлой своей жизни, как бы подчеркивая для себя преемственность не законченной в 1953-м работы. Такие же деревянные панели, такая же массивная мебель, тяжелые шторы, письменный прибор на столе и даже ковровые дорожки... Те же проблемы и задачи...

Советскую партноменклатуру он знал как свои пять пальцев. Сам, своими руками создавал ее, чтобы потом смертельно воевать с этим големом, не имеющим ни стыда, ни совести, ни идей, ни принципов – только голый инстинкт самосохранения и размножения. Ах, как хорошо умеет делиться почкованием бюрократия! Глазом не успеешь моргнуть, а вместо одного стола уже стоит четыре, вместо одного кабинета – восемь. Только отвернулся – главки, управления, подотделы уже не влезают в многоэтажное здание... Как там у Гоголя: «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!»

Правильно в 1941-м он сказал в сердцах про советских чиновников: «Подлая, проклятая каста!» Она такая и есть... Точнее, для него – была. А царская бюрократия... В прошлой жизни он смотрел на нее только сквозь прорезь прицела, как на некую неодушевленную серую биомассу, безусловно подлежащую уничтожению. В своем новом обличье, познакомившись с ней детально и плотно, он удивился схожести двух, казалось бы, антагонистических государственных аппаратов!

Советские и царские чиновники оказались братьями-близнецами. Другая риторика, другие портреты в кабинетах, но те же поведенческие инстинкты и те же интересы – пристроить в тепло собственную задницу, обложиться бумажками, найти, на кого спихнуть работу и ответственность. Что под имперским, что под красным знаменем – бюрократия оставалась верна себе в любом виде. Медленно, как гигантский удав, скручиваясь вокруг тела государства, она неумолимо подчиняла себе функции власти, одинаково эффективно подменяя собой любую политическую базу – что самодержавие, что диктатуру пролетариата...

Император не заметил, как погасла трубка. Покачал головой, вытряхнул полустгоревший табак и опять задумался, забыв вскрыть свежую, ласкающую пальцы глянцевой упаковкой, габаевскую продукцию.

– Где они ошиблись, революционеры-марксисты, такие смелые и незашоренные? Когда, снося все старое и обрыдлое, заложили в фундамент абсолютно нового государства это старорежимное семя?

В глубине ящика стола – крохотная, сто раз перечитанная книжица Ленина «Что делать?». Он так восхищался, когда первый раз ее прочитал! Сейчас, спустя полвека, есть возможность взглянуть уже совсем другими глазами и увидеть то, что казалось таким несущественным.

Ленин писал: «Я утверждаю:

1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей;

2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация;

3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью».

Собственно, ничего нового. Та же опричнина Ивана Грозного, только в революционных виньетках... Но именно с нее все началось... И уже в 1920 году пришло понимание: «Выходит, у нас самая настоящая „олигархия“. Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии»^[30].

А вот это уже был приговор. С такой элитой, никем не избираемой и никому не подотчетной, государство может существовать только на искусственном дыхании. Пока он был жив, таковым был постоянный страх чиновников разменять место столоначальника на должность лесоруба. Но даже репрессии не мешали бюрократии размножаться и кабанеть, протаскивать на «рыбные» места не самых ответственных и профессиональных, а самых нужных и покладистых.

Последние – особая порода. Они искали подчиненных заведомо глупее себя, чтобы не подсидели. И покатился под гору отрицательный отбор кадров для первого в мире государства трудящихся... В 1952 году на фоне послевоенного дефицита кадров, убожество советской бюрократии стало заметно всем... Он начал суетиться, тасовать «колоду», но было уже поздно...

Император все-таки распечатал пачку с душистым табаком «Герцеговина Флор» фабрики Иосифа Габая, не спеша набил трубку, чиркнул длинную, как факел, спичку...

Какую фигуру на какое поле требуется передвинуть, чтобы не повторять ошибки? Какой ход надо сделать, чтобы второй раз не наступить на грабли?

Изменения за прошлый год произведены громадные. Все говорят о революции, некоторые даже пишут о царе-социалисте, и только он знает, что все сделанное не более чем косметический ремонт. Изъятие земли из частной собственности и национализация недр, государственные монополии на внешнюю торговлю, отмена сословных привилегий, ликвидация нелепых физических наказаний. Даже отмена налогов для малоимущих, к коим принадлежали три четверти страны – все правильно и необходимо, но это полумеры... Если не обуздать чиновничество, не настроить механизм самовоспроизведения ответственной элиты, все начинания, все самые благие помыслы будут извращены и загублены...

Спичка догорела до конца и обожгла пальцы. Бережно положив так и не раскуренную трубку на край стола, император опять поднялся с кресла. Занимался новый день. Заданные самому себе вопросы придется оставить на следующую ночь. Сегодня будут совсем другие хлопоты – военные.

Господи, опять война! Долгожданное время, чтобы прославиться – для одних, обогатиться – для других, надежда на решение собственных проблем – для третьих. И горе горькое – для простых людей, по которым она катится своим стальным катком, не спрашивая, кто прав и кто виноват. Мир, к сожалению, несовершенен, и пушки – последний довод не только для королей.

Он не мог войну отменить: слишком много геополитических противоречий накопили империи в подлунном мире.

Но он вынудил врагов начать ее, когда они еще не готовы – ни морально, ни физически, ни материально.

А вот Россия на этот раз кое-что успела: отмена «золотой» привязки рубля позволила сэкономить за год почти миллиард рублей. Инвесторы, вынужденные вместо вывоза денег вывозить отечественные товары, влили в местное производство больше двухсот миллионов. Могли больше, да покупать пока нечего – бедненько в России с товарами. Дополнительная эмиссия на полтора миллиарда... Она ухнула целиком в строительство. Туда же ушла вся экономия после отмены содержания великокняжеского зверинца и продажи великосветских дворцов – больше ста миллионов.

Но самый большой доход – это товарные бонды или векселя, без малого три миллиарда, конвертированные в сырье, оружие, станки, заводы под ключ, лаборатории, иностранных специалистов, которых он с жадностью маньяка сгребал со всего света, пользуясь мировым кризисом. Сегодня есть кому строить, что строить и на что строить. Этим и будет заниматься страна, а те, кто хотят помешать, только помогут...

Ах, какие сюрпризы ждут в самом скором будущем вас, господа англосаксы, и вашу пятую колонну, пестуемую внутри России!!! Вся эта консервативно-коррупционная оппозиция, спекулянты и ростовщики, пережившие шок и страстно желающие сатисфакции... Как же вы предсказуемы!

– Господин Верховный главнокомандующий! Харбин на связи! Сводка боевых действий за первую половину дня!

– Положите на стол и можете быть свободны, – не отрывая взгляд от разгорающегося рассвета, глухо произнес император. – Срочных депеш пока не будет... Хотя... Запросите Владивосток, узнайте, как там все прошло у адмирала Макарова? И про наших гостей на Балтике докладывать каждые четыре часа!

Накануне. В небе над Сасебо

Известный спортсмен, велосипедист, боксер, борец и вообще любимец публики, особенно одесской, а ныне вольноопределяющийся Российского императорского воздушного флота Сергей Исаевич Уточкин откровенно скучал. Вечернее небо над Сасебо, украшенное чернеющими на горизонте горами Цукуси и Кудзю, было детально

осмотрено и даже сфотографировано еще на подлете, изрезанный бухточками и усыпанный островками залив Омура описан и картографирован, корабли в доках и у причалов пересчитаны по четыре раза и идентифицированы.

Находящиеся под его заведованием двигатели конструкции инженера Никсона в количестве двух работали ровно и без сбоев, поэтому продемонстрировать присущие ему таланты, как то: полное отсутствие страха высоты, изумительную силу и ловкость, а также неплохое знание техники – в данный момент не требовалось.

Во время длительного перелета из Владивостока до самого юга Японских островов пару раз пришлось выбираться на открытую всем ветрам моторную галерею и приводить в чувство зачихавший было мотор, оба раза один и тот же – левый. Но сегодня над целью двигатели работали ровно, и управляемый лейтенантом Непениным аэростат конструкции Цеппелина практически неподвижно висел чуть в стороне от доков Сасебо, затопленных по причине разрушения тяжелыми снарядами батопортов.

Через равные промежутки времени на надстройках и палубах броненосцев, ремонтирующихся в доках и потому тоже полузатопленных, расплывались хорошо видимые сверху черные кляксы разрывов. Иногда рядом с бортами вздымались белопенные гейзеры. Это означало, что русские броненосцы, выстроившиеся в линию и выписывающие неторопливые восьмерки в заливе, отделенном от внутреннего бассейна холмистой грядой, брали неверный прицел. Их довольно быстро поправляли два корректировщика: мичман Дорожинский и гардемарин Ренгартен фиксировали отклонения и через радиостанцию, занимавшую всю кормовую часть гондолы, передавали поправки на корабли.

Сам Уточкин несколько раз пытался поближе познакомиться с беспроволочным телеграфом, но капитан инженерной службы Рыбкин, по слухам, один из создателей сего электрического чуда, вежливо, но непреклонно отправлял Сергея Исаевича на его законное место. Оставалось только смотреть вниз, любуясь какой-то игрушечной и совсем не страшной с высоты птичьего полета картиной всеобщего разрушения.

Броненосцы – три одинаковых, типа «Пересвет», и один чуть побольше, немецкой постройки – все так же исполняли свой

разрушительный вальс. Взрывы пятисотфунтовых снарядов по-прежнему калечили башни и корпуса поврежденных под Владивостоком кораблей. Бронепалубники вколачивали шестидюймовые фугасы в позиции древних гаубиц и короткоствольных пушек береговой обороны, приперчивая их сверху шрапнелью из противоминных орудий. А ровные квадраты японских батальонов на площадях близ доков все так же окутывались легким дымком, пытаясь залповой стрельбой из винтовок отогнать медленно плывущий на километровой высоте дирижабль. Уточкин время от времени по приказу поручика прикинул к встроенной в пол фотокамере, делая снимки для последующего отчета.

Сергей Исаевич всмотрелся в зеленоватую воду у оконечности выдающегося на юг полуострова. Ого! Четыре белопенных клина нацелились прямо на броненосцы эскадры. Но до следов, похожих на наконечники копий или стрел, было еще далеко. Он сделал пару шагов по слегка подрагивающей палубе гондолы и дернул за рукав старшего из наблюдателей. Тот поднял недовольное лицо.

– Ми-ми-миноносцы! – прокричал Уточкин, преодолевая гул моторов и свое привычное заикание. – Т-там, к юго-во-во-востоку!

– К зюйд-осту, – кивнул проследивший за его рукой Дорожинский и застучал ключом, предупреждая эскадру о гостях, ну или о хозяевах, но все равно не слишком желанных.

Уточкин вздохнул. Сейчас малые крейсера, созданные для уничтожения миноносцев, временно оставят в покое несчастных японских артиллеристов и встретят четыре подходящих истребителя. Те, скорее всего, уже через пятнадцать-двадцать минут присоединятся к трем потопленным в самом начале операции канонеркам, которые экзаменуемый Дорожинским гардемарин Ренгартен определил как «Идзуми», «Акаги» и «Хацукадзе». А между тем снаряды броненосцев, взятые еще в Кронштадте и выделенные адмиралом Макаровым на погром Сасебо, закончатся нескоро, и Сергею Исаевичу предстоит еще немного поскучать. Даже если на обратном пути левый мотор опять забарахлит, Адриан Иванович снова пустит вольноопределяющегося за штурвалы, когда будет отсыпаться.

Впрочем, летать на дирижабле что так, что эдак было довольно скучно: сиди себе и сиди, иногда чини мотор. Но это редко случается – два раза за весь почти суточный полет. А потом опять сиди и сиди.

Уточкин надеялся, что после возвращения его рапорт о переводе в группу, отбираемую для обучения полетам на новых аппаратах тяжелее воздуха, будет удовлетворен. По крайней мере, начальник авиаотряда полковник Кованько отнесся к его желанию вполне благосклонно и даже обещал послать запрос о включении Сергея Исаевича в летно-испытательный отряд. Возможно, самолеты – так, по слухам, называются эти аппараты – будут интереснее.

В это же время. Балтика

– Мне это абсолютно не нравится, господа. – Лорд Керзон-Хау, командующий Балтийской экспедицией, обозревал в бинокль Либаву.

– Разрешите спросить почему, сэр? – экономным движением приподнял бровь собеседник. Он был в штатском. – Мне, с точки зрения сухопутной крысы, кажется, что все идет довольно гладко. Даже «Маджестик» удалось удержать на плаву.

Все стоящие на мостике обернулись. Пораженный русскими торпедами броненосец уже спрямил крен, хотя и сидел в воде футов на пять ниже обычного. Далеко за ним, в паре миль от разбитого артиллерией недостроенного Северного форта русских, поднимались два поредевших столба дыма – два из восьми русских миноносцев, жестоко, но не смертельно обидевших британский линкор, пытались удрать под прикрытие минного крейсера, но, будучи настигнуты значительно превосходящими их по всем параметрам истребителями англичан, выбросились на берег и были добиты корабельными пушками.

– В том-то и дело, что все идет слишком гладко, – вздохнул адмирал. – Я ожидал более серьезного сопротивления. А тут... Жиденькие минные заграждения в одну линию, вялый артиллерийский огонь из чуть ли не дульнозарядных орудий. Да и миноносцы... Вы заметили, что русские использовали в набеге только старые корабли?

– К сожалению, я не слишком разбираюсь во флотских делах, Эшетон, – пожал плечами собеседник. – Я предпочитаю лошадей.

– Тогда представьте, Алан, что, имея возможность атаковать кирасирами, русские пустили в бой дикарей на низкорослых лошадаках, – объяснил адмирал.

– В этом случае я бы сказал, что противник не готов дать генеральное сражение, – кивнул штатский, – и сейчас всего-навсего

нас прощупывает. Для разведывательного налета это было довольно болезненно.

– То-то и оно. Вы заметили, с какой дистанции они атаковали?

– С двух миль?

– С полутора или чуть больше. О, простите, Алан, просто наша миля несколько длиннее сухопутной. Могу лишь отметить безупречность вашего глазомера. Дело в том, что русские мины Уайтхеда до сего дня имели дальность всего четверть мили. Наши – да, могли ходить почти на милю, но никак не на полторы.

– Это так важно, Эштон?

– Да. Особенно здесь, на Балтике, с ее узкими фарватерами, островами и туманами. Видите ли, наша противоминная артиллерия состоит из большого числа двенадцатифунтовых скорострелок и еще большего числа шести- и трехфунтовых орудий. А на дистанции более мили все пушки калибра менее трех дюймов или двенадцати фунтов попросту бесполезны.

– В таком случае русские совершили ошибку, – пожал плечами Алан, – им следовало выложить этот козырь, если мы втянемся в Моонзундский архипелаг или выйдем к фортам...

– Не соглашусь. Вероятнее всего, их мины – последней модели, возможно, это даже экспериментальные образцы. Им было важно попробовать, как они поведут себя в настоящем бою. И они это узнали, замечу, не без пользы для себя, не используя свои новые миноносцы. Я не узнал только минный крейсер, что прикрывал уходящих.

– В донесениях с Дальнего Востока, – задумчиво сказал Алан, – мне попадалась информация о том, что крейсер наших союзников «Токива» также был торпедирован с очень большой дистанции, и ему повезло меньше, чем «Маджестику». Правда, он был поврежден береговой артиллерией еще раньше. А до начала войны наши союзники поделились информацией об экспериментах русских, связанных с использованием в минах Уайтхеда перекиси водорода вместо сжатого воздуха...

– Я тоже хочу такие игрушки, Алан, – усмехнулся адмирал, – и не отказался бы от трех или четырех десятков дополнительных двенадцатифунтовок, чтобы заменить ими всю малокалиберную мелочь. Но вряд ли адмиралтейство будет столь расторопно.

– Я пошлю отчет его величеству...

– Буду вам крайне признателен, Алан. Хотя я и не ожидаю немедленного эффекта. А это значит, что нам придется быть крайне осторожными при дальнейшем продвижении.

– Понимаю вас, Эшетон. И знаете что... Я только что понял, что меня беспокоит.

– Да?

– Они не стали разрушать Либаву. Они почти не оказали сопротивления десанту – просто постреляли и отошли. Либо они желают, чтобы мы базировались именно здесь, либо уверены, что вернут город.

– Вы решили испортить мне настроение еще больше, мой друг? – нахмурился адмирал. – Напрасно. Оно у меня и так отвратительное.

20 апреля 1902 года. Лондон. Тауэр

Эдуард VII, в семье – Берти, старший сын королевы Виктории и принца Альберта, не был кровожадным, одержимым и даже просто злым. В дневнике и письмах к своей старшей дочери королева Виктория сетовала, что сын склонен к легкомысленному образу жизни и его вступление на престол принесет невзгоды династии и стране в целом.

Будучи в очень зрелом возрасте, Эдуард VII регулярно удалялся от государственных дел и предавался любимому времяпровождению в парижском борделе «Le Chabonais», где у него была своя комната. Там стояло особое кресло, на котором Берти мог удовлетворять двух женщин сразу. Личную медную ванну с бюстом полулебеда-полуженщины для королевских утех наполняли шампанским.

Собственно, все государственные и околосударственные дела Эдуарда, включая международные, и даже его масонские увлечения, были похожи на посещение борделя – весело, ненапряжно, без каких-либо обязательств. Живи он в XXI веке, его отношение к делам можно было бы охарактеризовать словом «прикольно». Современники же писали, что король воспринимал государственные обязанности как своеобразные приключения, способ побороть скуку пресыщенного развлечениями карапузика!

Посетив первый раз Россию в статусе наследника, Берти ляпнул на семейном ужине с Алисой, что ее муж Никки очень похож на Павла Первого... Ничего злобного в его словах не было, он просто

проговорился о давно принятом в Британии решении относительно России и самодержавия. Его ни разу не скрывали и широко обсуждали в клубах и ложах Лондона. Конечно, этикет требовал промолчать, но так прикольно было наблюдать вытянувшиеся лица Никки и Аликс...

Вот и внезапно начавшиеся военные действия против Российской империи Эдуард VII даже не попытался остановить. Это же новое развлечение! Это же весело и азартно, как в карточной игре... Азарт, еще один двигатель короля Эдуарда, идеально работал за игральным столом и на охоте. Так почему же не использовать его в международных делах?

По совокупности вышеуказанных причин, первые результаты атак Британского флота короля не огорчили, а только раззадорили. Ну подумаешь, утонула пара-тройка кораблей. Их у адмиралтейства столько, что они собственные устаревшие броненосцы используют как мишени! Не беда, построят новые! Но вот сколько сможет продержаться Никки – это действительно любопытно. Глядя на карту России, Берти чувствовал себя мальчуганом, ворошившим палочкой муравейник и наблюдавшим, как суетятся мураши вокруг своего порушенного жилища...

В общей победе английского оружия над русским Эдуард VII не сомневался ни минуты. Основания для этого были еще совсем свежи: более-менее удачная Крымская кампания 1855-го навевала оптимизм, а победные репортажи из Трансвааля подпитывали его лучше, чем донесения разведки о крайне низкой степени боеготовности русской армии, застигнутой врасплох на стадии реформирования.

Поэтому, вполуха выслушав извинительно-смущенный доклад моряков, он с надеждой посмотрел на своих генералов. Они-то не подведут! Транспорты с закаленными в боях ветеранами англо-бурской войны уже идут из Африки в Китай. Скоро русским там станет вообще не до смеха.

– Какие потери у Китченера при продвижении от Цзиньчжоу до Мукдена?

– Три человека ранеными и два десятка заболевшими, – заглянув в свои записи, бодро доложил адъютант.

– И как скоро он преодолел этот путь? Простите, какое там расстояние?

– Сто двадцать миль, ваше величество! – скосив глаз на грустных моряков, гаркнул гвардеец. – Всего за пять дней, и это с учетом восстановления дорожного полотна, поврежденного во время восстания ихэтуаней.

– Ну что ж, господа... – Король, картинно пружиня ногами, прошел вдоль строя черных флотских мундиров, ехидно заглядывая в глаза адмиралам. – Если лорд Китченер продолжит в том же духе, осенью он будет пить шампанское прямо в Зимнем дворце в Петербурге... А вот флот... Может быть, вас отправить на стажировку в армию? Как полковник гвардии, могу похлопотать! Должен же хоть кто-то научить вас воевать...

На лица флотских было больно смотреть.

– Ваше величество! – ответил за всех первый лорд адмиралтейства. – Уверен, что Гранд Флит в ближайшее время оправдает свое высокое звание лучшего флота. Адмирал Сеймур телеграфирует из Вэйхайвэя о начале операции, которая позволит поставить жирную точку на притязаниях русских в Тихом океане.

В это же время. Вэйхайвэй

– У меня есть для вас отличная новость, – усмехнулся адмирал Сеймур, приветствуя своих офицеров. – Мы наконец-то заканчиваем бессмысленно жечь уголь и идем в бой.

По рядам офицеров прошло оживление.

– Русские пираты у восточных берегов Японии стали действительно серьезной проблемой. Шесть их больших бронепалубников, соответствующих по классу нашим «Хайфлайерам», и столько же быстроходных рейдеров-купцов почти полностью прервали тихоокеанскую торговлю Японской империи. Помимо не поддающихся учету транспортов, они уничтожили до семи японских вспомогательных крейсеров и даже два современных и весьма быстроходных бронепалубных корабля – «Касаги» и «Иосино». Причем в обоих случаях японские защитники торговли, преследуя русский рейдер, довольно быстро сталкивались сразу с двумя русскими «шеститысячниками», обладающими более чем двадцатидвухузловым ходом.

Адмирал Макаров, мастерски используя свое превосходство в связи, быстро топил японцев, пользуясь более серьезной артиллерией.

Еще один крейсер, «Сума», смог оторваться от погони, воспользовавшись ночной темнотой и плохой погодой, хотя встал на ремонт не меньше чем на три месяца. Анализ мест столкновений показал, что русские базируются где-то здесь, – адмирал ткнул указкой в россыпь Марианских островов, – или здесь, – он указал на несколько пятен чуть ближе к берегам Японии.

Офицеры зашушукались. В принципе, озвученные данные не стали ни для кого откровением. Благодаря своим людям в окружении кайзера, английская разведка давно была в курсе относительно интереса русских к Марианским островам и логично предполагала именно их в качестве секретной базы эскадры Макарова.

– По просьбе союзников мы взяли на себя охрану войсковых перевозок между японскими островами и Владивостокской группировкой, – продолжил Сеймур. – Это стоило нам «Орландо» и «Уорспайта», но и «Россия», по данным разведки, находится в небоеспособном состоянии и, вероятно, останется в доке на полгода. К сожалению, второму русскому броненосному крейсеру, «Громобою», удалось уйти.

То, что в процессе отхода «Громовой» с его четырьмя девятидюймовками отбил у остальных британских крейсеров охоту слишком настойчиво преследовать поврежденный русский рейдер, адмирал опустил.

– Будут ли с нами японцы, сэр? – задал вопрос командир «Ринауна». – Я бы не отказался еще от пары килей.

– Нет, капитан Тайруитт, поврежденные при Владивостоке «Ивате» и «Якумо» вернутся в строй только через месяц. К счастью для нас и для японцев, они ремонтировались в доках Нагасаки и Иокогамы, избежавших этого варварского обстрела. А остальные японские броненосные крейсера, увы, потоплены «Ретвизаном», стоящим в доке Владивостока. Броненосцы, включая пять из шести «Канопусов», сейчас обеспечивают высадку союзников под Владивостоком. Однако, – адмирал нахмурился, – мы не можем ждать. Поэтому мы пройдемся по Бонинам: в том районе исчезло несколько кораблей под нейтральными флагами, отправленных нашей разведкой на поиски базы Макарова. Если русских там не окажется, мы пойдем на Марианы.

– Что делать, если мы действительно найдем русских, сэр?

– Топить их, – ответил Сеймур. – К счастью, у них в эскадре остались только второсортные броненосцы с сильно ослабленной артиллерией. Согласно перехваченным радиограммам, у двух русских броненосцев вышли из строя ходовые электрические моторы. Я так и думал, что все эти технические ухищрения до добра не доведут. Кроме того, адмирал Макаров засыпает Владивосток радиограммами о скорейшей поставке девятидюймовых снарядов и угля: его собственные запасы почти исчерпаны. Именно сейчас у нас есть шанс их поймать.

На подступах к Владивостоку

Капитан первого ранга Беклемишев прильнул к перископу. Его позиция на фоне берега теоретически должна была способствовать незаметности перископного следа, но проверить эту теорию до сих пор не довелось. Беклемишев надеялся, что в любом случае перископный след будет не слишком заметен среди волн.

Подводная лодка «Фельдмаршал граф Шереметев» кралась всего-навсего на двух узлах. Построена она была на средства старинного вельможного рода, обладавшего изрядным чутьем и поэтому добровольно пожертвовавшего на нужды флота почти половину семейного состояния. Глава семейства, над которым уже был занесен меч государственных контролеров, благоразумно решил, что лучше так, чем отдать все состояние полностью, до полушки. Но главное дело было сделано. Лодка, построенная в рекордные сроки, вышла на свое первое боевое дежурство с изрядным опережением графика.

Слева, неспешно отстреливаясь, в сторону Владивостока уходила короткая колонна – «Ретвизан», «Три Святителя» и «Сисой». Правее накатывался строй из шести японских броненосцев в сопровождении трех бронепалубных крейсеров. Японцы шли на пятнадцати узлах против русских двенадцати и вскоре должны были открыть ответный огонь. Еще один броненосец, «Асахи», отставал. Ему не повезло оказаться на правом фланге отряда, обстреливающего русские войска, и первый удар обуховских двенадцатидюймовок пришелся именно по нему.

Прежде чем японцы, занятые обстрелом позиций, успели толком отреагировать, отряд под командованием Небогатова добился четырех

двенадцатидюймовых попаданий, одно из которых, судя по резко снизившейся скорости броненосца, стало довольно неприятным.

– Головным «Сикисима», – негромко сообщил командир. – Наши броненосцы хорошо вывели на нас япошек, как по ниточке! Дистанция – сорок кабельтовых. Пройдет мимо нас в восьми. Механик! Ход самый малый!

Электродвигатель работал бесшумно, поэтому снижение скорости до одного узла Беклемишев почувствовал только по уменьшению вибрации перископа, и без того достаточно мягкой.

– Торпедные аппараты с первого по четвертый – товсь, – приказал Беклемишев. – Боцман, приготовиться принять балласт в компенсирующие систерны. Ежели покажем рубку да нос после первых двух, я тебе даже разнос устраивать не буду, Иван Максимович. Японцы сами нас разнесут в мелкие клочки.

– Слушаюсь, Михаил Николаевич, – пропищал боцман. Его несерьезный голос был постоянным предметом заспанных шуток команды. – Не извольте беспокоиться! Все понимаем!

– Время хода торпед... девяносто секунд. Даю отсчет. – Командир лодки еще раз прикинул скорость японской колонны. – Десять, девять... три, две... Первый аппарат – пли! Второй – пли!

Шипение воздуха и гул заполняющей балластные танки воды ударили по ушам подводников.

– Третий – пли! Четвертый – пли!

Третья и четвертая торпеды выходили из решетчатых аппаратов Джевецкого, установленных вне прочного корпуса лодки, прямо на палубе, поэтому звуковые эффекты на этот раз были не столь впечатляющи.

– Перископ убрать! Погружение на сто двадцать футов! Полный ход, лево руля! Мичман, секундомер!

Вероятнее всего, японцы прошляпили, да и немудрено: электрические торпеды не давали видимого пузырькового следа. Через девяносто три секунды лодку качнуло, еще через две раздался второй взрыв, а еще через четыре – третий. Три из четырех! Да, вот так, на пистолетной дистанции, по равномерно движущейся цели...

Когда через полчаса аккуратного отползания Беклемишев решил вновь поднять перископ, «Сикисимы» на воде уже не было, а колонна японцев дымила на горизонте, явно не собираясь более

оставаться в столь опасном районе. Ну и слава богу! Ходу до базы – полночи, там торпедная погрузка, отдых... И можно повторить.

О пропавших кораблях под нейтральными флагами

Совершенно неожиданно пропадали корабли под нейтральными флагами не только у Бонинского архипелага. То же самое происходило на пути в Корею. Один из таких «пропаданцев», несущий американский флаг исключительно ради вящей маскировки, был совсем неплох – почти четыре тысячи тонн и четырнадцатиузловая скорость при неплохой мореходности. А его груз – мука, мясные консервы, керосин в жестяных квадратных банках (не есть же холодное!), а также кофе и консервированные ананасы в качестве десерта – был еще лучше.

Именно поэтому Яков Самуилович Фишерман, прапорщик по адмиралтейству Российского флота с одной стороны и целый тааль флота израильского – с другой, не стал отправлять корабль в Николаевск или Петропавловск, а решил, несмотря на известный риск, дотащить приз до Владивостока.

Единственное, что не устраивало Якова Самуиловича, было название. Но это дело поправимое: краски в подшкиперской хватало, а новые судовые документы за авторством мичмана Фимы Столберга выглядели лучше настоящих. Бывшая «Калифорния Принсесс» теперь именовалась скромно и неприметно – «Цецилия» – и гордо шествовала Японским морем в сопровождении пяти миноносцев, один из которых, надо сказать, весьма нахально для этих вод нес на гафеле Андреевский стяг, а еще четыре – тоже бело-голубые, но никакими крестами не изукрашенные.

– Итак, Александр Александрович, – обратился Фишерман к капитан-лейтенанту Корнильеву, – шо таки ви можете нам сказать за пготивника?

Его форма висела на нем настолько неловко, что он выглядел даже немножечко стильно.

– Броненосец, предположительно «Асахи», поврежден артиллерией, скорость не более десяти узлов. В кильватере – еще два транспорта, чуть побольше нашей «Цили». Вряд ли войсковые, скорее с военным имуществом или вооружением.

– А сопровождение?

– Сопровождение – два двухтрубных истребителя типа «Муракумо», полагаю – сам «Муракумо» и «Синономэ». Других кораблей или судов поблизости не замечено.

– Неудивительно, – кивнул пожилой моряк, – совег-шенно, я бы сказал, неудивительно. Как считаете, пготово-минная агтиллегия у этого «Асахи» в погядке?

– Вряд ли в полном, Яков Самуилович, но, полагаю, выбита далеко не полностью. И в основном на правом борту.

– На пгавом, – задумался старик, – это, я вам скажу, кгайне неудачно. Нам было бы лучше атаковать с темной стогонны гогизонта, а это будет его левый бофт...

– Вы действительно хотите атаковать броненосец? – изумился капитан-лейтенант.

– Почему нет? Таки какой был смысл моему племяннику Додику закупать эти пгосто непгилично догогие немецкие тогпеды, если ими будет не в кого стгелять? А если адмигал Макагов и адмигал Небогатов пгодолжат в том же духе, то они нам вовсе не оставят такой возможности! И где же, скажите мне пожалуйста, я тогда возьму мogleков-иегуди, имеющих опыт тогпедных атак? На Пгивозе? Так на Пгивозе такой товаг гедкость. Я вам даже больше скажу – на Пгивозе его вообще нет! Вот что... Гигшевич!

– Я, господин прапорщик по адмиралтейству!

– Поднимайте всех свободных. Подготовить когабль к хогошему, пгавильному пожагу, пгичем к такому, чтобы самому господину ялтинскому полицмейстегу не было стыдно на него поглазеть!

– Вы хотите...

– Конечно хочу! Вы таки не пгедставляете, Александр Александрович, как удобно швагтовать и газггужать шаланды с товагом, когда и погтовые власти, и полиция, и даже янгеле этого молодого, но уже очень нахального поца Бени с Молдаванки смотрят на высокохудожественный и, главное, своевгеменный пожаг!

Капитан-лейтенант Корнильев ухмыльнулся:

– Не думал, что вы пожертвуете таким прекрасным грузом, Яков Самуилович! Я же помню, с каким восторгом вы осматривали трюмы этой красотки. Да и во Владивостоке что керосину, что продовольствию очень бы обрадовались и, полагаю, выплатили премию за груз по высшей ставке. А тут такой убыток...

– Молодой человек, – возмущенно ответил ему собеседник, – здесь таки вовсе даже никто не говорит об убытках! Надо же понимать газницу между убытком и ин-вес-ти-ци-ей!

* * *

– Огни по левому борту! – закричали сразу два сигнальщика.

Командир броненосца «Асахи» капитан первого ранга Хасимото подскочил с постели – борьба с пожарами, заделка подводной пробоины и откачка воды почти лишили его сил. Он выскочил на мостик, благо спал в одежде. Оставалось только надеть фуражку и придать лицу долженствующее бесстрастное и слегка надменное выражение.

– Похоже, гражданский. Кто еще будет ходить в этих водах со всеми зажженными огнями?

– Передайте на «Муракумо»... – начал отдавать распоряжения командир, но не успел.

На неизвестном корабле зажегся прожектор, и его луч протянулся прямо к броненосцу.

– Бака! – Хасимото чуть не разбил бинокль об ограждение мостика. – Идиот! Сын морской шлюхи! Носовой плутонг противоминных – один выстрел по курсу этого дурака!

Миноносцев у русских было немного, но артиллеристы трехдюймовок на всякий случай спали при своих орудиях, и одно из них рывкнуло спустя всего двенадцать секунд после приказа.

Разумеется, всплеск от падения бронебойного снаряда в воду вряд ли был замечен в темноте, но уже спустя восемь секунд после выстрела на палубе совершенно однозначно трампа сверкнула вспышка, от которой поползли по надстройке языки пламени. Огонь рвался вверх так яростно, словно надстройка транспорта была полита керосином. Уже через полминуты весь корабль полыхал.

– Я приказывал дать выстрел по курсу! – рывкнул Хасимото. – Осветить цель! Транспортам быть готовым оказать помощь или снять экипаж!

– От борта корабля отвалил миноносец! Это «Хай Хуа»!^[31]

– Противоминная артиллерия и артиллерия среднего калибра левого борта, цель – русский миноносец! Огонь! – закричал капитан. – Общая тревога! Прислугу орудий правого борта – на помощь левому! Прожекторам – осветить русских!

Яростные лучи света скрестились на маленьком русском кораблике.

«Слишком поздно! Он успеет атаковать, даже если мы накроем его с первого залпа», – успел подумать Хасимото, прежде чем завопил один из сигнальщиков, отвлекшийся на созерцание пожара и потерявший драгоценные секунды, чтобы поднять тревогу.

– Торпеды с правого борта!

Первая из двенадцати закупленных в Циндао мин нащупала борт идущего ближе к берегу «Синономэ», а еще три – с интервалом не больше двух секунд поразили и так поврежденный «Асахи».

* * *

«Навин», «Синай» и «Бураков» латали пробоины от трехдюймовок, «Давид» пришлось затопить. Оставшийся в одиночестве «Муракумо» отбивался так отчаянно, что только четырехкратное превосходство в артиллерии позволило морякам Израиля выиграть этот бой. Немногочисленных пленных японцев сгрузили на захваченные пароходы, доставлявшие, как оказалось, боеприпасы, инженерное имущество и стройматериалы к месту высадки армии тэнно под Владивостоком, и направленные вместе с поврежденным броненосцем обратно в Японию, когда десантная операция была свернута вследствие угрозы русских подводных лодок.

«Цецилия» щеголяла обугленной надстройкой, но пожар был исполнен в лучших традициях одесских контрабандистов и фатального ущерба ни кораблю, ни грузу не нанес. Инвестиции инвестициями, но ведь сэкономленные деньги – это заработанные деньги!

Израильская учебная, хотя вполне уже боевая эскадра шла курсом на Владивосток. Здесь на сопках, как и в предгорьях Мукдена, и на берегах Черного моря, разворачивалась основная шахматная партия. Маленькие люди, скромно делающие свою работу, даже не

подозревали, что уже стали крошечными шестеренками в огромном геополитическом механизме, раскручивающем колесо истории.

25 апреля 1902 года. Карс

Великий князь Николай Михайлович придирчиво осмотрел свой командный пункт, буквально нашпигованный различными предметами, не используемыми до прошлого года в армии вообще, и покачал головой. Командовать войсками таким образом ему еще не доводилось. Не было и в помине ровных шеренг, выстроенных в батальные линии полков, развевающихся знамен, грохота барабанов – всего того, к чему он привык в лейб-гвардии, что ему знакомо по Аладжинскому сражению, когда он заслужил своего первого и пока единственного Георгия.

Вместо обозреваемого глазом фронта – карты различного масштаба с синими и красными флажками, папки с боевыми донесениями отрядов, находящихся от КП на немыслимом расстоянии в десятки, а то и в сотни верст. Вместо вестовых и порученцев – туши радиотелеграфов и целый сонм аппаратов полевой связи. Вместо боевого горна – противный телефонный зуммер.

– Да, – покачал головой Николай Михайлович, – война окончательно потеряла романтический ореол и превратилась в сплошной канцеляризм. Еще немного, и вместо приказа об атаке надо будет просто нажать на какую-нибудь кнопку.

Николай Михайлович капризничал, потому как волновался. На самом деле такое положение командира его устраивало, напоминая академическую библиотеку, где никто не отвлекает посторонними шумами и дает возможность сосредоточиться на изучаемом предмете. Любителя всего нового и революционного, самого беспокойного из всех Романовых завораживало необычное действо.

Его Кавказская гренадерская дивизия за год похудела до трех батальонов и в таком составе переходила границу с Турцией. Но какие это были батальоны! Сплошь офицеры и унтер-офицеры, имеющие опыт восхождения на горные вершины, все как один – бекасники, через одного знающие местный язык, экипированные и вооруженные для выживания и победы в самых сложных горных условиях.

Обмундирование разработано и пошито, чтобы защитить от высокогорной стужи и не стеснять движения: двубортные кители,

теплые брюки из плотной ткани с манжетами, специальные горные ботинки с шипами. У каждого ледорубы, спальные мешки, меховые жилеты и такие же носки, теплые перчатки, снегоступы, защитные очки, скальные молотки, веревки, другое альпинистское снаряжение.

В каждом отряде из ста бойцов – полевая кухня, перемещаемая на вьюках. Короткие кавалерийские карабины с двукратной оптикой, ручные пулеметы Мадсена – по десять на отряд. Гордость дивизии – горная артиллерия: вьючные скорострельные 37-миллиметровые горные пушки Маклина и полупудовые мортирки на станке Дорошенко с новыми восьмифунтовыми гранатами – каждой «твари» по паре.

Карты – особая гордость Николая Михайловича. В течение года состоялось более двухсот экспедиций «за бабочками», как выразился Никки, хитро прищурив глаза. Энтомологи с военной выправкой облазили окрестности Эрзерума, армянское нагорье, где берут начало Евфрат, Араке и Кура, основные хребты Малого Кавказа – Шахдаг и Контур-Алангезский. Побывали даже юго-восточнее реки Сефид-Руд, где Талышские горы сменяются горами Эльбурса.

При зачислении в дивизию князь лично раздавал офицерам маленькие книжечки как раз такого размера, чтобы удобно помещались в кармане. Называлась брошюра «Памятка бойца-альпиниста».

«Изучай горную местность. Различай в горах места, где бывают камнепады, лавины, обвалы. Умей ходить по горам. Страхуйся веревкой на крутых и опасных местах. Правильно преодолевай снежные склоны. Для умелого бойца-альпиниста нет непреодолимых препятствий в горах. Умей сражаться в виси на веревке, стоя на лыжах и на кошках. Стреляй метко, маскируйся умело. Береги оружие и снаряжение. Находи пути в горах. Не оставляй раненого товарища», – настоятельно рекомендовала брошюра, какими-то неведомыми путями попавшая к Никки... [\[32\]](#)

Впрочем, брошюрой и картографированием дело не ограничилось. Весь 1901 год дивизия как проклятая, с утра до вечера, под руководством седовласых горцев и столичных адъютантов, училась приемам самостоятельного оказания медицинской помощи при обморожениях, солнечных ударах и ожогах, горной болезни, травмах и тому подобном, а также организации маршей по горной местности и

сплава по горным рекам, ведению действенного огня из различных видов оружия по целям на больших углах возвышения, использованию естественных укрытий скал и пещер в целях обустройства военно-походного быта, ориентированию в горах, особенно в ночное время суток и в условиях тумана, преодолению горных препятствий – крутых склонов, ледников, осыпей, рек.

Кто не желал превращаться в кадета, отправлялся в отставку. Вместо них приходили беспородные, не изысканные, но упорные и рьяные, впитывающие все премудрости горной войны как губка, аккуратно конспектирующие и прилежно заучивающие.

При пешем переходе с использованием вьючных животных нельзя забывать, что скорость их движения изменяется прямо противоположно скорости шагающего человека: на подъемах она увеличивается, на спусках – снижается. В горных районах не так уж много удобных путей движения: троп, дорог, пологих берегов рек и ровных долин. При ведении разведки в таких местах не рекомендуется пользоваться наиболее комфортными маршрутами ввиду риска попадания в засаду. Не рекомендуется перемещаться по линии гребня хребтов, так как они обычно хорошо просматриваются не только с соседних вершин, но и снизу.

Ввиду того, что горные дороги узки и во время марша по ним крайне трудно изменить порядок походной колонны, она должна строиться таким образом, чтобы иметь возможность с ходу вступить в бой. В пешей походной колонне в ее голову рекомендуется выставлять самого низкорослого военнослужащего, который будет задавать удобный общий темп движения.

Пока дивизия повышала боевую подготовку, Николай Михайлович занимался высокой политикой. Его имение в Боржоми стало за этот год самым популярным местом среди курдских вождей. На их охмурение были выделены ударные дозы неформальных политических обещаний, формальных денежных знаков и все запасы кавказского гостеприимства, на какое только был способен великий князь.

Сам факт хоть и неофициального, но зато столь радушного внимания члена императорской семьи поднимал статус племенных вождей курдов на небывалую высоту а курдские «Нью-Васюки»,

подробно описанные и щедро украшенные красноречивым Николаем Михайловичем, предсказуемо стали бальзамом на их души. Вопрос «с кем строить независимый Курдистан» уже не стоял. Да и как ему встать, если в банках Санкт-Петербурга на имена курдских вождей легли увесистые именные вклады, целиком и полностью зависящие от их правильного поведения, а курдская молодежь начала торить дорожки в российские университеты.

Племенные образования курдов, вооруженные излишками оружия от сокращения русской армии, тонкими ручейками растекались по османским просторам, готовые начать войну за независимый Курдистан. Вместе с ними, неотличимые по внешнему виду, быстро и скрытно в тыл и фланг противника пробирались горнострелковые части Кавказской гренадерской дивизии. В Персии, у нефтяных месторождений, в это же время накапливали силы оба армянских пехотных корпуса.

С военной точки зрения пограничные округа между Россией и Турцией делились на две резко очерченные операционные области. Горный хребет, или, собственно, цепь гор связывает Кавказ с плоскогорьем Центральной Армении и образует водораздел между реками, впадающими в Черное море, и водами, которые несет Араке к Каспию и Евфрат в Персидский залив. Через эту цепь круто обрывающихся и почти голых скал лежит очень немного дорог, наиболее важные из которых две, идущие от Трапезунда и Батума на Эрзерум.

Эрзерум с турецкой стороны, а Карс – с русской являлись двумя непосредственными операционными базами. Тот, кто ими обладал, владел всей прилегающей областью. Именно взятие штурмом Эрзерума русскими решило азиатский поход 1829-го. Но что для одной стороны является операционной базой, для другой – прямая цель операции, поэтому эти дороги станут операционными линиями для обоих противников. Они были первой и главной целью русских войск. Все остальное должно сделать «Освободительное движение Курдистана».

Россия была готова к совершенно неожиданному и асимметричному ответу на недружественные осmano-британские союзные действия. Николай Михайлович еще раз бегло осмотрел карту пока еще спящего театра военных действий, густо усыпанную

условными пометками о наблюдательных постах, пунктах, боевых и отдельных разведывательных дозорах, подразделениях для устройства засад и проведения налетов, удовлетворенно кивнул, повернулся к застывшим по стойке смирно связистам и коротко бросил:

– С Богом, Петр Андреевич! Передать на места: вскрыть конверты с предписаниями, поднять красный флаг!^[33]

В это же время. На границе с Кореей

Так же, как гренадеры Николая Михайловича решали боевые задачи, маскируясь под курдов, разведочные партии Владивостокского гарнизона уходили на сопредельные территории под видом корейцев. Такая маскировка была самой естественной: корейцы охотно подражались на работу в Российской империи и массово шастали через границу, не похожую в начале XX века на неприступную крепость.

Единственной проблемой было явное внешнее несоответствие крупных бородатых славян с миниатюрными безбородыми подданными государства Чосон. Маскировать казаков под корейцев не получалось, поэтому вся тяжесть разведки за рекой Туманной, или по-корейски Тумень-ула, легла на плечи женского взвода ночных охотников под командованием казацкого унтер-офицера Анастасии Юдиной.

Диковинное подразделение, вызвавшее неоднозначную, скорее негативную реакцию у старшего офицерского поколения потомственных военных, однозначный интерес – у младшего, и невероятный энтузиазм – у всей прекрасной половины России, отвоевывало свое место под солнцем за счет заданий, которые стандартными способами выполнить было затруднительно или от которых мужчины старательно отбрыкивались. Нудная, неинтересная, ординарная разведка на самом спокойном корейском направлении, где тебе ни рубок, ни героических штурмов и отчаянных штыковых, где нет места подвигу, была отдана «бабскому легиону» со спокойной душой и чистой совестью.

Бойкие казачки, участницы обороны Благовещенска, награжденные и обласканные лично императором, подошли к делу творчески. Они не только превратили берега реки Туманной и близлежащие сопки в свой променад, так еще и установили добрые

отношения с жителями приграничных корейских деревень, где собирали бесценную информацию о всех перемещениях своих и чужих, сдобренную изрядным перчиком сельских слухов. Прикормленная немудреными лакомствами, неизбалованная вниманием корейская детвора самозабвенно работала на благодетельниц, встречая русскую разведку далеко за околицей, выполняя роль дозора и провожая аж до озера Хасан.

Но на этот раз около Заячьего озера их никто не встречал, а утонувшая в утреннем тумане корейская деревня была подозрительно молчалива.

– А ну-ка, мышки, все по норкам! – спешившись, распорядилась командирша. – А мы с Аннушкой прогуляемся пешочком, посмотрим, что тут к чему...

Норками казачки называли врытые в землю и хорошо замаскированные землянки на склонах окрестных сопок, оснащенные всем необходимым для ведения наблюдения за сопредельной территорией, которые они делили с горняками, ведущими в этих местах геологоразведку. Обжитые за долгую зиму землянки стали привычным приютом, где можно было обогреться и переждать непогоду. Но сейчас в воздухе витала совсем другая, не природная угроза.

– Хунхузы? – сдавленно ахнула самая юная Наденька Лозина.

Остальные казачки хмуро переглянулись и дружно стащили карабины из-за спины. В утренней тишине дружно клацнули затворы.

– Вы тут у меня еще стрельбу начните, – фыркнула Юдина, поправляя пачжи – широкие корейские штаны с завязками на лодыжках, удобные тем, что не стесняют движения и даже выглядят со стороны как юбка. – Лошадей отвести на обратную сторону сопки, не распрягать, сидеть и не высовываться...

Четырехсотфутовая высота сопки Заозерной никак не улучшала видимость. Все окрестности – болотистая пойма реки Туманной впереди, берега озера Хасан сзади, – были укрыты плотным, как молоко, туманом, и даже лучи восходящего солнца пока не могли пробить это одеяло. Они беспомощно скользили по нему, окрашивая водяную взвесь в желтые и оранжевые цвета, застревали, словно пальцы в вате. Только крыши очистились от белоснежных шапок и теперь гордо торчали над облаками, спустившимися с небес на землю.

А потом все стремительно поменялось. Туман словно разорвался, как листок бумаги, разошелся по краям, цепляясь за распадки и рощи, а вместе с ним исчезла оглушающая тишина, наполнив утро разными звуками. Первыми, долетевшими до вершины сопки, оказались выстрелы, вслед за ними из тумана вынырнули две знакомые фигурки, тащившие в руках какой-то то ли мешок, то ли сверток. Следом за ними, один за другим, появлялись солдаты. Темно-зеленые военные мундиры, красные околыши и белые гетры однозначно указывали...

– Это не хунхузы, – упавшим голосом всхлипнула Наденька.

– Позже разбираться будем, – вывела всех из состояния ступора заместитель Анастасии, такая же бойкая, как она, Саша Толпыгина. – Разобрать цели, по готовности – огонь!

Когда первые преследователи, почти догнавшие беглянок, стали валиться на землю, словно снопы спелых колосьев, остальные не стали настаивать на продолжении погони, резко развернулись и торопливо исчезли в рассеивающемся тумане. А спустя еще пять минут в траншею, служившую ходом сообщения в землянку, ввалились Анастасия с Анной, перекинув через бруствер свою ношу, оказавшуюся корейской девчонкой без единой кровинки в лице, с кровоподтеками и ссадинами по всему телу.

Каменное, ничего не выражавшее лицо командира кардинально контрастировало с переполненным эмоциями лицом Анечки Костроминой, обычно шепотливой и неунывающей. В этот раз в бездонных глазах Ани плескался ужас...

– Они... они... они все как живые... – выдавила наконец из себя Аня, безумно блуждая взглядом по стенам землянки, и в следующую секунду, уткнувшись в ладошки, мучительно, навзрыд заплакала.

Казачки переглядывались, недоумевая, что же такого увидели их товарки в корейской деревне, испуганно переводили взгляд с Ани на Анастасию. Они знали, как иногда зверствуют хунхузы, видели результаты их бандитских налетов на хутора.

– Вся деревня, – разжала наконец побелевшие губы Юдина, – на столбы насажена и расставлена вдоль дороги... Все – и мужчины, и женщины... Кроме самых маленьких, тех на деревьях развесили, как елочные игрушки. А эту, – Анастасия кивнула в сторону девчонки, – в крайней хате, что на отшибе, пользовали... Вот мы не выдержали и нашумели...

Аня, к которой вернулся дар речи, торопливо рассказала, как они вдвоем прямо с порога расстреляли из наградных браунингов постояльцев походного публичного борделя, а затем Анастасия своим бебутом, словно косо́й смерти, прошла по еще барахтающимся любителям клубнички. Когда Анна вытаскивала из-под трупов тела корейских девчонок, живой, к сожалению, оказалась только одна...

– Представляете, – на глаза Костроминой опять навернулись слезы, – они же их... уже мертвых... [\[34\]](#)

– Прекратить истерику! – глухо рыкнула Юдина. – Слушай приказ! Анна, забирай девчонку и скачи к Янковскому, сообщи о нарушении границы России японскими войсками около озера Хасан. Судя по количеству лошадей, не менее полка при двух батареях конной артиллерии. Остальные – наметом по деревням: Новоселки, Константиновка и дальше куда успеете. Пусть бросают все и уходят немедленно! А мне оставьте запасные обоймы и это сокровище, – Юдина коротко кивнула на наследство горняков, динамитные шашки, небрежно набросанные в углу, словно поленья. – Надо их задержать, а то и наших в деревнях тоже...

– Я остаюсь с тобой! – звонко, с обидой в голосе, буквально прокричала Надя.

Вслед за ней встали плечом к плечу все остальные.

– Девоньки, не глупите, – устало махнула рукой Юдина, – если все здесь останутся, кто наших предупредит? Кто людей уведет из сел? – Потом обвела еще раз насупившиеся лица подчиненных и в первый раз за утро улыбнулась краешком губ. – Ну хорошо, со мной останутся пятеро – те, кто белку в глаз бьет. Остальные не мешкая – по коням! Сейчас они опомнятся и полезут, а нам еще динамит, хотя бы пару шашек, вкопать половчее надо...

Получив от командира бригады полковника Оно строгий приказ покарать наглецов, посмевших напасть на солдат микадо, эскадрон капитана Сато очертя голову бросился в погоню и наверняка бы преуспел, если бы в самом узком проходе между двумя сопками, Заозерной и Безымянной, перед мордами лошадей земля вдруг не встала дыбом и не превратилась в каменную картечь, а сверху с обеих сторон на всадников не покатались разновеликие каменюки.

Следующие три минуты эскадрон занимался тем, что пытался успокоить взбесившихся лошадей и увернуться от камнепада. За этим увлекательным процессом их застал перекрестный огонь со склонов двух рядом стоящих сопкок. Потеряв в первые же минуты боя почти всех офицеров, непривычные к боям в горах гвардейцы божественного тэнно тем не менее вступили в перестрелку, хотя в условиях, когда противник занимает господствующие высоты, это не самая хорошая идея. Других вариантов, впрочем, вообще не было.

Через пятнадцать минут безжалостного расстрела на помощь терпящим бедствие кавалеристам прибыл в полном составе Первый пехотный батальон, и с этой минуты весы резко качнулись в сторону интервентов.

Подавить снайперов, ведущих огонь с господствующих высот, не вышло, зато удалось наглухо заблокировать одну из позиций, охватив сопку Заозерную сплошным двойным кольцом. После этого можно было спокойно дожидаться, пока подтянутся британские пушки и капитан артиллерии его величества Чарльз Эдвард Хилл соизволит выполнить свои союзнические обязательства.

Вторую высоту, имеющую крайне неудобную конфигурацию, заблокировать не удалось, поэтому полковник Оно с сожалением приказал не отвлекаться на преследование крошечной группы, аллюром уходящей на запад, а сосредоточиться на главном раздражителе.

Только к полудню, когда солнце вошло почти в зенит, а пушки полностью расстреляли свой боекомплект, продемонстрировав всю неубедительность легкой полевой артиллерии против пехоты,

занимающей долговременные земляные точки на господствующих высотах, сопка Заозерная неожиданно замолчала. Изрядно потрепанному пехотному батальону и остаткам кавалерийского эскадрона удалось ворваться на вершину и...

Торжествующие крики атакующих внезапно прервал оглушительный грохот. Даже в миле от сопки ощутимо вздрогнула земля... [35]

Историческая справка

Отделение снайперов под Сталинградом сорвало атаку пехотного полка вермахта. Такое же отделение, засевшее на господствующей высоте в дзоте, имело все шансы на успех при отражении атак пехотного батальона начала XX века.

1 мая 1902 года. Босфор

Прорыв минных заграждений напоминает вязкую и тягучую шахматную партию. Пешками защитников выступают минные заградители и истребители, снабженные рельсами для постановки мин, пешками нападающих – специально построенные и импровизированные тральщики.

Тральщики пытаются пробить проход в минных полях, а минные заградители – оный проход вновь забросать минами или, если активность противника позволяет, углубить эшелонирование позиции, выставляя дополнительные минные банки, как правило, в глубине собственной обороны.

Пешкам мешают легкие фигуры – канонерские лодки и крейсера. Обыкновенно канонерские лодки обороняющихся ведут огонь по тральщикам, а крейсера наступающей стороны пытаются им в этом помешать. Если одна из сторон получает перевес, в дело вступают тяжелые фигуры – броненосцы.

Впрочем, здесь и сейчас, на выходе из пролива Босфор в Черное море, схема боя была несколько упрощена. Командование британского флота сочло, что после потери «Террибла» рисковать оставшимися крейсерами опрометчиво, тем более что броненосный «Кресси» на замену неудачливого флагмана из метрополии еще не прибыл. И когда канонерки Черноморского флота начинали обстрел британских тральщиков, с каждым разом все более эффективно благодаря

растущему опыту комендоров и дальномерщиков, на парирование русской угрозы выходили броненосцы.

Увы, канонерки московитов, перевооруженные на сорокапятикалиберные шестидюймовки с увеличенными углами вертикальной наводки, вели огонь с тех же шестидесяти кабельтовых, что и британцы. А учитывая, что броненосцы вынуждены были держаться минимум на полмили позади трального наряда, огонь русских по тральщикам был не в пример точнее атак «Маджестиков» и «Адмиралов».

Собственно говоря, огонь британских броненосцев был неэффективен вообще. Исполняющий обязанности командующего Черноморской эскадры англичан сэр Комптон Домвил второй раз запросил подкрепления взамен потопленных тральщиков и переоборудованных миноносцев, тогда как моряки безумного русского императора потерь, казалось, не имели вовсе. Даже лихой рейд британских истребителей, пытавшихся торпедировать «Терец» и «Кубанец», пройдя прямо над минами, не принес успеха: русские коварно выставили в заграждении часть мин с меньшим заглублением, чем обычно.

Новейший «Мирмидон» подорвался и мгновенно затонул, а форсировавшие заграждения «Сассекс», «Спайтфул» и «Петерел» были встречены находящимися в прикрытии новейшими минными крейсерами русских – «Алмазом» и его сестершипом «Ониксом». Для только что построенных двадцатипятиузловых русских турбинных «истребителей истребителей» это был первый боевой выход. Британцам повезло, что «Сассекс» с «Петерелом» ухитрились вернуться, преодолев минные заграждения в обратном направлении. А вот «Спайтфул» стал жертвой ужасающих германских стопятимиллиметровок Круппа. Их на каждом из охотников было не менее десятка.

А потом пришел ОН.

Русский броненосец «Князь Потемкин», несмотря на серьезные дефекты башенной брони, имел возможность вести огонь на девяносто кабельтовых. Оснащенная двумя огромными дальномерами «чертова хижина» на месте фок-мачты позволила ему уже третьим залпом с этой непредставимой доселе дистанции накрыть, а седьмым, девятым и десятым – поразить корабль его величества «Энсон» почти точно

между труб. В итоге старый броненосец лежал на мелководье у европейского берега пролива бессмысленной грудой железа.

На следующий день далеко за линией заграждений показались древние «Екатерина» и «Чесма» с новыми девятидюймовками на борту. В результате двухчасовой стрельбы по неподвижной мишени с невероятных ста десяти кабельтовых боевая ценность заслуженного броненосца была низведена до уровня металлолома.

Сэр Комптон опустил бинокль.

Чертов «Потемкин» в сопровождении также переоснащенного на дальнобойные девятидюймовки броненосца «Двенадцать апостолов» маячил на горизонте. Канонерки, минные крейсера и истребители русских крейсировали на пару миль ближе, будучи готовыми воспрепятствовать любым попыткам флота его величества протралить проход, затем войти, наконец, в Черное море и наказать зарвавшихся варваров, высадивших десант в тылу турецких войск при поддержке «Екатерины» и «Чесмы» и взявших Зонгулдак – главный источник угля Османской империи.

При этом огонь броненосцев, как и во время атаки главной базы союзного японского флота, корректировался с висящего над береговыми батареями дирижабля. Адмирал Чухнин, формально не нарушая Гаагскую декларацию «О недопущении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», достиг просто ужасающей эффективности в подавлении артиллерии турок. Если не предпринять срочных мер, то и босфорским батареям грозит нешуточная опасность...

Впрочем, армия русского императора, ряженая под курдов, и так продвигается вдоль южного берега Черного моря при поддержке десантов наподобие Зонгулдакского, и через несколько месяцев сможет штурмовать батареи уже с суши...

Сэр Комптон устал терять корабли и моряков. Ему нужны были подкрепление, уголь и снаряды, а главное, Джеки Фишер. Тот самый Фишер, чуть ли не единственный в британском флоте, способный вдохновить моряков на решительные усилия, на прорыв, невзирая на потери.

Многokrатно уступая эскадре его величества, Черноморский флот русских умело отсиживался за минными банками.

Чертовы мины.

Чертов «Потемкин».

Чертовы политиканы, раздергавшие флот владычицы морей по полудюжине театров.

Чертова пошедшая вкривь и вкось война.

Днем ранее. Поместье Рокфеллеров Кукуит

– Не смущайтесь, Джон, не останавливайтесь и не обращайтесь на меня особого внимания, – улыбнулся Рокфеллер, разливая крепчайший кофе по крохотным чашечкам. – Мне, как хозяину, полагается ухаживать за моими гостями, не дожидаясь, когда это сделает прислуга.

John Baptiste Bernadon, lieutenant commander ONI (Office of Naval Intelligence), офицер управления военно-морской разведки, смущенно косясь на свою чашку, наполняемую самым богатым и влиятельным человеком Америки, кивнул и уткнулся в свои записи:

– Адмиралтейство Британии при открытии военных действий имело в наличии тридцать восемь боеспособных броненосцев. Двенадцать аналогичных кораблей выставила Япония. Сюда входили: шесть «Формидеблов», девять «Маджестиков»...

– Думаю, такое детальное описание ни к чему, – прервал офицера Рокфеллер, – присутствующие здесь джентльмены не настолько хорошо знакомы с тонкостями флота. Как вы оцениваете результаты первых боестолкновений?

– Если бы русские ушли в глухую оборону, японо-английский флот гарантированно раздавил бы их защитные порядки, но они продемонстрировали то, что называется активной защитой, а также несколько технических новинок, к которым противник оказался не готов.

– А вот с этого момента прошу поподробнее.

– Бенд ер-Аббас атаковали восемь броненосцев «Ройял Соверен», три из которых оказались критически повреждены принципиально новыми тяжелыми снарядами с непривычно большой дистанции. Русские, пользуясь корректировкой с наблюдательных постов на берегу, начинали огонь с немыслимого расстояния в девяносто кабельтовых, безнаказанно расстреливая флот Британии, когда он не мог даже докинуть свои снаряды до противника: не позволял угол

возвышения орудий. Кроме этого, русским удалось заманить англичан в узкий пролив, прямо на артиллерийскую засаду береговых батарей...

– Надеюсь, Джон, ваше начальство уже принимает меры, чтобы не оказаться в аналогичной ситуации?

– Вся информация о боевых действиях в Тихом океане немедленно передается министру ВМС, сэр...

– И что у нас на Тихом океане?

– Флот микадо атаковал Владивосток. К сожалению, в этом деле не смогли активно участвовать приобретенные недавно «Канопусы»: выучка экипажей еще далека до удовлетворительной. Они сформировали Второй боевой отряд, его русские обстреливали менее интенсивно. Вся тяжесть сражения вынесли на себе японские броненосцы ранней постройки. Там русские тоже применили нестандартные тяжелые снаряды, посылаемые в цель с запредельных для японского флота дистанций. Береговая артиллерия у них оказалась более серьезной, чем под Бендер-Аббасом, плюс минные поля... И еще один фактор, неожиданный для атакующих: под Владивостоком русские применили самодвижущиеся мины повышенной дальности, работающие, по оперативным данным, на перекиси водорода...

– И эта информация тоже передана в ВМС?

– Безусловно... Самым неприятным для японцев оказался не налет на Владивосток, а ответный визит вежливости адмирала Макарова в Сасебо, в результате чего ремонтируемые там корабли и сами верфи приведены в абсолютно нерабочее состояние. В результате этих первых боев Япония уже потеряла более половины своего броненосного флота, и, предполагаю, в ближайшее время не сможет вести агрессивную наступательную войну на море... У микадо боееспособными остались только пять из шести «Канопусов», но выучка их экипажей...

– Спасибо, Джон, вы про это уже говорили... Скажите, а есть ли у англичан и японцев хоть какой-то успех хоть на каком-то театре военных действий?

– Самая благоприятная ситуация для Британии сейчас, как ни странно, складывается у сердца России – на Балтике. При оккупации Либавы и продвижении к Петербургу поврежден только один «Маджестик», и Британия на Балтике имеет самую боееспособную

эскадру – два «Формидебла», пять «Маджестиков» и два «Трафальгара»...

– И какие выводы сделали лично вы, Джон? В чем причина такого безрадостного начала для наших друзей с Туманного Альбиона?

– Этот, с вашего позволения, погром основан прежде всего на превосходстве русских в боевой подготовке: русский царь сумел сохранить костяк старослужащих комендоров, и за прошедший год русский флот практиковался в стрельбе больше, чем за предыдущие пять лет. Ни один флот больше не тренировался с такой интенсивностью. Хорошая выучка артиллеристов стала залогом того, что новые орудия новыми снарядами не только стреляют, но и попадают. И это очень трудновоспроизводимое преимущество, джентльмены...

Лейтенант позволил себе смочить губы в кофе и торопливо продолжил:

– Технические новинки, усиливающие преимущество русских моряков, – радиосвязь, дальномеры и новая артиллерия. Но, повторюсь, все это железо становится смертельно опасным только в опытных руках...

– Спасибо, Джон, – остановил офицера Рокфеллер, – мы безмерно благодарны вам за столь ценную и систематизированную информацию. Можете быть свободным.

Когда лейтенант вышел, Рокфеллер плотно закрыл за ним дверь и быстрым взглядом окинул сидевших за столом. Вандерлип, Варбург, Шифф образцово держали паузу, отдавая инициативу Рокфеллеру, как самому креативному и активному в их компании.

– Ну что ж, джентльмены, весы качнулись в сторону России, – голосом ведущего шоу провозгласил владелец «Стандарт Ойл», – а это значит, что пришла пора качнуть их в обратную. Джейкоб! Ваш выход! Точнее не ваш, а так нежно опекаемых вами революционеров. Нужно подарить союзникам, изнемогающим в битве с медведем, какое-то оптимистичное известие!

– Наконец-то, – проворчал Шифф, не скрывая своего удовлетворения. – Честно говоря, джентльмены, я прогнозировал такое развитие ситуации и поэтому... кхм... отдал некоторые распоряжения сразу после нашей первой встречи. Все фигуры на доске уже расставлены, осталось только послать одну короткую телеграмму...

Неделю спустя. Броненосец «Потемкин»

Приучить русского человека к бдительности почти невозможно. Но когда это все-таки получается, мало не покажется никому. Исключение – свои. Они всегда даже не выше закона, а где-то сбоку от него. Стягают хлеб насущный, пользуясь особо привилегированным статусом. Видимо, глубоко общинная, выработанная веками ментальность приучает доверять «своим». А если ты «не свой», то не плачь и не обижайся.

Даже «их благородия», казалось бы, не имеющие опыта деревенской или фабричной круговой поруки, быстро сбиваются в стайки по происхождению и убеждениям, стараясь без крайней необходимости не иметь дел с людьми не своего круга. «Не свои», называемые красивым французским словом «парвеню», платят отторгнувшему их обществу той же монетой, охотно рекрутируясь в нигилисты и криминал. Впрочем, границы между этими двумя социальными группами всегда были очень условными.

Один такой «не свой» (не по происхождению, а по духу), в мечтах своих воображающий себя денди с неподвижной верхней губой, на берегах внутренней Темзы, спустился в пороховой погреб и аккуратно положил небольшой ящичек в нишу между двух пеналов с усиленными пороховыми зарядами. Он аккуратно выдернул металлический стерженек, долженствующий привести в действие пятичасовой замедлитель, и полез по скоб-трапу вверх на палубу.

Сейчас он сдаст вахту и направится на берег. Комната в пансионе мадам Шепетовкер имеет второй выход во двор, а рыбацкая одежда вполне гармонирует и с черным ходом, и с извилистыми улочками, и с румынской рыбацкой лайбой, которая, как обещал ему друг Джеффри, доставит его в Констанцу. Ну а там – респектабельный и вполне почитаемый в нейтральной стране американский паспорт, железнодорожный билет до Кале, каботажный пароходик... Как венец всех трудов – не такой уж скромный пенсион и маленький домик в Западном Сассексе...

Додумать он не успел. Когда джентльмены предпочитают не оставлять следов, пятичасовые замедлители срабатывают уже через три минуты, поэтому офицер, заложивший адскую машину в пороховой погреб новейшего броненосца «Князь Потемкин-

Таврический», погиб одним из первых. Следов не осталось. А пенсион и домик в Западном Сассексе, проведенные по соответствующей документации, не пропадут, но достанутся они более достойному данной недвижимости джентльмену. В конце концов, жизненные интересы империи ничуть не противоречат частным интересам лучших ее представителей.

В это же время. Мукден

Железная дорога, соединяющая Харбин с Порт-Артуром, а также находящийся на полпути Мукден – это граница между знаменитыми сопками Маньчжурии и менее знаменитыми маньчжурскими заманчиво плодородными равнинами. Местность перед самым городом почти под прямым углом рассекает шумная речка Хунхэ, создавая преимущество защищающимся и дополнительную головную боль – нападающим.

Вся конфигурация местности и положение города располагают к строительству долговременных оборонительных сооружений по северному берегу реки, опирающемуся своим левым флангом на господствующие высоты с подвижными резервами на правом равнинном участке обороны.

Именно такая директива Ставки лежала в сейфе у генерал-майора Леонида Константиновича Артамонова, командира 31-й пехотной дивизии. Ему поручалась оборона Мукдена. Артамонов был не паркетным военным. Назначенный в 1897 году начальником конвоя русской миссии в Абиссинии, как военный советник и представитель негуса Менелика II, он совершил успешную военную экспедицию к Белому Нилу с войсками Абиссинии, противодействовавшими британской колониальной экспансии.

Таким образом, Леонид Константинович в 1902 году был самым опытным военачальником, знавшим тактику и особенности англичан, а равно – театр военных действий Маньчжурии, поучаствовав в подавлении восстания ихэтуаней и возглавив штаб Южно-Маньчжурского отряда. Выбор его в качестве военачальника, первым встречающего британский и японский корпуса вторжения, был логичным и одобряемым.

Прибывший на усиление со своей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой полковник Ляпунов относился к

послужному списку генерала если не с пиететом, то с достаточным уважением, поэтому к первой встрече готовился тщательно и придиричиво. Отрепетировал перед зеркалом все, что должен был сказать, внимательно осмотрел свой внешний вид, перекрестился и надвинул на глаза головной убор.

В штабе, вопреки ожиданиям, было пусто.

– Его высокопревосходительство изволили отбыть на рекогносцировку, – по старорежимному доложил адъютант и вопросительно уставился на полковника. – Изволите ждать?

– Ну так торопиться все равно некуда.

Полковник снял фуражку и протер платком мокрый лоб. Солнышко уже пригревало, и мундир, вполне подходящий для Петербурга, в этом влажном и жарком климате откровенно тяготил.

– Тогда прошу сюда, – адъютант широким жестом распахнул дверь в зал совещаний, – вам не будет одиноко. Подполковник Леш тоже ждет приема.

– Леонид Вильгельмович? Собственной персоной? – громогласно удивился Ляпунов с порога. – Простите, мы не представлены. Полковник Ляпунов, прибыл только что с артиллерийской бригадой, еще старого штата, два дивизиона – почти полсотни трехдюймовок.

– С такой силищей можно и повоевать. – Леш был откровенно смущен вниманием лейб-гвардейца. – Но откуда вы меня знаете?

– О господи, Леонид Вильгельмович! О вас все газеты пишут! «Триста спартанцев подполковника Леша», «Герои Дашичао». Да что там газеты! Рассказ о том, как вы со своим батальоном неделю держали целую японскую дивизию, уже превратился в легенду, в эпос...

– Ну, не дивизию, а всего два полка, хоть и усиленные железнодорожной артиллерией, и не неделю, а всего четыре дня...

– Да полноте, Леонид Вильгельмович! Не прибедняйтесь! На фоне Порт-Артура ваши действия заслуживают самой высокой и громкой оценки!

Леш заметно помрачнел. Капитуляция Порт-Артура, вокруг которой ходило множество слухов и сплетен, черной кляксой расплзлась по всей русской армии. В предательство подполковник не верил. Зато знал о головотяпстве и разгильдяйстве, помноженных на эффект неожиданности. К нему в Дашичао все четыре дня выходили

группами и поодиночке солдаты и офицеры гарнизона, не пожелавшие мириться со спуском флага и самостоятельно пробивающиеся на запад, но никто не смог внести ясность – что произошло и почему?

– Профессиональный вопрос артиллериста, – продолжал тем временем Ляпунов, – как вам удалось в такой сложной обстановке, находясь в полуокружении, не только вывести людей, но и сохранить всю материальную часть? Поделитесь секретом!

– Да нет тут никакой тайны, – пожал плечами Леш. – После очередного штурма, когда поняли, что до утра нас донимать не будут, сняли пушки и смонтировали их на заранее подготовленные железнодорожные платформы. Туда же погрузили боекомплект, пулеметы, в соседние вагоны – раненых, и устроили таким образом укрепрайон на колесах. Разведчики Ржевуцкого взяли в ножи секреты, пушкари обеспечили огневой вал, а мы под его прикрытием потихонечку двинулись на север. Наглость, конечно, но сработало...

– Да, наглость... Часто именно она решает исход схватки, – повторил за Лешем Ляпунов, задумавшись о чем-то своем.

В комнате совещаний повисло неловкое молчание. Разговор сам собой расклеился, и пауза рисковала стать неприличной, если бы не появление самого генерала Артамонова – стремительного и насупленного, в казачьем мундире, испачканном свежей грязью.

– Господа, вы ко мне? – Генерал говорил отрывисто и резко, как дрова рубил. – Леонид Вильгельмович, рад видеть! Как разместились? – И не выслушав ответ уже открывшего рот подполковника, продолжил: – Будете моим личным оперативным резервом. Но вам и вашим людям требуется отдых. Возьмете с собой из штаба делегата связи и зайдете к интендантам. Приказываю выспаться и привести себя в порядок! Все! До завтра не смею вас больше задерживать!

Опешивший от такого напора Леш козырнул, не сводя удивленных глаз с командира дивизии, и почти строевым шагом вышел из зала совещаний.

– Ну а вас, Николай Николаевич, – развернулся генерал к Ляпунову, – я уже и не чаял увидеть. Долго вы до нас добирались! Непростительно долго...

– Торопился как мог, – коротко поклонился полковник.

– И как там столица? Что слышно нового? Какие ветры дуют во дворцах и рядом с ними?

Ляпунов поджал губы, будто собираясь с духом, выдохнул и, глядя в глаза генералу, негромко, четко произнес:

– Вам просил кланяться в ноги и справлялся о вашем здоровье наш общий друг доктор Фальк...

Историческая справка

Еще большее преступление генерал Артамонов совершил 14 августа 1914 года, командуя 1-м армейским корпусом во 2-й армии генерала Самсонова. Корпус генерала Артамонова обеспечивал у Сольдау левый фланг 2-й армии. В этот день, 14 августа, генерал Артамонов лично доложил генералу Самсонову по телефону, что его корпус «стоит как скала» и что командующий армией «может на него вполне полагаться». А сам через десять минут отдал приказ об отходе всего корпуса, не сообщив об этом генералу Самсонову. (Взято из книги полковника Богдановича «Вторжение в Восточную Пруссию», с. 144–145, расследование комиссии генерал-адъютанта Пантелеева о причинах гибели 2-й армии.)

8 мая 1902 года. Мукден

Вчера еще неприступный, ошетилившийся жерлами орудий и штыками 31-й пехотной дивизии, фронт обороны Мукдена сегодня перестал существовать. Накануне вечером по батальонам осенним ветром пронесся слух, будто японцы и англичане, используя сухоходные Ляохэ и Сунгари, закинули в тыл гарнизона многотысячный десант. Слово «окружение» в любые времена во всех армиях являлось поводом для паники. Моральный дух гарнизона качнулся. А наутро сразу два английских бронепоезда, вооруженные морскими орудиями, начали мешать с землей русские позиции, расстреливая пушки, стоящие в открытом поле и вбивая в землю пехоту, сгрудившуюся у люнетов и редутов.

Контрбатарейная борьба с учетом постоянно передвигающейся цели сразу выявила конструктивный недостаток русских трехдюймовок – отсутствие горизонтальной наводки, – а незащищенность расчетов в течение получаса привела к молчанию все стреляющие орудия. В это же время английский десант оседлал мост

через Хунхэ, а со стороны Телина показался конный разъезд японской кавалерии с белым парламентерским флагом.

Всего через час переговоров с английским и японским представителями, генерал Артамонов приказал своей дивизии прекратить сопротивление и сложить оружие. Капитуляция прошла в целом спокойно и цивилизованно. Досадным возмутителем спокойствия оказался подполковник Лещ, проигнорировавший приказ генерала и буквально проломивший оцепление. Он ушел со своим батальоном на северо-восток по горным дорогам. Впрочем, его особо и не держали. Поставленной цели авангард корпуса вторжения добился – путь на Харбин был свободен.

Выполнили свою задачу и разведчики капитана Варгасова. Расположившись и тщательно замаскировавшись на примыкающих к Мукдену сопках, они три дня старательно и планомерно ликвидировали шпионов противника, подбирающихся к городу со стороны гор, и каждые четыре часа отсылали в Ставку радиogramмы о состоянии дел в гарнизоне, своими глазами наблюдая беспомощную перестрелку с англичанами и позорную капитуляцию практически полнокровной дивизии.

К тому времени, когда дозорный отряд батальона Леша наткнулся на пост Варгасова, капитан уже свернул свой радиотелеграф. В его кармане лежал последний приказ Ставки – сопроводить подполковника с его подразделением до Харбина, а потом уходить в сторону Хингана, минуя Цицикар, занятый противником.

Москва. Ставка Верховного главнокомандования

Император не спеша дочитал рапорт, подошел к вытянувшемуся во фронт подполковнику и внимательно измерил взглядом – так, будто видел в первый раз. От этих прищуренных глаз с каким-то inferнальным огнем в глубине Шершову стало не по себе. От уверенности, с которой он поднимался по лестницам Сената, не осталось и следа.

– Мне кажется, Александр Александрович, – после долгой театральной паузы наконец медленно произнес император, – вы плохо понимаете все риски и ответственность вашей службы... Или вы сочувствуете тем, кому должны противодействовать? Или просто устали? Если так, то я подпишу ваш рапорт немедленно...

И опять этот прожигающий насквозь взгляд, от которого стучит в висках, а по спине скатываются капельки пота.

– Никак нет!

– Что «никак нет», подполковник? Сочувствуете? Устали?

– Ни то ни другое, господин Верховный главнокомандующий. Я не устал и не сочувствую изменникам и предателям. Но я ощущаю себя абсолютно беспомощным в сложившейся обстановке, когда не могу даже предположить, откуда ждать следующего удара и какова будет новая диверсия...

– Быть недовольным собой – это хорошо, это правильно. – Император отвернулся от подполковника, сделал несколько шагов к окну, полюбовался на весенний пейзаж и, стоя спиной к собеседнику, продолжил: – Все предугадать и просчитать невозможно. Именно поэтому на войне неизбежны потери. Наша задача – сделать так, чтобы ошибки не повторялись и не накапливались, иначе они превратятся в катастрофу... Да вы присаживайтесь, Александр Александрович, в ногах правды нет.

Подполковник неловко, со скрипом придвинул к себе стул и примостился на краешек, продолжая держать спину и подбородок как по команде смирно.

Император оглянулся, усмехнулся, увидев столь церемонную позу, и продолжил тоном школьного учителя, повторяющего для нерадивого ученика невыученный урок:

– Контрразведка рискует всегда и, что бы она ни делала, обречена ошибаться. Если вы позволите себе либеральничать и откажетесь от превентивной нейтрализации вероятного противника, будете регулярно сидеть вот с таким каменным выражением лица и сожалеть о том, что не углядели и не пресекли... Ну а если позволите себе переусердствовать и начнете махать саблей по первому же подозрению, очень скоро в тюрьме окажется масса невиновных людей и работать будет просто некому. И самое неприятное, золотой середины в вашей профессии не бывает, если только вы не ясновидящий. Но это общие слова. А теперь конкретно...

Император еще раз пробежал глазами по рапорту Шершова, вздохнул и продолжил:

– Мы имеем загадочный взрыв на нашем новейшем броненосце Черноморского флота и катастрофу под Мукденом. В результате в плен

попали десять тысяч наших солдат и офицеров, а путь на Харбин оказался открыт. Так?

– Еще Порт-Артур, – добавил, потупившись, Шершов.

– Порт-Артур тоже, – согласился монарх, – там потеряно семь батальонов. И вы воспринимаете это как провал возглавляемой вами контрразведки... А если все проще? Что, если взрыв на броненосце – результат преступной халатности, а военачальники, оказавшись в непривычных для себя условиях почти полного окружения, просто запаниковали и выпустили нити управления войсками из своих рук? Или у вас есть достоверные сведения о сознательном переходе генералов Стесселя и Артамонова на сторону врага?

– Таких сведений у меня нет, – потупился Шершов, – но сам факт капитуляции, практически без боя, при первом же обстреле...

– А вот это уже общая недоработка. – Монарх присел напротив Шершова. – Мы не определили для наших военачальников критерии, по которым будем отличать сбережение личного состава от малодушия. И я предлагаю этот пробел устранить. Подготовьте соответствующий приказ. Назовем его «Ни шагу назад!». Сами отправляйтесь с ним в Читту и, если получится, в Харбин и во Владивосток, лично проверьте состояние воинских гарнизонов, настроение офицеров и проинспектируйте ваших людей на местах. А насчет отставки, – император указал на рапорт Шершова, – мы поговорим после вашего возвращения.

Император дождался, пока подполковник выйдет на улицу, проводил его взглядом. Затем не спеша открыл тяжелый ящик стола, достал полевой телефон Голубицкого, обеспечивающий прямую связь с Чудовым монастырем, крутанул ручку, дождался ответа знакомого голоса.

– Феликс Эдмундович, зайдите, пожалуйста. Есть несколько вопросов, не терпящих отлагательств...

На пути в Петербург

– Вот, сэр.

Молодцеватый капитан выложил на широкий адмиральский стол ничем не примечательный кусок угля.

Адмирал Керзон-Хау, младший флагман эскадры канала и командующий экспедицией на Балтику, вопросительно поднял бровь.

Капитан развернул кусок на сто восемьдесят градусов. Адмирал заинтересованно взгляделся в ровный срез, напомилавший скорее обсыпанный угольной пылью кусок мыла с отверстием приблизительно в полдюйма в середине.

– Подробности? – ткнул пальцем в изделие адмирал.

– После бомбардировки и взятия Либавы мы обнаружили в порту брошенный командой угольщик. Разумеется, мы объявили его призом и использовали груз для пополнения запасов топлива наших кораблей. В основном с него заправлялись миноносцы, но...

– Но «Нил» и «Трафальгар» тоже нуждались в угле, – кивнул адмирал. – Что это, Джереми?

– Тринитротолуол, сэр. Не слышал, чтобы кто-то использовал его в качестве взрывчатки, но он, как оказалось, взрывается не хуже динамита. Шашка неровной формы, обсыпана угольной пылью на смоле. Почти невозможно отличить от обычного угля. И детонатор, срабатывающий при повышении температуры. Сейчас он демонтирован, сэр, эта штука совершенно безопасна. Мы буквально просеяли угольные ямы «Трафальгара», фактически полностью разгрузили его, разбивали каждый кусок крупнее кулака, и нашли сразу три таких адских машины, сэр.

– Каков полный список потерь?

– «Хэвок». «Феррет». Четыре номерных тральщика. И «Нил». Вряд ли он выдержит переход до метрополии для ремонта, сэр. Инженеры говорят, что после двух взрывов смогут ввести в действие не более двух котлов.

– Заделайте пробоины, капитан, и откачайте воду. Оставьте его на мелководье у Либавы для поддержки красномундирников и отражения возможных атак с моря. А когда наши парни дойдут до Кронштадта... Нет, когда они раздолбают этот самый Кронштадт до последнего камня, я лично войду на «Ниле» в Неву, даже если мне придется идти на буксире, и лично расстреляю из главного калибра дворец этого азиата, благо он стоит на самом берегу. И разумеется, впредь я запрещаю использовать трофейный уголь, будем ждать транспортов из метрополии. Сообщите о случившемся в адмиралтейство. Возможно, русские приготовили подобные ловушки и на других театрах военных действий.

Капитан почтительно склонил голову. Распоряжения были именно те, что он сам собирался предложить командующему.

– Благодарю вас, капитан. Вы свободны. Эту гадость оставьте на столе, как напоминание о необходимости возратить долг русским.

У короля много

«У короля много» – такой фразой в британском флоте принято провожать уходящий на дно корабль его величества. И это правда. Флот империи, над которой никогда не заходит солнце, настолько превосходит морские силы любой иной державы, что потеря одного корабля не имеет почти никакого значения. Даже утрата пары броненосцев не способна остановить самую эффективную морскую военную машину мира.

Пусть коварным ударом старик «Нил» доведен до состояния небоеспособности, пусть наглой атакой на полгода выведен из строя могучий «Маджестик», это не спасет от двенадцатидневного возмездия ядовитое гнездо Кронштадта и прячущийся за ним оплот тирании – Санкт-Петербург!

Место временно выбывших заняли новейшие «Лондон» и «Булварк» с тыловой базы Борнхольма. Еще два броненосца той же серии – «Иррезистибл» и «Имплакэбл» выдвигались на Цейлон в помощь Индийской эскадре, покрывшей себя неувядаемой славой в противостоянии с русскими пиратами, но, увы, понесшей тяжелые потери. Однако джентльмены не забывают: «У короля много!».

Головной корабль серии «Формидебл» вместе с новым «Венерэблом» оставались в резерве, не получив два сестершипа «Куин» и «Принс оф Уэлс». На последних не дождались поставки орудий главного калибра, поэтому удлиняли амбразуры и модифицировали подъемные механизмы, добиваясь возможности стрелять на те же десять миль, что и русские.

Колонна броненосцев Британии вновь выглядела внушительно и грозно. Оба «Формидебла» с пристойной даже в новых условиях противоминной артиллерией шли в голове колонны, за ними следовал «Трафальгар». «Юпитер», «Ганнибал», «Магнифисент», «Марс» и «Принс Джордж» пристроились за ветераном. Впереди ордера широким веером рассыпались тральщики под охраной трех крейсеров типа «Медая». Еще два, вместе с первоклассными «Тезеусом» и

«Эндимионом», возглавили группы дестройеров, прикрывая броненосцы с флангов. Дополнительный отряд легких сил, но без приданных крейсеров, шел в кильватере основного.

– Мне не нравится то, что у нас сверху, и то, что у нас снизу, – мрачно заметил лорд Керзон-Хау.

– Это большой прогресс, Эшетон, – кивнул его штатский собеседник, – по крайней мере, вы не сказали ничего плохого про остальные направления.

– По данным разведки (я имею в виду и ваши данные, Алан), – пожал плечами адмирал, – береговая оборона Кронштадта устарела, или не закончена, либо все сразу. Русские укрепили входы в Рижский залив, но я не вижу смысла туда ломиться. Они могут держать легкие силы среди этих островов и в финских шхерах, но у нас достаточно дестройеров, чтобы отогнать их миноносцы.

А вот сил и средств на укрепление ключевой позиции у них не хватило. Даже если их девятидюймовки так хороши, как утверждает Джеки, вряд ли их больше восьми на самом острове. Еще восемь – на трех древних броненосцах, четыре – на «Петре», по два – на «Николае» и «Александре». Следовательно, у Кронштадта нас встретят шестнадцать орудий против наших двадцати восьми двенадцатидюймовок и еще четырех тринадцатидюймовок «Трафальгара». В той кишке русские не смогут маневрировать, уклоняясь от нашего огня, что еще больше усугубит их и без того незавидное положение.

– Ясно. Итак, их легкие силы мы парируем нашими.

– Но вот эту «летающую свинью» мы, к сожалению, не предусмотрели, – вздохнул адмирал, кивая на плывущий чуть в стороне русский дирижабль. – Инженеры в мастерских прямо на ходу клепают лафеты для трехфунтовок, чтобы вести огонь вверх, и я надеюсь, что через пару дней мы не будем у русских как на ладони.

– А говоря о незащитности снизу...

В нескольких саженях от кормы одного из идущих впереди корабликов поднялся белопенный столб, а через несколько секунд до мостика донесся глухой удар: по-видимому, тральщик зацепил русскую мину.

– Я имел в виду именно это. Русские все-таки пошли на неслыханное нарушение международного права, – нахмурился

адмирал. – Да, они объявили вход в Финский залив зоной боевых действий.

– Но мы предъявим им еще и это обвинение, – согласился Алан. – Мы станем на якорь?

– Разумеется. Признаться, я планировал продвинуться за этот день немного дальше, но, боюсь, нам придется ночевать здесь... Тралить в темноте невозможно, поэтому наша месть подождет еще немного.

* * *

Миноносцы типа «Пернов» были неудачными кораблями. Малая скорость, не слишком надежные котлы и машины, слабое вооружение... Именно поэтому их с легкой душой отдали под безумные эксперименты инженера Луцкого. Все внутренности безжалостно заменили двумя снарками шестицилиндровых моторов Никсона, ранее развернув их производство в Риге и Петербурге. И пусть спроектированные в изрядной спешке редукторы имели ресурс не более сотни часов, отсутствие вылетающих из труб искр в сочетании с двадцатью четырьмя узлами скорости делали их смертельно опасными ночью.

– Вон они, – усмехнулся мичман Альтфатер, глядя на снижающуюся к серым волнам и черным силуэтам звезду. – Хорошо летуны светят!

Выписывающий в небе ленивые восьмерки воздушный корабль выпустил еще одну осветительную ракету, а исходящий из него конус слабого прожектора оставался словно бы прикованным к одному из броненосцев Альбиона.

– Машины – полный! Выхлоп в воду! Минный аппарат – на левый борт, аппарат и пулеметы – товсь!

Моторы глухо взревели, матросы засуетились, разворачивая влево строенные трубы новейшего минного аппарата, установленного вместо двух старых однотрубных всего полтора месяца назад. Обе снарки крупнокалиберных браунингов шевельнули стволами.

– Цель слева на крамболе! – закричал сигнальщик, специально назначенный на боевую вахту из-за превосходного ночного зрения. – Здоровый!

– Это «Тезеус» из охранения! – среагировал мичман. – Аппарат – пли по готовности, рулевой – право десять!

Пенный след набравшего скорость миноносца был хорошо заметен, и с борта английского крейсера первого ранга ударили пушки – одна, затем вторая. Затем на марсе зажегся прожектор, почти мгновенно нащупавший цель.

– Пуск! – скомандовал офицер, и три длинных сигары одна за другой нырнули в свинцовую воду.

– Право на борт! Отходим...

Трехдюймовый снаряд пробил тонкую сталь борта и разорвался, воспламенив полукустарно установленные в бывшем котельном отделении баки. Мичмана подбросило и швырнуло в холодную майскую воду.

* * *

– Их было не меньше трех десятков, сэр. Около пяти – большие, типа «Ярроу»^[36], они шли во второй волне вместе с этими адскими крейсерами-скаутами, и множество мелких, французского типа «Курье» в первой.

– Почему же они пустили первыми старые миноносцы? – спросил адмирал.

– Видимо, из-за меньшей заметности. Судя по тому, что «Курье» вспыхивали от попаданий как спички, русские поставили на них бензиновые моторы. В результате их трубы не искрили, и дыма над ними не было видно, что резко затруднило стрельбы расчетам противоминных орудий.

– Понятно, – нахмурился адмирал. – Наши потери помимо «Марса» и «Тезеуса»?

– Зафиксированы еще три попадания: два в «Булварк», но, к счастью, по разным сегментам сети, и одно в «Принса». Его сети тоже выдержали. Шесть наших дестройеров пропали, видимо, уничтоженные орудийным огнем и торпедами, еще один пришлось затопить вследствие тяжелых повреждений. А поскольку «Курье» были вооружены пулеметами пятилинейного калибра, пробивавшими

стены рубок наших легких кораблей, даже на уцелевших дестройерах имеются тяжелые потери в экипажах.

– А у русских?

– Мы наблюдали три бензиновых костра, сэр. Остальным удалось уйти.

– Три из скольки? У нас есть пленные?

– Мы подняли из воды одного офицера и двух матросов, все – с тяжелыми ожогами. Офицер и один из матросов умерли, последний русский вряд ли доживет до утра.

– Нам даже не удастся его допросить и узнать, сколько еще этих чертовых миноносцев прячется в Моонзунде?

– Боюсь, что нет, сэр. Наши моряки утверждают, что у русских было минимум два быстроходных скаута, утыканных четырехдюймовками, как еж иголками, и на их счету четыре наших дестройера, а скорее всего, и больше: миноносцы русских не демаскировали себя стрельбой, что еще больше затруднило оценку сил противника, сэр. Истребителей типа «Ярроу» было от четырех до шести, причем на них установлены по три двенадцатифунтовки и один трехтрубный минный аппарат. А количество моторных «Курье» оценить невозможно, но их явно осталось не меньше десятка.

– Вот и ответ, Эшетон, – усмехнулся тихо сидевший в углу штатский.

– Ответ на что, Алан?

– Ответ на вопрос, почему русские бросили все силы на укрепление Моонзунда. Вы просто не в состоянии пройти от Либавы до Финского залива за один световой день. А ночью или даже в июньских сумерках эти парни выскочат из лабиринта, благо они всегда будут в курсе вашего местоположения. Уверен, как минимум один такой отряд прячется в шхерах Финляндии. Русские построили на Балтике три новых крейсера-скаута с турбинным ходом и германскими орудиями – «Жемчуг», «Изумруд» и «Боярин». А сегодня ночью нас посетили только два...

– Коварные твари, – тяжело вздохнул адмирал. – Теперь у нас нет иного выхода, кроме как занять эти острова и Рижский залив.

– Быстрой победы не будет, Эшетон, – печально вздохнул Алан.

Все трое, вместе с младшим из моряков, задумались, будет ли победа вообще.

У короля, конечно, много... Но уже не столь много, как всего ночь назад.

2 мая 1902 года. На рейде Либавы

Темная вода за пределами действия прожекторов британских катеров и миноносок взбурлила, из нее показались сразу две рубки, выкрашенных в темно-серый, почти черный цвет. Наблюдатель с хорошим ночным зрением наверняка заметил бы в тени второй из них две человеческие фигуры с огромными круглыми головами. Они из последних сил цеплялись за скобы ведущего на кормовую площадку трапа.

Скрежетнул люк, на площадку вскарабкались матросы и кинулись к темным фигурам, явно стремясь оторвать, точнее, открутить медные головы, тускло отражающие сияние темно-алой полосы.

– Быстрее! – приказал негромкий, властный голос, напоминавший некоего «дона Серджио» с «Князя Боргезе». – Быстрее, черти! Шлемы, галоши – все в воду! И баллоны туда же!

– Н-нет необхо-хо-ходимости, господин ка-капитан первого ранга! Баллоны-то л-ладно, но шле-шлемы хотя бы оставьте, хо-хорошие! – Зубы говорившего постукивали от холода.

– Поговори мне тут, Степаныч. Обоих внутрь, чаю с коньяком и погружение! Доклады позже! Тут миноносок как блох на барбоске. Потопят и фамилии не спросят!

Через пять минут ничто не выдавало внезапное появление и столь же стремительное исчезновение потаенного судна. Внутри оно ни капли не напоминало известный из сочинений господина Верна «Наутилус» капитана Немо. Все потроха лодки состояли фактически из единственного коридора, по его бортам высились стеллажи с ящиками свинцовых аккумуляторов и стальными баллонами с воздухом. Два втиснутых среди них на грубо склепанных рамах трехцилиндровых дизеля Нобеля, присоединенные одним концом вала к генератору кустарного вида, а другим – к не менее кустарному воздушному насосу, питались из дубовых бочек с нефтью. Такой безобразный вид мог заставить благородного принца Дакара зардеться от стыда.

Только в самом носу, под рубкой «Аз», коридор расширился, превращаясь в круглый пяточок, где на ящиках со снаряжением сидели

два могучих флотских унтера – молодой лейтенант, подозрительно похожий на итальянца по имени Пьетро, и обладатель тихого, но грозного голоса.

– Докладывай, Степаныч, – приказал капитан, когда старший из унтеров поставил на импровизированный столик циклопических размеров кружку, остро и приятно пахнущую коньяком.

– Не извольте беспокоиться, ваше высоко...

– Без чинов, – припечатал офицер.

– Не извольте беспокоиться, Сергей Захарыч, – выдохнул унтер, подхватывая и прижимая к животу медный водолазный шлем, который он так и не дал выкинуть за борт. – Там всего-то сажень с полста было до крайнего. Но крайний, он какой-то неказистый: с заплаткой прямо посередине днища, да и поменьше, чем прочие.

– «Нил», – промолвил лейтенант. – У него еще в апреле взорвались котлы. Корабль старый и ограниченно боеспособный.

– Ну, так мы и поняли, что ограниченно, – кивнул унтер. – Тот, что рядом, со дна поновее смотрелся, да и побольше он был. Благо воздуха до него хватало. Прикинули мы, где у него погреба, да и валы рядышком, прицелились хорошенько, дали воздух в мешки, ну бонбочка-то и всплыла, перемычкой поперек киля мы ее и пристроили. Чека вот.

Он нагнулся к сваленному в кучу прорезиненному комбинезону и вытащил из валявшейся поверх него сбруи увенчанный кольцом стержень.

– Так-к точ-ч-но, оп-пе чеки выт-тащили! – Второй унтер продемонстрировал точно такой же стержень от резервного запала.

– Через два с половиной часа точно рванет, не сумлевайтесь, Сергей Захарыч!

– Добро, – кивнул каперанг. – Самочувствие как? Декомпрессия не мучает?

– Дык мы ж час на семи-восьми сажнях шли, пока за скобы держались, – удивился унтер. – Какая ж тут, ради святых угодников, декомпрессия? Все в лучшем виде! А что померзли, так благодарствуем за чаек с коньячком – душистый и сугревистый!

– Хорошо, – вздохнул каперанг и обернулся к лейтенанту. – Петр Генрихович, попросите командира лодки идти еще два часа и только

потом лечь на грунт. Все-таки заряд серьезный, как бы не потек наш корабль, если слишком близко окажемся.

– Слушаюсь, господин капитан первого ранга! – вскинулся лейтенант и испарился.

– Ложитесь отдыхать, братцы, – приказал «дон Серджио». – И за шлем не беспокойся, Степаныч, я его вместе с чеками сначала государю представлю, а потом в музей сдадим.

Лодку качнуло. Глухой звук взрыва донесся, словно бы со всех сторон сразу. Все трое завертели головами, выискивая течи, но вроде бы на этот раз обошлось.

– Пят-тичас-совые замедлит-тели срабат-тывают обыч-чно через-з три час-са, – произнес второй унтер, белобрысый и молчаливый.

10 мая 1902 года. Харбин

Плохие новости перемещаются во времени и пространстве быстрее хороших, иногда опережая даже сами события. Этот удивительный закон искривления временного континуума ждет своего пытливого исследователя. Парадокс «еще ничего не случилось, а уже все знают, что произошло» имеет место быть, осталось только научиться использовать это явление с толком для дела.

Именно это постарался сделать Роман Исидорович Кондратенко^[37], уловив первые слухи о капитуляции Мукдена. Военный инженер, произведенный в генералы с назначением окружным дежурным генералом штаба Приамурского военного округа и месяц назад лично императором назначенный ответственным за полевую фортификацию города Харбина, отменил все совещания в штабе и выехал с неплановой инспекцией на позиции.

Оборона Харбина была категорически не похожа на все, что ранее он видел и создавал. План ее родился всего за шесть ночных часов. Четыре пятых всех линий и отметок на этом плане были сделаны лично рукой императора – целая ночь вдвоем с монархом над картами и планами города. Роман Исидорович еще неделю ходил больной, никак не мог восстановиться, столько душевных и физических сил отняла эта работа. Но зато по количеству новой, свежей, нестандартной, уникальной информации о полевой фортификации эта ночь стоила академического года!

Главный, бившийся беспомощной птицей в голове генерала вопрос: «Откуда *он* все это знает?» – находил только один, абсолютно не соответствующий воинствующему материализму ответ: «Помазанник ведь божий – даровано свыше!»

План, разработанный вместе с императором (хотя честнее – разработанный императором, ибо Кондратенко чувствовал себя рядом с ним школяром на экзамене у профессора), был прост только в одном – девять десятых всех работ по его реализации заключались в примитивной выемке огромного количества грунта на огромной территории. Харбин и подступы к нему – равнина, и в эту плоскую местность предстояло буквально вкопать две дивизии, превратив их в подобие кротов-землероек. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего знакомые люнеты и редуты, никаких внешних признаков оборонительных сооружений! Пологие скаты, небольшие холмики, выступающие над поверхностью на одну-две сажени, все остальное – на уровне земли и под землей.

За новое дело Роман Исидорович взялся с молодежным энтузиазмом. На 1902 год общая численность инженерных войск и служб составляла сорок тысяч человек в пятидесяти четырех батальонах, четверть из них была передана Кондратенко. Но сил и времени все равно не хватало. Три линии обороны, больше трехсот верст непривычно изломанных окопов. Последние ходы сообщений упирались в самую границу города, и все это за какие-то две недели...

Первые две линии обороны и западную часть третьей, прилегающей к Сунгари, заняла самая многочисленная дивизия, сформированная по старым штатам генерал-майора Ренненкампа. С тыла и с фланга ее подпирала кадрированная дивизия генерала Гернгросса^[38] – офицерские выжимки двух Сибирских корпусов. Она занимала восточную часть третьей линии обороны и центр города. Только здесь, строго по плану императора, успели возвести долговременные земляные огневые точки, благо их было чем насыщать.

Дивизия Гернгросса получила на вооружение невиданное для старой армии количество пулеметов – на каждый взвод по два новейших ручника Федорова – Рощедея, внешне похожих на располневшие трехлинейки, и один солидный, элегантный, как рояль, станковый браунинг. Пулеметчики быстро осваивали отданное им на

откуп «подземное царство», деля его с артиллерийскими корректировщиками подполковника Бржозовского^[39], чьи шестидюймовки стояли ближе всех к Владивостоку за речкой Модягой, или по-маньчжурски – Модягоу.

Скрежетал о грунт шанцевый инструмент, в мастерских на пристани грохотал паровой молот, шлепали по речной воде древние парходики, и над всей этой рабочей, деловой суетой незримо витал тревожный дух прифронтового города, так знакомый многим харбинцам по недавнему восстанию ихэтуаней.

– Поручик! Узнайте, что там за суета у причалов Сунгари? – распорядился Кондратенко.

Исполнительный адъютант, даже забыв отдать честь, растворился в суете Железнодорожного проспекта среди обладателей военных мундиров и партикулярных костюмов, торопящихся на посадку в поезд, отбывающий во Владивосток. Петербургское направление уже неделю как было перекрыто.

«Не успеваем, ах как не успеваем!» – подумал Кондратенко, придиричиво осматривая тянущиеся вперед и вбок ходы сообщений, над которыми мелькали кирки и лопаты.

И вдруг раздался такой знакомый еще с Русско-турецкой войны свист, и около железнодорожной насыпи вздыбилась земля, хлестнув по стоящему на путях поезду каменной крошкой и чугунными осколками. Первые заполосные крики раненых, женский визг и разноязычную ругань перекрыл еще один взрыв, сверкнувший на этот раз прямо на перроне и превративший пеструю толпу в орущую, обезумевшую человеческую массу, ломившуюся в разные стороны от внезапно и неизвестно откуда прилетающей смерти.

Все дальнейшее Кондратенко помнил смутно. Он куда-то бежал, что-то кричал, отдавал распоряжения, ему отвечали, отрывками в ушах звучали чьи-то доклады, пока земля перед глазами не встала на дыбы и душная, грязная волна горячего воздуха не бросила его безжалостно на землю.

Начальник штаба Приамурского округа пришел в себя в просторном блиндаже, куда набилось множество народа, вообще не относящегося к гарнизону укрепрайона. Штатские, спрятанные от обстрела, причудливо перемешались с постоянными обитателями блиндажа, превратив строгое армейское обиталище в подобие

цыганского табора. Среди этой штатской публики абсолютно чужеродным телом возвышался у амбразуры вороненый «Браунинг», да безумной трелью надрывался полевой телефон, ожидая внимания связиста, кричавшего что-то в другую трубку.

– Доложить обстановку, – почти шепотом приказал Кондратенко адъютанту, заметив его сидящим у топчана и занятым перевязкой какого-то тучного мужчины с окровавленной головой, в пенсне, скособоленном так нелепо, что оно, как увеличительное стекло, демонстрировало плотные усы, забитые песком и каким-то мусором.

– Гренадеры Ренненкампа прошлили вооруженные пароходы англичан, – не прекращая санитарные манипуляции, вполголоса доложил адъютант. – Те подошли вплотную к берегу под видом купцов, выбросили десант прямо на пристань и сразу начали обстрел города. Одновременно японцы начали фронтальную атаку со стороны Мукдена. Первую линию обороны прорвали с ходу, сейчас бои идут у второй. Бржозовский одной батареей поставил заградительный огонь по фронту, второй пытается нащупать английские пароходы. Осторожничает, боится задеть мост и жилые кварталы: там же семьи, дети...

– Что с десантом?

– Неизвестно. Сначала стреляли шибко, теперь тихо. Телефонная связь нарушена. Вестовые не вернулись. Есть подозрения, что штаб Ренненкампа в результате неожиданной атаки десанта уничтожен или пленен. Гернгросс приказал полк Лечицкого перебросить на правый фланг и организовать дополнительную линию обороны вдоль железной дороги. Фактически Харбин уже разрезан на две части...

– То есть дивизия Ренненкампа обезглавлена, – прошептал Кондратенко, опуская голову на жесткую, набитую травой подушку – Тогда нет ничего удивительного в том, что первая линия не удержалась. Да и вторая вряд ли долго протянет... Вот что, голубчик! Закончите с перевязкой – обеспечьте перемещение меня на КП Александра Алексеевича. Будем думать, как воевать в создавшихся условиях.

* * *

В то время как генерал Кондратенко ломал голову, что стало со штабом правофланговой дивизии, а посланные им вестовые успешно пополнили список военнопленных, генерал Ренненкампф, вполне живой и здоровый, сидел в своем штабе за одним столом с генералом Артамоновым и командиром английского речного десанта майором Драйком, чьи головорезы из Ройял Марин сейчас добивали каких-то непонятливых интендантов, засевших вместе с караулом на одном из складов и не уразумевших, что при встрече с британской морской пехотой полагается покорно поднимать руки, а не пытаться оказать сопротивление.

Несмотря на то, что майор Драйк был за столом самым младшим по званию, он чувствовал себя главным на этом празднике жизни, что, в общем-то, признавали и «эти варварские генералы», преданно глядя в рот представителю самой цивилизованной нации в Европе.

– Ну что ж, господа, – барабаня пальцами по краешку стола, небрежно произнес командир морских пехотинцев с непередаваемым аристократическим прононсом Received Pronunciation, как показателем образованности, влияния, социального статуса и экономической власти его владельца, – первая фаза операции прошла успешно, и требуется такое же ее завершение. Благодаря мистеру Артамонофф, мы смогли беспрепятственно высадиться на берег и разоружить охрану, а благодаря мистеру Ренненкампф – ликвидировать две линии обороны и свести к минимуму потери при разоружении штаба и комендантской роты. Это прекрасно, но недостаточно!

У нас нет времени любоваться на местный ландшафт, но есть приказ – взять узловую станцию и пропустить на запад эшелоны британской и японской армий. Поэтому, пока наши японские союзники, – губы майора тронула презрительная усмешка, – бьются лбом о русские позиции, мы должны придумать то, что позволит, не проливая драгоценную британскую кровь на китайскую землю, выполнить поставленную задачу. У вас есть предложения, господа?

* * *

– Ваше превосходительство! Платон Алексеевич! Смотрите!

Голос юного адъютанта, только-только получившего погоню подпоручика, был настолько встревоженным и возбужденным, что полковник Лечицкий^[40] пропустил мимо ушей неуставное обращение и скорым шагом подошел к амбразуре блиндажа, служившего ему временным командным пунктом.

Со стороны православной миссии на позиции надвигались густые цепи английских красных мундиров, а перед ними, полностью закрывая морскую пехоту своими телами, брели ремесленники харбинских мастерских, купцы, захваченные на пристани, крестьяне, привозившие свой немудреный товар на городской рынок, околоточные, застигнутые врасплох оккупантами на своих рабочих местах, и даже служители православной миссии, оказавшейся в руках красномундирников. Вместе с мужчинами по изрытому воронками полю робко семенили женщины, держа на руках или ведя за собой детишек, а одна из курносых заплаканных девчонок из последних сил тащила на себе огромного, безумно вращающего глазами и жалобно мяукающего котяру...

Гренадеры Лечицкого, застыв каменными изваяниями, с ужасом глядели на атакующих. Новые джентльменские способы ведения боевых действий с использованием гражданских заложников, дебютировавшие в Англо-бурской войне, для русских солдат и офицеров стали тем деморализующим шоком, которого бывает достаточно для поражения.

– Командира дивизии, быстро! – охрипшим голосом, срывающимся на фальцет, крикнул Лечицкий. – Хотя... отставить! По-о-olk! Слушай команду! Оставить занимаемые позиции! Отступить в городскую черту! Занять дома от Бульварного до Большого проспекта! Не стрелять! Брать в штыки!

Полковник тяжело осел на стул и грязно, как извозчик, выругался...

– В городской застройке они вынужденно разорвутся на небольшие отряды и не смогут одной толпой гнать перед собой гражданских...

Надежды Лечицкого не оправдались. Джентльмены из Королевской морской пехоты прекрасно знали свое дело и, разделившись повзводно, споро распределили между собой заложников, продолжая их телами вытеснять защитников на восток,

прижимая к реке и оттесняя от железной дороги, по которой покатали в сторону Читы основные силы британского и японского экспедиционных корпусов.

Отчаянные штыковые атаки защитников слегка притормаживали, но не могли остановить надвигающийся вал красных мундиров ввиду почти четырехкратного численного преимущества атакующих. Единственное, чего удалось добиться – отвлечь на себя силы и внимание, что позволило большинству заложников разбежаться. Спасся и диковинных размеров кот. Его вместе с хозяйкой на руках перенес на другой берег речки Модяги адъютант полковника Лечицкого.

Первый, бесконечный, такой неудачный для русских день битвы за Харбин заканчивался...

11 мая 1902 года. Ставка

Император вполуха слушал доклад дежурного офицера, неторопливо делая пометки в своем блокноте. «Минус один, – рядом с фамилией Ренненкампа появился аккуратный крестик, – вполне ожидаемо. Не устоял Павел Карлович, испугался. Слабак!»

Монарх пробежал сверху вниз по длинному списку фамилий, украшенных крестами, и усмехнулся. Оптимист даже на кладбище видит сплошные плюсы. Генеральские кадры царской армии начала XX века – это, как ни крути, погост. Захоронение талантов, здоровых амбиций, военной мысли, а в конечном счете и государства.

Карьеристы, шаркуны – самая безобидная мошкара: роятся себе у солнышка-престола, бесполезные, но безопасные. Взятчники и казнокрады – деятельные, а потому стократно вредные. И тех и других объединяет атмосфера гнили и тлена, где тонет любая живая инициатива и нестандартная идея. Ретрограды. Радеют за «старые добрые традиции», а на деле защищают свое болото конформизма и безответственности. Зараженные. Ренненкампа просто один из них.

В 1899 году в 36-м драгунском Ахтырском полку разразился скандал: будучи его командиром, Ренненкампа попытался украсть казенные деньги. Громкое дело удалось замять, однако с полком пришлось попрощаться и отправиться... в Сибирь, на должность начальника штаба войск Забайкальской области. В китайском походе генерал отличился не только лихостью, но и грабежами.

Император знал и продолжение этой истории. Накануне и во время Первой мировой Ренненкампа понесло по наклонной. Одна афера за другой – продовольствие, снаряжение, фураж, опять продовольствие... В этот раз все будет по-другому. Ревизоры Мамонтова смахнули пыль с «ахтырского дела» и начали вдумчиво копать, расширяя круг подозреваемых, вытаскивая на свет божий все новые и новые нелепые факты. Естественно, генералу об этом стало известно, вот он и решил не ждать позора казнокрада – метнулся в политику. Если уж помирать, так борцом за идею, а не воришкой. Как все знакомо! «Интересно, он станет Власовым или кто-то другой? Этот, пожалуй, может...»

Карандаш опять скользнул по генеральскому списку. Из четырех сотен тщательно отобранных им год назад «ограниченно дееспособных» осталось меньше двух десятков. Впрочем, на другое царь и не рассчитывал. Слишком высоки его личные требования как генералиссимуса, выигравшего войну моторов – самую страшную в истории человечества. Слишком безнадежен кадровый резерв. Конечно, и с ним можно побеждать, если подмазать, подкрутить, но это будет консервацией проблем.

А ему нужен прорыв, нужны люди, влюбленные в свое дело до самоотречения, монашествующие в миру, готовые идти против сложившихся традиций, если те мешают делу, принявшие постриг на служение Отечеству и видящие цель не в должностях и наградах, а в миссии, перед которой меркнет вся мишура регалий и блеск эполетов. Таких мало, но они есть. По его личным прикидкам, не более дюжины. Но и этого пока хватит.

А решившие спрятать свои делишки за революционным знаменем или красными английскими мундирами – берегитесь! Судебные процессы над вами будут совсем не политическими. Ревизоры зачитают длинный список присвоенного и удобрят пикантным соусом ваших адюльтеров. Чем он мелочней, тем непригляднее будут выглядеть борцы с режимом. А взаимосвязь между этими двумя пороками и предательством публики сама нащупает безошибочно.

Только репрессиями дело не исправишь. Требуются организационные реформы. Надо убрать из-под носа командира искушение – полковую кассу. И передать... да хоть офицерскому собранию! Пусть коллективный разум бдит за копеечкой, привыкает к

финансовой публичности, надзирает за поставщиками, демократично утверждает полковые расходы, борется с приписками и мздоимством. Авось и получится воспитать новое поколение, брезгующее залезать в карман однополчан.

А ему за это время надо умудриться уцелеть – не дать многочисленным обиженным интересантам, используя Ренненкампов, нащупать слабое место. Иуду всегда ищут в ближайшем кругу так было испокон веков. Смотрины наверняка уже проведены, и кандидатуры на роли иуд утверждены. Сценарии его ликвидации страдают всего одним недостатком – требуют хотя бы минимальной статичности «мишени» и окружения.

А он такой радости им не предоставит. Война – очень удобное время для всевозможных ротаций, перемещений и совершенно неожиданных обновлений аппарата, совсем не в стиле текущей эпохи. Уже сегодня рядом нет никого из тех, кто ходил по коридорам Ставки месяц назад. Эти тоже получают новые назначения в следующем месяце. А пока...

– Что сообщает Лавров?

– В Либаве все по плану...

– Что у Ратиева?

– Прибыл на место, готов вручить пакет лично в руки начальнику штаба Кондратенко.

– Передайте: вскрыть немедленно и далее действовать по инструкции. И запросите у адмирала Макарова подробности бонинской операции.

11 мая 1902 года. Харбин

Оттесненная за реку Модягоу дивизия Гернгросса спешно перегруппировывалась и готовилась к решительной контратаке. Батальоны, возмущенные наступлением англичан под прикрытием гражданских, рвались в бой. Ошметки дивизии Ренненкампа, чудом избежавшие плена и добравшиеся до своих, добавляли масла в огонь рассказами о весьма своеобразном понимании правил войны и отношении к пленным «самой цивилизованной нации Европы».

Гордо несущие на себе «бремя белого человека», британцы приволокли в Маньчжурию отработанные в Трансваале методы приведения «аборигенов» к покорности и начали применять их с

первых же минут пребывания в Харбине. Территория вдоль железной дороги практически моментально превратилась в огромный концентрационный лагерь, куда кроме пленных согнали не успевших улизнуть харбинцев.

Рядышком с несчастными испуганными людьми свои позиции деловито оборудовали японские артиллеристы, а на запад непрерывным потоком шли эшелоны корпусов вторжения.

Расстреляв боекомплект по вооруженным пароходам, пытавшимся войти в Модягоу, и потопив на фарватере самый шустрый из них, батареи Бржозовского замолчали. Вести огонь по вокзалу, по выявленным огневым позициям противника, значило стрелять по своим, поэтому инфантерия готовилась идти в атаку без артиллерийской поддержки.

– Ваше высокопревосходительство, – доложил адъютант, – статс-секретарь Ратиев с личным пакетом от государя и сопровождающими лицами изволят ждать в приемной. Прикажете пригласить?

– Извольте, голубчик, отчего же нет. – Кондратенко оторвался от карты и одернул помятый мундир. – Просите немедленно. Пригласите Александра Алексеевича и губернатора Гродекова: думаю, это по их душу тоже.

Когда все три генерала – Гернгросс, Гродеков и Кондратенко – ознакомились с текстом предписания, Ратиев, строго в соответствии с инструкцией, на глазах у всех поджег документ, внимательно проследил, чтобы он полностью сгорел, стряхнул пепел в печь и тщательно перемешал кочергой. Все эти манипуляции происходили в полном безмолвии.

– Господа генералы, – закончив, спросил Ратиев, – надеюсь, вам все понятно? Роман Исидорович, с назначением на должность обычно полагается поздравлять, но я воздержусь. Ноша начальника обороны Харбина, взваленная на вас государем, в этой обстановке вызывает скорее сочувствие.

– Значит, контратаку неприятельских войск, захвативших город, отставить... – упавшим голосом произнес Кондратенко, беспомощно оглянувшись на присутствующих.

– Отставить неподготовленные, самоубийственные наскоки на противника, превосходящего нас в численности более чем в пять раз, –

отчеканил Ратиев, глядя, как вытягиваются лица Гернгросса и Гродекова.

– Великодушно прошу простить меня, князь, – зарокотал Николай Иванович, – но я пока еще губернатор Маньчжурии и не смогу просто так сидеть и ждать, пока, как говорят китайцы, мимо меня проплывет труп моего врага. Дайте мне хотя бы один полк, и я отобью вокзал, освобожу заключенных!

– С большой долей вероятности, Николай Иванович, – вздохнул прибывший вместе с Ратиевым полковник в непривычной полевой форме, – вы и весь полк героически погибнете, завязнув в уличных перестрелках, и потеряете вверенные вам подразделения, про которые государь написал черным по белому: «беречь, сколько будет возможно».

– Повторяю, – грузинский характер Ратиева начал проявляться в некоторой экспрессии речи, – именно лобовой фронтальной контратаки англичане с японцами от нас и ждут, а значит, мы будем поступать совсем по-другому.

Разрешите представить: полковник Елец Юлий Лукьянович – ветеран Англо-бурской войны и командир батальона, взявшего мятежных гвардейцев в плотной городской застройке Петербурга, не потеряв ни единого человека убитыми. Он и его подчиненные в течение года кропотливо работали над тактикой боя в городе. Учились и учили других. Экзамен сдавали лично государю. Он сам отбирал лучших. Они станут инструкторами и командирами штурмовых групп. Из состава дивизии сформируем таких полсотни, в каждой – полурота из знающих город офицеров и унтеров. День на инструкции, еще три дня – на усиленные тренировки, и только потом – штурм...

– Простите, но я не понимаю, – фыркнул Гродеков, – что такого произойдет за четыре дня? Мы достигнем численного перевеса? Получим чудо-оружие?

– Перевес, к сожалению, достигнут не будет, – вздохнул Елец, – но кое-чем удивить сможем. Атаковать противника будем ночью. Умение вести бой в городской застройке в темное время суток, взаимодействуя с другими штурмовыми группами и с артиллерией поддержки, будет главным предметом обучения. И оружие, которое мы привезли, существенно отличается от штатного – предназначено как раз для такого случая. Все сами увидите.

– Простите, князь, – вмешался Гернгросс, – но за эти четыре дня в сторону Читы проследует не менее полусотни воинских составов, способных перевезти до сорока тысяч солдат!

– Вот и прекрасно, – ответил за Ратиева начальник разведки округа полковник Потапов. – Пусть следуют.

– Значит, мы просто всего не знаем, – прищурившись, то ли констатировал, то ли спросил Гернгросс.

– Вероятно, – кивнул Ратиев. – Впрочем, как и я. Но текущее решение лежит на поверхности и продиктовано не чем иным, как сложившейся ситуацией. Подготовиться, собраться с силами и одним ударом рассечь англо-японскую анаконду, оставив ее хвост под Харбином, а голову – по дороге в Забайкалье. И пусть кусается потом, если сможет.

– Со стороны Мукдена, собирая по дороге отставших и бежавших из плена, к нам идет подполковник Леш со своим железным батальоном. Как телеграфирует капитан Вариасов из разведки, вместе с прибывшимися у него под рукой уже почти полк. От Ялу к нам отходят казаки Грибского – почти десять сотен. Через два дня все они будут у Харбина, – прокомментировал ситуацию начальник разведки. – Связь с ними постоянная и устойчивая, слава богу. Могут нанести неожиданный вспомогательный удар там, где англичане с японцами его никак не ждут – с юго-востока.

– Мы объединим всю нашу кавалерию в один сводный отряд и ударим строго с юга, – чиркнул по карте ладонью Гернгросс, – таким образом, весь гарнизон противника в Харбине окажется в полукольце...

– Ну что ж, придется потерпеть, – встал из-за стола Кондратенко, демонстрируя, что совещание окончено. – А вас, Иван Дмитриевич, буду рад видеть у себя в любое время...

– Да я и сам хотел напроситься к вам и к Александру Алексеевичу, – кивнул Ратиев генералу Гернгроссу. – Хочу участвовать в предстоящем деле. Сил нет, как надоела штабная работа! Я ведь строевой офицер, кавалерист! Могу командовать взводом, сотней, эскадроном...

10 мая 1902 года. Либава

Лейтенант Далкит Джон Чарльз, слуга двух господ – Royal Navy и Directorate of Military Intelligence, видел эти дома и раньше, когда приезжал в Либаву на рекогносцировку под видом германского любителя местных вод, ходил по улицам, проезжал на коляске по пустынным паркам. Заросшие вековыми липами аллеи невольно притягивали своей нетипичной для портового города тишиной. Русский царь так резко свернул работы по строительству местной крепости, что казалось, рабочие просто отошли на часок на обед, и на заброшенных стройках вот-вот снова застучат молотки, завизжат пилы и воцарится веселая деловая суэта.

Но эти надежды становились все призрачнее, и не сдерживаемая ничем природа неумолимо заполняла собой трещины пустых фундаментов, обживалась на грудах песка и щебенки, заглядывала в заколоченные окна недостроенных офицерских флигелей, как неотвратимая старость пожирает лицо и тело некогда молодого, полного жизни и планов человека. Ровные линии проспектов и перспектив, кирпичные тротуары продолжали кричать о своей нерастраченной молодости, задоре и грандиозных планах, не сдаваясь забвению, настойчиво ждали воскрешающего пасхального звона колоколов Морского собора.

Среди всего этого долгостроя зелеными островками выделялись окутанные майской зеленью палисадники мещан и желтели фронтоны особняков зажиточных бюргеров, один из которых стал объектом повышенного внимания лейтенанта английской военной разведки.

Вдоволь побуйствовав в первые три дня после оккупации Либавы, британские моряки и гвардейцы были в конце концов призваны к порядку. Неделю в городе восстанавливалась более-менее нормальная жизнь: открылись счастливо избежавшие погромов лавочки и магазины, за счет флота его величества были заменены огромные витринные окна в местном кафе-шантане, и даже – о чудо! – начал работать театр.

Либавская прима с божественным именем Анна и непроизносимой для англичан фамилией Гжентль-Гжибовская за несколько представлений стала кумиром практически всех английских офицеров, но благосклонно и очень дальновидно приняла ухаживания только одного из них – пройдохы суперинтенданта Lt. Colonel

Андерсона, неплохо погревшего свои пухлые ручонки в Трансваале и всю разворочивающегося в Прибалтике.

После жуткого взрыва на ночном рейде начальство приказало проверить всех русских, контактирующих с офицерами его величества. Для срочной инспекции были задействованы все силы, и вот лейтенант Далкит, профессионал-разведчик, вынужден копаться в грязном белье туземцев, вычисляя степень их опасности и возможной причастности к диверсии.

А эта певичка вполне... В ее белье поковыряться интересно. Джон был не прочь даже познакомиться с этой дамочкой поближе. У русских мадемуазель Гжентль-Гжибовская тоже пользовалась оглушительным успехом и даже умудрилась очаровать командира порта адмирала Ирецкого. Старикан, по рассказам очевидцев, так увлекся прелестницей, что пропадал в доме Анны неделями, плюнув на все приличия и собственную жену, в оскорбленных чувствах укатившую два месяца назад в Петербург.

Теперь место русского адмирала занял этот тыловой боров Андерсон... Господи, как с таким свином ложиться в постель? Загадочная женская душа! Сейчас она тоже с ним, развлекает, показывает местную достопримечательность – кургауз «Николаевское купальное заведение с горячими и холодными ваннами». У Джона есть минимум пара часов.

Анне принадлежал уютный особнячок с кокетливым эркером и крошечным балкончиком, как будто специально предназначенным для того, чтобы петь под ним серенады. Осмотревшись вокруг и убедившись, что не привлек ничего внимания, Джон нырнул за кусты сирени, буйно разросшиеся у входа в особняк, и ловко вскрыл дверной замок, мысленно поблагодарив своего боцмана. Выходец из самого лондонского дна, тот промышлял в юности в столичных бандах, чудом избежал каторги, поступив служить на флот, и кое-какими навыками поделился со своим командиром.

Прислугу еще утром пригласили в комендатуру и пообещали, что до вечера не отпустят, на этот счет можно было не волноваться и не отвлекаться. Первый этаж лейтенант обследовал быстро – никаких следов мужского и вообще постороннего присутствия, стандартное гнездышко богемной пташки. А вот на втором... В кладовке, примыкающей к спальню комнате, в небрежную кучу были свалены

вещи бывшего постояльца, в числе прочих даже адмиральская шинель... Все сходится. Как рассказывала своему новому содержателю словоохотливая Анна, адмирала Ирецкого выдернули прямо из постели, когда начался обстрел города, а последующая стремительная эвакуация не оставила ни единого шанса вернуться к любовнице за вещами.

А возвращаться было за чем! Один дорожный саквояж Fisher's Eiffel стоил того – шикарная вещь, не менее ста фунтов! Джон не удержался, погладил великолепную кожу, щелкнул замками, заглянул внутрь – ничего интересного, стандартный дорожный набор. Закрыв, взял в руки, выпрямился, представляя себя денди... Черт, а почему он такой тяжелый, если пустой?

Исследование кармашков и отделений не выявило никаких посторонних предметов, пока Джон не ковырнул неожиданно податливое дно...

– Неплохо я зашел! – присвистнул лейтенант, собирая золотые империалы, скрытые за двойной обшивкой. А под ними... Оу, шит! Гербовая бумага с орлами!

Уже через четверть часа лейтенант Далкит Джон Чарльз стоял навтыжку перед адмиралом Керзон-Хау, а на обширном, как поле для крокета, столе аккуратно были разложены карты минных полей Финского и Рижского заливов, план обороны Моонзунда, береговые батареи, лоции и другие весьма полезные для Гранд Флит документы. Лейтенант чувствовал себя счастливым, ухватившим за хвост удачу. Золотые империалы приятно оттягивали карман, лацкан мундира уже готов был украсить свежееобещанным орденом. Джон видел себя выходящим из вагона первого класса на перрон вокзала Виктория. Жизнь налаживалась!

11 мая 1902 года. Лондон. Тауэр

Со стороны могло показаться, что в малой гостиной собрались на свое очередное заседание члены привилегированного клуба, умиротворенные и довольные жизнью, коротающие вечер за неспешным обсуждением текущих светских новостей и чтением прессы, если бы не мрачное выражение лиц присутствующих, нетронутые сигары, остывший кофе и газета Berliner Illustrirte Zeitung – детище кайзера, совсем не популярное в лондонских клубах.

Это немецкое издание выделялось среди других одной выигрышной деталью – оно являлось флагманом мировой фотожурналистики, как первое массовое с фотографическими иллюстрациями к статьям. Там, где не хватало фотографий, газета дополняла статьи рисунками своих художников, благодаря чему информация становилась яркой и запоминающейся. Кроме того, Berliner Illustrierte Zeitung славилась завидной оперативностью. Это стало возможным с внедрением в 1901 году технологии офсетной печати и растровой графики, позволившей значительно ускорить процесс набора по сравнению с ранее используемыми деревянными клише.

Свежий номер газеты был полностью посвящен Британии и ее, скажем честно, не совсем удачному наскоку на Россию. Редактор заботливо собрал все фотоизображения и стилизованные под фотографии рисунки кораблей, поврежденных и потопленных с начала боевых действий. Заканчивался репортаж эффектным рисунком русского художника Верещагина, где якобы на фоне острова Сайпан красовались остовы всех четырех броненосцев эскадры адмирала Сеймура, ушедшие десять дней назад к Боницам с целью прикончить русского пирата Макарова.

Художник весьма творчески подошел к работе. Был виден не только результат боя, но и причины разгрома. Гротескно преувеличенные орудия береговой артиллерии и дымящие в отдалении русские броненосцы давали ясно понять: британскую кильватерную колонну взяли «в два огня», прижав к мелководью и лишив возможности маневра. А если вспомнить, с какого расстояния русские комендоры обычно открывали огонь, страшно было даже представить, что пришлось пережить морякам его величества, терпящим такой обстрел, не имея возможности даже ответить противнику.

Статья начиналась с интервью министра иностранных дел Российской империи – вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Россия всегда отрицала, отрицает и будет отрицать голословные обвинения в причастности к взрыву броненосца «Александра» на Константинопольском рейде.

Во-первых, боевая ценность этого броненосца была ничтожной – и в британском флоте, и тем более в турецком.

Во-вторых, Россия вовсе не желала получить помимо Японии, явно идущей на конфликт и готовящейся к нападению на наши дальневосточные владения, еще одного врага, обладающего флотом из тридцати с лишним броненосцев и почти полутора сотен крейсеров. Это нападение, последовавшее за тем самым взрывом, было России абсолютно невыгодно.

В-третьих, если бы, как уверяют газеты, Россия хотела предотвратить передачу «Александры» османскому правительству, разве не разумнее было дождаться спуска британского флага, не говоря уже о личном вымпеле принца Уэльского?

Но, может быть, кто-нибудь может поверить, что Россия надеялась выйти сухой из воды? Не держите нас за дураков, господа. Мы хорошо помним историю с броненосцем «Мэн», взорванным на Кубе. Мы помним, как этот взрыв был использован Северамериканскими Соединенными Штатами для того, чтобы отнять у Испании Кубу и Филиппины. Неужели кто-нибудь в здравом уме может счесть, что у русских такая короткая память? Но мировое сообщество, точнее, пробританские газеты почему-то не задались простым вопросом: выгоден ли этот взрыв России вообще? А если нет, то кому это выгодно?

Заметим, что из двух пришедших в Константинополь броненосцев именно «Александра» не подверглась модернизации, тогда как столь же древний «Суперб», сменивший данное ему при рождении имя на «Гамидие», получил новейшую артиллерию. Жертвой злоумышленников стал не сильнейший, а слабейший корабль.

И вот, воспользовавшись злодеянием, британские адмиралы обвинили в этом Россию и начали войну, надеясь на свой подавляющий перевес в кораблях и экипажах.

Правда, потом что-то пошло не так. Выяснилось, что и британские корабли не столь хороши, как казалось поджигателям войны, и выучка британских моряков несколько переоценена. Возможно, почивая на лаврах первой морской нации мира, островитяне забыли, что современный флот требует не только героизма, но высочайшей квалификации и жесточайшей дисциплины.

Я не готова судить о квалификации британских моряков до окончания войны, она покажет это со всей очевидностью, но вот дисциплина представляется слабым местом флота его величества. И в самом деле, если даже считать, что взрыв «Александры» не имеет никакого отношения к расхлябанности и разгильдяйству, то как объяснить взрыв бронепалубного крейсера «Террибл», стоявшего на входе в Босфор и явно не имевшего на борту «шпионов царя»?

А что творилось на Балтике во время боевых действий? Шесть миноносцев – два именных и четыре номерных – и башенный броненосец «Пил» также стали жертвами внутренних взрывов. На каждом из них тоже был «шпион царя»?

– Да как она смеет! – взвился Фишер. – Я сам видел эту замаскированную под уголь мину! Мы можем обнаружить...

– И нажать себе массу неприятностей, Джек, – скучающим голосом произнес его старый знакомый из разведки. – Я взял со всех участников расследования подписку о неразглашении. Представляете, что начнется, если эта идея закрадется в голову нашим фениям? Тогда вам придется лично обнюхивать каждый кусок угля, даже те, что приходят из метрополии...

– Мы перейдем на нефть! – воскликнул Фишер. – Вот еще один аргумент – при нефтяном питании котлов никто не сможет учинить подобную пакость! Мы отобьем у русских персидские прииски, и тогда...

– Когда? – ласково спросил его король. – Когда именно, Джек? Пока твои «Соверены» не решаются вновь выйти к Бендер-Аббасу, а Средиземноморская эскадра все так же торчит в Босфоре, не в силах пробиться через русские мины, не так ли?

Адмирал засопел. Ему так и не удалось настоять на объединении эскадр: турки и датчане заверещали так, что у первого лорда адмиралтейства заболели уши.

Его Величество продолжил чтение.

А недавний взрыв броненосца «Булварк» на рейде оккупированной британцами Либавы и вовсе заставляет задуматься: на всех ли британских броненосцах есть «шпион царя» или всего лишь на половине?

– Что скажете, Хау? – поинтересовался король, не откладывая газету.

– Это очень похоже на «Террибл», сир, – насупился тот. – Взрыв погребов не оставил никакой возможности узнать, что там случилось на самом деле. Могу сказать одно – это была не мина Уайтхеда. Во-первых, корабль стоял с полностью опущенными противоминными сетями, а во-вторых, оба борта выглядят относительно неповрежденными. Значит, бомбу или пронесли на борт, или прикрепили к днищу. Точнее пока сказать трудно.

– Непонятно, как предотвратить такие «внезапные взрывы» в будущем? Но я продолжу. Дальше ее величество изволит перечислить остальные победы русских. «Маджестик», поймавший в борт сразу две мины Уайтхеда с русских миноносцев, едва доковылявший до Борнхольма, который теперь годится только на роль брандвахты, как и «Цезарь», «Нил» и «Эмпресс оф Индия»... Бедняга «Худ», погибший от одного-единственного попадания в крышу башни, «Рипалс» и «Рамиллиес», получившие фугасы в открытые барбетты. В результате наши силы в Персидском заливе в лучшем случае сравнялись, а в худшем...

– Русские планируют в конце следующей недели вернуть в строй «Апраксин». Как раз к подходу «Иррезистибла» и «Имплакэбла». Тогда их будет шесть против наших семи или, с учетом повреждений «Эмпресс оф Индия», против шести, – проинформировал всех начальник разведки. – К счастью, жертва «Полифемуса» не была напрасной, и седьмой русский броненосец не подлежит восстановлению. Но снятые с него двенадцатидюймовые орудия уже устанавливаются на батареях Ормузского пролива.

– Прекрасная новость, – саркастически произнес король. – «Санс Парейль» и «Хиро» – не столь тяжелая потеря, а про «Конкерор» русские, похоже, и не знают... «Энсон» – уже хуже, но тоже терпимо... Самое интересное мой племянник приберег в Бонинском архипелаге: «Ринаун», «Центурион», «Барфлер» и «Бленхейм». Мы что-то знаем об этом, Чарльз?

– Дальневосточная летучая эскадра была отправлена на поиск базы русских. Мы предполагаем, что она находится на Бонинах, но нам нужны точные подтверждения.

– Похоже, мы их получили, – вздохнул король, – хотя и таким оригинальным образом. Кто-нибудь верит, что Berliner Illustrierte Zeitung врет и наши броненосцы вернутся?

– Они уже соврали, что русские не имеют отношения к взрывам на наших кораблях! – взвился Фишер.

– Они и не утверждали этого, – спокойно ответил король. – Более того, в статье есть одна примечательная фраза: «Если тебя в чем-то незаслуженно обвиняют, возможно, имеет смысл действительно заслужить это».

Начальник разведки поднял палец, и взгляды присутствующих направились к нему.

– Если не ошибаюсь, Джек, – обратился он к Фишеру, – от решительного прорыва в Черное море тебя удерживал только русский «Потемкин»?

– Да, сэр. Пока и мы, и японцы в море несем основные потери от артиллерии русских калибра именно в двенадцать дюймов... Если, конечно, не учитывать летучую эскадру: я надеюсь, что царь все же привирает. «Фудзи» был взорван снарядом с «Трех Святителей», «Худ» и «Рипалс» тоже пали жертвами двенадцатидюймового калибра «Наварина» и «Чесмы»; «Идзумо», «Асаму» и «Адзуму» поймал «Ретвизан», которого японцы ошибочно приняли за «Пересвет», да и «Микаса» поврежден именно крупным калибром. На долю девятидюймовок приходится лишь «Рамиллиес», да и то неточно, и два наших устаревших броненосных крейсера.

Так что, не будь на Черном море «Потемкина»... Полагаю, с девятидюймовками, что больше пристали крейсерам, чем броненосцам, мы как-нибудь справимся, даже несмотря на их возмутительную дальнобойность и количество взрывчатки в снарядах. В конце концов, мы имеем преимущество в три узла хода. Стоит нам прорваться за минные банки, мы настигнем русских и поквитаемся за все, как только выйдем на дистанцию эффективного огня своих орудий. Но «Потемкин»...

– Его уже нет, Джек. Мы проверили информацию трижды, через разные источники – его уже нет. Он, знаешь ли, тоже внезапно взорвался. Совсем как «Террибл». Или «Нил». Или «Булварк».

– Не желаю знать деталей, – скучным голосом произнес король. – Но я очень, очень хочу услышать об успехах моего флота в ближайшее

время, потому что скоро может стать слишком поздно. Нам и так пришлось обратиться за помощью к заокеанским «кузенам», а это может выйти империи неприемлемо дорого...

В это же время. В расчетной конторе (Pay Office) британского флота на Брод-стрит

– Двадцать четыре двенадцатидюймовых орудия? Это не тот кролик, которого можно так вот запросто достать из стетсона, сэр.

Третий лорд адмиралтейства был признателен американцу хотя бы за то, что тот не положил прямо на стол ноги в ковбойских сапогах.

– Хотя достать тридцать два ствола было бы еще труднее. Эти восемь пушек... Вы ограбили итальяшек, не так ли?

Адмирал Мэй поморщился. Конфискация орудий, производимых Эльсвикским арсеналом для итальянских броненосцев и броненосных крейсеров, прошла с изрядным скандалом, о котором ему не хотелось вспоминать. Но два последних «Формидебла» орудиями укомплектовать удалось. И все же какими бы ни были рекомендательные письма этого мужлана, хороших манер ему они не прибавили.

– Это война, мистер Гудри. А она требует решительности не только в бою.

– Точно. – Собеседник кивнул и глянул на одну из небрежно брошенных на стол рекомендаций. – Старина Альфред мне все уши прожужжал о морской мощи, когда я служил под его началом. Потом он стал писать умные книжки, а я – возиться с железками.

– Сколько?

Адмирал попытался скрыть презрение в голосе. Видит бог, если бы он не нуждался в этом человеке настолько сильно, приказал бы спустить его с лестницы.

Но визитер, напротив, развеселился.

– Вот это деловой разговор! Тут, – обозначенная на бумаге сумма была, на взгляд адмирала, вполне приемлемой, – стоимость орудий плюс надбавка за срочность. А вот это, – вторую сумму назвать приемлемой было значительно труднее, – придется занести в Туманное Болото и флотскому командованию, чтобы они закрыли глаза на задержку в вооружении тройки «Мэнов» и трех первых «Вирджиний».

– Это все? – Раздражение все же прорвалось наружу.

– Увы, нет. Трудно представить себе сумму, которая заставит конгресс нарушить нейтралитет слишком явно. Продавать оружие воюющей стороне наши политики не станут, особенно когда рядом с Гавайями шастает русская эскадра.

– Судя по всему, у вас есть решение?

– Президент наложит эмбарго на продажу орудий вам, японцам и русским, – пояснил визитер. – Но вот аргентинцам, чилийцам или бразильцам – почему бы и нет?

– Вы предлагаете...

– Каждая из этих стран, точнее, предприниматели купят у вас по два «Дункана». В кредит. С нулевым первым взносом. Признаться, если бы не война, я бы посоветовал вам и вправду избавиться от этих картонных недоброненосцев и придумать что-нибудь попрличнее. – Щадить чувства британца нахальный янки не собирался. – В конце концов, семь дюймов, пусть даже и крупновских, это по нынешним временам не броня. Так или иначе, в договоре будет пункт о том, что через четыре месяца вы можете потребовать корабли обратно в том состоянии, в котором они в данный момент находятся.

– И вы гарантируете, что за четыре месяца...

– Нам придется потрудиться, адаптируя наши орудия к вашим башням, – ответил американец, – но я не привык брать деньги просто так. С другой стороны, русские остались довольны тем, как мы в Филадельфии ведем дела, так почему бы нам не порадовать и другую сторону?

Это попахивало, просто разило авантюрой, но выхода у контр-адмирала Мэя не было: официальные власти САСШ действительно отказывались продавать орудия главного калибра воюющим странам. Хорошо, что присущая жителям мятежных колоний жадность, которую они, разумеется, выдают за предприимчивость, всегда гарантировала нахождение обходного пути.

– Благодарю вас, мистер Гудри, мы обдумаем ваше предложение.

«Если он сейчас скажет что-то вроде „чем дольше вы думаете, тем дороже будет сделка“, я все-таки спущу его с лестницы», – подумал адмирал, вставая и давая понять, что аудиенция окончена.

Но янки не доставил ему такого удовольствия: то ли обладал похвальным чутьем, то ли был воспитан чуть лучше, чем казалось на первый взгляд.

– Разумеется, сэр. – Он тоже поднялся. – Я остановился в «Кларидже».

Адмирал еле сдержался. Жадному дельцу со столь отвратительными манерами следовало бы поселиться в «Сент-Панкресе». Возможно, с этим человеком стоит иметь дело.

Разумеется, только после подтверждения его рекомендаций морским агентом Британии.

* * *

Вильям Крамп аккуратно положил телефонную трубку на рычаг. Внезапно ворвавшийся в его жизнь веселый авантюрист Джонни Гудри, служивший ранее, по его словам, под началом самого Мэхена, был прав: британцы находились в отчаянной ситуации и у компании Крампа действительно был шанс неплохо подзаработать. Оговоренная Джонни доля вполне заслуженна: он рекомендовал Вильяму проработать вопрос установки американских орудий в башни британского образца еще месяц назад, и это окупилось!

Если бы он сейчас в разговоре с британским военно-морским агентом потребовал время на «изучение вопроса», сохранил бы контракт, но максимум на два броненосца: заказы на остальные четыре разобрали бы конкуренты. А так он был единственным, кто полностью готов к установке американских пушек на британские лоханки, и может получить в работу все шесть «Дунканов».

Нет, Джонни действительно достоин своих комиссионных, не говоря уже о рекомендации. Интересно, не стоит ли отправить его в Россию? Вдруг мистер Гудри сможет продать молодому энергичному царю еще пару кораблестроительных заводов?

* * *

Президент Теодор Рузвельт поблагодарил государственного секретаря и министра военно-морских сил за хорошую работу и положил трубку. Эта операция нравилась ему все больше.

Во-первых, сам по себе факт продажи американских орудий владычице морей Британии – вопрос престижа. А значит, его репутация в промышленных кругах взлетит до небес.

Во-вторых, вооружение новых броненосцев флота Соединенных Штатов фактически осуществится на британские деньги. Конгресс будет доволен такой экономией, и промышленность в некоторых важных штатах получит существенный толчок.

В-третьих, появилась великолепная возможность испортить отношения Британии сразу с тремя южноамериканскими странами. Сделка с самого начала будет носить фиктивный характер, но ведь в прессе ее можно будет подать как «Британос отбирают наши корабли!». Не все же время гринго быть крайними... А там, глядишь, обретя союзников, присмотримся и к Карибам, и к Белизу, и к Фолклендам...

И в-четвертых (даже если это не главное), вполне достойное пожертвование автора комбинации мистера Джона Гудри в его, Теодора Рузвельта, избирательный фонд не будет лишним.

Разумеется, он подтвердил этому надутому британскому индюку собственноручно данную мистеру Гудри рекомендацию. Еще бы он этого не сделал!

* * *

Видный военно-морской теоретик Альфред Мэхен внимательно выслушал отчет своего человека в министерстве военно-морских сил, коротко попрощался и положил трубку.

Его блестящие выкладки вновь подтвердились. Как и предсказывал его бывший подчиненный Джон Гудри, молодой русский царь действительно принял во внимание теорию морской мощи Альфреда Мэхена и успешно бил британцев на их же поле, да так, что надменные островитяне были вынуждены обратиться за помощью к своей бывшей колонии. Если ему удастся убедить своих коллег-адмиралов, промышленников и конгресс в идее броненосца, вооруженного только и исключительно главными и противоминными калибрами, у моря вскоре сменится хозяин. Нужно будет поблагодарить Джонни за его блестящую идею, может быть, в посвящении к очередной книге.

На мгновение ему даже стало жаль, что он не запомнил столь смышленного матроса в те давние дни, когда командовал крейсером «Чикаго». Но, с другой стороны, видимо, он был хорошим командиром, если служившие под его началом матросы демонстрируют столь глубокое понимание вопросов морской войны.

О, разумеется, он не стал уточнять, что мистер Гудри не был офицером. Британцы в своем снобизме недооценивают «низшие классы», и это, к слову, одна из их слабостей. Узнай они о его простонародном статусе, комбинация мистера Гудри могла бы сорваться. А это не пойдет на пользу ни Америке, ни ему, Альфреду Мэхену.

* * *

Джон Гудри, когда-то и вправду служивший на «Чикаго», отложил погасшую трубку и поднял взгляд на закат. Служба во флоте Соединенных Штатов позволила ему достичь мечты – стать владельцем собственной фермы. И это даже хорошо, что ферма была далеко от моря: он ненавидел гребаную качку, ненавидел гребаный крейсер и старого ублюдка Мэхена. Пусть другие болтаются в милях от ближайшей земной тверди, расположенной, как правило, снизу, под толстым слоем холодной соленой воды. Пусть другие думают о кораблях, пушках и сражениях.

А то, что похожий на него, будто брат-близнец, оборотистый малый представится где-то его именем и сошлетя на знакомство с Мэхеном, так дай ему бог здоровья и удачи, частью которой он уже щедро поделился! А ему стоит подумать, не пора ли съездить в соседний городок, чтобы прикупить новый плуг и пару подарков жене и детям...

12 мая 1902 года. Ставка Верховного главнокомандования

Феликс Эдмундович с усмешкой проследил за полетом в мусорку нервно смятого в комок отчета, выслушал очередную реплику про «проклятую чиновничью касту», вздохнул и углубился в следующий пункт повестки дня, исподлобья поглядывая на хмурящегося императора, досаждующего на свою несдержанность.

– Вы, товарищ Дзержинский, зря улыбаются, – буркнул монарх. – Зажравшиеся, не желающие работать столоничальники – это не пережиток феодализма и не отрывка капитализма. Социалистическому государству они еще больше попортят кровь.

– Вы так говорите, будто уже побывали в социалистическом государстве, – фыркнул Дзержинский, не поднимая головы.

Император долго, не моргая, смотрел на руководителя Чрезвычайной комиссии, так похожей на службу, хорошо знакомую ему по прошлой жизни, и тихим голосом продолжил:

– Социализм – это почти стопроцентное доминирование государства во всех сферах жизни, а значит, главенствующая позиция представителей этого государства – у бюрократов. Поскольку они являются отдельным классом эксплуататоров...

– Государственные служащие не являются отдельным классом, – возразил Дзержинский. – Как писал Маркс, они только выражают интересы правящей социальной группы.

– И Маркс абсолютно прав, – кивнул император, – в Западной Европе и САСШ именно так и есть. Во всех индустриально развитых странах капитал является источником власти, но только не в России. Здесь испокон веков именно власть являлась источником капитала! Торговец пирожками Алексашка Меншиков стал сначала государственным чиновником и только потом – богатым человеком. Купцы Демидовы превратились в магнатов-миллионщиков, получив крупные государственные военные заказы. Этот ряд примеров можно продолжить. В России власть является пропуском в клуб зажиточных, а отсутствие ее безжалостно выталкивает из этого привилегированного круга.

Император подвинул поближе чистый лист гербовой бумаги.

– Чиновники занимают уникальное место. Им ничто не принадлежит из того, что можно считать средствами производства, но при этом они активно вмешиваются во все три процесса – пользования, владения и распоряжения ими.

Карандаш в руке монарха начертил жирный прямой угол.

– Бюрократы отличаются особым способом получения доли общественного богатства: они не претендуют на заработную плату или дивиденды предприятий, но через налоги и взятки изымают и перераспределяют прибавочную стоимость.

Второй прямой угол превратил изображение в квадрат.

– Столоначальники – каста, стремящаяся к обособлению и закрытости, рекрутирование сюда происходит в особом порядке, не присущем более никакой другой социальной группе.

Крест в квадрате сделал рисунок похожим на тюремное окно с заточенным в нем двуглавым орлом, изображенным на листе бумаги.

– Таким образом, чернильные души-приказчики обладают всеми признаками социального класса, борющегося за выживание и доминирование при любом строе, будь то самодержавие или диктатура пролетариата...

– Но государство по мере движения к коммунизму будет вообще отмирать, – возразил Дзержинский.

– И столкнется с явным нежеланием бюрократии отмирать вместе с ним, – возразил император. – И чем ближе вы приблизитесь к коммунизму, тем сопротивление будет яростней. Социализм при отсутствии класса эксплуататоров резко обострит классовую борьбу... Бюрократ будет защищать свою вотчину, свои классовые интересы со всей непримиримостью. Вы готовы к этому?

– А вы готовы отдать власть, чтобы я мог проверить? – съязвил Дзержинский.

– Обещаю, – не принял шутки император, – что брошу к вашим ногам скипетр, как только вы меня убедите в способности его поднять и сделать работу руководителя страны более качественной, эффективной и преемственной. Как только продемонстрируете действенный саморегулируемый механизм выдвижения во власть наиболее ответственных, смелых, честных, умных... А какой смысл передавать власть проходимцам – тем, кого сами потом расстреляете?

– Пролетариат не позволит... – начал Дзержинский и осекся.

В его вотчине, на самоуправляемых монастырских предприятиях, пролетариат не только позволил мздоимство и стяжательство администрации, выбранной из их собственной среды, но и сформировал круговую поруку, препятствующую выводу коррупционеров на чистую воду, проявив во всей красе ложное чувство местечковой солидарности. Чрезвычайная комиссия, набранная в основном из тех же рабочих, действовала в тот раз крайне жестко, пресекла на корню. Но осадочек и вопросы остались...

Пролетариат! Самый прогрессивный класс почему-то оказался беспомощным перед древнейшим соблазном. Гегемон-голиаф пал перед карликом-спиногрызом... Как? Почему?

– Наш народ, веками прозябавший в нищете и серости, надо учить управлять своей судьбой, учить ответственности и пониманию, что

такое хорошо и что такое плохо.

– Золотые слова, Феликс Эдмундович. – Император хлопнул ладонью по пачке документов. – Учиться! Охотников строить и руководить у нас хоть отбавляй, а людей, умеющих строить и руководить, до безобразия мало. Невежества у нас в этой области, наоборот, тьма-тьмущая, и людей, готовых воспевать нашу некультурность... Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех – и у врагов, и у друзей. Особенно у врагов. Стиснув зубы, не боясь, что они будут смеяться над нами, над нашим невежеством и отсталостью^[41].

Произнося эти слова, император что-то подчеркнул в последнем рапорте, встал, застегнул френч и покрутил головой в поисках головного убора, не прекращая монолог:

– Французские историки Гизо и Тьери показали противоположность классовых интересов и неизбежность их столкновения. Политэкономы Смит и Рикардо раскрыли внутреннее строение классов, а Маркс привязал их к фазам исторического развития, средствам производства и напророчил диктатуру пролетариата. Но никто из них, живя в Западной Европе, не смог разглядеть еще один класс – чиновных эксплуататоров. Маркса можно понять: в Англии государство является инструментом дельцов Сити. Но мы-то живем не в Британии, а значит, должны учитывать национальные особенности. В противном случае столоничальники сожрут феодалов, капиталистов, пролетариат – и не подавятся.

Нам нужна теория, развивающая и дополняющая марксистскую, описывающая все виды эксплуатации, а не только отмеченные у Маркса и Энгельса, раскрывающая то, что философы не смогли понять и объяснить. Мы можем что-то напутать в хозяйстве, но так или иначе выправим положение. Если мы напутаем в теории, то загубим все дело. Я уже много раз говорил и не устану повторять: без теории нам смерть!^[42]

Император наконец обнаружил небрежно брошенный на стул военный картуз, одним движением водрузил его на голову и коротко сообщил:

– Воспитывать чувство ответственности, учить отвечать за результат нужно на конкретных наглядных примерах. Третьего дня поручик Мильнгард, допустив техническую ошибку при снаряжении

экспериментальной саперной мины, случайно активировал ее, оставив на рабочем месте во взведенном состоянии. Как и почему она сработала той же ночью, непонятно, но в результате происшествия почти полностью разрушена испытательная лаборатория, ранен сторож, а сам поручик, снедаемый чувством вины, предпринял неудачную попытку застрелиться и получил контузию. Предлагаю взять Суворина, съездить в госпиталь к этому совестливому испытателю и устроить ему показательную порку, а затем тихо и не публично пригласить на работу в ЧК. Офицерами с таким обостренным чувством ответственности нельзя разбрасываться!

Дзержинский молча покачал головой. Памятный случай, когда император вместе с конструкторами брони встал на контрольном обстреле за экспериментальной бронеплитой, породил самые необычные проявления ответственности за порученное дело. Среди рискованных инженеров и изобретателей считалось хорошим тоном встать во время испытаний под опоры строящихся мостов и нагружаемых перекрытий, проглотить неопробованное лекарство и любым другим способом подчеркнуть готовность отвечать жизнью за результат своей работы. И что, теперь всех их приглашать на работу в ЧК?

– Всех приглашать, конечно же, не надо, – будто угадав мысли Дзержинского, пояснил монарх, – но брать на учет и принимать участие в судьбе специалистов, отвечающих за результат по самой высокой мерке, можно и нужно обязательно. Кадры решают все!^[43]

В это же время. Токио

– Поражения нашего флота, ваше императорское величество, я уверен, под силу нивелировать вашей доблестной армии, – согнул спину в поклоне лучший стратег Японии Гэнтаро Кодама. – Решимость, смелость, один стремительный бросок – и корпус генерала Куроки при поддержке бронепоездов англичан захватит царский золотой запас под Читой. И тогда можно будет начинать переговоры о заключении почетного для нас мира.

– Досадные временные неудачи флота, случившиеся исключительно из-за фатального стечения неблагоприятных обстоятельств и невероятного везения русских, закончились! – яростно сверкнул глазами в сторону Кодамы министр флота Ямамото Гомбэй. –

Все силы собраны в один кулак и отправляются раз и навсегда покончить с адмиралом Макаровым!

– В отличие от флота, – не разгибая спины, степенно произнес Кодама, – армия не только говорит, но и делает. За неполный месяц одержаны три грандиозные победы: спущен русский флаг над крепостью Порт-Артур, с марша захвачены Мукден и Харбин, с помощью русских революционеров форсирован Хинган, и сегодня утром войска пересекли русско-китайскую границу в Забайкалье, практически не встречая сопротивления!

13 мая 1902 года. Забайкалье

Охота в Забайкалье существовала всегда. Во все времена человек и зверь в этих местах жили рядом. Только промысловой пушной живности в крае обитает больше двадцати пяти видов. Черно-бурая и красная лисицы живут по соседству с зайцем, барсуком, тарбаганом. В самых глухих местах встречается россомаха. В зависимости от сезона можно поохотиться на лося, косулю, кабаргу, изюбря, кабана. Хватает и птиц. Местные промысловики споро добывают даурскую куропатку, тетерева, глухаря, рябчика и водно-болотную дичь.

Живя в окружении такой природы, наверное, трудно не быть охотником. Говорят, что охота – это не хобби, а состояние души. Прелесть ее не только в добыче и удовлетворении поискового инстинкта. Сливаться с природой, чувствовать и знать повадки зверя – это искусство.

Засветло подойдя к солонцу, приютившемуся в распадке между сопками, охотник рассмотрел на песке свежие следы. В груди его шевельнулось волнующее чувство: возможна удача. Засидку он оборудовал несколько дней назад за кустом багульника, под большой раскидистой сосной. Сделал углубление для ног, чтобы было удобно сидеть, прислоняясь спиной к дереву.

Устроившись на привычном месте, укрепив на сошках испытанное оружие, охотник стал ждать. Ожидание могло продлиться час, два, три... Чем больше запас терпения, тем вероятнее удача.

На этот раз все произошло быстро. Не успело солнце заглянуть в распадок, как послышался топот копыт, и в низине показались всадники в приметных широкополых шляпах. Дозор британского экспедиционного корпуса The Royal Canadian Dragoons спешил на

поиски неуловимых снайперов, неприлично ощипавших штаб Первой пехотной дивизии японской армии на привале и нанесших трехлинейное оскорбление ее командиру Мацумура Канэмото во время рекогносцировки местности.

«Охотник на охоте за охотниками», – усмехнулся подполковник Щеглов пришедшему на ум каламбуру, вздохнул, перекрестился и крутанул ручку «адской машинки».

* * *

Генерал японской армии Куроки Тамэмото и его союзник, а фактически надзиратель, начальник штаба генерала Китченера сэр Ян Стэндиш Монтит Гамильтон, ярый японофил и русофоб, оба были полностью солидарны в оценке способов борьбы со скифской тактикой русских. Полковник Гамильтон недавно поучаствовал в Англо-бурской войне, был бит бурами у городка Клиппан и не понаслышке знал наиболее действенные способы, поставившие защитников Трансвааля на колени. Он горел желанием применить их для укрощения «северных варваров».

Это были простые, много раз опробованные британцами, признанные эффективными и достойными джентльменов «цивилизованные» методы ведения военных действий, всецело одобряемые «старейшей демократией», а именно: тотальное уничтожение инфраструктуры противника, отравление питьевой воды, конфискация скота и продуктов питания у гражданского населения, стирание с лица земли всего живого в районе действия партизанских отрядов, захват заложников, включая женщин и детей, содержание их в концлагерях с возможностью прикрываться, как живым щитом.

Существенной проблемой реализации такой стратегии в Забайкалье была редкость поселений вообще, а те, что удавалось обнаружить, оказывались абсолютно пустынными. Вместо победных сообщений об уничтожении летучих отрядов противника, генералу Куроки и полковнику Гамильтону приходили обескураживающие донесения. С фронтальным продвижением было более или менее предсказуемо, за исключением пугающей убыли офицеров. Русские

снайперы, не вступая в бой, вели огонь с безопасного для себя расстояния, бесследно растворяясь в складках местности.

На флангах творились вообще фантастические события. Окружающие степь и сопки оказались настолько слабо заселены, что уничтожать войскам было некого и нечего. Немногочисленные жители были заблаговременно эвакуированы, оставшиеся строения и все, хоть немного похожее на склады, заминировано. Для оккупантов риск закончить службу, открыв дверь или подняв с земли какой-нибудь предмет, был чрезвычайно велик.

Но главное, в здешних медвежьих углах начали бесследно пропадать целые подразделения оккупантов! Отдельные вырвавшиеся из засад счастливики рассказывали одну и ту же жуткую историю: прицельный снайперский огонь выкашивал командный состав, потом доставалось наиболее активным, желающим покомандовать или сбежать. Следом появлялись казаки, уводящие деморализованных военнопленных какими-то козьими тропами в неизвестном направлении. Проклятая непонятная страна! Непонятная война, где все идет не по правилам!

* * *

Генерал Максимов склонился над картой Забайкалья. Жирный красный червяк армий вторжения повторял железнодорожные изгибы Транссиба – КВЖД, а слева и справа от него на глубину до тридцати верст все пространство пестрело синими точками подготовленных его саперами огневых позиций, тайников и схронов со снаряжением, провизией, боеприпасами.

– По текущим задачам для передовых групп ничего не меняется, – бросил он командирам батальонов африканской бригады. – Извольте не устраивать перестрелок, а спокойно, вдумчиво выбивайте командный состав, не входя в огневой контакт с противником. Перед нами не стоит задача убить всех англичан и японцев, наоборот, пусть они все дойдут до Читы, но только без офицеров и фельдфебелей. Прерывание снабжения оккупантов станет заботой фланговых групп... Авангард Куроки должен испытывать постоянный дефицит всего – от патронов до еды. Надо вынудить их отвлечь как можно больше сил для

охраны коммуникаций, растянув армию вторжения на триста верст от Забайкальска до Кайдалово. Передайте всем группам: начинаем одновременно, как только японцы форсируют Онон...

Этой же ночью. Харбин

Бой в городе чем-то отдаленно напоминает сражение в горах: в обоих случаях преимущество остается за оседлавшими господствующие высоты. Вторым существенным фактором успеха являются правильно подобранные вооружение и тактика. И тут свое веское слово сказали опыт и личное участие в подготовке штурмовых подразделений Верховного главкома.

Два полных световых дня под руководством инструкторов полковника Ельца гренадеры генерала Гернгросса осваивали новое для себя оружие – двадцатизарядный «Маузер К-96» и ручные бомбы инженера Красина, – примеряли и подгоняли кирасы Авенира Чемерзина, а ночью до изнеможения штурмовали специально выделенные для учебы железнодорожные пакгаузы. Третьи сутки были полностью посвящены отдыху, а ночью спящий оккупационный гарнизон был разбужен канонадой и перестрелкой, раздававшейся сразу с трех сторон.

Военный комендант, узнав о массированной атаке позиций со стороны Мукдена, спешно перебросил в пригороды имеющиеся резервы, а на другой стороне реки Модягоу зажглись сигнальные костры. Ориентируясь по ним и по сигналам корректировщиков, просочившихся в город и оседлавших чердаки и крыши зданий, полсотни штурмовых групп начали одновременную зачистку заранее разведанных зданий, занятых оккупантами.

Император, лично инструктируя и в течение года контролируя специалистов полковника Ельца, старательно воспроизводил лучшие образцы штурмовых групп РККА и их тактику, оплаченную кровью в Сталинграде и Кенигсберге.

И вот теперь вооруженные тактикой командиров РККА Елина и Сидельникова, маузерами и изготовленными в мастерских Владивостока ручными бомбами конструкции Красина, осатаневшие от многочасовых тренировок гренадеры Гернгросса испытывали на практике наставления из будущего, зачищая Харбин от ошалевшего и застигнутого врасплох контингента противника, лишённого ночью

соблазнительного щита из пленных и гражданских. Все происходило для них слишком быстро и решительно. В начале XX века так еще никто не воевал.

К рассвету организованное сопротивление оккупационного гарнизона было подавлено. Сдав отвоеванный Харбин казакам Амурского войска, дивизия Гернгросса перекрыла железную дорогу на Мукден и Читу. Армия вторжения в Забайкалье с этой минуты оказалась отрезанной от связи, снабжения и пополнения.

Саперы спешно бросились восстанавливать окопы и блиндажи, а весь личный состав, свободный от нарядов, высыпал наружу. На железнодорожную станцию Харбин прибывало диво дивное – сухопутный броненосец, один из двух «зверей» абсолютно нового в русской армии подразделения железнодорожного тяжелого бронедивизиона полковника Самедбек Садыхбек оглы Мехмандарова.

Историческая справка

Леонид Красин был главой «Боевой технической группы» при ЦК РСДРП. Сия группа занималась подготовкой террористических актов, снабжением оружием боевиков, изготовлением взрывчатки. Он основал собственное секретное конструкторское бюро и наладил производство бомб большой разрушительной силы. Как писал впоследствии Л. Троцкий, «в качестве химика Красин знал, что такое динамит, в качестве политика он не боялся его употребления» и мечтал создать бомбу «величиной с грецкий орех». Качество бомб (фактически ручных гранат) было настолько высоким, что постоянными заказчиками Красина стали не только боевики РСДРП, но и эсеры, особо хвалившие изделия инженера и использовавшие их для взрыва дачи Столыпина в Аптекарском переулке в августе 1906 года и ограбления банка в Фонарном переулке, где ими было похищено свыше четырехсот тысяч рублей, значительная часть которых в «знак благодарности» была передана большевикам.

Историческая справка

Сталинград, Великая Отечественная война. «...Время и внезапность – два важнейших фактора успешного маневра штурмовой группы. „Дом железнодорожника“ был атакован в десять часов утра. Для броска атакующие группы командира Елина располагали тремя

минутами. Это было время, оставшееся с момента последнего выстрела пушки и последней очереди пулеметов по огневым точкам противника до момента возможного оживления этих огневых точек.

Бойцы ворвались в дом еще до того, как противник оправился от губительного огневого воздействия. Через тридцать минут пали все очаги сопротивления этого опорного пункта, был взят первый пленный, а гарнизон, состоявший из двух рот пехоты и роты тяжелого оружия, полностью уничтожен. Таково значение фактора времени.

...Ночью бойцы гвардии старшего лейтенанта Седельникова атаковали „Г-образный дом“ без предварительного огневого воздействия. Одна за другой штурмующие группы врываются в этот дом через окна, на ходу бросая туда гранаты. Противник не мог сделать ни одного выстрела. За двадцать минут атакующие прошли треть шестиэтажного здания, занимавшего два квартала. Таково значение фактора внезапности».

15 мая 1902 года. Чита

Поезд, следующий из Москвы в Маньчжурию, прибыл в Читу восхитительным весенним утром. После сырого и холодного апреля май выдался не по сезону теплым. Совсем по-летнему запели дрозды, а на лесных елях зацвели купавки. В прудах головастики торопились превратиться в лягушек. Спешили на вылет из гнезд самочки муравьев.

На всем этом еще и близко не лежала печать осени, но небо почему-то излучало грусть обреченности. Или, может, так казалось некоторым особо меланхоличным, расположенным к созерцанию и философствованию персонам, прибывшим на железнодорожную станцию Читы. Остальные пассажиры деловито, как мураши, высыпали из вагонов, затопили перрон, озабоченно-хаотично перемещались сами и перетаскивали свой дорожный скарб, приветствуя, прощаясь, благодаря попутчиков за скрашенное в пути время и с разбегу погружаясь в атмосферу сонного города.

Лишь небольшая группа путешественников, выйдя из вагона первого класса, никуда не торопилась, с интересом оглядывая привокзальную суету. Точнее, любопытствовал только один, остальные – военные – терпеливо его ждали. Еще раз пробежав взглядом по пестрой, шумной толпе, выглядевшей аляповатым пятном возле

белоснежного здания вокзала, гражданский вполголоса процитировал слова архиерея, произнесенные в Чудовом монастыре:

– И самое плохое место могут скрасить честные люди.

Офицеры развернулись налево и вытянулись во фронт. Сквозь редяющую толпу в окружении адъютантов стремительно шествовал весьма колоритный генерал богатырского роста и телосложения, с бородой и усищами, напоминающий Илью Муромца с картины Васнецова.

– Начальник штаба Сибирского военного округа, генерал Бобырь, – зычно отрекомендовался встречающий. – Рад вас видеть, ваше сиятельство... ваше высочество...

– Полноте, Николай Павлович, – поморщился князь Львов, – революция отменит титулы и сословия. Сегодня мы все – граждане великой России.

При последних словах стоящий рядом с князем поручик с флигель-адъютантским вензелем и тонкими усиками над губой, поморщился, как от кислого лимона, и совершенно бесцеремонно влез в разговор старших по званию и по возрасту.

– Что с генералом Сухотиным?

– Командующий войсками Сибирского военного округа, к сожалению, отказался поддержать революцию и в настоящее время находится под домашним арестом, – торопливо отчитался Бобырь, испуганно переводя глаза с поручика Романова на Львова и обратно, не понимая, кому он должен рапортовать.

– Спасибо, Николай Павлович, – не обращая никакого внимания на великого князя, похвалил генерала Львов. – Принимайте на себя командование и озаботьтесь вооружением прибывающих революционных подразделений.

Перрон уже опустел, на нем остались только обладатели прибывших и встречающих военных мундиров.

– Все уже готово, – кивнул Бобырь. – На складах округа для вас заготовлено десять тысяч комплектов оружия и амуниции для инфантерии, и три тысячи – для кавалерии, тройной боекомплект. Легкими полевыми орудиями можно укомплектовать артиллерийский полк. Сложнее с крепостными...

– Надеюсь, крепостная артиллерия не пригодится, – перебил генерала Львов. – Мощь революции не в пушечных калибрах, а в духе

и силе слова.

Стоящий за спиной великого князя граф Игнатъев не сдержал улыбки: уж очень натянуто звучала эта фраза в сравнении с тоном совещаний военно-революционного комитета, проходивших накануне. Перечень обиженных властью и вступивших в революционную партию «Открытая Россия» полностью совпадал со списком уличенных в казнокрадстве и мздоимстве, составленным Главным ревизионным управлением.

Но Алексей чувствовал и другое: загнанные в угол крысы опасны, а таковых только в Читу прибыло не меньше тысячи. Были среди них знакомые Алексея по Пажескому корпусу и кавалергардскому полку, желающие отомстить за внезапно утерянное влияние и состояние, возмущенные подозрением в коррупции, недовольные потерянными аристократическими привилегиями. Были и просто консерваторы, воспринимающие в штыки все новое, и, самое удивительное, таких было много не только среди дворян. За последний месяц Игнатъев посмотрелся на купцов, на духовенство и даже на крестьян, недовольных новыми порядками, ломающими привычный образ жизни, пусть небогатой, зато спокойной и понятной.

Все это взбудораженное болото, пользуясь появившейся свободой слова, булькало, кооперировалось и стекалось в хорошо организованные частые сети полуподпольных организаций. Накопление сил шло полгода, и он даже не представлял, сколько всего штыков и сабель могут выставить мятежники... Добровольно взвалив на себя обязанности фельдъегеря при князе Львове, известном узкому кругу как доктор Фальк, Игнатъев в общих чертах представлял масштабы заговора, но все равно поручика иногда брала оторопь при виде фамилий и адресов, по которым надо было доставить зашифрованные сообщения и векселя первоклассных британских и американских банков. Чувствовалось, что лондонский Сити не поспешил на «частные пожертвования» для демократизации России, и в деньгах мятежники стеснения не знали.

Дважды за всю свою службу «почтальоном» Алексей позволил себе задержать конфиденциальную корреспонденцию: письмо киевскому генерал-губернатору Драгомирову, которого хорошо знал и уважал отец, и пакет адмиралу Рожественскому, отправляющемуся командовать Черноморским флотом. Игнатъев два дня носил

корреспонденцию в своем портфеле и только после одобрения контрразведки, скрепя сердце, отправил получателям, изменив кое-какие даты. Зачем это нужно Ставке, узнавать было некогда, не у кого, да и незачем: своих забот хватало.

В Иркутске через старинного и надежного друга отца Игнатьев передал в контрразведку и лейб-жандармерию очередной полный и подробный отчет об услышанном и увиденном за время путешествия из Лондона в свите великого князя Бориса Владимировича. Документ о готовящихся забастовках, диверсиях на заводах и Транссибе, о подпольных организациях заговорщиков в дворянских и офицерских собраниях, о полувоенных лагерях и химических мастерских в усадьбах и поместьях, наконец, о людских ручейках революционеров, стекающихся к Омску и Иркутску, получился увесистый, на полсотни страниц. А в ответ поступила всего одна команда: наблюдать, ни во что не вмешиваться, держаться рядом с Фальком...

– Прогрессивные силы Запада готовы оказать помощь русской революции, – витийствовал тем временем Львов. – По просьбе нашего военно-революционного комитета британский экспедиционный корпус перешел границу с Китаем в Забайкалье и сейчас должен форсировать реку Онон.

В это же время. У реки Онон

Перед станцией Оловянная, зажатая с одной стороны рекой, а с другой – нависающими над ней сопками, железная дорога долго и нудно бежит вдоль течения, чтобы потом, прямо напротив распадка, сделать резкий поворот на девяносто градусов и перепрыгнуть через стремнину. Британские военные инженеры, аккуратно исследовавшие конструкцию моста, не нашли никаких видимых повреждений, разведчики не обнаружили никаких следов противника. Беглый осмотр ближайших сопкок тоже не выявил ничего подозрительного. Создавалось впечатление, что русские просто не успели зацепиться за естественную преграду и организовать сопротивление.

Нешадно коптя небо, через речку пополз британский бронепоезд. Защищенные броней стрелки зорко смотрели по сторонам, имея приказ подавить огнем любые попытки помешать переправе армии. Артиллерия, заблаговременно размещенная на склонах сопки, нависающей над рекой, мостом и железной дорогой, тоже была готова

в любой момент открыть огонь и перепахать гранатами и шрапнелью позиции снайперов, если таковые будут обнаружены.

Пока все было спокойно. Бронепоезд, пыхтя, дополз до полустанка и застыл, окутавшись паром. Станция оказалась пугающе безлюдна. Во дворах редких домов, стоящих за ней, даже не лаяли собаки. И только милях в трех на западе виднелся столб дыма от движущегося сюда железнодорожного состава.

– Десанту покинуть бронепоезд и рассредоточиться, – скомандовал капитан Барт, не отрывая глаз от бинокля.

Выполнить приказ не удалось. Боковым зрением англичанин увидел, как с грохотом падает стена одной из крестьянских изб, открывая артиллерийскую позицию с наведенным на него хоботом морской пушки. 47-миллиметровые орудия Гочкиса, продемонстрировавшие свою немощь в морских сражениях, на суше оказались незаменимы для поражения бронированных целей. Имея невиданный для сухопутной артиллерии того времени темп стрельбы – пятнадцать выстрелов в минуту, – батарея таких орудий, ведя огонь почти в упор с расстояния в триста шагов, всего за три минуты наделала в бронепоезде две сотни дырок. Железная черепаха, гордость британского экспедиционного корпуса, перестала существовать как боеспособная единица.

Ахнувшие со склонов сопки японские пушки с третьего залпа накрыли артиллерийские позиции противника, но расчеты русских к тому времени уже покидали их, скрываясь в укрытиях и завалив орудия заранее заготовленными мешками с песком. А с запада, со стороны станции с игривым названием Ага, приближался русский бронепоезд, хищно водя стволами покоящихся в откатных люльках 87-миллиметровых орудий на морских поворотных станках.

Японская пушка была компактнее и легче русской, но противооткатных устройств не имела вообще, а неудобный затвор и раздельное заряжение снижали скорострельность до пяти выстрелов в минуту. И это при двойном преимуществе русских снарядов по массе и дальности боя.

Артиллерия генерала Куроки, развернутая на склонах холма, была гораздо многочисленней русской. Прикрывающий переправу полк двухдивизионного состава имел в наличии аж тридцать шесть стволов. Но что это значило при такой разнице в тактико-технических данных?

Подойдя на дистанцию, с которой японские орудия не могли до нее дотянуться, русская стальная гусеница остановилась, а ее комендоры открыли беглый огонь по выявленным артпозициям противника.

Глядя, как почем зря пропадает приданный ему бронепоезд и гибнут развернутые на склонах сопки батареи, японский генерал приказал скопившимся у моста подразделениям форсировать реку в пешем строю и атаковать станцию, заставив русских прекратить огонь или хотя бы отойти на почтительное расстояние.

Синий поток военных армии микадо хлынул через пролеты моста, захлестнул его, скрестился со стальным течением реки, перевалил на другой берег и будто наткнулся на невидимую преграду...

Долговременные огневые точки, доты, развернутые боком к противоположному берегу, а бойницами – к переправе, замаскированные в подвалах станционных зданий и на склонах возвышенности, одновременно разразились пулеметными очередями, заливая фланкирующим огнем все предмостовое пространство и сам мост со стоящими на нем толпами военнослужащих.

– Два... четыре... семь... – не отрывая глаз от бинокля, пересчитал японский генерал пулеметы противника, как косой срезающие переправляющуюся пехоту. Беглый огонь японской артиллерии по вскрытым пулеметным позициям русских продемонстрировал, насколько беспомощен может быть трехдюймовый «бог войны» перед бетонными сводами и перекрытиями в три наката с глубоко утопленными бойницами, развернутыми боком к противоположному берегу, что лишало даже теоретической возможности прямого поражения снарядом.

Немногочисленные счастливчики, прорвавшиеся через огневой вал и добравшиеся до станции, узнали, что бронепоезд тоже вооружен не только пушками, но и «крепостными» пулеметами системы Максима, и их консолидированный кинжальный огонь обесмысливает возможность успешного развития лобовой атаки.

Тяжело вздохнув, генерал приказал батальонам оставить заваленный трупами мост и отходить по впадине между сопками, чтобы затем перегруппироваться и охватить защитников станции с флангов...

Трое суток инженерные части армии вторжения наводили переправы через Онон ниже и выше по течению этой проклятой

станции. Трое суток авангард непрерывно хоронил инженеров, саперов, офицеров и фельдфебелей, погибающих от пуль снайперов каждый раз, когда они неосторожно приближались к реке и каким-то образом выдавали свою принадлежность к войсковому начальству.

Трое суток гремели пушки русского бронепоезда, разрушая только что наведенные переправы, пока японские инженерные части не добрались на севере до старейшего на территории Забайкальского края буддийского монастыря – Цугольского дацана, а на юге – до 73-го разъезда, у которого через семьдесят лет будет построен поселок Ясногорск.

Бой в течение трех суток в условиях сильно пересеченной местности напоминал японскому военачальнику сдерживание тремя сотнями спартанцев многотысячного персидского войска. В XX веке ничто не изменилось. На ограниченном пространстве совсем не важно, сколько у тебя всего солдат и пушек, имеет значение только то, сколько из них смогут принять непосредственное участие в сражении. Армия вторжения, зажата с одной стороны водной преградой, а с другой – нависающими над дорогой горами, не могла ввести в бой более одного полка одновременно.

Атакующие подразделения чувствовали себя дискомфортно сразу по трем причинам. Первая – это почти полуторакратная дальность эффективного винтовочного огня противника за счет оптических прицелов у всех без исключения африканеров. Вторая – заранее подготовленные, хорошо оборудованные, укрепленные и замаскированные блиндажи пулеметчиков на господствующих высотах. Третья – господство на поле боя русской артиллерии, стреляющей дальше и чаще, постоянно неудобно маневрирующей, да к тому же еще и бронированной.

Кроме того, эффект неожиданности – привилегия того, кто точно знает, куда направляется противник и где его ждать, – усугубил все три вышеуказанных фактора, умножая потери и снижая моральный дух атакующих батальонов.

Наконец переправы выше и ниже укрепрайона были наведены, армия вторжения зацепилась за падь Ортуй, нашла проводников, и первые эскадроны выдвинулись в обход станции Оловянной к Агинскому дацану. Обстрелы тут же прекратились, и укрепрайон, обожженный и заваленный стреляными гильзами, угрюмо замолчал.

До цели всей экспедиции оставалось всего сто двадцать верст, однако генерал Куроки не радовался. Перед ним лежали списки потерь в личном составе. Общие цифры были вполне приемлемы, но если анализировать...

На пехотный батальон вместо тридцати офицеров осталось в среднем пять, на артиллерийский дивизион вместо одиннадцати – семь. Больше всех пострадали инженерные части, где в каждом батальоне не более трех офицеров вместо положенных двадцати, а нижних боеспособных чинов – не более двухсот из полагающихся по штату пяти сотен.

А впереди, судя по карте, после небольшого степного участка, от поселка Ага и вплоть до Читы тянулась изрезанная сопками и речушками лесистая местность, являясь раем для организации внезапных нападений и сущим адом для наступающих.

Обескураживающий результат принесли карательные операции. Погибшими, ранеными и пропавшими без вести было потеряно почти три полных батальона пехоты и два эскадрона кавалерии. Даже с учетом десятка уничтоженных снайперов противника и пары сотен выловленных местных жителей, результат являлся строго отрицательным.

Одним словом, победа была явно пиррова. Генерал покрутил листок в руках, прошелся по помещению станционного смотрителя, превращенному во временный штаб, взглянул на сопку, с вершины которой велся убийственный огонь по его солдатам, и вызвал адъютанта.

– Запросите штаб о срочной отправке пополнения. Остро требуются командиры взводов, рот, батальонов, саперы и далее – все по прилагаемому списку.

– Простите, секан, – поклонился адъютант, – связь с Харбином потеряна. Причины выясняются...

Балтика. Моонзунд. Эзель. Мыс Церель

Остров Эзель чухонцы зовут Курессааре – остров журавлей, хотя за год службы в береговой шестидюймовой батарее поручик артиллерии Григорьев их не видел ни разу. Только бакланы да чайки, с дикими криками бросающиеся во взбитую прибоем пену, в зеленую

глубь, чтобы потом на росистых крыльях вырваться из морской пучины навстречу солнцу.

Но зато тут было море. Огромное! Сон его детства. Мечта ничем не примечательного отрочества провинциального смоленского мещанина. Его родители перебивались с хлеба на квас, исправно держа пост не из-за набожности, а потому, что мясное меню на их столе – непозволительная роскошь. Жалованье служащего земства в пятьдесят два рубля на семью не располагает к разносолам, да и вообще к излишествам, формируя привычку к аскетичному строгому быту.

Мише очень пригодилась эта воздержанность в Псковском кадетском корпусе, да и в первый год офицерской службы, когда оказалось, что после всех выплат и удержаний подпоручику артиллерии остается всего тридцать девять рублей в месяц. Но все равно жилось тяжело, вплоть до издания манифеста императора о реорганизации и резком сокращении армии с одновременным кратным увеличением денежного содержания аж в четыре раза.

Правда, начались другие сложности. Пришлось капитально переучиваться. Новые уставы. Новая тактика применения артиллерии. Управление огнем, полевая фортификация, взаимодействие родов войск, проводная и радиотелеграфная связь, а также множество других предметов, полностью меняющих все представления о войне пушкарей, полученные в кадетском корпусе. Что уж говорить о политической учебе, если максима «армия вне политики» вбивалась доселе в плоть и кровь на всех начальственных уровнях.

Офицерам приходилось осваивать новые науки бок о бок с нижними чинами, что рушило въевшиеся в тело армии сословные перегородки и создавало невыносимые условия для привыкших к собственной исключительности. Сколько было написано прошений об отставке за это время, в основном теми, кому и без жалованья было на что жить! Его батарея лишилась трети офицерского состава, включая командира и обоих заместителей. Зато открылись вакансии, и карьера двинулась в гору у тех, кто по причине худородности уже и не надеялся на служебный рост.

А Мишу совсем не оскорбляло присутствие в учебном классе нижних чинов. Его собственное детство прошло в совместных играх и приключениях с крестьянскими парубками и пацанами из рабочей слободки. С чего сейчас-то нос задирать, даже если он, поручик

Григорьев, уже командир разведки, в ведении которого три наблюдательных поста на мысе Церель, в том числе маяк, построенный еще в 1646 году купцом Эбертом-Деллингсгаузенем.

Поручик опустил бинокль и оглядел невооруженным взглядом неприветливый северный остров. Листья на деревьях только что появились, вишня и черемуха уже в цвету, красные домики в зелени, белые парусники, и над всем этим благоденствием ясное небо. Везде солнце, даже на мрачных, холодных обрывах! Жителю среднерусской равнины все-таки не близка эта неприветливая страна, где мелкие сосенки и кустики пробиваются из расщелин, покрытых скромным слоем мха. Тысячи лет они здесь стояли невозмутимо. Столь же долго их не разрушат ни дождь, ни высокие волны, ни рука цивилизации. Пустыни превращаются в оазисы, степи – в нивы, но какая власть способна зажечь живой огонь в этом вечном камне?

Однако есть люди, кому эти громады близки, кто понимает их и знает, что у камня тоже есть душа. Она открывается только тем, кто рядом с ней переживает десятилетия. По вечерам, на закате, когда воздух возле моря тихий и прозрачный, у скал медленно открываются глаза в покрытых мхом ресницах, дрожат иссохшие губы, и грустный, но сладостный звук чуть слышно вибрирует.

Глядя на дымы британской эскадры, вторые сутки маячившей на горизонте, Григорьев вспомнил письмо императора к личному составу.

Кто владеет Моонзундскими островами, тот владеет всей северной половиной Балтийского моря. Стратегическое значение этих островов чрезвычайно велико. Огромные силы и средства направлены на острова для создания оборонительных сооружений. Сталь и бетон, самые современные артиллерийские системы мы доставили на Моонзунд, установили на позициях и направили стволы орудий в туманный горизонт Балтийского моря. Теперь только от вас, солдаты и офицеры, зависит результат наших общих усилий. Терпения вам и выдержки, мужества и стойкости. Делайте что должно, и Отечество вас не забудет...

Поручик крепче нахлобучил фуражку на голову спасаясь от ветра, прищурился от беспощадно бьющего в глаза солнца. Над скалами – бесконечное сияние заката. Как горит горизонт! Кажется, что

кровоточит сердце мира. А под ним – море, как синее серебро. Смотришь – глаза слепит. Беспредельность положила на колени водную гладь и качает, баюкает – из бездны на вершину, из небытия в бытие, из жизни в жизнь...

Почему одни пророки с просветленными глазами говорят: «Все, все является радостью, божественное опьянило радостью пространство», а другие, пребывая в тоске, шепчут: «Нет, мир – это борьба не на жизнь, а на смерть; есть в нем и радость, но еще большая грусть его наполняет; если рождаются могущественные ликования, то и страданиям нет конца»?

Совсем скоро красные небеса расступятся и растворятся. Исчезнет величественное сияние, и все краски сольются в поглощающем единстве ночи. «Боже мой! Хорошо-то как!» – хотел сказать артиллерист-разведчик. Но тут слух резанул противный свист, затем раскат грома, и маяк вздрогнул всем своим каменным телом, как человек, которого ударили палкой, а в ослепительно белой кирпичной кладке образовалась аршинная выщербина.

– Все вниз! – рявкнул поручик на опешивших связистов.

Он еще раз окинул взглядом акваторию. Откуда бьют? Никаких кораблей, кроме английской эскадры. Но до нее не менее тридцати верст, а тут...

Гр-рах! – опять докатился до маяка орудийный грохот залпа, и Григорьеву показалось, что он кожей лица ощутил тяжелое дыхание пролетевшего совсем рядом крупнокалиберного снаряда. «Да это же наши двенадцатидюймовки лупят! Они что, сдурели?!» – успел подумать Григорьев, увидев выскерк выстрела главного калибра береговой артиллерии, перед тем как площадка маяка подскочила и с размаху ударила его по лицу.

* * *

Очнулся поручик на дне окопа. Воняло стгоревшим порохом и смолой с близкого пожара. В голове гулко отдавались удары сердца, а зрение никак не хотело наводить резкость – все окружающее плыло и двоилось. В уши будто натолкали ваты, и только по сотрясающимся и

осыпающимся стенкам траншеи было понятно, что позиция находится под жестоким артобстрелом.

После очередного чувствительного толчка возмущенной близким взрывом земли в окоп скатился командир батареи капитан Вамензон, представляющийся всем почему-то как Вадин, хотя ни та, ни другая фамилия не соответствовала его внешнему виду горячего горца (что было не так далеко от истины: вырос Александр Николаевич на Кавказе, закончив с отличием Тифлисский кадетский корпус).

Роскошная черная борода капитана была опалена, неизменная папаха превратилась в грязный всклокоченный огузок, и только темные глазищи оставались прежними – яростно горящими и даже безумными, но живыми.

– Ну что, разведка, оклемался? – коротко спросил капитан, присев перед Григорьевым на корточки и отряхивая от мелкой известковой пыли застегнутый на все пуговицы мундир. – Крепко тебя приложило. Молодцы связисты, не бросили, на себе из маяка вытащили. Надо будет представление к наградам написать... Ты лежи, лежи, приходи в себя, все равно сейчас головы не поднять: накрыли нас серьезно.

Будто в подтверждение слов капитана окопчик основательно трянуло, и по небу над щелью в земле поползли грязно-белесые полосы едкого дыма.

– Ах ты ж... – Вамензон, поднявшись из траншеи, замысловато, но вполне литературно выругался. – Ну вот, поручик, и нет у нас склада боеприпасов. Прямое попадание...

– Кто? – с трудом, будто кляп, вытолкнул из себя Григорьев мучающий его вопрос.

– Британские мониторы лупят. – Командир батареи опять присел на корточки. – Убедились, что наш главный калибр уже не наш и осмелели...

– Что... с главной... батареей? – по частям выдавил из себя Григорьев.

– Приведена в полную негодность, – зло выдохнул капитан. – Революционеры из местных рыбаков под видом родственников и помощников завезли на остров почти роту британских морских пехотинцев, вот они в нужный момент и... – Вамензон с силой воткнул кулак в бруствер. – И ведь был у них кто-то свой среди наших артиллеристов, так ловко наводили и стреляли...

Крепостной батальон, пытавшийся прорваться к батарее, подпустили на сотню шагов и прямой наводкой... Две роты из трех как ветром сдуло, остальные драпали – только в ушах свистело. Хорошо, что казачки с флангов поддержали – ворвались на позиции, порубали всех, кто был снаружи, вентиляционные шахты забили горящим сеном. Но маяк, оба запасных НП и все дальномерные посты разрушены полностью.

От нашей батареи осталось два орудия, остальное – в хлам. Двенадцатидюймовки выведены из строя... – Капитан тяжело прислонился к боковине окопа. – Британцы ведут высадку в Карусте, их прикрывают два монитора. Что у соседей, не знаю, последний радиотелеграф из штаба – держаться до последней возможности, флот идет на помощь. Да что-то пока не видно...

– Можем и не увидеть. – Григорьев первый раз через силу улыбнулся разбитыми губами. – Тут где-то должны дежурить наши подводные лодки. Месяц назад познакомился с их командиром. Лихие, отчаянные ребята. Эти не бросят...

– Ну, коли так, то будем держаться, – усмехнулся командир батареи, помогая поручику встать на ноги. – К сожалению, снарядов у нас – кот наплакал, только те, что у орудий, а потом все равно придется замки снять и с боем к своим пробиваться. Воевать скоро будет нечем...

Накативший со стороны моря гулкий грохот отличался от резких залпов британских орудий, и поручик осторожно выглянул из-за бруствера.

– Подзорвали! Монитор англичанский подзорвали! – радостно закричал кто-то из фейерверкеров. – Живем, братцы!

Белопенный столб у борта низко сидящего в воде монитора (поручик так и не понял, был ли это «Тандерер» или «Девастейшн») опал, а сам монитор уже заметно для глаза кренился, одновременно зарываясь носом в свинцовую рябь. Поручик перевел взгляд правее – там среди волн выскочили на поверхность низкая рубка и округлый нос подводной лодки.

– Что же они делают! Их же сейчас...

Один из крутившихся рядом с английскими мониторами эсминцев охранения лег в циркуляцию и понесся прямо на субмарину, пытавшуюся лихорадочно уйти обратно на глубину.

– Бей! Бей его! – закричал поручик. – Бей англичанина!

Обе исправных шестидюймовки послушно рывкнули, но британский эсминец, проскользнув между подсвеченными огнем фонтанами, ударил форштевнем по рубке, почти ушедшей под воду.

– Не успели, – застонал офицер, – что же вы, братцы...

Один из двух снарядов следующего залпа попал прямо между труб эсминца, затем еще один...

Британец погружался вслед за своей жертвой. Орудия, воспользовавшись тем, что мониторы прекратили обстрел и отползали из опасного района, перенесли огонь на десантные баржи, возвращавшиеся к транспортам за новой волной томми.

Рядом кто-то отдавал команды, а поручик стоял на коленях, устремив взгляд в бесконечность, и тихо шептал:

– Не успели... Как же так?! Не успели...

* * *

Пользуясь молчанием береговых батарей русских, по протраленному спешно фарватеру, без всякого сопротивления противника, в Ирбенский пролив вползали тяжелые туши британских броненосцев. На капитанском мостике рядом с адмиралом Керзон-Хау гордо стоял слуга двух господ, Royal Navy и Directorate of Military Intelligence, лейтенант Далкит Джон Чарльз. Это был день его триумфа.

Благодаря карте, так удачно найденной в тайнике адмирала Ирецкого, и совместной операции директората с революционно настроенными аборигенами, Grand Fleet практически без потерь форсирует сложнейшие укрепления противника. Двери в Рижский залив и столицу Российской империи, вчера наглухо запертые, сегодня открываются нараспашку.

Над основными позициями береговой артиллерии русских на мысе Церель сплошной пеленой стелется дым пожаров, через который нет-нет да и сверкают молниями рвущиеся боезапасы, а за ним – только крошечные, поросшие кустарником островки, где не то что батарею – пушку разместить невозможно...

– Мичман, номера позиций?

Пожилой и давно потерявший всякую надежду на продвижение по службе лейтенант припал к окулярам новомодной стереотрубы.

Досрочно произведенный в офицеры и оттого пребывающий в некоторой ажиотации, Павлуша де Лаваль еще раз сверился с картой.

– Противником очищен фарватер между позициями пять и шесть линии «Аз», и точно над четвертой позицией линии «Буки», господин лейтенант. Броненосцы входят в канал, головным – «Графальгар», за ним – «Юпитер» и «Принц Георг», далее не могу разобрать за дымом.

– Удачно-с. Если бы еще «Нил» починили и пустили вторым, было бы намного жалче: тратить новейшие устройства на такую рухлядь – моветон-с. Затурский, ведите журнал, сейчас... двенадцать ноль три. Алексеев, линии пять и шесть «Аз» и с третьей по шестую «Буки» – на прозвон.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

Гардемарину Алексееву не получившему полагающегося к фамилии дополнения «Шестой» исключительно по младости лет, было до смерти обидно, что он не видит разворачивающейся перед амбразами величественной картины. Молодой человек защелкал тумблерами.

– Аз-пять – отказ основной линии, резервная в порядке. Буки-шесть – не зажглась резервная, – доложил он.

Лейтенант нахмурился. Как ни проверь дорогуший каучуковый кабель, а соленая балтийская вода все равно разьет изоляцию к морским чертям. Хорошо, британцы не стали медлить со второй попыткой, иначе случился бы знатный конфуз.

– Тогда отключите неисправные линии от греха подальше, юноша. Остальным линиям – товсь!

Гардемарин перещелкнул обратно два тумблера и положил руку на массивный медный рубильник, его товарищ стремительным почерком заполнял графы боевого журнала.

– Мичман, контроль по ориентирам. Замыкаем рубильник по прохождении «Графальгаром» первой линии. Дайте отсечку по корме.

Недавний выпускник Морского корпуса, всего на год старше остальных своих товарищей, прильнул к окулярам дублирующей

трубы, глядящей через узкие щели землянки, прикрытые редкой сеткой с навязанными на нее тряпицами в цвет окружающего камня.

– «Трафальгар» над первой... Скорость... шесть... До прохождения... двенадцать секунд... Десять... Три, две, одна... Есть!

– Подтверждаю. Замыкай! – приказал лейтенант.

И гардемарин, так ничего и не увидев, перекинул рубильник. Лампочки, горящие на фанерном щите, выкрашенном флотской шаровой краской, мигнули и погасли. Более ничего не произошло. По крайней мере, ничего наблюдаемого. Гардемарин Алексеев, сверившись с инструкцией, вернул рубильник в исходное положение и, перещелкнув тумблеры обратно на «Выкл», накинул на каждый из них петельки из шпагата с привязанными картонными квадратиками, на которые он нанес карандашные пометки.

В пяти с половиной милях южнее, в темной глубине, несколько слабых пороховых зарядов воспламенились, освобождая удерживаемые массивными якорями шары мин. До этого они мирно лежали на дне, и поэтому тралы многочисленных и, без дураков, отважных английских корабликов прошли высоко над ними.

Вьюшки закрутились, сматывая с себя прочные тросы. Во избежание рывка и обрыва троса в момент достижения миной заданной глубины, вьюшки были снабжены тормозными колодками, и балтийская вода преподнесла еще один сюрприз: последняя, двенадцатая мина пятой позиции из-за слегка заедающего механизма всплывала намного медленнее остальных и не успела дойти до предназначенной ей глубины, ударившись в днище идущего вторым броненосца чуть левее киля.

Пятнадцать тысяч тонн добротной английской стали, прекрасного английского угля и добрых английских джентльменов подбросило. Левая машина окуталась паром, убивая английских механиков, и корабль повело на циркуляцию. Командир броненосца приказал дать полный назад, но было уже поздно: сначала увенчанный флажком буюк, отмечавший границы протраленного фарватера, скрылся под броневым бортом, а потом, снова с левой стороны, раздался второй взрыв. И добрый английский порох, мирно спавший в кюйт-камере носовой башни главного калибра, стал очень злым.

– Молодежь, – пробурчал лейтенант, не отрываясь от окуляров, – еще корпус не закончили, а уже броненосец на свой счет записали-с.

Де Лаваль, освободите рога Алексееву-Шестому. Юноша, пятнадцать секунд на наблюдение, а потом к щиту. Посмотрим, что британцы будут делать с «Графальгаром». Ага! Четыре всплеска. Не спят на «Петре», не спят-с. Кньюпфер, репетуйте: недолет... четыре, противник неподвижен!

Второй гардемарин, надменно-немецкого облика, слегка морщившийся при каждом лейтенантском «ерсе», механически повторил указания в трубку полевого телефона, столь же немецкого с виду, как и он сам.

* * *

– Десять секунд до их залпа... Так. Машина, малый назад. – Лицо капитана Праймроуза казалось высеченным из камня. – Лево руля, обходим мачты «Юпитера».

– Но, сэр... мины...

– Мина, – усмехнулся кэп, – событие вероятностное. Она или будет, или нет. А вот артиллерийский бой – это шахматы. Они бьют по нам как по неподвижным, а мы...

Еще три пенных столба действительно встали перед носом отползающего броненосца, а вот четвертый...

– Попадание в полубак! Бронепалуба пробита, внутренний взрыв! Аварийные партии пытаются прекратить поступление воды!

– Работайте, лейтенант. Хм... не купились... Руль прямо, машина, средний вперед! Надеюсь, они подумают, что мы увеличиваем ход, а не останавливаемся...

– Накрытие! Попаданий нет, сэр!

– И то хорошо. Но накрытие – это значит, что у них где-то есть корректировщики. Где? Ваши ставки, джентльмены?

– Полагаю, на мысе Церель, сэр.

– Скорее вон на том островке, – усмехнулся капитан. – Русские экономят каждый ярд кабеля... Средний назад, руль прямо! Я надеюсь, все согласны, что если мы прошли, а «Юпитер» подорвался сразу на двух минах, то нас просто пропустили, и это было крепостное минное поле? А значит, и пункт управления они должны разместить как можно

ближе к заграждениям. Фицпатрик, разрядите средний калибр по островку.

– А главный?

– Главным мы отработаем туда же, если полетят бревна. Внимание, джентльмены, залп... Дьявол! Они отслеживают каждый наш шаг. Повреждения?

– Попадание фугасным, сэр! Сбиты обе трубы, тяга в кочегарках падает!

– Повезло, что осколки не проббили ни одного котла. Держим прежнюю скорость, левая машина малый: не хватало еще и вправду выскочить на мины. Фицпатрик, почему канониры спят? Срыть этот чертов остров...

После очередного залпа корабль потрянуло.

– Взрыв на батарейной палубе, сэр! Шестидюймовки левого борта уничтожены! Сильный пожар – воспламенились картузы у орудий!

– Фильтрация воды усиливается, сэр! Мы не...

– Главный калибр на левый борт. Причешите этот островок из больших пушек, не время экономить. Отходим, господа! И да... Пожалуй, начинайте спускать шлюпки.

– Попадание в носовую кочегарку! Взрыв котла, доступ в кочегарку невозможен! Там все погибли, сэр!

– Отставить истерику! Фицпатрик! Я увижу, как этот чертов остров уйдет на дно или нет?!

За секунду до того, как тринадцати с половиной дюймовые орудия дали залп, в «Трафальгар» попали сразу два снаряда. Корабль накренился, и четыре гигантских столба встали в полукабельтове от несчастного островка.

А следующего залпа просто не было, потому что уже через три минуты крен достиг пятнадцати градусов, и вскоре «Трафальгар» перевернулся, унеся с собой на дно большую часть экипажа.

– Повезло-с, – пробормотал пожилой лейтенант. – Не успели-с второй раз пальнуть.

– Так точно! – только и смог ответить Павлуша де Лаваль.

Он не знал, что четыре черных зрачка орудий главного калибра «Трафальгара» будут сниться ему всю жизнь. На негнущихся, одеревеневших ногах юный офицер поднялся по куцым высоким ступенькам, вышел из блиндажа, чуть не ставшего братской могилой, и с наслаждением втянул в легкие соленый воздух.

Не чувствуя озноба, мичман стоял на пронзительном морском ветру, наслаждаясь грохотом прибоя, и ему казалось, что он слышит язык могучего всемирного колокола в куполе мира. Казалось, что этот язык, звеня, порывисто мчится к беспредельности и рассыпается на звуки, сливается с тьмою, чтобы вновь вернуться к нему, в его сознание. Павлуша, подхваченный мощным звуком, мчится с ним из бытия в небытие. Стихии кружатся вокруг него, как раскаленный пар, мелькают рощи, и воды сверкают в низинах, пролетают темные силуэты зданий. И кто-то величественный спрашивает: «Дитя человеческое, куда лежит твой путь? Между столпами вечности? Ты меж двух смертей, крохотный и слабенький, но не спрашиваешь почему и не хочешь искать дорогу наверх».

Историческая справка

Мичман Павел Иосифович де Лаваль, представитель старинного аристократического рода, 6 мая 1902 года произведен в мичманы. В ходе сражения при Цусиме он, вахтенный начальник, находился на плавучей ремонтной мастерской «Камчатка». Поврежденная в дневном бою, она кренилась на правый борт. Увидев брошенный всеми на произвол судьбы погибающий флагманский броненосец «Суворов», плавучая мастерская бросилась его защищать.

Сказывают, японские моряки посмеивались, когда старое корыто открыло огонь из четырех имевшихся в его распоряжении 47-миллиметровых пушечек – по сути, тех же сорокапятков времен Великой Отечественной. Обалдевший от подобной наглости

противник жестоко расправился с «Камчаткой»: в живых осталось всего одиннадцать членов экипажа и тринадцать мастеровых. Вместе с кораблем погибли все шестнадцать офицеров, четыре кондуктора, двести тридцать девять нижних чинов и шестьдесят восемь мастеровых. В их числе – вахтенный офицер мичман де Лаваль.

Историческая справка

Мориц Кньюпфер 1-й. Сын пастора из Эстляндии, племянник статского советника и губернатора. Дослужился до чина капитана первого ранга. Командовал эскадренным миноносцем «Войсковой». Начальник боевого участка на острове Эзель в Моонзундском сражении. Взят в плен немцами. Во время Гражданской войны служил в армии генерала Юденича. В 1920 году уехал в Париж, позже перебрался в Лондон.

Из личного дела: «Хорошо воспитан, можно назвать светским человеком. Вино пьет редко и мало. Отношения в семье: влюблен в жену...Общее развитие: среднее, способности не особенно большие, соображает туго. Иногда требует понуждения...Служебный такт с подчиненными: посредственен, кричит и шумит без толку. Отношение к нижним чинам: не понимает характера русского матроса совершенно, думает громким криком нагнать страха, любовью и авторитетом не пользуется».

В это же время. Черное море

Адмирал Фишер посмотрел на циферблат дорогих карманных часов и сдавил луковицу так, что хрустнул нежный серебряный корпус. Как раз в этот час, когда на Балтике Керзон-Хау форсирует Ирбенский пролив, а на Тихом океане Того приступает к уничтожению эскадры Макарова, здесь, в этой тесной стамбульской луже, его корабли снова беспомощно толкуются перед минными заграждениями. Один из тральщиков, пытавшихся снять русские мины, уже затонул, еще два погружались. На корме «Викториеса» разгорался пожар, и не похоже, чтобы русские испытывали недостаток в снарядах.

Адмирал сжал зубы и выпалил обиженно, как лишенный праздничного пудинга ребенок:

– Он должен был быть один!

Окружающие адмирала офицеры испуганно оглянулись и непонимающе уставились на командира. Ну что он мог им пояснить? Рассказать, как начальник директории клялся и божился, что адмиралу Рожественскому передан приказ тайной русской организации оставить у минных заграждений только один броненосец, отослав все наличные силы якобы на помощь десанту? Тогда он будет выглядеть еще глупее. Где и когда Гранд Флит зависел от решений туземцев? Это значит даже не потерять лицо, а расписаться в собственной беспомощности!

Ему захотелось треснуть по ограждению мостика подзорной трубой, но, по имеющейся информации, это было привычкой его визави адмирала Рожественского, а Фишер искренне презирал этого русского по двум прямо противоположным причинам сразу.

Офицеры на мостике «Коллингвуда» могли бы объяснить, что русские слишком хорошо отработали ротацию броненосцев даже после потери «Потемкина», но никто не рисковал вызвать на себя гнев адмирала, впавшего после персидской неудачи в состояние берсерка.

– Что «пом-помы»? – наконец обратился он к флагманскому артиллеристу.

– У них слишком малая скорость снаряда, сэр, – ответил тот. – Мы поставили четыре таких аппарата на тральщики, но они просто не добивали до русской «свиньи». Противник изрядно расстроился и начал бить по этим кораблям целенаправленно, потопив два из них. Видимо, «свинья» специально наводила русских артиллеристов на своих потенциальных обидчиков.

– И что будем делать?

– Я уже заказал разработку и доставку разрывных снарядов для трехфунтовок, сэр. Они должны исправить положение. Но неизвестно, когда необходимый запас боеприпасов будет изготовлен и доставлен.

– Я вам скажу: их доставят, когда у нас вообще не останется тральщиков! Завтра мы с вами едем в Стамбул, пора встряхнуть это болото. Ладно. Каковы повреждения «Илла-стриес» и «Викториес»?

– Небольшие, сэр. У «Илластриес» – близкий разрыв фугаса, незначительная фильтрация воды, мы прекратили ее, поставив подпорки. У «Викториес» обгорела кормовая надстройка, не критично...

– Ладно. Возможно, на этот раз отступление – правильное решение. Но это был наш последний отход, джентльмены.

20 мая 1902 года. САСШ. Нью-Йорк

– Меньше всего я хотел обращаться за помощью к вам, Мария Александровна! Но у меня просто не остается иного выхода. Вы – единственная, у кого есть возможность попасть в клуб Джекил, а времени создавать новую легенду для кого-либо еще уже не осталось. Гости собираются, и первое заседание клуба состоится на этой неделе.

Лейтенант Канкрин, повышенный в звании после уругвайской операции, был похож на заправского жителя Среднего Запада. Соответствующая одежда и загар дополняли друг друга, придавая его облику какой-то неуловимый шарм сурового ковбоя или шерифа. Но сейчас он смотрел на свою подопечную-подчиненную так жалобно, что Маше невольно захотелось погладить графа по голове.

Он нагнулся, подобрал плоский камешек и с силой швырнул по воде.

– Вот видите, даже здесь не везет, а ведь в детстве запускал не меньше пяти «блинчиков»...

Канкрин с тоской взглянул на допотопный парходик, неторопливо шлепающий лопастями по весенней воде, резко остановился, развернулся к Маше и заговорил, будто оправдываясь:

– Мы потеряли много времени в самом начале. Смутила категоричность приказа. Не выследить, и даже не внедриться, а ликвидировать... Дважды просили подтверждение (боялись провокации с перехватом сообщений), пока к дяде в Марсель не заявился Красин с верительными грамотами, а к нам не прибыла группа Савинкова с особыми полномочиями и приказом, закодированным *его* личным шифром... Только тогда начали работать. Все распланировали и предусмотрели, но не могли спрогнозировать ссору Рокфеллера с Роджерсом и, как следствие, распоряжение уволить весь персонал, нанятый Генри... [44]

Дальше... Вы же знаете, как это бывает. Сбои посыпались лавинообразно. Фигуранты не отправились в Вирджинию одним поездом, как планировали, поэтому отпала тщательно подготовленная диверсия на железной дороге. Не забронировали никакой водный транспорт, соответственно, лишили нас возможности встретить их во время переправы... Остался только сам клуб. Под видом стройматериалов мы успели доставить в подвал здания взрывчатку, но

эти хитрые радиовзрыватели Пильчикова пришли два дня назад, а мы уже не имеем доступа... Сменился весь персонал, вся охрана... Никак...

– Александр Георгиевич... Саша! – Маша посмотрела на начальника с искренним недоумением. – Но я не вхожу в избранный круг, не допущена в Джекил-клуб и не специалист по взрывчатке. Как?

– Я все продумал, – торопливой скороговоркой зачастил Канкрин. – Ваша курьерская служба получит задание доставить в клуб абсолютно легальный, но габаритный груз. Пока ты будешь оформлять документы, твои «помощники-носильщики», знакомые по Уругваю, аккуратно спустят в подвальное окно шашку с радиовзрывателем, закрепив антенну на решетке. Бочки стоят под проемом. Останется только отойти на безопасное расстояние и послать радиосигнал...

– А если не получится? – обреченно спросила Маша.

– Тогда штурм, – вздохнул Канкрин. – Нас пятеро, еще четверо у Савинкова, а сколько там будет охраны и как организована ее работа, мы не знаем... Это, кстати, еще одна моя нижайшая просьба: нужна хоть какая-то информация.

– Нас, стало быть, десять, Александр Георгиевич, – грустно улыбнулась Маша. – Я поняла. Надо, чтобы обязательно получилось.

20 мая 1902 года. Петербург. Красин

Леонид Борисович Красин который день не ложился допоздна. Дела как сказочный дракон: отсечешь одну голову – вырастают три другие. Во всем остальном он успел свыкнуться с ролью товарища министра, и новая работа ему нравилась, хотя реальные обязанности были гораздо шире официальных. Это только добавляло перчинки, делало существование сложнее, интереснее и даже опаснее, чем революционная деятельность. По крайней мере, царские жандармы на него не покушались ни разу, а с момента принятия им предложения Хозяина в него стреляли уже трижды.

Однажды это сделали бывшие товарищи по партии, во второй раз – промышленники, а последний – просто какой-то псих. К счастью, Хозяин знал толк в безопасности и снабдил его надлежащей охраной, поэтому все его потери – порванный пулей сюртук, брюки и пальто, испачканные в грязи, да сломанная об одного из бывших коллег-революционеров трость.

С одной стороны, это огорчало, ведь он гордился тем, что в прежние времена никогда не вызывал достаточных подозрений для столь радикальных мер, несмотря на проводимые им исключительно дерзкие операции. С другой стороны, масштаб, господа-товарищи, и везение! Чертовская удача, если принять во внимание хулиганскую натуру как самого Красина, так и императора.

Инженер усмехнулся, вспомнив визит заgrimированного царя на явочную квартиру в Баку. Мальчишество! Но как тонко все рассчитал! Обезоружил. А во время второй встречи, с участием Классона, предложив план электрификации «всёя Руси», добил.

Роберта Эдуардовича монарх покорил практически сразу. И если на первой встрече недоверчивый ученый-изобретатель саркастически кривился, то по возвращении в Петербург он был приглашен на прием, ознакомлен со штатом, планом работы, бюджетом созданного под него института электроэнергетики и превратился из либерала в законченного монархиста. А вот он, Красин, еще побрыкался, поэтому вторая встреча с императором была не столь благостна.

Закончив свои дела в Баку, Красин в 1901 году прибыл в Питер по заданию ЦК во главе боевой технической группы РСДРП. Поручение формулировал лично Ленин, вдохновленный гвардейским бунтом, горящий желанием перехватить инициативу у Витте и превратить беспорядки, затеянные дворянской верхушкой, в полноценное общенародное восстание. Красину поручалось техническое обеспечение дерзкой акции непосредственно в Зимнем дворце — обесточить резиденцию, обрезать связь, заминировать помещения охраны и близлежащие казармы, пленить или уничтожить императора с семьей.

Акция должна была стать сигналом к массовым выступлениям столичных рабочих, но все сразу пошло не по плану. Ко времени их прибытия пролетариат к массовым выступлениям был готов, но совсем по другому поводу.

Царский манифест о восьмичасовом рабочем дне и запрете штрафов, страховании от безработицы и несчастных случаев, запрете детского труда и равенстве оплаты мужчин и женщин породил настолько контрреволюционные настроения среди трудящихся, что ни о каких антиправительственных акциях они не хотели и слышать, а

агитаторам банально били морды. Революция сошла на нет сама собой.

Акцию отменили, и Красин перевел было дух, но в тот же вечер на конспиративной квартире его ждали...

– Ваше величество?

– Тсс... В последнюю нашу встречу в Баку я был Коба, Ленину и Потресову представился как Тиран. Выбирайте любой псевдоним...

Император улыбался, хотя в глазах его не было ни грамма веселья. И смотрел он на инженера оценивающе, как охотник на дичь, выбирая, куда лучше бить, чтобы не попортить шкуру.

– Если вы здесь, значит, все знаете...

Красин обреченно опустил на стул и нарисовал в своем воображении картинку тюрьмы-суда-каторги.

– Нет, не все, – не согласился с революционером монарх. – Я, например, не понял, что вас так тянет на мелкое хулиганство? Почему вы не хотите заниматься глобальным переустройством страны и срываетесь на малоперспективную уголовщину?

– Партийная революционная дисциплина, – промямлил Красин, хотя этот аргумент представлялся несколько глупым в данный момент.

Император, как ни странно, кивнул, потушил огонь в своих зрачках и аккуратно присел на соседний стул.

– Это хорошо, товарищ Красин, что вы серьезно относитесь к партийной дисциплине. Но даже она не избавляет человека от необходимости иногда делать личный выбор. Повторяю свое предложение, озвученное в Баку. Я хочу, чтобы вы и дальше занимались революционным преобразованием окружающей среды, но только более эффективно и ответственно. А глупости с захватом дворцов и заложников... Согласитесь, это ребячество, болезнь роста...

В тот вечер Красин дал себе зарок больше не участвовать в революционных авантюрах и работать исключительно легально. Как плохо он знал своего монарха! Как слабо представлял уготовленную себе роль...

Месяц спустя, стоя на качающейся палубе трампа, направляющегося из Марсея в Дурбан, он не мог поверить, что позволил уговорить себя отправиться в Южную Африку, в малоизвестный городок со звонким, как колокольчик, названием

Кимберли, чтобы возглавить авантюру, по сравнению с которой штурм Зимнего дворца был действительно ребячеством.

– Ваша сфера интересов – горное оборудование, специалисты по разработке алмазных копей и, конечно же, само содержимое южно-африканских закровов, – напутствовал его монарх. – Четыре батальона африканеров (снайперы, саперы, разведчики, пулеметчики), действуя под вывеской бурских партизан, будут вашим боевым крылом. Они добывают себе славу, чины, награды, вы пополняете горнодобывающий, алмазный и золотой фонд Отечества. Десятую часть можете отдать в партийную кассу. Хотя, – император странно улыбнулся, – счастья вам это не принесет...

Вряд ли три фунта необработанных алмазов и пара пудов золота, затрофеенных в ходе лихих налетов «бурских партизан» на эшелоны, караваны и склады английских колонизаторов, сильно помогут отечественной экономике, но вот всевозможную горную технику и управляющихся с ней специалистов, соблазненных высокой оплатой и переправленных на Большую землю, определенно можно было записать в актив.

Как и целых четыре группы отчаянных головорезов, сформированные из революционных студентов-инженеров, подготовленных им лично и проверенных в деле на юге Африки...

А с партией император как в воду глядел. Ильич, почувствовав вместе с запахом денег привкус опасного конкурента за лидерство, облыжно обвинил Красина в растрате партийных средств и выпер из всех руководящих органов, разорвав отношения и сняв, таким образом, груз какой-либо ответственности^[45].

Расплевавшись с РСДРП, Красин окончательно перешел в стан монарха-реформатора. Революционной риторики здесь было меньше, а революционных действий с огоньком, с риском – не в пример больше! Чего стоила хотя бы экстремальная экспедиция двух дирижаблей на реку Ирелях, куда доставили разведочную геологическую партию, потом – такой же бросок, только с «золотыми» специалистами – на реку Магаданку. А сразу две сотни электростанций, сооружаемых в авральном порядке в разных губерниях огромной страны! Эх, как там все интересно и масштабно разворачивается! Но началась эта проклятая война, и приходится заниматься совсем другими проектами.

Он еще раз взгляделся в техническое задание императора, третье за последний месяц, понятное только ему. Да, это будет ограбление века! Дикому Западу с налетами на поезда до такого еще расти и расти! Так оригинально увеличить российский флот на целую эскадру! Грандиозно! Красин даже не сомневался в авторстве этой дерзкой авантюры.

Итак, в деле будет две команды – рабочая и прикрывающая. Подвод обеих групп придется осуществлять из совершенно разных точек посредством неординарных методов. Рабочая команда уже в пути. Жаль, что в срочную командировку отбыл Савинков. Ничего, справимся. У героев Босфора и Либавы отчаянных людей не меньше, да и специфику они знают намного лучше бывшего эсеровского боевика.

Пересмотрев список, Красин выделил среди прочих три одинаковых фамилии. Старший из братьев будет нужен на финальном этапе, после завершения самой рискованной операции: на его долю придется половина затрат по освоению полученных активов. Задача ему и полковнику Бринку уже поставлена, принятые от французов документы переданы в работу, теперь важно обеспечить неукоснительное следование графику. А гигантские капитальные вложения, включая гонорар французам, он утвердит у Хозяина уже постфактум. Что поделать, труд хороших инженеров обходится дорого, и вовсе не из-за их гонораров...

Средний брат обеспечивает поддержку за рубежом, осуществляя вывод рабочей команды на исходные позиции. Разумеется, вопрос обхода пограничных барьеров необходимо проработать с коллегами из профильных структур, но, учитывая крайнюю загрузку контрагентов, доставка исполнителей вполне возможна...

А вот младший... Он уже завяз и засветился сразу в нескольких местах настолько сильно, что, пожалуй, ему придется «умереть» в самый что ни на есть кульминационный момент. Благо, если все пройдет нормально, это будет не слишком сложно устроить.

Стокгольм. Посольство Великобритании. Резиденция Directorate of Military intelligence

– Итак, Эрни, что твоя птичка принесла тебе в клювике на этот раз?

– Пушки, Айвен. Русские завершили испытания нового орудия.

– Вот как?

– Пять целых и одна десятая дюйма, иначе говоря – сто тридцать миллиметров. Ствол в пятьдесят с лишним калибров. Что интересно, клиновой затвор немецкого типа^[46].

– Подробности...

– Точных цифр пока нет, но, полагаю, масса снаряда – от семидесяти двух до семидесяти пяти фунтов, начальная скорость – около трех тысяч футов в секунду.

– Они увеличивают и дальность стрельбы среднего калибра, – кивнул Айвен. – Логичный шаг с их стороны.

– Заводы в Петербурге и Перми получили заказ сразу на сотню таких орудий до конца следующего года. – Эрни плеснул в чашку молока и потянулся за чайником. – Шестьдесят четыре пушки в Петербурге и тридцать шесть на новом заводе в Перми. И дальше – по сотне в год.

– Значит, они уверены и в самом орудии, и в том, что Петербург мы не возьмем. – Айвен сложил руки домиком и постучал подушечками пальцев друг о друга.

– Они не идиоты, – криво усмехнулся Эрни, – и умеют считать. Мы уже потеряли в Балтийском море больше половины броненосцев и мониторов, не считая легких сил. Если не произойдет чудо Господне, мы будем торчать у ворот Кронштадта до поросячьей пасхи или до тех пор, пока они не потопят наш последний броненосец. Противоторпедные сети, как оказалось, не слишком помогают. К тому же русские заказали еще двенадцать девятидюймовых башен наподобие владивостокских, только с четырьмя пушками вместо трех.

– Двенадцать? – удивился Айвен. – Да еще и четырехорудийных? Неужели они сочли, что трех снарядов в залпе для корректировки недостаточно? И это притом что их береговая артиллерия выступила неожиданно эффективно?

– Да. Заказ на разработку эскизного проекта башни они выдали Бертону, и тот уже предоставил им документацию с использованием серийно выпускаемых русскими механизмов. Шесть первых таких башен должны быть поставлены до конца этого года и еще шесть – в следующем. Это указание исходило якобы от заместителя министра

оборонной промышленности мистера Красина, и он поставил Николая в известность об этом постфактум.

– Вот как... – Айвен замолк. – Постфактум... Шесть и шесть... А кроме пушек?

– Дополнительный заказ на двадцать четыре турбогенератора, – добавил Эрни. – И двенадцать ходовых электродвигателей удвоенной мощности. Тоже в Петербурге, на совместном заводе с Сименсом. Полагаю, ты помнишь, что у мистера Красина с Сименсом давнее и плодотворное сотрудничество?

– Это не слишком похоже на тривиальную коррупцию, тем более что... Дай угадаю! Двенадцать генераторов и шесть моторов должны быть поставлены до конца этого года, а вторая половина – годом позже?

– Именно. Генераторами и моторами занимается господин Доливо-Добровольский, известный электротехник, которого Красин лично сманил из Штутгарта.

– Поправь меня, если я ошибаюсь: на их «Пересветах» стоят по три турбины и три электромотора?

– Ты знаешь об этом не хуже меня.

– И они заказывают моторы удвоенной мощности... И по две турбины на мотор... И башни с удвоенным числом орудий...

– Ты хочешь сказать...

– Я слышал непроверенные слухи о заказе царем проекта корабля с тремя башнями главного калибра. Правда, я полагал, что они будут все-таки трехорудийными и оснащены двенадцатидюймовками... Источник сообщал, что закладка запланирована на четвертый год, а не на следующий. Половину этих стотридцаток они тоже должны поставить в этом году?

– Похоже на то.

– Итак, «СуперПересветы»... По огневой мощи это будут даже не удвоенные, а утроенные «Пересветы» со скоростью не меньше двадцати одного узла...

– Господь всемогущий...

– К счастью, это не он. Такие корабли пока не заложены, я знаю точно. Все балтийские и черноморские верфи проходят реконструкцию, видимо, как раз под этих гигантов... А владивостокские заняты ремонтом «Полтав». Похоже, мы чего-то не

знаем, и прямо сейчас на двух неизвестных нам стапелях строится то, что очень не понравится нашему адмиралтейству... У тебя еще остались «консервы»?

– Последние. – Эрни был серьезен. – Действительно последние.

– Придется их расконсервировать и снабдить всей возможной поддержкой: деньгами, людьми, другими ресурсами – одолженными, истребованными, украденными наконец. Потому что если *это* выйдет в море, Британии конец... Нам нужно найти верфи, оценить степень готовности этих монстров и понять, пустая ли это паника. Или все очень, очень плохо.

Балтика. На борту «Принс Джордж»

Начальник штаба Балтийской эскадры негромко кашлянул, привлекая внимание изрядно поредевшей группы офицеров, и открыл папку для донесений.

– Итак, мы потеряли два броненосца – «Юпитер» и «Графальгар». «Графальгар» расстрелян просто-таки неприлично древним броненосцем русских. Потоплены оба выделенных на обстрел Эзеля монитора: «Тандерер» – в результате атаки подводной лодки, к счастью, уничтоженной, и «Девастейшн» – от огня береговой артиллерии.

– Как погибли крейсера?

– «Хоук», «Графтон» и «Эндимион» осуществляли сопровождение легких сил к Созлозунду, сэр. Сами крейсера не смогли бы пройти проливом, их задачей было подавить береговые батареи в Тохври и Памерорте, обеспечить высадку вспомогательного десанта в Покка. Но, как выяснилось, русские поставили двенадцатидюймовые башни не только по берегам Ирбен и Моонзунда, но и в Созлозунде. Они накрыли ордер с четвертого и попали в «Хоук» восьмым залпом, сэр. Крейсер потерял ход, и был добит в течение пяти минут.

– А «Графтон»?

– Когда русские перенесли огонь на него, кэптэн Кеппель принял решение маневрировать активнее, чтобы сбить им прицел, и...

– Минное поле?

– Отмель, сэр. Там очень сложная навигационная обстановка, русские сами регулярно сажали на мель броненосцы и крейсера. Они

начали пристрелку по неподвижной цели, Кеппель приказал оставить корабль и застрелился, господин адмирал.

– Можно подумать, флоту от этого легче. И так... Что у нас осталось?

– «Лондон», сэр. Три «Маджестика» – «Магнифисент», «Ганнибал» и «Принс Джордж». Еще «Эндимион» и три крейсера третьего класса. Из легких сил – семь дестройеров и два тральщика.

– Это почти ничего. Когда и где мы успели потерять столько дестройеров?

– Вчера, на Кассарском плесе, сэр. Отряд легких сил под командованием кэптэна Бриггса, воспользовавшись отвлечением русских артиллеристов на наши крейсера, все-таки совершил прорыв через Созлозунд... Но сначала два дестройера подорвались на не обозначенной на карте минной банке, видимо, недавно выставленной, а затем были атакованы тремя русскими скаутами. Вернулись только три корабля, один из которых от полученных повреждений затонул на переходе до Либавы.

При последних словах адмирала лейтенант Далкит Джон Чарльз заметно побледнел и судорожно схватился рукой за стол, чтобы случайно не рухнуть на дрожащую палубу. Впрочем, это движение никто не заметил: все офицеры, собравшиеся на совещании, были бледны и подавлены.

– Это разгром, – вздохнул адмирал Керзон-Хау, – за который я отвечу лично.

Адмирал вздрогнул, когда совсем рядом застучали все четыре «виккерса» и захлопал «пом-пом», установленный буквально накануне.

«Летающая свинья» русских на этот раз держалась выше, и яростная пальба со всех собравшихся на Либавском рейде кораблей была попыткой сделать с ней хоть что-нибудь.

– Это просто разведка или...

Ответ на вопрос адмирала был дан незамедлительно: рядом со строем британских кораблей поднялись два пенных столба, через двадцать секунд – еще два.

– Это «Николай Первый» и «Александр Второй», – упавшим голосом отметил командор. – Будь это «Петр Великий», он бил бы четырехорудийными залпами.

– Видимо, погреба «Петра» пусты после потопления «Трафальгара»... Или русские не уверены, что он успеет удрать: вряд ли этот антиквариат дает больше четырнадцати. Всему отряду – расклепать цепи, собираться в колонну. Преследуем. Скорость обоих стариков после ремонта – шестнадцать узлов, а значит, «Эндимиону», шлюпам и дестройерам быть готовыми атаковать русских с целью сбить их ход, иначе, имея преимущество всего в узел, мы не успеем настичь их до того, как они спрячутся за минными полями...

* * *

Получив радиотелеграмму от лейтенанта Далкита, агенты Directorate of Military Intelligence в Либаве оперативно собрались, вооружились и двинулись к скромному особнячку, где квартировала прима местного театра божественная Анна Гжентль-Гжибовская. К великому сожалению подданных британской короны, дом стоял пугающе пустой, и даже шикарная мебель, украшавшая недавно его комнаты, оказалась вывезена. На стене, где раньше красовался портрет очаровательной хозяйки, висел приколотый булавкой кокетливый конвертик с каллиграфически выписанным именем получателя: «Лейтенанту Далкиту лично в руки!»

Старший группы захвата криво ухмыльнулся, снял конверт и, аккуратно надорвав его, вытащил надушенный листок бумаги с запиской, написанной красивым почерком на хорошем английском языке.

Дорогой лейтенант! Прошу прощения, что не смогла принять вас лично и оказать все полагающиеся знаки внимания. Простите также, что расстроила своим отсутствием. Ведь у вас наверняка появилось множество вопросов, и мне, право, неудобно оставлять вас в полном неведении.

Последние две недели были для меня весьма нервные. Я уже отчаялась как-то сподвигнуть майора Андерсона заняться наследством адмирала Ирцекого. К сожалению, этого йоркширского борова не интересовало ничего, кроме постели. Вы же, с вашим совершенно неожиданным визитом, стали настоящим спасением и

для меня, и для всей операции военно-морской разведки России. Надеюсь, вам и адмиралу Хау понравилось качество наших карт и лоций. Заверяю, что все они подлинные, но неполные. Вы, как разведчик, сможете оценить этот мой маленький каприз. Ведь дама без флера тайны никому не интересна.

К сожалению, неотложные дела настоятельно требуют моего пребывания в другом месте, но я, как хлебосольная хозяйка, приму вас и удовлетворю ваше любопытство, как только вернусь в Либаву вместе с русскими войсками и русским военно-морским флотом. Дождитесь меня, и обещаю: мы проведем время в чрезвычайно плодотворной и насыщенной беседе.

Ваша Анна.

P.S. Те полсотни золотых монет, что вы нашли вместе с картами, разрешаю оставить себе. Адмирал Ирецкий не возражает, говорит, что броненосец стоит тех денег...

Старший группы криво усмехнулся, заложил письмо в конверт и засунул его в карман френча.

– Значит, полсотни золотых монет, сэр? – пробормотал он вполголоса, и на лице его расплылась гадливая улыбка...

На борту «Принс Джордж»

– По крайней мере, на отходе они не стреляют. Оба русских фактически броненосные тараны, весь их главный калибр – в носу. А если они пойдут галсами, чтобы открыть барбетов, мы догоним их не больше чем за час, – оторвавшись от бинокля, высказал свое мнение капитан «Принс Джордж».

– Крейсерам и эсминцам – атака, – приказал адмирал. – Несчастный «Дредноут» должен быть отомщен. Сбить им ход. Тогда у русских останется только «Петр». Это была их ошибка, джентльмены. Они зря вылезли из своей берлоги.

– Смотрите, сэр! Смотрите!

Три серые тени скользили по стальным волнам, подрезая курс колонне крейсеров и дестройеров. Они были уже непозволительно близко. Почему же сигнальщики проморгали?!

«Очень просто, дружище Эшетон, – раздался ехидный голос в голове адмирала. – Это те самые моторные миноносцы русских. Что

первым делом привлекает внимание сигнальщиков? Разумеется, дым!» А тут – легкое марево над трубами, не идущее ни в какое сравнение с хорошо заметными черными шапками над британскими кораблями... Балтика оказалась даже более опасной, чем тогда, во времена Крымской...

Командир «Эндимиона» тоже заметил противника слишком поздно. Крейсер переложил руль влево, подальше от тянущихся к нему торпедных следов, не заметив точно такие же торпеды, выпущенные второй тройкой бездымных миноносцев, идущих мористее. Британские дестройеры ринулись на перехват, но уже не успевали. Пять миноносцев из шести уходили навстречу трем русским скаутам-убийцам, выскочившим из-за уходящих броненосцев. Шестой пылал яростным бензиновым пламенем.

В это же время. Петербург

Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг, родившись в семье ниже среднего достатка, вынужден был записаться на службу во флот в раннем возрасте, однако сразу же проявил себя хорошим организатором, и уже в двенадцать лет – небывалый случай! – был назначен исполняющим обязанности сублейтенанта. Так лихо начавшаяся морская карьера завершилась совершенно внезапно. По состоянию здоровья совсем молодой двадцатилетний офицер был списан на берег. Случилась эта неприятность в 1885 году, а ровно через год Джорджу предложили работать в военном ведомстве на суше.

Служба, возглавляемая Мэнсфилдом Каммингом, отвечала за проведение тайных операций за пределами Великобритании, а Россия оказалась первой по-настоящему серьезной командировкой, куда Джордж с помощниками прибыл как доброкачественный гражданин САСШ.

Половина его группы, самые безбашенные и лихие, сразу направились в Прибалтику, где бойко запылали помещичьи усадьбы и полицейские участки, а словосочетание «лесные братья» превратилось в страшный сон и головную боль всей царской администрации^[47]. Вторая половина, образованная и квалифицированная, подалась на столичные верфи. Здесь с завидной регулярностью начало выходить из

строю дорогостоящее оборудование, при попытках ограбления стали погибать и безвестно исчезать ключевые специалисты и инженеры.

Так сложилось, что словосочетание «тайные операции» традиционно означало неплановые разрушения и неожиданную кончину тех, кто посмел встать на пути Британии. Весь спектр услуг в настоящее время реализовывался на территории Российской империи.

Аналогичную работу на севере России курировал сэр Джордж Марк Уотсон Макдоног, свободно владеющий несколькими скандинавскими языками и выдающий себя за шведского коммивояжера. В 1898 году он женился на Алине Боргстром из Гельсингфорса и пребывал здесь на абсолютно законных основаниях. Стиль работы Макдонога в корне отличался от методов порывистого Мэнсфилда. Его сильной стороной являлось умение загребать жар чужими руками, и у него это получалось! В Финляндии для обаятельного Макдонога охотно таскали каштаны из огня финские социалисты-сепаратисты при молчаливой поддержке РСДРП, убежденной, что национализм «малых народностей» – естественная реакция на великодержавный великорусский шовинизм, а стало быть, не является препятствием для прочного революционного союза.

Главная задача Макдонога – лишить Петербург подвоза продовольствия – решалась революционными боевыми группами по щелчку пальцев. Далее – организация голодного бунта, полная дезорганизация столицы России.

Только после этого в дело должен был вступить Вернон Джордж Уоллегрейв Келл, подписывающий шифровки английской буквой «К» («кей») – констебль военного министерства. Будучи агентом разведслужбы, он действовал под прикрытием корреспондента газеты «Дэйли Телеграф», владел китайским, немецким, итальянским, французским, русским и польским языками. По сигналу от адмирала Хау две тысячи боевиков Вернона, гремучая смесь из эсеров и бывших гвардейцев, должны были, разбившись на группы по пять человек, одновременно атаковать правительственные учреждения столицы России, парализовав военное и гражданское управления.

В этой майорской компании единственный гражданский штафирка – сэр Джордж Уильям Бьюкенен, всю жизнь находившийся на дипломатической службе. Его отец был посланником в Дании, там Джордж и родился. Это обстоятельство, как и служба в Риме, Токио,

Вене, Берлине и Дармштадте, где он познакомился с будущей императрицей Александрой Федоровной, предопределили его роль в этой компании – Бьюкенен отвечал за трофеи. После оккупации Мемеля и Либавы таковых хватало. Караваны судов круглосуточно вставали под загрузку, вывозя в метрополию «что бог послал», оставляя за спиной разоренные предприятия и поместья, униженных и оскорбленных туземцев. Действия англичан в Европе ничем не отличались от их деятельности в Индии и Африке.

Кроме того, Бьюкенен поспешно скупал распродаваемую недвижимость в Петербурге и окрестностях. После начала военных действий изрядно подешевевшие из-за распродаж усадьбы и дворцы непрерывно падали в цене. Надо было успеть ухватить имущество за бесценок, чтобы потом, когда Россия станет колонией Великобритании, его можно было выгодно перепродать.

Штаб английской разведывательной миссии разместился в бывшем дворце великого князя Александра Алексеевича, хотя мог выбрать любой из тридцати других, перекупленных Бьюкененом. Здание на перекрестке Английского проспекта и набережной Мойки обладало одним неоспоримым преимуществом – высокой башней в пять этажей. На ней комфортно разместилась антенна беспроводного телеграфа, а закрытый двор с высоким забором хорошо маскировал активность постояльцев, выдававших себя за англиканских миссионеров.

Военно-революционная машина была запущена и работала на полных оборотах. Саботаж и диверсии достигли апогея. Все было готово к решительному восстанию. Оставалось только дожидаться условного сигнала о прорыве английской эскадры к Петербургу...

Той же ночью. На борту «Принс Джордж»

– У нас больше нет крейсеров, если не считать пары шлюпов с восемнадцатиузловым ходом. У нас осталось всего четыре дестройера...

Короткую северную ночь разорвал взрыв.

– Торпедная атака! Повреждена сеть по левому борту! След за кормой! Они промазали, сэр!

Лучи прожекторов отчаянно метались по черной глади воды, противоминные орудия палили куда попало, но...

– Это была субмарина. – Адмирал Керзон-Хау с силой провел ладонями по лицу. – Мне доложили, что видели погружающуюся рубку, но обстрелять ее не успели. Судя по всему, русские дали залп из надводного положения с максимальной дистанции, так что нам повезло.

Участники совещания переглянулись.

– Итак, джентльмены... Мне следовало сделать это еще после первой попытки прорыва и уж точно сразу после катастрофы у Эзеля, но я испугался. Я боялся за свою карьеру, не понимая, что есть вещи поважнее. Моя трусость стоила нам минимум дюжины кораблей и нескольких сотен превосходных моряков. Теперь, – он усмехнулся, – моей карьере уже ничто не грозит, мертвому карьера не нужна. Поэтому я принял решение: мы уходим к Борнхольму. Надеюсь, еще не поздно сохранить хотя бы его.

– Но, сэр...

– Сообщите об этом армии и морской пехоте на берегу. Русским лодкам, броненосцам и миноносцам нужно минимум трое суток на возвращение в Ригу, пополнение боекомплекта и возвращение. Так что время на эвакуацию у наших есть. Уведомите командование Либавской экспедиции: если будут кочевряжиться, через семьдесят два часа останутся один на один с армией царя, без нашей артиллерийской поддержки и очень скоро – без снабжения по морю. Дайте телеграмму в адмиралтейство, и, Алан... Я буду признателен, если его величество узнает о нашем отходе к Борнхольму как можно скорее.

Ставка Верховного главнокомандования

– Таким образом, антиправительственные выступления, грамотно организованные и хорошо подготовленные, охватили в настоящее время все Финляндское княжество: на севере – Виленскую, Ковенскую губернию, на западе – всю Лифляндию...

Зубатов сделал паузу и выжидающе посмотрел на императора. Тот уставился в окно на ускользящий весенний закат и, казалось, был полностью отрешен от всех мирских дел и тревожных известий.

– Продолжайте, Сергей Васильевич, я внимательно слушаю, – не поворачиваясь, устало произнес монарх, правой рукой нащупывая на подоконнике пачку любимых папирос.

– Транссиб блокирован от Красноярска до Читы. Губерния почти полностью в руках бунтовщиков. Во всех городах захват власти идет по одному и тому же сценарию: мосты, телеграф, вокзал и затем – осада государственных учреждений. В Иркутске объявился революционный штаб, так называемое Временное правительство, призывающее к низложению существующей правящей династии и выборам в Учредительное собрание. Оно пользуется поддержкой на селе благодаря взятому на вооружение лозунгу социал-революционеров «Земля – крестьянам!». Один из первых манифестов – амнистия кулакам и помещикам, как они пишут, «аграриям, пострадавшим от царского произвола».

– Да, ничто не ново под луной, все повторяется... – неожиданно вставил император непонятную для Зубатова реплику. – Мосты, телеграф, вокзал... Аграрный вопрос – это, конечно, важно. Какими еще политическими изысками балуют российских подданных катилинарии?^[48]

– «Временные» напирают на половинчатость, поспешность и неграмотность проводимых реформ, указывают на негодную внешнюю политику, допустившую смертельное противостояние с самой сильной державой мира, поставившую Отечество на грань гибели. Вспоминают в качестве примера военного столкновения с Британией печальные итоги Крымской войны, пугают, что на этот раз только Черноморским флотом не отделаемся, объявляют себя спасителями России и намекают на наличие предварительной договоренности с Лондоном о благосклонности британской монархии в случае смены режима в России.

– Временные... Это вы хорошо сказали, Сергей Васильевич, политически верно... А что скажете про конфуз с вашим рабочим заводоуправлением? Вы, спевшись с Дзержинским, на нем так настаивали...

Зубатов потупился. Управляющие производством фабричные и заводские комитеты как высшее проявление промышленной демократии казались ему самым естественным продолжением долгой кропотливой работы с рабочими кружками и Обществом взаимного вспомоществования. Он полагал, что таким образом будет ликвидирована любая возможность радикализации пролетариата,

исчезнет база для революционной агитации, а сами предприятия покажут пример производительности и дисциплины^[49].

В действительности все оказалось наоборот. Именно предприятия, управляемые выборными комитетами, почти сразу продемонстрировали редкую склонность при налаживании связей производственной кооперации, а в кризисной обстановке оказались самыми политически неустойчивыми, где всего пара говорунов легко блокировали всю хозяйственную деятельность и превращали производственный процесс в сплошной митинг трудящихся.

– Не краснейте и не кручиньтесь, Сергей Васильевич, – махнул рукой император, – у вас и у Феликса Эдмундовича нет опыта организации рабочего самоуправления, а следовательно, понимания пределов его полезности. Зато теперь вы сможете квалифицированно пояснить некоторым горячим головам, почему выборность начальника не является такой уж хорошей идеей и тем более – панацеей. А то наши умники-африканеры, насмотревшись на военную организацию буров, стремятся внедрить выборность командиров солдатскими комитетами... Расскажите им, как выглядит излишняя увлеченность политическими новациями в нашем, а не в субтропическом климате. Как планируете исправлять ошибки и восстанавливать работоспособность предприятий?

– Держинский со своими «инквизиторами» уже выехал на Урал...

– Хм... Ну вот и еще один урок, Сергей Васильевич. Неоправданный либерализм в руководстве всегда заканчивается террором со стороны управляющих, желающих вернуть контроль над ситуацией, или со стороны управляемых, стремящихся избавиться от любых рудиментов контроля. Я полностью разделяю вашу стратегию. Чтобы погасить в зародыше русский бунт, бессмысленный и беспощадный, действующая власть должна стать радикальнее самих революционеров.

Но даже в этом случае следует помнить: недовольные будут всегда. «Дайте человеку необходимое, и он захочет удобств. Обеспечьте его удобствами – он будет стремиться к роскоши. Осыпьте его роскошью – он начнет вздыхать по изысканному. Позвольте ему получать изысканное, и он возжаждет безумств. Одарите его всем, что

он пожелает, и он будет жаловаться, что его обманули и что он получил совсем не то, что хотел»^[50]. Но довольно об этом. Что в Петербурге?

– Как сообщает Ратаев, вопрос о слиянии партии социалистов-революционеров с социал-демократами для совместных террористических действий продвигается вперед быстрыми шагами. Положение становится день ото дня серьезнее и опаснее^[51].

– Парвус?

– Да, а также Гершуни и Макдональд... Сегодня должно состояться очередное совещание, и велика вероятность, что стороны договорятся по всем вопросам.

– В таком случае и мы тянуть больше не будем. Передайте Лаврову: пусть сегодня же от имени адмирала Хау шлет условный сигнал Петербургскому ревкому о прорыве британской эскадры в Финский залив. Надеюсь, наш Цифирный комитет и лично Эрнст Феттерлейн^[52] не напрасно корпели над расшифровкой телеграфной переписки английских резидентов...

Император проводил Зубатова до самого выхода из здания Сената. Такой шаг мог трактоваться как знак исключительного благоволения, и Сергей Васильевич чувствовал себя польщенным. В действительности монарху просто захотелось выйти из душного кабинета и пройтись по брусчатке Кремля, проинспектировав собственные мысли, похожие на солдат перед атакой в ожидании приказа.

Никто из его подчиненных, благожелателей и врагов во всем этом новом для него старом мире не мог даже догадаться, каким образом он собирается использовать каждого из них и какая конфигурация выстроится на шахматной доске в ближайшее время. Использовать... Такая формулировка ничуть не смущала императора. Политика не место для «сердечных согласий», особенно в России начала XX века, где экономические противоречия настолько тесно переплетены с национальными и социальными, что становится неважно, на какую клавишу политического музыкального инструмента нажимать: все равно будут затронуты все струны. Важно, чтобы звучал гармонично.

«Та-а-ак, что у нас на повестке дня. Зубатов немного взбодрился, а то после откровенного провала эксперимента с рабочим самоуправлением ходил как тень». Император опасался, не задумал ли Сергей Васильевич что-нибудь суицидальное. А ведь предупреждал, увещевал, но не мог рассказать, что все это уже видел, трогал руками и

даже разгребал революционные авгиевы конюшни... Как же давно это было...

Прошлая жизнь. 1918 гол

Александр Шляпников, «товарищ по несчастью», отправленный Лениным вместе со Сталиным в Царицын с твердым наказом без хлеба для голодающего Петрограда не возвращаться, пихнул перед собой изрядно помятого мужичонку, а сам устало сполз по стене и прикрыл лицо поношенным картузом.

– Все! Больше никого не нашел. Цеха пустые. Станочный парк разграблен.

Сталин выругался, пнул со злости обломок кирпича и, схватив мужичка за шиворот, прошипел с сильным кавказским акцентом:

– Кто таков, что тут делаешь?

Мужичонка икнул, выбросив в сторону Сталина шлейф сивушного перегара, со второго раза собрал в кучку расфокусированное зрение и довольно бодро, хоть и заплетающимся языком, ответил:

– Ларин Илья, уполномоченный завкома железнодорожных мастерских, направлен товарищем Зайцевым для организации товарного обмена...

– Какой Зайцев? Какой обмен? У нас хлеб! Нам нужны паровозы, вагоны! Нужны ремонтники! Где все? Почему мастерские не работают?

Завкомовец еще раз икнул, опасливо посмотрел на стоящих рядом со Сталиным красноармейцев, но откуда-то изнутри в нем начал подниматься революционный пролетарский протест от такого бесцеремонного отношения.

– А в чем, собственно, дело? Кто вы такие? Что тут рас-команд овались?

Шляпников сунул под нос оскорбленному гегемону ленинский мандат и повторил с железом в голосе:

– Где администрация? Почему не работают мастерские? Кто отвечает за ремонт подвижного состава?

Мужичок бухнулся на битый кирпич и, перейдя из вертикали в полугоризонталь, почувствовал себя более уверенно.

– Значит так, товарищи из Петрограда. Завком принял решение на этой неделе не работать!

– Как не работать?! Почему?! – буквально взорвался Сталин.

– А ты на глотку меня не бери, – совсем освоился в обстановке Ларин, – мы еще не таких видали! Сейчас не царское время! Трудовой коллектив решил не работать – и баста! Раньше нас все эксплуатировали, а теперь мы сами принимаем решения.

Шляпников зло сплюнул вязкую слюну и вопросительно посмотрел на Сталина.

Сталин окаменел. Завкомовец слово в слово повторил его мысли, которыми он успокаивал себя во время поездки по заснеженному полумертвому Петрограду. «Стало быть, так тоже можно трактовать свободу трудящихся? Вот такое, значит, „светлое будущее“? Ах ты, сын ишака!»

И чувствуя, как из груди поднимается в голову горячая волна гнева, Сталин развел руками и буквально шепотом произнес, стараясь не глядеть на икающего гегемона:

– Ну а что поделаешь, товарищ Шляпников? Если пролетариат решил отдыхать, так тому и быть! Не можем же мы идти против воли трудящихся, не правда ли, товарищ Ларин?

Пьяненький завкомовец послушно начал кивать головой с такой интенсивностью, что, казалось, шея не выдержит заданной амплитуды.

– А что, товарищ Ларин, не прогуляться ли нам тут недалеко?

– Куда? – заинтригованно встрепенулся Ларин.

– Да вот, к ближайшей стеночке, где мы шлепнем тебя и весь твой завком за саботаж и вредительство делу пролетарской революции...

С последними словами красноармейцы синхронно подхватили обмякшего завкомовца, пытавшегося схватить наркома за рукав, но Сталин уже шел прочь, шепча под нос что-то о сознательных трудящихся, которым надо только отдать заводы, а дальше они уже сами все правильно отрегулируют и рождение царства труда станет просто неизбежным...

* * *

Император не заметил, что давно сошел с брусчатки и брел неприкаянно по покрытому свежей зеленью газону под изумленными взглядами охраны. Виновато улыбнувшись, он вернулся на привычную «тропу». Удивительная штука – человеческая память. Она позволяет забыть, что делал утром, но бережно, в мельчайших деталях хранит все, что происходило полвека тому назад... «Так, стоп! Хватит копаться в прошлом, оно уже никогда не будет прежним будущим! Надо еще раз проверить диспозиции в настоящем».

Со стороны могло казаться, что он мечется, как загнанный волк в клетке, обложенный со всех сторон охотниками и обжигаемый изнутри огнем бунта. А он скрупулезно повторял геополитический сценарий своей самой первой и оглушительной победы – Сталинградской. Единственная разница в том, что нацисты в 1942-м рванули на берега Волги по своей воле и при его активном сопротивлении, растянув коммуникации и ударные соединения в виде указательного пальца. Здесь же, умудренный опытом, он сам заманивает врага в медвежий угол, притворяясь слабым, немощным, глупым, да еще дразня сладкой морковкой.

Особенность политиков и спецслужб Российской империи – воспринимать внутренних и внешних врагов как обособленные, не взаимосвязанные явления. А это совсем не так. Там, где появляется чужой, всегда найдется предатель. Внешний враг генерирует пятую колонну, внутренний, хочет он этого или нет, работает на него. Эту связующую нить можно проследить по судьбам борцов с режимом, запросто превратившихся из пламенных российских революционеров в законопослушных успешных западных буржуа. Чего стоит хотя бы жизнь одного из главных застрельщиков восстания на «Потемкине» матроса Вани Бешова, оказавшегося вдруг зажиточным владельцем целой сети ресторанов на Туманном Альбионе^[53].

Без внешних побед не будет внутренних. Чтобы что-то изменить внутри России, требуется разгромить врагов и уберечься от «друзей». Любое сражение с внешним агрессором неминуемо превратится в битву с пятой колонной, а попытка задушить пятую колонну гарантированно повлечет внешнюю агрессию. Чтобы побеждать в таких условиях, нужно самому определять место и время драки, а не ждать, когда враг выберет для себя комфортную диспозицию.

Зная подлую натуру британцев, воюющих чужими руками, крайне важно было вывести их на первый план. Победа над любой другой державой не приведет к разгрому внутреннего врага и не позволит справиться с глубоко закопанным национальным комплексом неполноценности. Важно было заставить британского льва взреветь, чтобы он сам полез в драку. Англосаксы отодвигают союзников в сторону, когда речь идет о крупных барышах...

Император создал им эту иллюзию. Они идут, уверенные в своем численном превосходстве и техническом совершенстве, даже не подозревая, что ни того ни другого у них уже нет. Осталось убедить в этом Россию.

Отечество начала XX века безнадежно больно западническим. Среди дворян эта болезнь распространилась еще во времена Петра I, а клинической она стала с приходом массового образования, поразив всех революционеров. Усугубил течение заболевания серьезнейший комплекс неполноценности, полученный после Крымской войны, обострило – катастрофическое индустриальное отставание. Все вместе взятое вылилось в пещерный нигилизм наиболее просвещенных слоев населения. «Чем хуже, тем лучше!» – этот удивительный лозунг кочевал из студенческих аудиторий в гвардейские казармы, из великосветских салонов в революционную среду. Требуется одновременно выкорчевать западный фетишизм и крепко сплетенный с ним отечественный фатализм.

Всю сознательную жизнь в сердце императора занозой сидела Русско-японская война. Прежде всего потому, что проиграна она была из-за этого разъедающего общество неверия в собственное Отечество и труднообъяснимое презрение к нему. Он долго разбирался сам, заставлял подчиненных искать причины столь позорного поражения и нашел неопровержимые, хоть и косвенные доказательства присутствия этой страшной болезни в штабах армии и флота.

Куропаткин и Рожественский не были ни трусами, ни полными идиотами. Но они, как и очень многие в стране, искренне считали, что победа России не нужна, что она только усилит самодержавие и не даст возможность провести демократические реформы западного образца, что поражение в войне – необходимое условие для прогресса и процветания. Дичь! Но так думали многие. Ленинский призыв к

поражению правительства в войне родился не на пустом месте. Это была концентрированная точка зрения русской интеллигенции.

С чем-то подобным Сталин потом столкнулся в тридцатые в РККА и осатанел, безжалостно рубя налево и направо, выжигая каленым железом саму мысль о поражении Отечества как о благе. Жечь надо и сейчас. Но при отсутствии такой мощной и мотивированной службы, какой была НКВД, приходится играть гамбит, жертвуя инициативой, разрешая всяким политическим гешефтмахерам проявить себя, давая им ощущение собственной безнаказанности.

Приходится притворяться настоящим Николаем II, а самому наблюдать, фиксировать и копить силы, в том числе на невидимом фронте, перепроверяя информацию из различных источников – от лейб-жандармов Трепова, осведомителей Зубатова, разведчиков Лаврова, контрразведчиков Шершова, «инквизиторов» Дзержинского, боевиков Красина, информаторов Гучкова, финансистов Канкрин и прочих незаметных источников, позволяющих верифицировать данные, достаточные для принятия решений.

Сейчас все точки над «и» расставлены, капканы сработали, зверь попался в них всеми четырьмя лапами. Враг еще думает, что он на коне, что осталось приложить одно маленькое усилие, отправить дополнительно один корабль, батальон, затянуть последний город в водоворот бунта – и он победит, а Россия на коленях приползет просить пощады. Вражеские корабли рвутся в Черное море, к базам флота на Тихом океане, у Харбина и в Забайкалье гремят орудия... Но в этом раунде все решено.

Сейчас он озабочен не столько противостоянием с Британией и ее пятой колонной, сколько послевоенным устройством. Хорошее произведение требует эффектного начала и правильного, грамотного окончания. Мало победить в войне – важно выиграть мир. Предстоит финал под названием «Битва за британское наследство». В этом грандиозном действе монарх запланировал для России непривычную роль дирижера, а не участника. Такой партии он сам еще не исполнял, но без нее закрепить итоги успешных военных действий не получится. Слишком мощные и жадные хищники выглядывают из-за спины старушки Англии, разыграть их требуется цинично и безжалостно.

Кузеном Вилли заняться придется лично. Он так горит идеей колониальных приобретений, не понимая, что сила Германии совсем в другом! Надо помочь человеку закрыть гештальт, предоставить возможность потешить самолюбие, а заодно растащить немецкий потенциал по всему глобусу, не давая сконцентрироваться для «дранг нах остен».

Но при всем уважении к «сумрачному тевтонскому гению», он не главная головная боль. Основная угроза – за океаном. И разговаривать там не с кем. Переговоры с президентами и госсекретарями – пустая трата времени. Не они решают, кому жить, кому умереть. Не они направляют движение огромного корабля Соединенных Штатов. Все, касающееся Америки, решается не в Капитолии и не в Белом доме, а на острове Джекил. И от успеха русской разведки там зависит очень многое...

Остров Джекил

– Мария Александровна! Зная вашу азартную натуру, еще раз убедительно прошу: доставить груз – и сразу обратно, нигде не задерживаться, ни во что не ввязываться, ни с кем не общаться, – инструктировал Канкрин свою подопечную, пока матросы грузили в ялик грубообразный ящик с надписью «Инвентарь для гольфа». – Заложили заряд, отошли, взорвали – и сразу назад. Если в течение двух часов никаких известий от вас не поступает, мы начинаем штурм. – И лейтенант кивнул головой на прогулочную яхту, ошестинившуюся пушками-десятифунтовками (10 pounder mountain gun) и тупорылыми пулеметами Максима.

Маша покорно кивала, преданно глядя в глаза начальника, прогоняя комок, настойчиво подступающий к горлу. Операция была разработана просто, понятно и казалась идеальной. Обозначенный инвентарь был действительно заказан управляющим и должен был быть доставлен еще на прошлой неделе. Отправитель и получатель – реальные. День ясный. Погода спокойная. И все равно непонятное беспокойство не отступало.

«Наверно, я просто устала, – отмахнулась от тягостных дум Маша. – Ничего. Как обещал Саша, закончим – и сразу домой, на Родину!»

– Мария Александровна! – Канкрин досадливо морщился, видя, что напрасно сотрясает воздух. – Простите мое занудство, я просто обязан... Боже, что я несу... Маша, в свое время я обещал посодействовать решению вашего семейного вопроса и не имею права вас отпускать, не выполнив своего обещания.

Маша удивленно вздернула брови, а Канкрин обхватил ее за плечи и развернул на сто восемьдесят градусов в сторону худого, как жердь, и загорелого, как индеец, курьера с обветренным лицом жителя прерий. Он стоял растерянный и растрепанный, но был вполне узнаваем, даже потеряв привычную надменность и чопорность.

– Николай?!

– Маруся!

Оставшийся час перед отправкой и всю дорогу до острова он не отпускал руку своей супруги, рассказывая о побеге с Цейлона, устроенном Павлом Игнатьевым, о долгих поисках жены в России и за ее пределами и, наконец, о включении в группу Савинкова, в составе которой он был направлен в САСШ: благодаря своеобразному акценту Николай мало отличался от жителя юга Америки.

– Я был так удивлен, узнав, что моя благоверная обскакала меня в чинах! – качал головой штабс-капитан. – Подумать только – коллежский советник! Этак еще через пару лет я к тебе буду обращаться «ваше высокопревосходительство»!

– Пустое, Николай. – Опершись о его плечо, Маша мечтательно взирала на волны. – Ты же слышал, что написал император. В случае успешного проведения операции война закончится уже этим летом, и мы с тобой вернемся домой, где никому не будет дела ни до твоих, ни до моих подвигов. И пойду я учительствовать – рассказывать девчонкам и мальчишкам, как живут люди за тридевять земель и почему хорошо там, где нас нет...

Ялик мягко ткнулся в пристань, и Николай вернулся к своим обязанностям наемного носильщика, а Маша уверенным шагом направилась к главному зданию. Все как всегда, ничего необычного. Проверка молчаливым офис-менеджером содержимого ящиков, короткое распоряжение отнести все прибывшее имущество на задний двор, как раз к тем подвальныем окнам, в которые надо опустить взрывчатку, оформление бумаг, подписи, квитанции...

– Миссис Мари! – Знакомый голос управляющего Нью-Йоркским офисом Рокфеллера был сахарным до такой степени, что девушку передернуло. – Не могли бы вы на секундочку подойти к ресепшн. Есть несколько вопросов по сопроводительным документам.

– Стоять! – шикнула Маша на дернувшегося вслед за ней Николая. – Заканчивайте здесь и сразу уходите. Меня не ждать! – И легко вбежала по ступенькам.

– Нет-нет, вам не сюда, – засуетился управляющий, отгесняя Машу из фойе к лестнице на бельэтаж. – Будьте добры, миссис... Вас уже ждут в сигарной... Джон, не ковыряйся в носу, помоги даме!

– Мари, Мари! – Поднявшийся из роскошного кожаного кресла навстречу Маше Джейкоб Шифф был похож на кота, дорвавшегося до крынки со сметаной. – Я узнал, что вы хотели так быстро удалиться, и решил вмешаться! Не годится официальному представителю русской империи уходить по-английски, даже не повидавшись со скромными бюргерами Нового Света. Простите, я все еще называю жителей САСШ на немецкий манер...

– Джейкоб, откуда такой пафос? Я никогда не скрывала своего русского подданства, но этого недостаточно, чтобы называть меня официальным представителем империи!

– Понимаю, Мари, что департамент, в котором вы служите, располагает к повышенной скромности, однако будет лучше, если ваши коллеги проявят ее при подавлении демократических свобод в России.

– Мистер Шифф, то, что я не испытываю пиетета к любимым вами русским социалистам, еще не делает меня сотрудником охраны.

– А с чего это вы решили, что социалисты – мои любимые? Вовсе нет. Просто именно они в настоящий момент подтачивают и крушат основы Российского государства, поэтому являются нашими союзниками. Но если ваши социалисты и демократы, придя к власти, прекратят разрушать и начнут строить, то станут для нас таким же врагом, как и нынешнее самодержавие. В России нет и никогда не будет устраивающей нас власти. Государство, существующее на этой территории на любых принципах, хоть крайне правое, хоть крайне левое – наш враг. И только его отсутствие удовлетворит нас полностью.

– Так вот почему вы активно продвигаете идеи Маркса именно в России! Вам нужен не коммунизм, а отмирание государства? Ну извините, ничем не могу вам помочь, Джейкоб.

– И опять вы скромничаете, Мари! Можете! Еще как можете! Скажу даже больше – активно и давно помогаете. Последние полгода все ваши донесения в Россию и полученные оттуда инструкции аккуратно изучаются, редактируются и доводятся до конечного адресата в нужном нам виде. Так что вы наша, и уже давно! Осталось только привести де-факто в соответствие с де-юре, и сделка будет завершена... А если она не состоится, ваше начальство узнает о разнице между донесениями и действительным положением дел. Боюсь, вы станете изгоем сразу везде.

– Как-то странно вы предлагаете мне сделку...

– А что вас смущает? Разве царь не заключает договор с дворянами, получая их услуги в обмен на поместья и привилегии, а при отказе не отправляет безжалостно непокорных слуг на виселицу? Я даже могу сказать, почему мы это делаем. Нам понравилось ваше несогласие и даже спор с начальством о целесообразности индивидуального террора. Правда, я не понял, кого вы называете в своих шифровках романтичным прозвищем Тамплиер и по чью душу явились на остров, но в любом случае нынешняя ваша операция больше похожа на демонстрацию, чем на серьезную диверсию. Я лично даже разочаровался, увидев вас в сопровождении всего четырех помощников. Мы рассчитывали на гораздо более серьезный сценарий.

Произнося последние слова, Шифф жестом пригласил Машу к окну. В саду, скрытом от посторонних глаз изгибом здания, расположились биваком не меньше сотни солдат федеральной армии.

– Да, пришлось сочинить историю про индейцев племени Мускоги, пытающихся вернуть остров под свое владение, – прокомментировал банкир живописное зрелище и пригвоздил: – Да не смотрите вы с такой надеждой на часы, миссис, никто за вами не придет. У нас хватит сил нейтрализовать любые действия ваших помощников...

– Мистер Шифф, вы просили предупредить. Заседание началось, – учтиво, но настойчиво вклинился в диалог голос секретаря.

– Ну что ж, Мари, – подобрался банкир, – у вас есть время подумать над моим предложением. И прошу не тянуть с решением. Возможность сотрудничества с вами не является для меня жизненной необходимостью. Скорее это моя добрая воля и дань уважения вашему мужеству и природному профессионализму.

Банкир еле заметно кивнул головой, и Маша почувствовала, как железные руки сдавили ее предплечья. Она всем своим естеством с кристальной ясностью ощутила, насколько капризна может быть птица удачи...

* * *

Сегодня за одним столом гольф-клуба Джекил сидел весь деловой цвет Уолл-стрит – Асторы, Вандербильты, Морганы, Пулитцеры, Гулды, Рокфеллеры, способные одним своим словом манипулировать капиталами, сопоставимыми с бюджетами государств. Их могущество и авторитет давно и прочно превосходили влияние многих самых высокопоставленных политиков.

Председательствовал Рокфеллер, обходясь, как всегда, без длинных вступлений.

– Мы просим прощения за срочность, с которой собрали вас, оторвав от важных дел или прервав ваш отдых, но международные события разворачиваются с такой скоростью и приобретают такую конфигурацию, что встреча не терпит отлагательств. Баталии между Великобританией, Японией и Россией на огромной территории от Балтийского моря до Тихого океана идут столь непредсказуемо, что требуются скоординированные действия, чтобы удержать ситуацию под контролем цивилизованного сообщества, представленного в этом клубе.

Рокфеллер сделал паузу и наклонил голову, отдавая дань уважения присутствующим. Лысины, парики, набриолиненные кудри и локоны сделали легкое движение, соглашаясь с докладчиком.

– Независимо от того, каким образом будут развиваться события на линии соприкосновения воюющих сторон, уже сейчас понятно, что Российская и Британская империи выйдут из них настолько ослабленными, что станут привлекательной добычей для соседей.

Учитывая потери военно-морского флота метрополии, удержание английских колоний в ближайшей перспективе также окажется под большим вопросом. Все вышеперечисленное, в свою очередь, может привести к абсолютно нежелательному доминированию Германии в Европе, реставрации влияния Габсбургов и Османов, возвышению других мелких игроков. Встает актуальный вопрос: мы будем ожидать, как сложится послевоенный пасьянс, чтобы потом приспособливаться к нему, или попытаемся влиять на ситуацию?

– Разрешите? – больше для проформы спросил молодец с шикарными усами и прической, призванной скрыть рано прорезавшуюся лысину, внук и наследник знаменитого коммодора Корнелиуса Вандербильта, директор сразу двадцати двух железных дорог Северной Америки, Фредерик Уильям Вандербильт. – Должны ли мы лезть в европейское болото, станет более понятно, когда ответим на вопрос, а что произойдет, если мы даже не будем смотреть в ту сторону.

Ведь нам есть чем заняться и у себя дома. Я не очень слежу за федеральными новостями, но, если не ошибаюсь, государственный долг уже приближается к пяти миллиардам долларов^[54].

– Именно потому, что нам есть чем заняться у себя дома, а внешний долг САСШ приближается к пяти миллиардам, мы обязаны лезть в европейское болото, уважаемый Фредерик, – вежливо улыбнулся Рокфеллер. – Мы практически исчерпали потенциал роста нашего внутреннего рынка, следовательно, нас ожидают более частые кризисы перепроизводства и менее предсказуемые биржевые лихорадки. Чтобы купировать эти процессы, мы просто обязаны экспортировать излишки нашей продукции и нашу инфляцию на другие, внешние рынки.

– Но в Европе тоже имеются излишки продукции, – поддержал родственника Джордж Вашингтон Вандербильт II. Его усы и прическа были не столь роскошно-импозантными, но это компенсировали огромные, живые, проницательные глаза высокообразованного человека, знающего пять иностранных языков и обладающего личной библиотекой в двадцать тысяч томов. – Если мы будем заполнять их рынки своими товарами, что будут делать европейские производители? Да их монархии задавят нас заградительными пошлинами, границы империй превратятся для наших капиталов в непреодолимые

крепостные стены, и мы еще раз вспомним, что являемся всего лишь частными лицами, с которыми высокомерные европейские аристократы не соизволят даже сидеть за одним столом.

– Все так, все так, – кивнул головой Рокфеллер, – границы существующих империй, заносчивость вельмож, собственные заводы, производящие ту же продукцию, что и мы... Все так. Есть только один способ изменить такое положение дел одномоментно, и сейчас как раз сложилась идеальная ситуация для таких преобразований. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Судьба в виде неожиданно жестокого противостояния России и Британии дает нам эту точку опоры, остается как можно быстрее изготовить рычаг.

– Джон! Не томите! Вы как фокусник с цилиндром в цирке. Барабанная дробь трещит уже полчаса. Доставайте, наконец, своего зайца! – закатил глаза в потолок Морган.

– Сей момент, джентльмены! В настоящее время, несмотря на всю ожесточенность, война в основном ведется на слабозаселенной и неразвитой территории. Но представьте на минуту, что она, подобно пожару, перекинется на европейский континент и захлестнет всю Европу, наиболее индустриальную ее часть. Что, если в результате военных действий будут разрушены все мало-мальски значимые промышленные объекты наших конкурентов? А если сгинут не только предприятия, но и империи?

– Боже мой, Джон! Да что же это должна быть за война?! – со смесью ужаса и удивления вскричал Генри Хаттлстон Роджерс. – Вы же описываете апокалипсис! Нас проклянут как слуг Люцифера, если мы допустим такое...

– Ваше поколение, Генри, – с металлом в голосе произнес Рокфеллер, – слишком много времени проводит за молитвами и поэтому не видит очевидных изменений в окружающем мире, где нет места глупой рефлексии. Россия сцепилась с Великобританией и Японией не по моей прихоти, и не из-за меня в битву за британское наследство вовлечены и обязательно передерутся между собой Германия, Франция, Австро-Венгрия, Италия... Не я создал нерешаемые мирным путем противоречия в Старом Свете. Но я не хочу, чтобы древние как мамонты империи решали проблемы за мой счет! Я предпочитаю решать сам! Сегодня проклинаяют не тех, кто

начинает войны, а тех, кто не имеет никакого влияния на пишущую братию.

– Джон, я отказываюсь принимать участие в этом шабаше. – Роджерс поднялся настолько резко, насколько ему позволял возраст. – Не хочу, чтобы мое имя было причастно к созданию монстра, убивающего человечество!

– Жаль, Генри! Безумно жаль, что ты решил нас покинуть, – с бесстрастным лицом произнес Рокфеллер и повелительно скомандовал, обращаясь к охране: – Проводите мистера Роджерса к нашей очаровательной русской гостье. Думаю, нам надо будет с ним обсудить еще пару животрепещущих проблем в нашем совместном бизнесе...

Когда за дюжими молодцами, подхватившими под руки Роджерса, закрылись двери, Рокфеллер устало потер переносицу, посмотрел на потолок, будто ища там подсказку, и цепким взглядом обвел окружающих.

– К сожалению, положение настолько серьезно, а времени у нас так мало, что его уже не хватает на вдумчивые, неспешные разговоры и убеждения. Сегодня на остров под видом почтовых курьеров проникли русские террористы, и бедный Генри Хаттлстон Роджерс только что стал их жертвой. Кто еще хотел бы покинуть наше заседание?

Вандербильты, поднявшиеся было со своих мест, рухнули обратно в кресла, еще несколько стульев поспешно придвинулись обратно к столу...

– Война – это естественный и привычный способ разрешения проблем человеком, – как ни в чем не бывало продолжал тем временем Рокфеллер. – А если перед нами впервые в истории встали мировые проблемы, то не надо бояться признавать: разрешить их можно только посредством мировой войны. Вопросы, которые действительно стоит задать: сколько она стоит и во что обойдется восстановление всего разрушенного войной? А теперь представьте себе могущество тех, кто сделает это. Проблема лишь в том, что ни у кого из присутствующих нет и сотой доли таких капиталов. Но это не значит, что задача не имеет решения. Нам нужен новый банк. Но не просто один из многих. Нам нужен банк, устанавливающий правила игры на всех континентах и имеющий право эмитировать денежные знаки. Банк банков.

Резервная валютная система всего мира. Что конкретно нужно сделать, чтобы создать такую организацию, расскажет наш уважаемый Пол Варбург...

* * *

– Миссис Мари, если не ошибаюсь? – Близоруко щурясь в полумраке подвала, Генри Роджерс оперся о прохладный камень кладки и медленно опустился на каменную ступеньку – Что вы хотите разглядеть в это мутное окно?

– Мистер Роджерс, – удивилась Маша, – я не ожидала увидеть вас здесь.

– Лишение свободы и банкротство – это бизнес-риски, постоянно висящие над любым коммерсантом, независимо от его позиции в биржевых сводках, – усмехнулся Роджерс.

– В России говорят: от тюрьмы и от сумы не зарекайся, – автоматически продолжила Маша.

– Мне всегда нравились отточенные формулировки народных пословиц, какой бы этнос их не сочинял, – согласился Роджерс. – А я, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить вас за прекрасно выполненное задание...

– Я вас не понимаю...

– И это самый хороший комплимент, Мари, который я только мог от вас услышать... Ничего не понимая и ни о чем не догадываясь, вы вашей потрясающей активностью оттянули на себя все внимание этих шустрых мальчиков – Джона и Джейкоба – и предоставили мне некоторую свободу действий, позволив превратить этот «ковчег», – Роджерс хлопнул ладонью по стене, – во вторую «Султану»^[55]. Бочки, доставленные вашими людьми, давно вывезены, а вот мои сюрпризы никто даже не искал. Все сделано правильно. Самым беззащитным враг становится тогда, когда решил, что держит все под контролем. Я не рассчитал только время: мистер Канкрин, ссылаясь на вашего императора, уверял, что заседание состоится не раньше следующего года...

– Канкрин?

– Да, миссис, граф Георг – мой старый добрый друг и деловой партнер, а Оскар Канкрин вообще спас меня, не дав ввязаться по молодости и глупости в авантюру Гражданской войны...

– Но почему тогда они... Почему тогда вы...

– Не предупредили вас? Тогда вы не смогли бы вести себя так естественно. Зная Георга, не удивлюсь, если есть еще кто-то, имеющий аналогичное задание... Последней нашей совместной сделкой был выкуп разорившейся Детройтской автомобильной компании, возглавляемой моим тезкой Генри Фордом. Познакомившись с этим самородком, я отдал должное умению ваших боссов находить грамотных, инициативных людей. Такое под силу только мощной, хорошо разветвленной структуре с подготовленными информаторами. Мари, что вы так нервничаете? Все самое плохое уже случилось... Я немного передохну, и будем выбираться из этого негостеприимного отеля.

Закусив губу, Маша еще раз внимательно оглядела одного из самых могущественных коммерсантов Уолл-стрит, овеянного самыми разными слухами. Провокация? Зачем? Что нового она может рассказать, если ее работа и вся ее жизнь последние полгода были абсолютно прозрачны? Они не догадались, что Тамплиер – это не какое-то конкретное лицо, а все, собравшиеся на острове Джекил? И что это меняет? Вот федеральная армия – это уже серьезно. Надо найти возможность предупредить Сашу о засаде. Только как?

Роджерс попробовал подняться, но ойкнул и сполз по стене.

– Миссис Мари! – Голос его звучал слабо, но повелительно. – Вам придется немного помочь мне, если, конечно, вы хотите как-то выбраться отсюда, а не продолжить общение с этим грубияном Шиффом... Чертово головокружение...

– Слушаю вас, мистер Роджерс, – торопливо выпалила Маша, с тревогой вглядываясь в бледнеющее лицо коммерсанта.

– В этом здании во время последнего ремонта, проводимого моей строительной компанией, по периметру всего подвального помещения в фундамент в точках напряжения были помещены динамитные закладки. Инициировать взрыв можно у любого из трех входов: бикфордов шнур помещен в трубу перил, достаточно свинтить колпачок и зажечь фитиль. Но можно сделать это и изнутри, если разобрать в нужном месте кладку. Главное потом – успеть отбежать

подальше. У нас достаточно времени, до обеда тут точно никто не появится, но приступать к работе стоит немедленно...

Аккуратно вынимая из стены кирпичи, Маша размышляла над превратностями судьбы и качелями своей жизни, удивляясь, что еще не сошла с ума от переживаний, свалившихся на нее за это утро. Она так увлеклась, что не заметила, как руки скользнули в пустоту. В нише под аркой примостился кожаный мешок, взлохмаченный жгутами огнепроводных и электрических шнуров, бруски гальванических батарей с прорезиненной ручкой замыкания цепи, а рядом с ними, как музейные экспонаты, дожидались своего часа трут, огниво и кресало.

– Нашли? Хорошо! – подал голос Роджерс. – Надо зажечь жгут, который находится справа, а потом снять решетку в левом углу над сточным коллектором. Вы вполне туда пролезете. Через сто ярдов коллектор выведет вас за пределы клуба прямо на берег, а дальше – как бог даст. Но помните, у вас только восемь минут... Или просто замкнуть рубильник. Но тогда вы не успеете даже помолиться.

– А вы?

– А мне, кажется, уже не подняться. Знаете, Мари, три года назад меня разбил апоплексический удар, и, судя по ощущениям, сейчас рецидив... Но за меня не переживайте, я отправлюсь в преисподнюю с прекрасной компанией... Бизнес, Мари, жесток и очень напоминает войну не только риторикой... Настало время глобальной схватки между владельцами материальных капиталов – заводов, полей, пароходов – и мародерами, весь капитал которых – строчка в биржевой сводке и счет в банке. Если победят мародеры, то плохо будет всем. Хорошо, что это понимает ваш император, в Белом доме и Капитолии столь пронизательных нет. Впрочем, наши политики всегда туго соображали... Что это?

Изрядно приглушенная крохотными слуховыми окнами, до подвала донеслась частая пальба, а через мгновение в нее вплелось татаканье станкового пулемета.

– Это запасной вариант – штурм, – упавшим голосом произнесла Маша. – И они даже не догадываются, что здесь засада.

– Это плохо, – закрыв глаза, прошептал Роджерс. – Сейчас Джон экстренно прекратит заседание, всех соберут в фойе и эвакуируют под прикрытие гарнизона береговых батарей. И если вы не собираетесь развязывать полномасштабные боевые действия...

– Сколько у нас времени? – совсем другим, резким тоном произнесла Маша.

Голова Роджерса завалилась набок, глаза закатились, и из уголка рта на подбородок потекла вязкая слюна. Маша схватила коммерсанта за плечи и с силой тряхнула.

– Генри! Мистер Роджерс! Через сколько минут они покинут здание?

На мгновение глаза коммерсанта обрели осмысленное выражение, полупарализованное лицо дернулось, и непослушный язык буквально вытолкнул изо рта:

– Две-три...

Маша прислушалась к суматохе, царившей за пределами подвала, победно улыбнулась и, не тратя времени на последние слова или даже безмолвные молитвы, замкнула цепь. Сухие гальванические батареи выдали разряд, и через ничтожную долю секунды на тихом уютном острове, на берегу реки Восток в штате Джорджия, проснулся огнедышащий вулкан.

Историческая справка

Создавший концепцию ФРС США человек – Пол Варбург (Paul Warburg), высокопоставленный руководитель банка Kuhn, Loeb and Co, член клана Ротшильдов.

В справочнике компаний США ФРС находится в списке частных предприятий.

В 1982 году в апелляционном суде рассматривалось прецедентное дело – частное лицо потребовало у одного из ФРС возмещения убытков, нанесенных ему государством. Суд вынес следующий вердикт: «Федеральные резервные банки – не государственные структуры, а независимые корпорации, принадлежащие частным лицам и контролируемые на местном уровне».

Список владельцев ФРС:

Rothschild Bank of London

Warburg Bank of Hamburg

Rothschild Bank of Berlin

Lehman Brothers of New York

Lazard Brothers of Paris

Kuhn Loeb Bank of New York

Israel Moses Seif Banks of Italy
Goldman Sachs of New York
Warburg Bank of Amsterdam
Chase Manhattan Bank of New York

Три дня спустя. Ставка Верховного главнокомандования

В начале XX века Москва еще не облачилась плотно в каменные одежды, но зелени уже становилось тесно, и с наступлением лета на каждый квадратный метр зеленого пространства набивалось великое множество ползающих, прыгающих и летающих. Вся эта живность, весело жужжа и перекрывая шум деревьев, деловито обживала кремлевские газоны и деревья, торопилась насладиться теплом, вкусить, что бог послал, и оставить после себя многочисленное потомство.

Украшением любого летнего парка были «летающие цветы» – бабочки, единственные насекомые, что не вселяют в нас страх. Задавали тон и обращали на себя внимание неестественно бледные при ярком дневном свете капустницы и кирпично-красные крапивницы. В шумном полете бились о стены и стволы деревьев подслеповатые сумеречно-пыльные бражники, напоминающие птичек колибри. Совершенно бесшумно появлялись, смиренно сидели или ползали медведицы – крупные темно-коричневые ночные насекомые. На медведя они, конечно, ничуть не похожи, но их гусеницы словно покрыты лохматой шерстью.

Буйство красок, перелетающее искрами дикого пожара с одного соцветия на другое, заставляло очень занятых и совершенно не расположенных к сантиментам людей невольно бросать на него взгляд и улыбаться. Но даже среди этой пестрой карнавальной палитры выделялась какой-то нездешней красотой прелестная бабочка – махаон, по-королевски расположившаяся на зеленой листе столетнего дерева. Порыв ветра развернул бархатные крылья-паруса, и на суетливый мир, на стоящих в тени дерева мужчин слегка удивленно взглянули коричневые глаза в синем вечернем макияже.

– Владимир Николаевич, вы уже сообщили родителям Марии Александровны? – тихим, подсевшим от многочасовых разговоров голосом обратился к Лаврову император.

– Никак нет, ваше величество... Простите, господин Верховный главнокомандующий.

Полковник был одет в непривычный партикулярный костюм, но тянулся и держал выправку, как и подобает служивому.

– И хорошо... Я сам... И вы правильно сделали, что исправились. Величества – это наши девочки, жертвующие собой ради Отечества. А нам, глядя на них, стоит задуматься, не слишком ли часто мы, мужчины, позволяем себе прятаться за их спинами... Ничего не отвечайте, Владимир Николаевич, я прекрасно знаю, что вы не щадите себя. Подводя итог вашему докладу, операции «Тамплиер» и «Сусанин» объявляю завершенными. Эвакуацию группы Канкрин одобряю. Группа Савинкова еще понадобится в Северной Америке, но из вашего ведомства я ее изымаю... Что еще?

– Слышал, что вас настойчиво хочет видеть семья Ротшильдов. Эдмон Ротшильд утром прибыл в Москву. Может быть...

– Нет, Владимир Николаевич, это уже тоже не ваша забота. Сосредоточьтесь на текущих делах. Что у нас на повестке дня?

– Утечка информации о местоположении летучей эскадры Макарова организована через пленных британских моряков. Их отправили на остановленном около Бонин японском трампе. Думаю, лорд Китченер уже имел возможность их выслушать. Дополнительно сразу по нескольким каналам, через великого князя Кирилла Владимировича и через японскую агентуру во Владивостоке, запущена информация об уходе по Северному морскому пути не только поврежденного «Сергия», но и «Пересвета» с «Ослябей». Жаждающий реванша Того по всем расчетам должен клюнуть на такую приманку и как можно быстрее выйти к Огасаваре.

– Мы использовали манок, и важно не прозевать зверя. Прошу вас обратить особое внимание на косвенные признаки подготовки японского флота и активно пользоваться не только агентурной, но и совсем новой для нас технической разведкой.

– Все станции радиотехнической пеленгации развернуты согласно плану и работают в круглосуточном режиме, информация пересылается по каналам метеослужбы.

– Прекрасно... Передайте в адмиралтейство мою нижайшую просьбу не держать больше «в прихожей» адмирала Фишера. Неудобно получается: человек так долго стучится в дверь, а мы делаем

вид, что никого нет дома. Черное море гостеприимное, оно с радостью распахнет свои объятия британским морякам...

– Телеграмма господину Рождественскому отправлена после должной задержки, взаимодействие с контрразведкой Черноморского флота налажено. Шершов запрашивает разрешение на арест Чихачева: велик риск неавторизованной утечки информации.

– Да, пожалуй, пора. Тем более что время операции «Кот из мешка» тоже приближается... В свете финального прорыва в Атлантику вам предстоит активировать одновременно все операции для атаки сразу на несколько британских баз. Посмотрите, кого можно привлечь в Южной Америке и Европе, обратите внимание на буров... Людей у нас мало, а британских баз много... Не надорваться бы...

– Контакты с третьими сторонами по операциям «Перейра», «Танго» и «Матумба» установлены. Исполнители будут отправлены двумя маршрутами: в точки «Аркан» и «Матумба» – через Архангельск, а на «Перейру» и «Танго» – при прорыве Александра Михайловича.

– Это хорошо... У нас слишком мало людей, чтобы объять необъятное. Давайте дадим шанс сделать это тем, кто может подняться с колен. А воспользуются они им или нет – другой вопрос. Признаться, более всего я скептичен в отношении «Матумбы». И еще раз хочу напомнить: я очень жду известий от капитана Балка. Докладывать любую информацию в любое время суток.

– Будет сделано. Какие еще будут указания?

– Вы уже выбрали здание под школу агентурной разведки?

– Не успел. Только что из командировки... У школы даже названия нет... Если не считать официального статуса института военных переводчиков...

– Предлагаю вам Александровский дворец в Царском Селе и Путевой дворец в Подмосковье – подальше от суеты. И назовите учебное заведение именем Маши Темниковой...

– Но, ваше величество, что подумают в офицерском обществе?.. К тому же она не состояла на военной службе!

– Это легко исправить, Владимир Николаевич. Будем считать, что мы договорились, и школа разведки будет носить имя героя России, полковника государственной безопасности Марии Александровны

Темниковой... Да, я знаю, такой награды и такого звания не существует... Две минуты назад не существовало... Вам все понятно?

Полковник Лавров взглянул в глаза императора и, забыв, что одет не в военный мундир, а во франтоватый купеческий костюм с котелком, вскинул руку к виску со словами «так точно!», развернулся через правое плечо и сделал несколько шагов строевым шагом. Но, опомнившись, оглянулся по сторонам и вольной походкой покинул место randevu.

По-стариковски подволакивая ногу, в противоположную сторону удалился монарх. А бабочка-махаон, все это время неподвижно покоившаяся в листве, взмахнула бархатными крыльями и вознеслась в безоблачное синее небо. Поднявшись выше кроны столетнего дерева, выше золотых маковок кремлевских церквей, она улетала туда, куда отправляются души людей, полностью выполнивших свой долг и успокоенных тем, что на земле их дела не забыли и оценили по достоинству.

Накануне. Либава и окрестности

Болванка шестидюймового снаряда срезала как скальпелем молодую зелень и забросала комьями земли машущих лопатами служивых. Рослый унтер, протерев засыпанные песком глаза, сплюнул, стряхнул застрявшую в складках обмундирования грязь и погрозил богатырским кулачищем невидимым комендорам.

– Не отвлекаться, черти! – прикрикнул он на своих молодых испуганных подчиненных и, подавая пример, опять взялся за кайло пугающих размеров.

Умный – в артиллерии, щеголь – в кавалерии, пьяница – во флоте, а дурак – в пехоте. Поговорка была старой и не учитывала множества новых реалий, поэтому адаптировать ее для Императорских инженерно-дорожных войск не успели. Да и характеристика «трудолюбивые» плохо вписывалась в стихотворный размер. К тому же ее не без основания оспаривали Императорские инженерно-саперные войска, которые за «умных» конкурировали еще и с артиллеристами, причем тоже довольно аргументированно. А дорожники вдобавок были храбрыми: чинить, к примеру, рельсовый путь под огнем противника – занятие не для трусов.

Когда передовые линии англичан под Либавой дрогнули, приданный Второй дорожной бригаде штурмовой отряд отбросил британские пикеты за версту, но редкие пули и малочисленные снаряды все равно долетали до стройки, внезапно развернувшейся на месте разрушенной ветки. Работавшие над восстановлением путей солдаты и офицеры обращали на них внимание не больше, чем на слепней.

– Все, господин капитан, путь готов. Мы проверили, за рощей им эту бандуру видно не будет.

– Реперы целы? А то артиллеристы нам всю плешь проедят. – Лысый как коленка и усатый капитан вытер лоб подолом офицерской рабочей рубахи.

– А что им сделается? Господа британцы даже и не поняли, зачем рядом с порушенными путями нужны эти столбы. Пехота-с, да еще и, прости господи, морская. Или вообще, – поручик скривил лицо в гримасе, полной презрения, – гусары.

– Ну ладно... Давайте сигнал. Через полчаса наши снова атакуют, и островитянам станет совсем не до нас.

* * *

Два могучих паровоза тащили огромный многоосный транспортер медленно и осторожно. Полковник-артиллерист подавал сигналы машинисту, пока отметка на борту транспортера не заняла нужное положение относительно бетонного столбика с цифрой 7.

Паровозы выпустили облака пара, застучал нобель-генератор, опоры опустились и встали на отлитые рядом с полотном бетонные плиты. Длиннющая труба двенадцатидюймового ствола поползла вверх, задираясь почти под сорок пять градусов, а кран в то же время плавно опускал на исполинский лоток тысячефунтовый фугасный снаряд для следующего выстрела.

* * *

– Русские! Русские ведут обстрел! Броненосцы!

– Нет, господа, это не броненосцы. Это двенадцать дюймов, а не девять и четыре. И стрельба ведется одиночными. Они как-то умудрились притащить сюда береговую пушку.

Людское море цвета хаки волновалось – солдаты его величества пытались пробиться к сходням, чтобы наконец оказаться на борту кораблей, которые увезут их домой, подальше от снайперских выстрелов, пулеметных очередей, ночных ножей пластунов, почти бесшумных револьверных пуль, от шрапнели, гранат и фугасов.

Стоявшая у пирса «Звезда Темзы», казалось, сначала вжалась в волны, а потом подпрыгнула. Ошметки цвета крови и хаки взлетели вверх вместе с щепками палубного настила. Солдатское море колыхнулось, ограждения упали, и несколько десятков фигур рухнули в воду. Раздался многоголосый вопль.

– Уильям, дайте очередь из «виккерса» над головами этих баранов. Морской пехоте применить штыки, если толпа прорвет ограждение.

– Но...

– Мы уходим сегодня. Грузим всех, кого успеем, в том числе на палубы броненосцев...

– А остальные, сэр? Те, кто сейчас сдерживает русских?

– Остальным не повезло.

Тогда же. Йокосука

– Русские превосходили нас во всем, сэр. В ходе: они, судя по всему, ввали о том, что с их машинами что-то не в порядке или им не хватает угля. В бронировании: их оконечности явно были усилены, и наши фугасные снаряды не нанесли им никакого вреда. В огневой мощи: дальнобойность их орудий превосходила нашу на двадцать кабельтовых, они не испытывали затруднений, ведя огонь с больших дистанций, и снарядов у них было вдоволь. В средствах наблюдения, в связи наконец.

Они заняли позицию в шестидесяти кабельтовых от нас, а мы просто до них не добивали. Они расстреливали нас, как на учениях. У нас горело все. По «Бленхейму» били коммонами, пробивая ему палубу, и он перевернулся уже на восьмом или девятом залпе, сэр. К тому времени дым от пожаров заволакивал нас от бака до юта, мы просто не могли стрелять... Когда «Барфлер» начал рыскать на курсе и

отстал, они пошли на сближение, расстреляли его с пятнадцати кабельтовых и пустили торпеды. Я сам видел след с головного. И торпеды дошли, сэр. С полутора миль. А потом они начали вколачивать снаряды прямо нам в борта, по двое на одного, чередуя залпы, и почти не использовали средний калибр.

– Вот как, лейтенант? Выпейте, успокойтесь. Ваш рассказ крайне важен для империи.

Зубы молодого офицера несколько раз звякнули о стекло.

– Благодарю, сэр. Мне кажется, средний калибр полностью бесполезен в современном бою, сэр. Мы несколько раз попали по ним из шестидюймовок, повредили трубу одному из «Пересветов», но было уже поздно. Мы оба уже не могли дать больше двенадцати узлов: эти их фугасы по-настоящему ужасают. Наши носовые и кормовые оконечности были размочалены еще в первой фазе боя. Мне кажется, «Виттельсбах» и тот «Пересвет», что шел последним, перешли на бронебойные еще с сорока кабельтовых, и они пробивали пояс «Ринауна», сэр...

– Семь дюймов Гарвея – это слишком мало, – вздохнул один из адмиралов. – И даже семь дюймов Круппа... Нам придется придумать, что теперь делать с «Дунканами», джентльмены.

– Мы надеялись на наши двенадцать дюймов никелевой стали. Выдержали четыре залпа, по одному с каждого броненосца... С двадцати пяти кабельтовых хоть один снаряд из залпа да попадал, а мы... Дальномеры были давно разбиты, еще на сближении, наводчики десятидюймовых башен просто не видели цели из-за дыма пожаров... Мне кажется, «Ри-наун» попал одному из этих дьяволов в борт, но ничего не произошло, он шел как заговоренный. А потом меня ударило в руку и... Больше я ничего не помню.

– Всегда кажется, – задумчиво прокомментировал Того, – что противник бьет без промаха...

– Потом кто-то неплохо зацепил двоих из них, – помотал головой лейтенант, – но я не знаю кто, это было уже после моего ранения. «Пересвету» сбили дальномерную будку, а «Серж оф Радонеж»... Я видел его уже на острове: носовая башня и как минимум левое орудие не подлежат восстановлению. Потом, – глаза лейтенанта затуманились, – потом, когда я уже был без сознания, Старик приказал спускать то, что осталось от шлюпок. А не осталось ничего, сэр. И

он... заперся в рубке. А я очнулся уже в русском плену, после операции, сэр. – Он взмахнул культей левой руки.

– По крайней мере, ты выполнил свой долг до конца, сынок. Значит, Бонины?

– Да, сэр. Я видел очертания бухты, когда нас грузили на транспорт, который привел русский крейсер. Я узнал этот остров. Кажется, он называется Огасавара. Русские успели возвести там несколько причалов, склады, краны, батареи старых шестидюймовок в тридцать пять калибров... Они устраиваются там довольно солидно и вряд ли бросят все это, сэр.

– Вы с честью выполнили свой долг перед Британией, лейтенант. И уверяю, ваши страдания не окажутся неотмщенными.

– Мы должны ударить всеми силами, чтобы жертва Сеймур-сана не была напрасной, – нахмурился немногословный японец. – Мы все еще можем выставить шесть броненосцев и два броненосных крейсера. Нам не удастся пробиться во Владивосток, но мы обязаны выжечь их гнездо и вырвать этот отравленный кинжал из спины страны Ямато.

Он боялся даже подумать, сколько его броненосцев не вернется из этой экспедиции. А у русских... По собственной имеющейся информации из Петропавловска и полученной от англичан, русские отправили все свои «Пересветы» через Северный океан на Балтику. На Бонинах оставался только бывший германский «Виттельсбах», поддержанный почти полутора десятками легких и вспомогательных крейсеров. Но даже один этот «Виттельсбах» способен вести бой на недостижимой для противника дистанции, пока у него не кончатся снаряды. Четыреста пятисотфунтовых стальных, начиненных тротилом демонов... А ведь есть еще эсминцы и крейсера с дальнеходными торпедами...

Но, по слухам, русские поставили в док вполне боеспособный «Севастополь» для замены машин и котлов. Значит, посаженная на грунт еще в первый день войны «Полтава» уже вошла в строй. Если его расчеты верны, оба корабля с этими демоническими электротурбинами будут давать восемнадцать узлов не хуже «Ретвизана», а еще через два-три месяца у северных варваров будут уже три восемнадцатизловых броненосца с ужасающими тяжелыми

снарядами... Нет, он обязан разгромить эту базу до того, как станет слишком поздно.

– Делай что должно, и будь что будет, – кивнул адмиралу Того старший из англичан. – Мы можем поддержать вас только броненосным крейсером «Аврора» с китайской станции, поскольку второй крейсер «Имперьюз» не может дать больше шестнадцати узлов... Но через три недели подойдут еще четыре быстроходных бронепалубника.

– При всем уважении, у нас нет этих двадцати дней, Бридж-сан, – выпрямился японец. – Максимум десять. В моей стране уже начинается голод. У нас нет времени на долгую войну.

«А если ты не можешь быстро выиграть эту войну, лучше всего как можно быстрее ее проиграть». Того удивился этой предательской мысли. Да, он вдвое превосходил русских по числу тяжелых кораблей, даже с учетом владивостокских быстроходных броненосцев. Но русские превосходили его учителей, англичан, во всех компонентах морского боя и, как теперь стало ясно, в стратегии. Они знали это, иначе вряд ли послали бы ему вызов, позволив пленным определить местонахождение их базы. Того не знал, смогут ли численное превосходство и дух самураев компенсировать перевес всех этих факторов сразу, но собирался это выяснить.

Тогда же. Северный Ледовитый океан

Нижняя часть картины представляла собой словно бы монохромную гравюру: белый до рези в глазах лед, угольно-черная вода в пробитом ледоколом канале, серый силуэт «Богатыря», идущего в кильватере «Сергия Радонежского», увенчанного шапкой черного дыма. Верхняя часть разрушала эту черно-белую мрачность. Ярко-голубое, лишенное облаков небо, переходящее на севере в оранжевую полосу с насыщенно-желтым кругом не уходящего за горизонт солнца, придавало пейзажу именно те краски, в которые влюблялись люди Севера.

– Барон Толль, – рассказывал полковник по адмиралтейству Вилькицкий-старший командиру «Сергия Радонежского» Зацарённому, – был чрезвычайно расстроен тем, что государь прислал ему рескрипт: земли Санникова, мол, не существует. Под мою, мол,

ответственность. «Не существует под мою ответственность», представляете?

Зацарённый хмыкнул, а полковник продолжал:

– Однако же когда вернулись они в Архангельск, а там их вместо шхуны новехонький «Витус Беринг» дожидался, Эдуард Васильевич слова сказать не мог... А потом как подменили немца нашего: бегал по палубе ледокола от носа до кормы, лазил от киля до клотика и только шептал, крестясь: «Неужели это все мое!»

Оба хохотнули: сей анекдот обычно рассказывали про императора Наполеона и Марию Валевскую, и был он не слишком приличен.

– И что теперь?

– Телеграфировали, что в апреле, как англичане в Мурманске «Литке» потопили, вышел наш барон к Новой Земле, даже не стал дожидаться полной комплектации людьми и припасами. Одну радиостанцию и зимовочный комплект он сгрузил в бухте Диксона, а сам пошел курсом на Таймыр, нас встречать. Думаю, еще миль пятьсот пройдем и услышим его станцию.

– Хорошо бы, – кивнул командир броненосца.

Они замолчали.

– Серьезно вас потрепало, – уважительно кивнул Вилькицкий в сторону покалеченной носовой башни. – Жестокий бой был, Василий Максимович?

– По глупости подставились, – неохотно ответил Зацарённый. – Степан Осипыч дымы на горизонте увидел да и подумал, что помощь англичанам идет. Решил он быстро добить Сеймура. Сблизились мы. Тут-то нам фугасом десятидюймовым промеж стволов и вlepили. А этот транспорт какой-то шальной оказался, «Витязю» нашему на ползуба.

– Ну ничего, до Архангельска-то англичане не дошли, оборудование и ремонтный комплект для вас на Соломбалу везут, – успокоил его полковник, – а то и довели уже. И будки дальномерные новые, чтобы на троих хватило. Нам бы только через льды восточнее Енисея пробиться.

– Пробьемся?

– Летом-то? С двумя ледоколами? И с третьим, что нас у Таймыра ожидает? А чего бы и не пробиться... – Полковник вздохнул. – Ах, на десять бы лет раньше... Мы-то все на шхунах да на пароходиках

мелких Север исследовали, «на доброхотные пожертвования»... А тут за одно только давешнее лето сделали столько, сколько за всю прошлую историю. Коли б еще Александр Александрович Миротворец так к делу подошел, как сын его, так мы бы по этому проходу, как по Невскому ходили. Глядишь, англичане с японцами и не напали бы...

– Все одно бы напали, – возразил Зацарённый. – Вот на десять лет раньше и напали б. Им наш выход в Тихий океан поперек горла, да и на Север тоже. Но на Мурмане, аки на Балтике да в Черном море, нас никак не запрешь.

– Молодежи много погибло, – вздохнул Вилькицкий. – Лейтенант Колчак, тот самый, что с Эдуардом Васильевичем два года тому на «Заре» ходил, при атаке на «Галатею» голову сложил. Вроде и фанфаронистым был сей турчонок, ан полярник все же наипервейший из него вышел бы. Однако в Архангельск или на Мурман британцы более так и не сунулись, осталось у них тут несколько шлюпов да один старый крейсер. Последний броненосец они сами в шквал утопили, у Шпицбергена уже, норвеги шведские сказывали. Из больших кораблей одна «Австралия» на Груманте осталась. «Светлана» пыталась ее торпедировать, но не вышло, сама еле ушла.

– Ну, вот починимся и наведемся к той «Австралии», – ощерился Зацарённый. – И сразу с десантом. Пакет-то у меня, понятное дело, запечатан, да только идею эту Степан Осипович со мною лично обсуждал.

– Степан Осипыч тоже наш человек, северный, – согласился полковник. – Острый ум, нечего сказать. Это его идея, чтобы «Богатырей» ваших под «Ослябю» с «Пересветом» замаскировать?

– Не поверите, Андрей Ипполитович, государя. И не идея, а приказ даже. Причем велел он не только позывные, но и телеграфистов наших вместе с «телефункенами» меж кораблями поменять. Так-то. Поэтому в Архангельск на ремонт только мы зайдем, а крейсера наши в глуши отстоятся до самого рейда, им хорошей плавмастерской хватит.

– А и правильно, – кивнул Вилькицкий. – После исчезновения эскадры Сеймура англичане от силуэтов о трех трубах и двух башнях такой сплин себе заработают...

– Надеюсь на это, – коротко выдохнул Зацарённый. Он еще раз окинул взглядом бескрайний белый простор, посмотрел в небо на

беспрерывно орущих полярных чаек и тихо добавил: – Боже мой! На какой же край света нас с вами занесло!

– Ничего, – прищурился Вилькицкий на ослепительный солнечный диск полярного дня. – Бог не выдаст, белый медведь не съест. Пришли мы сюда первыми, а значит, всерьез и надолго. Только сдается мне, Василий Максимович, это не край света, а его начало...

25 мая 1902 года. Гельсингфорс

Высокое окно, выходящее на Сенатскую площадь, казалось, вбирало все звуки улицы, и Ленин, поморщившись, отошел в сторону. «Опять митингуют», – неприязненно подумал Ильич про пеструю толпу, заполняющую все городское пространство непрерывным гулом, как потревоженный осиный рой.

Боже мой, а ведь каких-то полгода назад его это искренне восхищало, и он не уставал приводить в пример товарищам политическую активность финских пролетариев. Он царствовал на митингах, срывая продолжительные овации, рассказывая о бесчеловечной тюрьме народов, самодержавной России, и о необходимости предоставления всем народам, населяющим ее, права полного самоопределения, вплоть до отделения. Бурными аплодисментами встречали «угнетенные» финны слова Ленина про необходимость бороться самыми жестокими методами против русского национал-шовинизма. Радостные крики приветствовали его обещания активных революционных преобразований.

А потом что-то пошло не так. Разгоряченные на сходках и митингах, национально самоосознавшие себя финские товарищи начали стремительно радикализироваться, не дожидаясь электорального волеизъявления. Очень быстро дошло до стычек с полицией. Били блюстителей закона избирательно, тщательно отсеивая местные кадры и нещадно метеля «проклятых русских оккупантов».

Попытка противостоять росту насилия по-библейски, подставляя вторую щеку и ожидая, когда «революционная пена» схлынет, ни к чему хорошему не привела. Запрет разгонять и вообще трогать национальные митинги привел к массовым прошениям об отставке русских полицейских и такому же массовому переходу их финских коллег в организации «Национального возрождения Суоми». Впервые прозвучал лозунг «Финляндия для финнов».

К весне изменилась и атмосфера на митингах. Теперь на местных заводах и фабриках его речи про интернационализм трудящихся слушали с глухим неприятием, овации и аплодисменты сменились выкриками с мест «чемодан – вокзал – Россия». А с началом военных действий против Британии и Японии у финских национал-революционеров вместо камней и дубин в руках появились очень приличные винтовки и револьверы.

Почти на всей территории княжества стали возникать отряды самообороны, именуемые Финским охранным корпусом (шюцкор). Они руководствовались не столько классовым, сколько откровенно националистическим подходом, провозглашали построение не просто независимой, но «этнически чистой» Финляндии, границы которой желательно раздвинуть до Урала, где соединиться с победоносной японской армией.

В это время в финских газетах стали появляться такие призывы: «Если мы любим свою страну, нам нужно учиться ненавидеть ее врагов... Поэтому во имя нашей чести и свободы пусть звучит наш девиз: „Ненависть и любовь! Смерть рюсся!“»^[56] Или: «Россия всегда была и останется врагом человечества и гуманного развития. Была ли когда-либо польза для нас от существования русского народа? Нет!»

Причину такого положения дел весьма четко и цинично сформулировал финский соратник Ленина Конни Циллиакус: «Во время революции в Финляндии за разжигаемой русофобией стоит желание сделать русских козлами отпущения за все жестокости и тем самым обосновать собственные идеи... Без внешнего врага поднять массы на войну сложно...»

В итоге ненависть к русским вылилась в открытые столкновения на этнической почве. После захвата Таммерфорса национальными революционными силами было уничтожено около двухсот русских, число казненных в Выборге оценивалось в тысячу человек^[57]. Завязавшийся на территории Финского княжества огонь «национального возрождения» молниеносно перекинулся на всю Прибалтику. В соседних Эстляндии и Лифляндии подозрительно быстро сформировались и вооружились отряды национально-освободительных фронтов. Русское население в зоне их активности начало стремительно уменьшаться, а по всему региону от Вильно до Рованиеми усиленно шныряли лица, командированные товарищем

Макдональдом, с хорошим британским произношением и отменной армейской выправкой.

В результате Ленин оказался в позиционном тупике. Продолжать революционную агитацию – значит еще больше разжигать межнациональный конфликт, в огне которого он сам рискует сгореть. Отдать войскам приказ на подавление революционных выступлений (благо право, предоставленное лично монархом, у него есть) – значит потерять революционную невинность и перейти на сторону самодержавных держиморд. Что делать?

Ильич распахнул окно, и в комнату с новой силой ворвались крики митингующих. Ничего нового. Толпа самозаводится и жаждет крови. Достаточно одного слова, и она пойдет крушить и убивать. Вопрос в том, кто скажет это слово и куда направятся революционные народные массы? Кого изберут очередной жертвой?

– Володя, к тебе от товарища Дзержинского. – Надя была испугана, но виду не подавала.

– Проси, – коротко ответил Ленин, плотно закрывая оконный замок. – И передай всем товарищам: работы сегодня не будет, пусть расходятся по домам до дальнейших распоряжений.

– Владимир Ильич, – молодой белобрысый паренек ужом проскользнул между косяком и Крупской, – я послан к вам с предложением о немедленной эвакуации. Представитель православной миссии ждет вас в Успенском соборе. Храм охраняется моряками, у Северной набережной встали канонерки. Эти, – паренек небрежно мотнул головой в сторону окна, – туда не сунутся!

Ленин устало опустил в кресло. Он, лидер революционной партии социал-демократов, воинствующий атеист, только что опубликовавший в «Пролетарии»^[58]: «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса», и вдруг будет прятаться от революционного народа в церкви? Нет, это решительно невозможно!

– Думаю, ничего страшного... Не в первый раз. Пронесет... – медленно произнес Ильич.

С последним его словом жалобно звякнуло стекло, и в комнату влетело приличных размеров «оружие пролетариата», только что

вывернутое прямо из мостовой.

– Да нет, на этот раз не обойдется, – глубоко вздохнул курьер. – Имеется агентурная информация, что громить сегодня будут именно вас...

– Володя, ну что же ты?! – почти вскричала Крупская. – У нас в штабе больше десяти женщин, о них подумай!

– Решено, идем, – хлопнул себя по колену Ленин. – Как будем выбираться?

– Сейчас саперы немного поработают с вашими помещениями на первом этаже, – торопливо зачастил посланник, озабоченно поглядывая на площадь, приходящую в движение, – и по сигналу выходим через черный ход на Екатерининскую улицу.

– По какому сигналу? – нетерпеливо перебил Ленин.

– Вы услышите, – загадочно улыбнулся курьер и уже по-военному строго добавил: – Разрешите идти?

– Да-да, конечно, – кивнул Ильич и еще раз посмотрел на беснующиеся революционные народные массы за окном. – Что-то у нас недоработано... Что-то срочно требуется подправить...

25 мая 1902 года. Забайкалье

Алексей Игнатьев небрежно бросил поводья денщику и легко вбежал по ступенькам земской больницы при Атамановском разъезде Забайкальской железной дороги.

– К генералу Грибскому с поручением, – коротко сообщил он поднявшемуся навстречу ординарцу и, не дожидаясь ответа, прошмыгнул в крошечный коридорчик, оглянулся, прислушался, сориентировался по знакомому голосу, настойчиво постучал костяшками пальцев в процедурную.

Генералу как раз делали перевязку. Доктор, явно не знакомый с огнестрельными ранениями, неловко суетился вокруг именитого пациента, только увеличивая его страдания своими неловкими движениями. Грибский прикусывал губу, вздрагивал, но в целом вел себя вполне прилично, не допуская, чтобы даже тень недовольства упала на врача, пребывающего в состоянии легкой паники.

Генерал был ключевой персоной во всей сложной шахматной партии, где с одной стороны за доской сидели лорд Китченер и князь Львов, а с другой – управление контрразведки Шершова с сонмом

личных служб императора, в количестве и хитросплетении которых Игнатьев уже отчаялся разобраться. Грибский, в соответствии с этой игрой, был успешно вовлечен в заговор, как обойденный чинами и наградами после подавления восстания боксеров. За него, знающего местную специфику и географию, с удовольствием ухватились и англичане, и заговорщики, с ходу назначив командиром отряда, предназначенного для захвата золотого и алмазного запаса в Агинском дацане и последующего соединения с британо-японским экспедиционным корпусом.

Грибский развил бурную активность, сбивая из разношерстного материала линейные подразделения, нещадно гоня их на плацу и постоянно откладывая прорыв к заветному дацану, ссылаясь на отвратительную слаженность и плохую выучку подчиненных. Ничего не понимавший в военном деле князь Львов недовольтно морщился, но в целом с генералом соглашался: контингент был не из легких. Паркетные войска незаменимы в дворцовых интригах и столичных переворотах, а в условиях бездорожья и тайги... Нет уж, пусть британцы и японцы сами таскают золотые и алмазные каштаны из огня!

Львов даже не догадывался, что операция с внедрением Грибского к заговорщикам была спланирована императором задолго до его принятия на себя обязанностей «Фалька», сразу после первой встречи с генералом в Ликани, и что медлительность генерала не связана с необходимостью повысить боеспособность революционной повстанческой армии, а имеет целью ожидание момента, когда вокруг штаба мятежников сомкнется кольцо верных императору войск под предводительством соратника Грибского по Приамурью генерала Чичагова. Это должно случиться со дня на день, и вот тогда потребуется действовать быстро и решительно. А тут такая неприятность...

Изнывающий от скуки великий князь Борис Владимирович принялся ухаживать за сестрой милосердия княгиней Гагариной. Она дала ему пощечину и пожаловалась Грибскому. Тот вызвал великородного хама и сделал замечание. Борис обиделся: «Вы забываете, генерал, что говорите с великим князем». Грибский рассердился: «Молчать, руки по швам!» Тогда великий князь, не говоря ни слова, выхватил револьвер и выстрелил в генерала. Стрелок

из него был настолько посредственный, что при выстреле в упор пуля попала в плечо по касательной.

Князя повязали и засунули под домашний арест, а у Игнатьева, проклиная себя, что не углядел за шустрым великокняжеским подопечным, теперь болела голова: кто поведет повстанческий революционный отряд в заранее заготовленную для него ловушку?^[59]

– А, поручик, заходите, не стесняйтесь. – Грибский удивительным образом узнавал людей по звуку их шагов. – Доктор, оставьте нас ненадолго: сами понимаете, служба не ждет.

– Ну что, побывали у этого паршивца? – поинтересовался генерал, подождав, пока за доктором закроются двери.

– Так точно. Спокоен, даже весел. Вины за собой не чувствует. Сетует, что вообще связался с военной службой, мешающей ему жить в свое удовольствие.

– Ну а вы?

– Возразил, что жить в свое удовольствие – удел плебея. Благородный стремится к порядку и закону.

– Эко вы дерзко, голубчик!

– Это не я, Николай Михайлович, это Гете.

– И вы таким образом собирались его уязвить? Думаете, что золотая молодежь знает Гете?

– Простите, господин генерал, но я вроде тоже золотая молодежь.

– Ах, граф, не придирайтесь к словам. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю... И знаете, я уже немолодой человек, но только сейчас, получив пулю от того, чьей семье присягал на верность, осознал, какой разрушительной силой обладают великий князь Борис Владимирович и ему подобные. Как говорил Джон Эмерих Эдвард Дальберг-Актон, власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно...

Кстати, знаете, кто присоветовал мне почитать его «Свободу и нравственность»? Сам государь! И я уверен, он тоже понимает опасность ничем не обоснованного возвышения высокородных господ, забывших даже, как выглядит добродетель. Именно этими опасениями вызваны столь стремительные реформы последнего года. Надо срочно вычистить государство от этой скверны высокомерия и некомпетентности, пока они не уничтожили саму державу. И мне очень по нраву, что я удостоен чести принять участие в таком благородном деле. Потому, граф, давайте не откладывать дела в долгий ящик.

Остаетесь при моей персоне и никуда не отлучаетесь, кроме как по моему личному приказу. Насколько я понял, вы привезли то, что я так долго жду?

– Да, Николай Михайлович. Нам вместе с вверенным вам войском надлежит быть не позднее чем послезавтра в районе станции Могойтуй. Там находятся штаб Максимова и последняя линия обороны против британских и японских войск. По официальной версии мы должны нанести удар в тыл правительственным войскам. Неофициально – именно там и закончится наша с вами двойная жизнь, а вместе с ней, может быть, и война в целом.

В это же время. Атлантика

Пробуждение лейтенанта Паунда было довольно неприятным. Сначала его грубо пнули тяжелым ботинком, а когда он спросонья вскинулся и попытался достать нахала кулаком, заломали руку, съездили по голове чем-то тяжелым и за одну минуту спеленали как младенца, не оставив возможности шевельнуть ни одной конечностью, без того чтобы пеньковая веревка не врезалась больно в запястья и шею.

Как исполняющему обязанности командира броненосца «Дункан» ему уже две недели доводилось спать не более четырех часов в сутки. А когда еще даже не достроенные, кое-как вооруженные корабли вышли в море и легли на курс к берегам Соединенных Штатов, сон пришлось урезать еще на час. Война пожирала не только корабли, но и людей, поэтому экипажи броненосцев были сокращены до крайнего предела. Хорошо еще, что возглавляемые мистером Гудри «бразильские», «аргентинские» и «чилийские» бизнесмены прислали целый пароход с рабочими и инженерами, которые ради скорейшей установки орудий должны были готовить корабли прямо во время перехода в Филадельфию: американцы не любили терять время даром.

И что удивительно, рабочие, среди которых было изрядное количество негров, не доставляли британским офицерам абсолютно никаких проблем. Напротив, они сняли часть обязанностей с экипажей и даже соорудили из подручных материалов лежаки, на которых прислуга немногочисленных имеющих шесть- и трехдюймовок могла отдыхать прямо возле боевых постов. Вот они и расслабились...

Сейчас все эти офицеры и матросы со связанными за спиной руками сидели на палубе у носовой башни. Лейтенанта протащили вперед и усадили рядом со своими людьми. Четверо «работяг», охранявших британских моряков, держали в руках револьверы – русские наганы с очень толстыми стволами.

– Прошу прощения, лейтенант, – усмехнулся невысокий, но с виду могучий «инженер», явно главный в этой шайке. – Мы бы отнеслись к вам с большим уважением, но не все ваши люди оказались достаточно благоразумны... – Он кивнул, указывая подбородком на короткий ряд закрытых парусиной тел.

Словно в подтверждение его слов, где-то в районе спардека сначала раздался револьверный выстрел, а затем послышались три негромких хлопка. Вскоре два «рабочих», один из которых был негром, проволокли мимо пленных еще одно безвольно повисшее тело с тремя красными пятнами на груди. Привычного «стетсона» на голове мистера Гудри не было, каблуки щегольских ковбойских сапог волочились по палубе, а кольт американца красовался за поясом чернокожего пирата.

– Это подло! Это акт пиратства! Это нарушение обычаев войны! – взвился лейтенант.

– Ах, мистер Паунд! Во-первых, ваши корабли несли британские флаги и, значит, являются законной добычей, – усмехнулся бородатый предводитель пиратской шайки, – а во-вторых... Во-вторых, после «Александры» не вам, британцам, говорить о подлости и нарушении обычаев.

– Что вы имеете в виду?

– Тогда вы обвинили нас во взрыве вашего броненосца, лейтенант, – усмехнулся здоровяк. – Но знаете, в чем ирония? Если бы взрыв устроили мы, я бы непременно знал об этом и, скорее всего, поучаствовал или даже возглавлял бы операцию. Позвольте представиться: командир Особого экипажа Российского императорского флота, капитан первого ранга Сергей Захарович Балк. Что же касается мистера Гудри... Ему тоже не хватило благоразумия. Он оценил мираж прибылей выше, чем собственную жизнь. Не повторяйте его ошибки, лейтенант.

Послышался мягкий удар в борт, и с подошедшего катера по спущенному адмиральскому трапу начали подниматься русские

моряки, в основном либо безусые гардемарины, либо призванные из запаса матросы старших возрастов. Они тоже были вооружены револьверами, вот только стволы у них были совершенно обычными.

Лейтенант Паунд с тоской посмотрел на идущий параллельным курсом русский вспомогательный крейсер, кажется, он назывался «Печора». О да! Даже один его «Дункан» легко мог разобраться с переоборудованным транспортом, если бы не коварно проникшие на борт русские, повязавшие прислугу прямо у орудий, как, впрочем, и всю остальную немногочисленную команду... Кстати, откуда среди них негры?

А теперь сопротивление было совершенно бесполезно, и Дадли Пикману Роджерсу Паунду следовало проявить присущее ему с детства благоразумие. Двигаясь к трапу, он увидел, как русский священник читает короткую молитву над телами убитых. Сидя в катере, он проводил взглядом падающие за борт завернутые в парусину тела, заметив высывающиеся из последнего сброшенного в воду свертка ковбойские сапоги, вокруг которых был намотан линек с привязанным к нему тяжелым колосником.

* * *

Прежний обладатель этих сапог в настоящий момент сидел в кают-компании, закинув прямо на стол обутые в мягкие тапочки ноги.

– Не хватало мне этого, дон Серджио, – пояснил он. – Все время, пока шкуру американца носил, так и подмывало ноги на стол положить: без этого выбивался из образа, царапало прямо. А нельзя было: англичане американцев в грош не ставят и такой вольности никак не простили бы. В самой Америке-то попроще все, там даже на приеме у президента, когда я рекомендацию у него покупал за пожертвование, такое принято... С Крампом и Мэхеном еще легче было. Ты, к слову, скажи, Захарыч, негров-то откуда добыл, да еще таких лихих?

– Со всей России собирал, – ответил «инженер», – для устранения подозрений. Ну кто подумает, что русский человек может быть не только немцем, но и негром? Они ж там даже про Пушкина толком не знают, не говоря уже о генерал-аншефе Ганнибале. Так что часть своих

арапов я нашел в Абхазии, они там давно уже живут, головорезы не хуже местных, а часть из них наши трансваальцы с собой привезли. Там что буры, что англичане – сплошь враги, а вот к нашим прикипели. Бешеный Борис полдесятка из Америки привел, чем-то они ему приглянулись. Одного из цирка взяли, борец не из последних. Он с моими обормотами даже занятия по борьбе проводит. А вон прапорщик Забиякин Константин Максимович, что сейчас «Эксмутом» командует, сын русского матроса. Писатель Станюкович про отца его книжку целую написал. Так-то! Война кончится, я его в корпус сдам, для правильного образования. Глядишь, адмиралом станет.

Суровые воды Атлантики покачивали на волнах шесть британских броненосцев, за одну ночь ставших русскими. Операция «Воздаяние», разработанная лично императором, завершилась just in time, и радиотелеграфист торопливо отбивал шифрованное сообщение, даже не подозревая, что его телеграмма означает коренной перелом в морском противостоянии России и Великобритании.

Историческая справка

Кто скрывался под маской мистера Гудри? Выходец из старинного шляхетского рода Борис Доливо-Добровольский – военный моряк, разведчик, лингвист. Его судьба и уникальна, и похожа на сотни офицерских биографий: служил царю, принял советскую власть, репрессирован.

Накануне Первой мировой войны он с командирского поста на эскадренном броненосце «Слава» был прикомандирован к Морскому генеральному штабу, назначен на должность начальника отделения иностранной статистики, занимался вопросами морской разведки и контрразведки.

Именно к тому периоду относятся его публично высказанные соображения о роли флота в судьбе государства: «Защищая свои интересы на земле, народы создают территориальные армии; защищая свои интересы и права на море, они сооружают военно-морскую мощь, то есть флот, ибо каждая нация, желающая владеть хотя бы частью морской поверхности, должна иметь морскую силу. В вопросе об обладании морем компромисс невозможен: или государство соглашается нести крупные и подчас тяжелые жертвы для содержания

флота, или же оно вовсе отрекается от моря и тогда отказывается в будущем от своей самобытности».

26 мая 1902 года. Черноморская развязка

Море было гладким как стекло, и бурун от перископа русской подводной лодки, поджидавшей колонну британских кораблей на выходе из протраленного фарватера, был замечен почти мгновенно. Сразу три дестройера охранения ринулись в атаку, пытаясь протаранить подлюю тварь. К сожалению, русский успел погрузиться, но его атака была сорвана, и все семь броненосцев Королевского флота смогли выйти на черноморский простор.

«Да, – подумал адмирал Фишер, злорадно улыбнувшись, – сегодня чудесный день!»

На этот раз сбоя не было: броненосец «Двенадцать апостолов», в одиночестве дежуривший у минной позиции, улепетывал на всех парах. Предусмотрительно конфискованные фелюги и пароходики под турецкими флагами беспрепятственно рассыпались по морю, собирая с воды уцелевших моряков с тральщиков и эсминцев, ставших платой за прорыв.

– У него осталось не больше двадцати снарядов на ствол, сэр, – усмехнулся командир флагманского «Коллингвуда». – Русские неплохо стреляли и пустили нам изрядно крови. Но теперь они почти беззащитны.

– Я считал, Гордон. – Улыбка Фишера больше напоминала оскал. – Его погребка почти пусты. И он будет отходить к Кара-Денизу. Надеюсь, «Екатерины» тоже потратили снаряды, поддерживая очередной десант. Но давайте есть блюдо по кусочкам. Передайте первому отряду: начать преследование.

Более скоростные «Илластриес» и «Викториес», передвигаясь в середине колонны до прохождения минных банок, приняли вправо и прибавили скорость.

– Если у русских действительно осталось всего семьдесят снарядов, и если они откроют огонь со своей обычной дистанции, я ожидаю четыре или пять попаданий главным калибром, – пояснил адмирал. – В худшем случае мы потеряем один из «Маджестиков», тогда соотношение сил изменится на три к одному. «Екатеринам» придется либо оставить десант наедине с нашими орудиями, либо

погибнуть... с тем же результатом. Эвакуировать свои войска они не успеют.

– Дымы на горизонте! – заголосили сигнальщики. – Дымы на горизонте! – И почти сразу же: «Летающая свинья»! «Свинья» в воздухе!

– О, – снова оскалился Фишер, – они отреагировали быстрее, чем мы ожидали. По эскадре – зенитные плутонги к бою!

* * *

Листок радиограммы, подписанной проще простого – «Иванов», дрожал в руках адмирала Рожественского.

– У вас есть какие-либо возражения, милостивый государь?

Адмирал промолчал, с тоской глядя на приближающиеся со стороны Кара-Дениза увенчанные черными шапками дыма «Екатерину» и «Синоп», сопровождаемые «Алмазом» и «Ониксом». Жандарм с бледно-рыбьими глазами был совершенно спокоен, головорезы из его эскорта тоже не выказывали никаких эмоций, стояли себе, держа руки на рукоятках табельных браунингов.

– Передать на оба отряда: «Флагман передает командование адмиралу Фёлькерзаму», – распорядился командир «Двенадцати апостолов» Коландс, протянув еще один точно такой же приказ вахтенному офицеру.

– Прошу проследовать в адмиральский салон, господин Рожественский.

Жандарм не соизволил обратиться к нему по званию – «господин адмирал», – и Зиновий Петрович понял, что все кончено.

* * *

Адмирал Рожественский был человеком сильной воли, мужественным, безусловным патриотом, и весь вопрос заключался только в том, что конкретно он мнил благом для Отечества и какие поступки считал патриотичными.

Морской кадетский корпус юный Рожественский окончил в числе лучших выпускников. После начала войны с Турцией был направлен на Черноморский флот в качестве флагманского артиллериста. Служил на пароходе «Веста», получившем общероссийскую известность в неравном бою с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». За проявленные отвагу и доблесть получил очередной чин и ордена Святого Владимира и Святого Георгия, делом доказав свой профессионализм и отвагу.

Большинство служивших с ним людей отмечали необычайное трудолюбие, добросовестность и невероятную силу воли Рожественского и в то же время побаивались его за крутой нрав и язвительные, временами даже грубые выражения, которые он не стеснялся использовать в отношении подчиненных. Во флоте у Зиновия Петровича было прозвище «Тигр в аксельбантах».

Вот что писал о нем лейтенант Вырубов в своем письме к отцу:

Приходится хлопотать, чтобы устроить себе на лето мало-мальски приличное существование, а то того и гляди попадешь в артиллерийский отряд к свирепому адмиралу Рожественскому, где не только отпуска не получишь, но еще рискуешь быть проглоченным этим чудищем.

Однако службе такие характеристики не мешали. Грубиянов во флоте было много, а профессионалов – мало. Зиновий Петрович считался одним из лучших артиллеристов. Император Германии Вильгельм как-то после маневров сказал русскому царю:

– Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский.

Сам Зиновий Петрович всегда был примерным монархистом и ярким защитником существующих порядков. Вот что он писал своему другу барону М. Р. Энгельгардту:

Не понравился мне твой немецкий критик (М. Гарден) за его жестокие, грубые слова на государя нашего, на мученика, который лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их, который оклеветан перед народом своим, который остается заслоненным от этого народа мелкой интригой, корыстью и злобой, который

изверился во всех, имеющих доступ к престолу его, и страдает больше, чем мог бы страдать заключенный в подземелье, лишенный света и воздуха.

Все изменилось в 1891 году, когда Рожественский получил назначение морского агента в Лондоне. В течение трех лет Зиновий Петрович собирал информацию о британском флоте, наблюдал за строительством кораблей, их отдельных узлов и с болью в сердце констатировал отставание России во всем, что касается промышленности и организации труда. Как человек равнодушный, он мучительно искал причины технологической немощи Отечества и способы исправить ситуацию. Искал и не находил, пока по рекомендации графа Гейдена не попал на собрание Grand Lodge of All England и не услышал о простой, явной, лежащей на поверхности взаимосвязи методов и формы правления с темпами развития и ростом благосостояния государства.

Тогда для Рожественского все стало просто и понятно. Ну конечно же! Наличие парламента и публичная конкуренция политиков как локомотив тянет за собой технический прогресс! Наличие гражданских свобод выталкивает наверх наиболее достойных и умных! И пример прямо перед глазами – старейшая демократия Европы Великобритания и наступающие ей на пятки Северо-Американские Штаты...

В Россию Зиновий Петрович вернулся другим человеком. Он также скрупулезно выполнял свои обязанности, но таким образом, чтобы как можно быстрее исправить системные пороки самодержавия. Рожественский был полностью согласен с князем Львовым: существует тесная взаимосвязь между либерализацией политического режима в России и внешними неудачами. Яркий пример – поражение в Крымской войне, а следом – отмена крепостного права и ряд других либеральных послаблений. Но потом дело застопорилось, а победа в последней войне с османами вообще погрузила страну в тину самоуспокоенности. Значит что? Правильно! Для стимулирования преобразований требуется новое поражение!

Адмирал Рожественский, с присущими ему тщательностью и самоотдачей, ковал это поражение, как мог, как умел, прекрасно понимая: никакой благодарности за эту работу не предвидится. Просто

он, искренне переживая за Отечество и найдя, как ему казалось, верное лекарство, добывал его, отмечая все остальные обстоятельства как несущественные. И вот когда до цели оставался всего один шаг... Как глупо и как бездарно! Жаль, очень жаль. Зиновий Петрович, покидая мостик, не чувствовал ни страха, ни угрызений совести, а только досаду за незавершенное дело...

– Ваше высокопревосходительство, разрешите? – прервал раздумья адмирала молодой задорный голос.

– Да, голубчик, чем могу служить? – не поворачиваясь к посетителю и не отрывая глаз от морского горизонта, маячившего в иллюминаторе адмиральского салона, неохотно отозвался Рождественский.

– По личному распоряжению полковника Шершова велено передать папку для ознакомления...

– Что там? – раздраженно бросил адмирал, не меняя позы.

– Копии документов директории военной разведки Британии начиная с 1890 года. Инструкции по вашей скрытой вербовке, отчеты членов ложи «Великая Англия» о проделанной работе, ваш психологический портрет, составленный специалистами Ройял Нэйви, и даже список тем, где ваши знания ограничены и, соответственно, имеется возможность вас дезинформировать... Отдельно – вознаграждения, полученные агентами за хорошо сделанную работу... Вас использовали втемную, Зиновий Петрович, и только поэтому вам предоставлен доступ к этим документам, стоившим жизни нашему агенту в Лондоне...

– С «Викториеса» передают: дистанция до «Екатерин» – сто пять, они отходят строем фронта! «Двенадцать апостолов» идет впереди, до него сто десять!

– Сейчас они начнут обстрел, – кивнул Фишер. – Черт, русские, вероятно, почуяли неладное и отозвали свои броненосцы от места высадки, поэтому разбить их по частям не получится. Придется бить их вместе. Что со «свиньей»?

– Держится приблизительно на четырех тысячах футов, готовится корректировать огонь, – вытянулся офицер.

– Начинайте. Всеми противовоздушными plutонгами! Беглый огонь! Крейсерам приготовиться дать полный ход!

На всех семи кораблях эскадры затаивали трехфунтовые пушчонки, взгроможденные на кустарные станки для стрельбы в зенит, им безнадежно вторил «пом-пом» Максима с единственного уцелевшего тральщика. Изначально сорокасемимиллиметровые «гочкисы» были снабжены только бронебойными снарядами, призванными останавливать вражеские миноноски, но Фишер в очередной раз совершил невозможное: даже немощная стамбульская промышленность была лучше, чем полное ее отсутствие. На каждый из сорока двух стволов удалось произвести не менее полутора сотен импровизированных осколочных гранат.

Впрочем, помогало это плохо: стрельба по воздушным целям оказалась делом настолько новым, что расчеты противодиржабельных пушек даже и не надеялись попасть. В конце концов, даже всплесков, помогающих комендорам скорректировать ошибки, в небесах не было...

– Удача! Они все же попали!

Фишер приложил к уцелевшему глазу подзорную трубу, мысленно проклиная сходство с кровавым Горацио Нельсоном, и взгляделся в противника. Да! Руль дирижабля был развернут на правый борт, и вражеский разведчик явно пытался отойти на более безопасную дистанцию.

– Мы его зацепили! Усилить огонь! Бейте наугад, бейте до последнего снаряда! Но почему же он не взрывается?!

Тканевая обшивка русского корабля явно была прорвана в паре мест, так почему же... Почему эта чертова надутая водородом свинская сарделька не горит?!

– Наши взрыватели не срабатывают, сэр, – вежливо пояснил ему один из офицеров штаба. – Видимо, преграды в виде прорезиненной материи недостаточно для накола!

– К тому же горит не собственно водород, – мерзким учительским тоном произнес за его спиной какой-то умник, – горит его смесь с кислородом, а она, очевидно, еще не успела...

В этот момент все и произошло. Вероятно, один из снарядов зацепил внутренний каркас воздушного корабля и все-таки взорвался, или просто ударился об него и высек искру... Вспышка была еле заметной. Затем вокруг очередной брешы возникло пламя, пожиравшее ткань. Яростный огонь, такой белый, что глазу стало больно, охватил корму воздушного корабля. До мостика «Коллингвуда» докатился удар взрыва, и переднюю часть сигары словно бы швырнуло вперед вместе с половиной гондолы. Горящие ошметки еще порхали в воздухе, когда кабина экипажа и один из моторов с замершим винтом с плеском ударились о водную поверхность.

– Джентльмены, – голос Фишера был сух и спокоен, – отметьте в журнале первую победу флота его величества над воздушным противником. Крейсерам – набрать ход, лечь на параллельный курс с русскими и затормозить их, иначе мы не успеем нагнать мистера Рожественского до темноты. «Илластриес» и «Викториес» – форсировать машины, чтобы проскочить дистанцию с сотни до шестидесяти кабельтовых как можно быстрее. Полагаю, без корректировки русские откроют огонь с девяноста. Да, кстати... Поскольку их дальнометы лучше, в момент их первого выстрела внести поправки в показания наших приборов.

* * *

– Даруй, Господи, покой небесный воинам России, – перекрестился адмирал Фелькерзам.

Офицеры в рубке «Екатерины», ставшей флагманом, также сдержали фуражки и осенили себя крестом.

– Господа, мы остались без воздушной корректировки. На КДП передайте: работать вдумчиво, не торопясь, но и не слишком медля. От дальномерщиков теперь все зависит. Артиллеристам – целиться лучше. Темп стрельбы умеренный, полтора выстрела в минуту. И начнем-ка мы, пожалуй, не с сотни кабельтовых, а с девяти миль...

Дмитрий Густавович фон Фёлькерзам внешность имел самую что ни на есть комическую, голос – тонкий и несолидный, характер – добродушный до крайности. И дослужился он до контр-адмиральских орлов только потому, что дело свое знал отменно. Да и подчиненными был он не только уважаем, но и любим.

– Девяносто два до головных! – отрапортовал спустя несколько минут артиллерийский офицер.

– Ага-с. Артиллеристов противоминных плутонгов – под броню: от торпед нас истребители и «Алмазы», дай бог, прикроют. Среднему калибру приготовиться обстрелять британские крейсера фугасами, как только они нам на траверз выйдут. А вы, Григорий Павлович, примите-ка вправо одновременно с «Синопом», чтобы открыть правые носовые барбетты. Вот сблизятся они на девяносто, и начнем, помолясь. «Апостолам» вести отряд генеральным курсом на Кара-Дениз, но далеко не отрываться. Пусть у них погреба и пустоваты, но чует сердце: ох пригодятся нам эти остаточки по сусекам... Какую силищу-то англичане собрали по наши души – эдак-то, господа, и возгордиться недолго!

* * *

– Предсказуемо, – усмехнулся Фишер, когда оба отходящих строем фронта русских броненосца выплюнули снопы огня и дыма. – Но заметьте, они даже с такого ракурса могут вести огонь из четырех орудий!

– Похоже, их надстройкам от продольного огня носовых орудий в корму не слишком хорошо, – отметил командир «Коллингвуда».

– Вряд ли это их заботит именно сейчас. Сколько времени нужно нашему авангарду для выхода на дистанцию огня?

– Обе «Екатерины» отклонились от генерального курса на два с половиной румба. На всех русских броненосцах котлы заменены еще весной. Если их скорость четырнадцать, – забубнил тот самый умник, – и если они будут менять галсы, то проекция скорости приблизительно двенадцать узлов... Значит, тридцать минут, сэр!

– Шестьдесят залпов, – кивнул Фишер, – если не сменят курс. Пятьдесят, если пойдут галсами. Надо сократить время сближения всеми средствами. Авангарду – форсировать машины. Крейсерам – атака! Сбить им ход!

* * *

– Голубчик, – обратился к радиотелеграфисту «Екатерины» адмирал Фелькерзам, утирая лоб батистовым платочком, – передайте-ка Митрофану Николаевичу, чтобы его «Апостолы» нас от этих бандитов координатом влево прикрыли-с. Пусть сбавит ход, даст машинам отдохнуть, да и кочегарам тоже. Может даже потратить по десять снарядов на орудие главного калибра, если будет уверен в определении дистанции.

* * *

– Головной смещается влево, идет на пересечение с «Кресси» и «Пауэрфулом»! Ведет огонь главным калибром, близкий недолет!

– Попадание в «Викториес» с «Синопа»! Пробита бронепалуба, внутренний взрыв!

– Нам надо будет озаботиться усилением горизонтальной защиты новых кораблей, – отстраненным тоном заметил Фишер. – Если бои и дальше будут идти на такой дистанции, то поражение палубы становится все более и более вероятным. Как оцениваете ее крен, юноша? – обратился он к лейтенанту, прилипшему к биноклю.

– Не более трех градусов, сэр, и скорость пока не снижается.

– Прекрасно. Продолжаем преследование. Восемь минут до выхода на дистанцию открытия огня.

– Попадание главным калибром в «Кресси!»

* * *

– Еще три залпа!
– Но адмирал приказал не более...
– Отставить но! Иначе пойдем на дно с полупустыми погребами, вот позору-то будет! Сам Дмитрий Густавович нам тогда на том свете и попеняет!

Пушки рявкнули еще раз.

– Есть попадание! Двумя сразу! «Кресси» парит, садится носом!
– Переносите огонь на второй! Бить до полного опустошения погребов! Контроль дистанции!
– Так точно, перевести огонь, бить до...

Артиллеристы крейсера «Пауэрфул» регулярно выигрывали призы на флотских соревнованиях по стрельбе. Не подвели они и на этот раз: снаряд главного калибра весом в добрых сто семьдесят килограммов попал в рубку ровно на уровне смотровых щелей, и форс осколков прошел всех находившихся внутри, включая рыбоглазого жандарма.

* * *

– Ну и достается «Апостолам» нашим... Еще пару залпов по авангарду Фишеровому стоило бы дать, но... Главному калибру задробить стрельбу к повороту шестьдесят градусов влево, правым носовым барбетам дробь, левым – товсь. По окончании поворота произвести пристрелку по новой-с. Средний калибр, как выйдем на дистанцию сорок пять до «Пауэрфула», постарайтесь достать супостата. Да поочередно, с интервалом секунд в десять стреляйте, чтобы не путать залпы, уж будьте так любезны, господа!

* * *

Адмирал Рожественский ворвался в рубку и чуть не поскользнулся на крови, пропитавшей доски настила.

Броненосец рыскал на курсе и горел, обе шестидюймовки левого борта были выбиты огнем «Пауэрфула», который слегка зарылся носом, горел, но шел параллельным курсом не более чем в двадцати кабельтовых и вколачивал в старый броненосец снаряд за снарядом.

«Кресси» уже торчал почти вертикально, обнажив замершие винты, крен едва плетущегося далеко позади «Викториеса» достиг пятнадцати градусов. Третий после поворота залп девятидюймовок «Синопа» дал еще одно попадание, и стало ясно, что один из двух броненосцев британского авангарда уже не жилец. Второй, «Илластриес», горел в нескольких местах, но отчаянно пер вперед. Устаревшие «Адмиралы» отставали, но стоит русским еще немного сбавить ход, и те тоже присоединятся к кровавому веселью.

* * *

Зиновий Петрович торопливо протер залитые кровью линзы лежащего на палубе бинокля и направил его на английский корабль. Что ж, по крайней мере, рескрипт о лишении звания ему не зачитали, зато сам он несколько раз прочитал свою характеристику, данную британскими джентльменами: «Рождественский туп, прямолинеен, узкообразован, политически и экономически безграмотен, на фоне комплекса славянской неполноценности и при умеренной лести внушаем и податлив...»

«Вот сейчас и посмотрим, как я податлив!»

– Вице-адмирал Рождественский принял командование! Машина, – гаркнул он в раструб переговорной трубы, – доложить обстановку!

– Слава богу, хоть вы, вашпрство, живы! – донеслось из железных недр. – Ход имеем, но наблюдается фильтрация воды в первую кочегарку! Минут через десять будем вынуждены вывести из дела половину котлов!

– Держать ход, пока возможно, – распорядился адмирал, вытаскивая пробку из второго амбушюра. – КДП! КДП, мать вашу через три якоря!

– КДП разбит, – услышал он хриплый голос прямо за спиной, – дальномерщики погибли все. Погреба главного калибра пусты, по

левому борту действует одна трехдюймовка, оба шестидюймовых каземата разбиты, – доложил минный офицер Колпакиди.

– Минные аппараты? – деловито уточнил адмирал, сдержав гримасу недовольства: по очередному совершенно безумному распоряжению тирана год назад Черноморский флот просто-таки запрудили наскоро выученные выходцы из торгашей, рыбаков и контрабандистов.

– Левый «Аз» разбит безвозвратно, «Буки» требует ремонта в пять-десять минут. Носовой, кормовой и оба правого борта в порядке, готовы к стрельбе, ваше превосходительство!

– Без чинов, мичман, – усмехнулся Рожественский. – Все одно там, на дне, крабы не особо в погонах разбираются. Ступайте вниз, готовьтесь бить правым бортом по «Пауэр-фулу».

– Правым, господин адмирал?

– Десяти минут нам не дадут. А последнюю кочегарку затопит – и все, попадем под сосредоточенный огонь и пикнуть не успеем. Поэтому через минуту делаем полный разворот, заодно и поближе к англичанину подойдем.

– Слушаюсь, вашпрство!

Моряк выскочил из рубки, и Рожественский услышал, как тот кричит на бегу:

– Костров! Костров, твою мать! Шестидюймовки правого борта к бою! Сейчас адмирал тебя ими на британца развернет!

– Ну хоть от этого толк будет. Если выживет. Машина! – крикнул в переговорную трубу оставшийся в одиночестве адмирал. – Приготовиться к развороту влево на шестнадцать румбов. Сразу после разворота выводите носовую кочегарку из дела, лишних людей – наверх.

– Готовы, вашпрство!

– Лево на борт! Левая машина – полный назад, правая – полный вперед! Разворот!

* * *

– Что же он делает?! – охнул кто-то из офицеров.

– Атакует «Пауэрфул», помоги ему Господь, – вздохнул Фёлькерзам. – Среднему калибру – дробь: не зацепить бы своих... Сосредотачиваемся на «Илластриесе». Стреляем поочередно, с интервалом в двадцать секунд. С Божьей помощью и его достанем.

– Дистанция шестьдесят восемь! Противник открыл огонь! Неделет пять!

* * *

– Русский пустил мины, сэр! Две торпеды, с дистанции двенадцать!

– Право на борт! Пропустим торпеды слева и вернемся на прежний курс. Скорость держать в шестнадцать узлов: сейчас он продолжит поворот, и мы накроем его продольным огнем на попытке отхода. Думаю, много ему не надо!

Два пенных, хорошо видимых следа прошли вдоль левого борта «Пауэрфула», но когда крейсер открыл огонь, еще одна торпеда, третья, выпущенная из кормового аппарата, ударила его под мидель. Черноморская вода хлынула сразу в две расположенные одна за другой кочегарки. А когда «Апостолы» описали полную циркуляцию, почти неподвижный крейсер подбросила еще одна мина, выпущенная в подходящий момент мичманом Колпакиди из только что починенного аппарата левого борта.

* * *

– Григорий Павлович, а давайте-ка мы с «Синопом» ход сбросим до восьми узлов. «Пауэрфул» тонет вполне благополучно, «Илластриесу» нашему немного осталось: вон как он носом просел. Лучше будет, если мы мистеру Фишеру пряничком перед носом помашем, сделаем вид, что конвоируем «Апостолов». Они сейчас не более девяти дадут. Пусть господа британцы думают, что у них получилось нас хотя бы затормозить! А то ведь расстроятся и уйдут... Что потом с ними делать?

– «Илластриес» кренится! – закричал сигнальщик. – Перевернется вот-вот!

– Сколько мы, Григорий Павлович, в него всадили-то?

– Наших снарядов выпущено пятьдесят два полных четырехорудийных залпа, из них пять попаданий коммонами в палубу и надстройки и четыре фугасных. Плюс близкие разрывы, но их, прошу прощения, не сочли-с. И «Синоп» дал с дюжину залпов, все фугасами, и тоже пару-тройку раз попал, когда покончил с «Викториесом».

– Что у нас со снарядами? Довольно ли?

– В кормовых погребах резерв в сорок бронебойных и двадцать шесть фугасов, коммоны кончились все. В носовых – восемьдесят бронебойных, коммонов шестьдесят штук... ЕСТЬ!

– Сохрани, Господи, души моряков английских. Может, и спасется кто... Дистанция до вражеской кордебаталии?

– Сто двадцать, и сокращается довольно быстро.

– Давайте-ка дадим «Апостолам» нас догнать и посмотрим, кто у британцев в колонне первым идет... Не «Кампердаун» ли?

– Не могу точно сказать, Дмитрий Густавович, не разбирают сигнальные! Орудий в носовом барбете два, значит, не «Бенбоу», и вымпела адмиральского не замечено, стало быть, и не «Коллингвуд».

– А вот это хорошо, просто замечательно! Ни «Коллингвуд», ни «Бенбоу» нам пока лучше не трогать, а «Кампердаун», «Хау» или «Родней» – в самый раз... Вот что, Григорий Павлович, голубчик, пока британцы на семьдесят не подошли, прикажите-ка перекинуть из носовых погребов в кормовые пару десятков коммонов: на дальностях свыше шестидесяти кабельтовых они просто изумительно пробивают британские палубы... А уж потом на фугасные перейдем. И на «Синоп» то же самое передайте.

– Слушаюсь. – Капитан Беляев быстро отдал указания. – А с чего бы «Коллингвуд» с «Бенбоу» не трогать, господин адмирал?

– На «Коленьке» сам Фишер идет, – пояснил Фёлькерзам. – А он, сказывают, безумен после конфуза Персиянского, аки капитан Ахав. Не отступит, будет нас преследовать до последнего, особенно если мы сделаем вид, что ход держать не можем. Топить его будем только при удобном случае-с. А «Бенбоу»... Его шестнадцатидюймовки, Григорий

Павлович, дуры, конечно, здоровые, только вот стреляют они раз в час, да и разрывает их внезапно и непредсказуемо.

– Понятно, – кивнул Беляев. – Догонять нас со ста двадцати до семидесяти они не меньше часа будут. Аккурат по пятнадцать коммонов на ствол матросики наши перебросить успеют: проводили мы таковые учения и даже тележки снарядные усовершенствовали.

* * *

– Разворачиваемся строем фронта, господа. «Кампердаун», «Родней» и «Хау», с шестидесяти кабельтовых огонь по «Двенадцати апостолам» из носовых орудий. Кормовые барбетты не открывать, иначе потеряем преимущество в скорости. Стрелять поочередно, с интервалом между залпами сорок секунд. Мы пока не добьем, а «Бенбоу» лучше не стрелять без крайней необходимости: «Санс Парейль» с такими же пушками на десятом выстреле трещину заработал. Прибережем ресурс орудий на случай, если русские на нас ринутся.

* * *

– Британцы разворачиваются строем фронта!

– Вот и замечательно. Минут десять лишних они будут в безответной зоне из-за этого перестроения, а нам только того и надо! Поворот вправо на тридцать, открыть правые носовые барбетты, скорость поднять до двенадцати узлов: тогда отходить по генеральному курсу на Кара-Дениз будем одинаково с Коландсом...

– Дистанция семьдесят!

Орудия «Екатерины» ахнули, отправляя в полет четыре полубронебойных снаряда, а еще через сорок секунд, почти одновременно с влетевшими перед британским строем бело-оранжевыми фонтанами, отстрелялись девятидюймовки «Синопа».

* * *

– «Кампердаун» горит, сэр! Шестидюймовая батарея правого борта уничтожена! Кэптэн Онслоу передает: пробита бронепалуба, подводная пробоина в носовой оконечности, помпы пока справляются, но надолго их не хватит! Просит разрешения снизить скорость!

– Дистанция до «Апостолов»?

– Шестьдесят один, сэр! До «Екатерин» – шестьдесят пять!

– Пусть Герберт стреляет первым и готовит второй залп. После второго разрешаю оттянуться назад.

– Слушаюсь, сэр!

– Поднять сигнал: «Англия будет разочарована, если мы вернемся без победы!»

Лейтенант сглотнул. В победу, несмотря на численный перевес, он уже не верил, а значит... А значит, они просто не вернутся. Такое случается.

* * *

– Взрыв у борта «Апостолов!» Коландс теряет ход! Сигналит «Не могу управляться!» Видимо, последнюю кочегарку у них заливает...

– Остаток по снарядам, Георгий Павлович?

– Коммоны расстреляны все. В кормовой установке по двадцать бронебойных и по одиннадцать фугасов неприкосновенного запаса на орудие. В носовых – чуть меньше половины боекомплекта.

– Значит, фугасов нам еще на семь минут отхода... Поднять сигнал «Следую своим курсом». Эх, помоги им, Господи... Так, «Кампердауну» довольно пока, не уйдет он уже. Орудиям дробь. Поворот все вдруг влево, на шестьдесят, открываем левые носовые. После поворота наводиться по «Роднею». Отрепетуйте на «Синоп»: ведем бой на отходе до исчерпания фугасов в кормовых барбетах. А затем устроим господам британцам знатный кегельбан-с. Чай, не забыли, голубчик, для чего у нас в нос сразу четыре пушки смотрят?

Капитан Беляев хищно улыбнулся.

* * *

Адмирал Рожественский приник к прицелу носового минного аппарата, заряженного последней дальнеходной торпедой. Надо признать, оное устройство было достаточно простым даже для адмирала, которому по службе достаточно уметь расписаться там, где укажет толковый адъютант.

Избитый и потерявший ход броненосец развернуло поперек курса отхода, матросы под руководством контуженого, но остающегося на ногах мичмана Колпакиди, бросали в воду койки и прыгали сами. Единственный относительно целый баркас был уже забит ранеными. Рожественский решил остаться. Да, он погибнет, но, во-первых, он погибнет с толком, а во-вторых, именно такой вот смертью он покажет отличную военно-морскую дулю и смертельно оскорбившим его британцам, и тирану, вознамерившемуся его опозорить.

Ни ареста, ни суда, ни тем более покаяния от него, героя Русско-турецкой войны, сатрап, развязавший бойню с первой морской нацией мира, не дождется. Хотя два броненосца и два крейсера этой первейшей нации уже на дне, еще два горят, а еще один... Еще один как раз сейчас наползал на нужную марку прицела.

Что ж, лихим минным офицером он свою карьеру начинал, лихим минным офицером он ее и закончит.

* * *

– Пустите по нему мину – приказал Фишер, – или лучше две, чтобы не отвлекаться в дальнейшем. И перенацеливайте орудия на «Екатерин», до них, если я правильно оцениваю дистанцию, сорок восемь кабельтовых.

– Есть минная атака!

– Самодвижущаяся мина в воде по левому борту! – раздался заполошный крик сигнальщика, и находившиеся в рубке не сразу поняли, что речь идет вовсе не об их снаряде.

Еще пол секунды у командира броненосца Уильяма Риса ушло на колебания: адмирал излучал прямо-таки нечеловеческую ярость оттого, что его планы мести русским варварам вот-вот снова будут сорваны. Но долг мастера и командора, первого после бога, перевесил.

– Право на борт! Правая машина – полный назад! Левая – полный вперед!

* * *

– «Коллингвуд» ворочает вправо, на «Хау»! Взрыв у кормы «Коллингвуда»! – закричал сигнальщик. – «Коля» ведет огонь по «Апостолам» кормовой установкой!

– Красиво «Апостолы» уходят, царствие им небесное. Это их мина была. Шапки долой, господа! – Адмирал Фелькерзам перекрестился. – Пожалуй, пора. Орудиям дробь, поворот влево все вдруг, прямо на англичан. На сближении бьем фугасами, а с двадцати кабельтовых – бронебойными. «Алмазу» и «Ониксу» с эсминцами идти по флангам, атаковать торпедами с десяти до ближайшего, вперекрест, когда их фронт друг друга перекрывать будет: трехдюймовок дополнительных мистеру Фишеру не досталось, все на Балтику ушли, а шестифунтовки британские на милю уже так себе пляшут. С десяти кабельтовых и на встречных курсах наши торпеды должны и до середины строя дойти. Как есть должны! Но какая у супостата, не побоюсь этого слова, образовалась превосходная куча!

«Двенадцать апостолов» уходил в воду на ровном киле, кормовая барбетная установка «Коллингвуда» всаживала в обреченный корабль снаряд за снарядом. Русские моряки пытались отгрести от гибнущего броненосца подальше, но разъяренный английский чугун нет-нет да собирал новые жертвы.

«Екатерина» и «Синоп» уже завершили разворот и, вздымая таранами белопенные буруны, шли прямо на британский отряд. Барбетты, расположенные по два на носу корабля, в каждом по два орудия, вели огонь с максимально возможным темпом. Собственно, для этой цели, для встречного боя с британскими кораблями они и создавались, на такую ситуацию натаскивались их комендоры, только это должно было произойти не на бескрайней морской глади с едва видимым к зюйду турецким берегом, а в узостях Босфора и Дарданелл.

Впрочем, британцам было не до маневров: строй броненосцев смешался, а идущие параллельно отряду дестройеры, попытавшиеся

было атаковать последние русские черноморские броненосцы, были перехвачены русскими истребителями и минными крейсерами.

«Оникс» на левом фланге и «Алмаз» на правом, каждый в сопровождении своего дивизиона, заставили легкие силы британцев отступить, причем часть дестройеров до времени выпустила мины, не особенно надеясь попасть, а три нашпигованных стопятимиллиметровыми снарядами из орудий, закупленных в Германии, дрейфовали без хода или тонули. Однако английская эскадра тоже успела собраться и шла строем пеленга, открыв все орудийные установки главного калибра.

Когда между эскадрами оставалось не более двадцати кабельтовых, Фелькерзам приказал перейти на бронебойные, а отряды «Оникса» и «Алмаза» рванулись вперед. По полторы дюжины торпедных следов скрестились между разрывами пенных столбов. Остававшийся до того невредимым броненосец «Хау», не успевший отвернуть сразу от двух самоходных мин, погружался кормой. Над разрушенным носовым барбетом «Бенбоу» поднималось грибовидное облако, а пораженный шестнадцати с четвертью дюймовым снарядом из удачно выстрелившей кормовой пушки «Оникс» переломился пополам, погружаясь рядом со своим медленно тонущим убийцей.

* * *

Командир «Коллингвуда» Рис и вахтенный офицер переглянулись. Джеки Фишер был грамотным, волевым и харизматичным адмиралом, но... Он был еще и невезучим. Сначала Персидский залив, сейчас этот прорыв, оказавшийся в конце концов ловушкой... Сомнений быть не могло.

Нет, разумеется, они никогда не скажут об этом ему в лицо и не сообщат команде. Если бы не шальной снаряд с одного из русских малых крейсеров, они, несомненно, попытались бы пойти за своим адмиралом и вырвать победу из пасти поражения, но...

Но «Синоп», несмотря на принятую через подводную пробоину воду, уже заканчивал избиение «Роднея», а глубоко севшая носом «Екатерина» с дистанции меньше мили всаживала снаряд за снарядом в пояс горящего и тоже еле плетущегося «Кампердауна», стволы

которого беспомощно замерли на бессмысленных углах возвышения. А значит, оба избитых, но все еще боеспособных русских броненосца вскоре обратят внимание на флагман...

– Отходим, – принял решение кэптэн Рис. – Русские расстреляли все торпеды, а их броненосцы вряд ли дадут больше десяти узлов, тогда как наши все еще на двенадцати. Находясь на дне, мы не сможем помочь ни туркам, ни Персидской эскадре.

Будь адмирал Фишер в строю, командир «Коллингвуда» не решился бы противостоять его харизме, но Джеки, получивший по затылку вырванным при взрыве куском палубного настила, находился в корабельном госпитале, а значит, он, Уильям Стоукс Рис, имел право действовать по своему усмотрению.

* * *

– Броненосец, – прищурился командир «Миноги», злой и расстроенный из-за неудавшейся утром атаки. – Британец. Типа «Адмирал». Один. Видимо, что-то у него не так. Боевая тревога! Срочное погружение!

– К проходу пойдет, Павел Петрович? – поинтересовался минный офицер. – К протраленному?

– А куда ж ему еще? Там-то мы его и подождем. Дестройеров я при нем не вижу. Никуда он от нас не денется. Всеми четырьмя будем его бить, чтобы наверняка!

* * *

– Шлюпки на воду! Машинную команду и всех прочих – наверх! – распоряжался капитан Рис. – Адмирала – в катер!

Наглая русская лодка, всадившая в «Коллингвуд» целых две торпеды в дополнение к полученной от «Двенадцати апостолов», всплыла достаточно благоразумным образом – в полутора милях от последнего броненосца британской Черноморской эскадры. Один из подводников вытащил на палубу здоровенный фотоаппарат на складной треноге и сделал несколько снимков.

Уже потом, когда «Коллингвуд» лег на бок и, соответственно, не мог вести огонь даже из трехфунтовок, русские приблизились и сбросили пару складных шлюпок, после чего удалились в направлении Севастополя. Две эти шлюпки, два катера, полубаркас, ялик и четыре вельбота были единственными британскими судами, вернувшимися обратно в Босфор.

Два уцелевших в бою дестройера разной степени поврежденности, преследуемые «Алмазом», выбросились на берег в Кефкене. Третий почти прорвался, но подорвался на mine на входе в пролив, еще один интернировался в болгарском Бургасе и последний – в Констанце. Слухи распространялись быстро, и волнения команд на

турецких броненосцах «Гамадие» и «Мессудие» удалось подавить с большим трудом.

В самой Британии с некоторой озабоченностью, не переходящей грань пристойности, вспоминали времена Непобедимой армады и Трафальгара. Впервые за столетие море было не защитой берегов Альбиона, а дорогой, по которой на острова могли прийти безжалостные захватчики...

* * *

Адмирал Фёлькерзам так и не ступил с триумфом на берег: сердечный приступ настиг его в тот момент, когда он осознал, что помимо уходящего «Коллингвуда» и улепетывающих миноносцев врагов у него не осталось. Русская эскадра с полностью расстрелянными погребями, израненная, обожженная пожарами, залитая потом и кровью ополовиненных экипажей, сидящая по ключи в воде, но все еще живая и грозная, возвращалась в Севастополь с победой, потеряв в бою всех адмиралов.

Узнав об этом, Император Всероссийский Николай II непроизвольно сломал в кулаке мундштук своей любимой трубки.

Эдмон Ротшильд в Москве

Барон Ротшильд держался очень хорошо – на твердую четверку! Все-таки воспитание и опыт финансиста обязывали. Но по стреляющим глазам и плотно сжатым пальцам на набалдашнике трости угадывались волнение и некоторая растерянность, свойственные любому человеку, попавшему в непривычную обстановку и испытывающему жестокий психологический дискомфорт из-за несоответствия представлений о том, что он должен видеть, и действительностью.

В данном случае внешний вид Ставки Верховного главнокомандования России явно диссонировал с представлением о том, как должен выглядеть двор российского монарха, ведь его роскошь была притчей во всех европейских языках. Вместо старательно прикидывающихся мебелью лакеев, пышных нарядов камердинеров и роскошных хвостов фрейлин – абсолютно нетипичные

для начала XX века три кордона охраны, работающих по непонятному алгоритму, кожаные куртки необычных охранников, женские военные мундиры, полувоенный простоватый френч самого монарха и такая же скромная одежда его свиты.

Вся атмосфера и близко не напоминала традиционную, привычную, заставляя Ротшильда нервничать и сбиваться с делового настроения. Первая встреча в Баку почти полтора года назад была слишком краткой и походной для обеих сторон. Служебный антураж жизни русского царя финансист видел впервые, и он никак не укладывался в распространенный имидж и сформированный стереотип.

– Срочность, с какой вы, уважаемый барон, запросили аудиенции, говорит об экстраординарности сведений, имеющихся у вас, или о резком изменении обстоятельств, с коими вы столкнулись? – взял на себя инициативу император, пригласив финансиста присесть за длинный стол совещаний, накрытый зеленым сукном.

– И то и другое, ваше величество, – слегка наклонил голову Ротшильд. – Но прежде всего мне хотелось бы выразить свое восхищение победами русского флота, весьма неожиданными, надо сказать, для всей Европы...

– Заставившими пожалеть некоторых особо нервных вкладчиков о поспешных продажах русских ценных бумаг по явно заниженной стоимости, – закончил за финансиста император, и в его глазах промелькнула искорка.

– Да, ваше величество, – согласился Ротшильд. – Вы поставили в трудное положение многих жителей Старого Света, выкупив у них при посредничестве господ Рябушинских русские товарные векселя за десять процентов от номинала...

– Мы просто прилежно скопировали технологию вашего достославного предка Натана Ротшильда, удачно сыгравшего на понижении во время битвы при Ватерлоо, что позволило вашей семье образцово-показательно ограбить всю лондонскую биржу. Вот уже скоро сто лет, как вся Британская империя не в состоянии расплатиться по своим обязательствам^[60]. На этом фоне заработанные Россией двенадцать миллиардов рублей – весьма скромное вознаграждение. Сейчас, насколько я понимаю, речь идет не только о бургерах и ситуайенах, но и о банках, кредитующих этих уважаемых господ и

испытывающих некоторое затруднение с возвратом займов, – дополнил финансиста император.

– Вы чрезвычайно хорошо информированы, – еще раз наклонил голову Ротшильд, стараясь не показать, насколько болезненно для него слышать слова, полные плохо скрытой иронии. – Количество сомнительных и безнадежных кредитов растет как снежный ком, котировки ценных бумаг практически всех европейских банков пошли вниз, а некоторые уже объявили себя банкротами. Но в настоящее время финансовый мир больше волнует не столько сохранность капиталов, сколько вопрос личной безопасности.

– А почему это так тревожит финансистов? – с легкой, едва заметной улыбкой спросил император. – Что угрожает безопасности скромных банковских тружеников?

– Ваше величество, согласитесь, не каждый день на воздух взлетают сразу десять весьма влиятельных людей страны, а следом на одной из самых богатых бирж мира воцаряются содом и гоморра.

– Насколько мне известно, на биржевой панике в Нью-Йорке кое-кто уже успел очень прилично заработать. – Глаза императора уперлись в барона так, что тот почувствовал себя медведем на рогатине. – Что же касается трагедии на острове Джекил... Так бывает, когда люди пренебрегают библейскими истинами...

– Какими? – живо откликнулся Ротшильд, рассчитывающий совсем на другое поведение монарха.

– *Quae sunt Caesaris Caesari et quae sunt Dei Deo.* «Воздадите кесарева кесареви и божия богами», – процитировал император Евангелие от Матфея. – Если вдруг финансист возомнит себя солдатом, революционером, бунтарем, объявив войну без правил, то он должен быть готов, что к нему будут относиться соответственно...

– И ваше величество знает, кто отнесся соответственно к несчастным коммерсантам с Уолл-стрит?

– О! Этот список настолько велик, что мы рискуем до ночи перечислять имеющих право на месть, в том числе на кровную.

– Романовы в их числе?

– Романовы совсем не ангелы, но количество только известных покушений на них превышает среднемировой уровень. Меня лично пытались убить трижды. А ведь имеется еще целый список крайне странных скоропостижных смертей членов династии, похожих на

отравление... Считаю, что этого достаточно для приобретения права на решительное противодействие...

– Но где доказательства причастности финансистов к этим покушениям?! – нервно вскричал барон.

– Так ведь доказательств причастности кого-либо из правящих династий к трагедии на острове Джекил тоже нет. Мы говорим сейчас только о мотиве, и я, основываясь исключительно на фактах, подтверждаю его наличие у многих публичных политиков.

– Но разве публичной власти уместно опускаться до индивидуального террора?! – ошарашенно спросил Ротшильд, ожидавший от царя категорического отрицания своей причастности, но никак не циничного, хоть и косвенного подтверждения.

– Почему? – удивился император. – Индивидуальный террор – такой же инструмент войны, как и любой другой. Если он решает проблему, связанную с ликвидацией угрозы, то чем тогда отличается от таких тактических военных приемов, как артподготовка или засада? Главное – результат...

– Надо ли понимать, что этот инструмент может быть использован в любое время и в любом месте?

– В отношении объявившего войну – безусловно. Но если вы мирный человек и не ставите целью лишить кого-то жизни, чего вам бояться? Возвращаясь к моей скромной персоне, еще раз хочу обратить внимание: ни я лично, ни Россия не начинали войну. Мы лишь отвечаем на агрессию, на попытки наказать нас за непослушание, на неоправданно грубую, неадекватную реакцию извне... И мы намерены в деле ликвидации угрозы пойти до конца. А чей это будет конец, сегодня уже и так понятно, не правда ли?

Из слов и смыслов соткалась вязкая, тягучая пауза. Даже воздух, казалось, спрессовался и входил в легкие, царапая носоглотку и гортань. Эдмон Ротшильд мог поклясться, что с его семьей еще никто никогда так не разговаривал. Глядя в глаза императору, он вдруг ощутил с абсолютной ясностью, как что-то кардинально поменялось в этом мире: его уже не защищают сложные секретные соглашения и многосторонние тайные гарантии. Они ничто против грубой физической силы, чемодана вонючей взрывчатки или крошечного кусочка свинца, влетающего в тело с недоступного для телохранителей расстояния.

Он все еще может отдать приказ на ликвидацию любого политика и даже добиться успеха, но точно такой же приказ может быть отдан в любое время в отношении его и всей его семьи... Десять лет назад Людвиг II Баварский, получив от Ротшильдов отказ в займе, призванном финансировать его маниакальную страсть к сказочным замкам, поручил своим слугам ограбить банк Ротшильдов во Франкфурте, но это был частный эксцесс. В августе 1895 года в дом Альфонса на улице Флорентен прислали посылку с самодельной бомбой; в его отсутствие посылку отправили на улицу Лаффита, где она взорвалась и тяжело ранила старшего клерка.

В «Таймс» тогда писали:

Не приходится удивляться анархистскому акту насилия, направленному против одного из Ротшильдов. Во Франции, как и в других местах, они так богаты и занимают такое видное положение, что являются естественными объектами, на которые стремятся нападать анархисты, и, если мы примем во внимание сильные антиеврейские настроения, какие существуют во Франции, остается лишь удивляться, что они так долго избегали подобных нападений.

Это тоже был разовый случай. Но происшествие наглядно показало уязвимость семьи в такое время, когда из-за распространения огнестрельного оружия и ручных гранат покушения на убийство стали более распространены, чем в прошлом. А что произойдет, если грабежи приобретут системный характер, а охоту за головами организует серьезная государственная структура? Хорошо подготовленные агенты могут за невероятно короткое время уничтожить сразу всех... Наверняка террор не пройдет без последствий...

Но ему уже будет все равно... Целая фамилия с фантастическими капиталами, со скрупулезно выстроенными отношениями, противовесами, в один ужасный момент может просто перестать существовать, как в свое время были уничтожены тамплиеры, возомнившие себя правителями всей Европы... Нет, с этим сумасшедшим царем надо играть честно или не играть вообще...

– Ваше величество, не могли бы вы в таком случае прояснить, как представляете себе мирное сосуществование с финансистами в дальнейшем?

– Это зависит от того, как финансисты представляют себе сосуществование с публичной властью. Упомянутый мною ваш предок Натан Ротшильд был достаточно лаконичен: «Кто контролирует выпуск денег, контролирует правительство». И я разделяю эту точку зрения, поэтому никогда не соглашусь на частную эмиссию денежных знаков. При этом я отчетливо понимаю, чем мне это грозит. Президент США Джеймс Гарфилд сказал: «Тот, кто контролирует объем денег в любой стране, является абсолютным хозяином всей промышленности и торговли. И когда вы начнете понимать, что вся система очень легко контролируется тем или иным образом несколькими очень могущественными людьми, вам станет понятно, как возникают периоды инфляции и депрессии». Через несколько недель после этого заявления, если не ошибаюсь, двенадцатого июня тысяча восемьсот восемьдесят первого года, он был убит...

– Совпадение...

– Может быть. В список таких же совпадений входят смерти Линкольна и Мак-Кинли...

Император еще мог бы рассказать, как, подобно президенту Оранжевой республики Стейну, был отравлен Вильсон, когда он перестал выполнять пожелания финансистов. Как внезапно умер Гардинг, решивший освободить Америку от Гуггенхайма. Но эти события еще не произошли и, вполне возможно, уже не произойдут, поэтому ограничился обобщенным:

– Так вот, все эти трагические происшествия я лично считаю неприемлемыми и намерен противодействовать им самым решительным образом. Каким – думайте сами, подсказывать не буду...

Эдмон опустил голову, играя желваками. Монарх из множества смертей политиков безошибочно выделил те, к которым Ротшильды имели самое непосредственное отношение. Рука императора при этом лежала на папке с двуглавым орлом и крупной надписью на французском: «Отчет о секретных финансовых операциях офицеров Ротшильдов в САСШ – Моргана, Шиффа, Варбурга». Намек ясный и недвусмысленный.

– Это все условия мирного сосуществования?

– Конечно, нет. – Монарх сверлил Ротшильда своим стальным взглядом. – Меня не устраивают политические убийства, финансирование бунтов и переворотов. Например, восстание в Южной

Америке в тысяча восемьсот десятом году или в Италии, случившееся аккурат после прибытия Карла Ротшильда в Неаполь, и в Санкт-Петербурге четырнадцатого декабря тысяча восемьсот двадцать пятого года не были организованы ни жителями Южной Америки, ни итальянцами, ни русскими. За всеми этими мятежами стояла ложа «Великий Восток» в Париже, очень похожая на революционную партию профессиональных разрушителей.

В парижском национальном архиве есть документы, подтверждающие, что Джеймс, Карл и Натан Ротшильды занимались организацией всевозможных заговоров. К сожалению, часть компрометирующих бумаг была уничтожена во время Парижской коммуны, но кое-что удалось раскопать большому почитателю французской истории великому князю Николаю Михайловичу, и стала видна причастность вашей семьи в том числе и к французской революции тысяча восемьсот семьдесят первого года.

Изучая архивы и мемуары очевидцев, к примеру, дневники братьев Гонкур, общаясь с непосредственными участниками событий, Николай Михайлович обратил внимание на любопытный факт: все основные баррикады Парижской коммуны были сооружены так, чтобы прикрыть главный дворец Ротшильдов, особенно в том месте, где улица Риволи выходит на площадь Победы. Дворец, ранее принадлежавший Талейрану, за весь тысяча восемьсот семьдесят первый год не разорился и даже не навещался коммунарами, в отличие от окрестных домовладений. Скажу больше, коммунары не тронули ни один из двухсот домов, принадлежавших семье Ротшильдов. Потрясающий либерализм весьма радикальных революционеров, не находите?

И все это можно было бы считать удивительным случайным совпадением, если бы не финансовые расписки и свидетельские показания некоторых ответственных лиц коммуны, проливающие свет на скрытые приводные ремни этих драматических революционных дней. Но самое удивительное даже не это, а то, что Парижская коммуна прекратила свое существование через неделю после подписания кредитного соглашения между Ротшильдами и правительством Тьера, в результате чего вслед за Англией в полную финансовую зависимость от ваших займов попала разоренная Франция.

– Ваше величество, – тихо произнес Эдмон Ротшильд после небольшой, но выразительной паузы, – а вы не опасаетесь, что эта информация окажется для вас слишком тяжелой ношей?

– Опасаюсь, барон, и именно поэтому все, о чем я рассказал, уже в этом учебном году станет предметом изучения на уроках истории в школах и университетах. Специальный курс «Непрямое управление настроениями населения посредством банков и газет» уже читается соответствующими специалистами в военных академиях. А чтобы материал не был слишком сухим, мы дополнили его живыми мемуарами очевидцев. Вот, например, цитата из дневника представителя королевской семьи Великобритании, вспоминающего, как в один из визитов в ваше фамильное поместье баронесса Алиса Ротшильд прикрикнула на королеву: «Сойдите с газона, вы топчете цветы!» И Виктория подчинилась...

– А вы не опасаетесь, что такой рассказ рикошетом ударит и по вашему авторитету? – зло прищурился Эдмон Ротшильд. – Ведь многие ваши предки тоже выглядят не комильфо, а кое-кто из династии вообще замешан в казнокрадстве и мздоимстве.

– Правда не может ударить по авторитету По нему всегда бьют ложь или умолчание. Это правило справедливо не только в политике, но и в коммерции.

Над столом в который раз возникла скользкая противная пауза. Император с интересом поглядывал на Ротшильда. Эдмон, кляня себя за несдержанность, мучительно искал слова, которыми можно было снизить градус напряжения и хоть как-то разрядить накаленную обстановку.

– Вы, господин Ротшильд, абсолютно неправильно ставите вопрос, – прервал тишину глухой низкий голос императора. – Доверия между нами нет и быть не может. Ваши амбиции хищника нам хорошо известны, никаких иллюзий мы не питаем. Следим и будем следить за вами внимательно и, как только вы попытаетесь перейти красную черту, дополнительно предупреждать ни о чем не будем. Но мы можем быть полезными друг другу даже при таких условиях.

Если помните, мы в Баку начали грандиозное мероприятие по формированию вооруженного корпуса колонистов для переселения в Палестину, но наши японские и британские соседи помешали нам завершить начатое. Однако ваши люди в Дальнем не теряли времени

зря и, насколько мне известно, даже наладили достаточно выгодный товарообмен с японской оккупационной администрацией. Сейчас ситуация изменилась, совсем скоро в Дальний и Порт-Артур вернется русская армия, и я предлагаю завершить дело – отправить в Палестину переселенцев.

Мы готовы передать им оставшиеся в строю броненосцы, крейсера и суда обеспечения – всего три десятка кораблей. Таким образом, ваша колония с первых дней существования будет обладать флотом, способным противостоять морским силам средиземноморских держав, включая Османскую империю. Для купирования сухопутной угрозы со стороны Турции, на запад – в сторону Киркука и далее в Пальмиру – уже выдвигается армянский национальный корпус^[61]. С севера помогут курды, но взаимодействие с ними вам придется наладить самостоятельно...

– Эта операция связана только с необходимостью прикрыть наших поселенцев от османов или чем-то еще?

– Ностальгия и любопытство, – вздохнул император, не отрывая немигающих глаз от лица Ротшильда. – Санкт-Петербург так упорно называют Северной Пальмирой, что мы просто обязаны увидеть своими глазами южную...

– И что вы хотите в обмен?

– Отказ от вмешательства ваших агентов во внутреннюю политику России, а также безусловную поддержку банкирского дома Ротшильдов и государства Израиль нашему продвижению из Персии на Аравийский полуостров и в Месопотамию.

– И это все?

– На ближайшие пятьдесят лет вполне достаточно...

Забайкалье. Ваше положение безнадежно...

Поставленный на острие англо-японского копья, рвущегося к Агинскому дацану, командир первой дивизии Нида Тосисукэ почти сутки с упорством дятла долбил бетон блокгаузов, охраняющих переправу через реку Ингоду. Имеющие по восемь бойниц армированные двухэтажные коробки, плюющиеся пулеметными очередями и гранатами поднятых на крышу 87-миллиметровых пушек – крайне неудобный спарринг-партнер в играх для настоящих мужчин

на свежем воздухе. Особенно при отсутствии крупнокалиберной осадной артиллерии и при наличии русского бронепоезда.

Артиллерийская дуэль английского сухопутного линкора с русским шла с переменным успехом, не давая вплотную заняться бетонными капонирами, и генерала это искренне огорчало. Заблаговременно сооруженная защитниками и доходящая до середины корпуса бронепоезда насыпь перед железнодорожным полотном полностью скрывала рельсы, колеса и наиболее уязвимые части железнодорожного состава. А когда японским артиллеристам удавалось подтащить полевые орудия в мертвую для русских комендоров зону эта преграда, как естественное возвышение над плоской местностью, закрывала железную колесницу полностью.

Мертвая зона для пушек бронепоезда не означала таковую для снайперов и пулеметчиков. Огневые точки располагались как раз в основании железнодорожной насыпи, и они оживали каждый раз, когда расчеты японских орудий оказывались в зоне досягаемости.

Оборону, глубоко закопанную в землю, насыщенную пулеметами и скорострельными орудиями, поддержанную маневрирующей бронированной батареей, в начале XX века взламывать еще не умели. Когда бойницы дзотов развернуты полубоком к фронту, резко затрудняется их обстрел, но облегчается взаимное прикрытие обороняющихся. Особенно, когда подходы заминированы крепостными фугасами и опоясаны колючей проволокой, а непосредственно на передовой находится корректировщик артогня этой проклятой железной колесницы...

Потеряв под блокгаузами половину полка и поняв, что ввязался в глупое соревнование «у кого больше» (у него солдат или у русских – патронов), генерал Иида Тосисукэ приказал прекратить лобовые атаки, а сводному батальону егерей и двум батареям горных пушек под покровом ночи выдвинуться во фланг и тыл русских, оседлать господствующую высоту и с рассветом подавить огнем русский бронепоезд, как только тот окажется в зоне поражения.

Эта короткая летняя ночь на берегах Ингоды была богата на события. Когда японские гвардейцы, соблюдая все меры предосторожности, направились в сторону господствующих высот на левом берегу реки, по правому в сторону Агинского дацана

выдвинулась вся английская кавалерия во главе с сэром Яном Гамильтоном.

Британского рыцаря пока устраивало все, что происходит на подступах к вожделенному хранилищу сокровищ империи. Японская настойчивость, а также революционное войско, приближающееся к генералу Максимову с тыла, наверняка заставили его стянуть все силы в один кулак и невольно ослабить охрану самого дацана. А значит, один короткий ночной переход с заранее завербованными проводниками – и завтра с утра он с ходу захватит эту русскую «башню Уэйкфилд» и будет диктовать свою волю императору России.

Сделает это от его имени полковник Лэмб Генри Кэмпбэл из индийской колониальной армии, а он с небольшим золотым караваном немедленно выдвинется по другой дороге навстречу египетскому корпусу,двигающемуся из Средней Азии. В том, что он легко сломил сопротивление русских в Туркестане, Гамильтон не сомневался. Необходимо вычислить, сколько переходов осталось до возвращения с выполненной миссией через индийские Джамму и Кашмир. Ночь обещала быть беспокойной, трудной, бессонной, но чертовски воодушевляющей.

Не спал этой ночью и оставшийся во временной полевой ставке генерал Куроки, не ведавший ничего о планах Гамильтона, а потому рассматривающий перспективы не столь оптимистично. Отважного и самоотверженного генерала, готового лично вести своих солдат в атаку, угнетали обстоятельства, с которыми он раньше никогда не сталкивался. Его армия была практически цела, но... небоеспособна. Она дошла почти до Читы, потеряв не более десятой части своего состава, но это была та часть, без которой все остальные оказались парализованы и немощны.

Он мог отдать приказ, но его просто некому было довести до подчиненных. Он мог задать вопрос, но на него некому было ответить. Проклятые русские снайперы обескровили его офицерский корпус. Уцелел каждый десятый из тех, кто отправлялся в русское Забайкалье из-под Харбина. А теперь ко всем бедам добавилось прекратившееся снабжение. У артиллерии осталось по пять снарядов на пушку, а солдаты выгребали в обозе последние неприкосновенные запасы продовольствия.

Железнодорожная станция Бурятская, двадцать семь верст до Могойтуй

Для потомственного крестьянина-землепашца Бориса Федотова это было первое в жизни путешествие. Взятый после смерти отца на воспитание зажиточным дядькой, паренек до сего времени никогда не покидал родную Полтавщину Кобылий хвост – хлев – гумно – стандартный замкнутый круг, в котором он вертелся как белка в колесе, даже не задумываясь, что за околицей может быть какая-то другая жизнь.

А потом дядьку арестовали за нарушение государственной зерновой монополии и попытку контрабандного вывоза товара за границу. Бориса не тронули: молод еще, хоть и помогал грузить да отвозить. Просто оказался не в то время не в том месте...

Вернулся дядька через полгода, злой и общипанный до исподнего. Неделю пил беспробудно, а после исчез и появился зимой. Коротко кинул племяншу: «Собирайся, повоевать придется!» Так и попал Борис в революционную дружину, а вместе с ней – в Забайкалье, преодолев за два месяца расстояние большее, чем за всю свою предыдущую восемнадцатилетнюю жизнь.

И хоть приключения с новыми впечатлениями и знакомствами приятно щекотали нервы, ощущение, что он опять оказался не в то время не в том месте, не покидало. Слишком велика была социальная дистанция между ним, молодым крестьянским парнем, и франтоватыми офицерами, расхристанными студентами, отставными чиновниками средней руки, составлявшими основу революционного войска.

– Дружина, для получения огневых припасов и погрузки в эшелон – строиться! – выдернул Бориса из полудремы голос ротного командира, когда солнце уже начало клониться к закату.

Парень выскочил на перрон и онемел. На него по рельсам шел... корабль. Во всяком случае, именно такие он видел в газетах. Скошенный вперед бронированный нос венчала двухорудийная башня, над которой трепетал от набегающего воздуха военно-морской гюйс. Темный корпус с зелеными и коричневыми разводами, хищно чернея узкими бойницами казематов, как по волнам, плыл по клубам пара, вырывающимся снизу из-под брони и окутывающим невидимую с перрона корму стального монстра.

Первым желанием Бориса было бросить винтовку и сигануть в кусты. Однако одеревеневшие ноги не слушались, да и было уже поздно. Юный дружинник успел только зажмуриться и опереться на винтовку, чтобы не упасть...

Чуф-ф-ф... Сухопутный корабль вздрогнул и остановился. С лязгом откинулся люк, превратившийся в трап, по которому с грохотом скатились два матроса и встали на караул. Следом за ними на перрон не спеша спустился одетый как на парад капитан второго ранга, поправил фуражку, одернул мундир и, оглядев превратившегося в статую дежурного офицера, чуть насмешливо произнес:

– Эй, инфантерия! Передайте генералу Грибскому, что транспорт прибыл! И наведите тут порядок, а то смотреть больно: не армия, а цыганщина!

Сглотнув обиду, штабс-капитан рысцой рванул к стационарному зданию, а пришедшие в себя командиры уже торопливо выкрикивали команды, строя поротно революционное войско напротив стальной гусеницы. Генерал Грибский нырнул в ее чрево и буквально через пять минут уже появился на крыше с еще одним генералом, с приметной бородой клинышком и в светло-зеленой форме под цвет молодой листвы.

– Господа революционеры! – обратился к выстроенным дружинам генерал. – Моя фамилия Максимов, я начальник местного оборонительного укрепрайона. Хочу сообщить, что получение огневых припасов и погрузка в эшелоны отменяется. Всем присутствующим предлагается сложить оружие. Отказавшихся имею право расстреливать на месте.

Бойницы казематов бронепоезда с лязгом распахнулись, и тупое рыло пулемета уставилось своим единственным черным глазом, как показалось Борису, ему прямо в лоб.

– Измена! – раздался истошный крик из середины строя.

И сразу, перебивая возникший разноголосый шум, коротко рывкнуло башенное орудие, а следом за ним обиженно затявкали пулеметы Хайрема Максима, и Борис почувствовал, как спертый воздух над головой зашевелился от роя свинцовых мух.

– Молчать! – Голос Максимова взвился в небо и обрушился на головы мятежников. – Смирно! Слушать меня внимательно, дважды повторять не буду! Так как присутствующие набедокурить еще не

успели, Верховный главнокомандующий поручил мне передать его личное предложение.

Над полустанком мгновенно повисла тревожная тишина.

– Обманом или угрозами вовлеченные в мятеж, а также добровольно и чистосердечно раскаявшиеся получают возможность с оружием в руках искупить свою вину. Завтра на рассвете я атакую интервентов. Добровольцы пойдут в первых рядах. Всем, участвующим в бою, не испугавшимся и не показавшим врагу спину, все предыдущие прегрешения, включая участие в мятеже, будут прощены. Остальные предстанут перед военно-полевым судом. Времени на раздумья нет, решение требуется принять немедленно. Все, согласные на предложение его величества, два шага вперед – арш-ш!

Борис, дважды попросившись с жизнью за эти короткие минуты, нервно сглотнул, посмотрел на неровную шеренгу дружинников и первым шагнул вперед, стараясь избавиться от гнетущего чувства человека, оказавшегося не вовремя и не там.

* * *

Куроки Тамэмото был разбужен крайне непочтительным образом. Взрывная волна от разорвавшегося фугаса просто сдула генерала с его походной кровати и неплохо приложила о кирпичную стенку единственной капитальной постройки на этом полустанке. Жалобно звякнули остатки посуды. По всем помещениям, мешая дышать, покатались клубы вонючего дыма и пыли.

Из соседней комнаты послышались стоны и надсадный кашель. Очевидно, кому-то из офицеров штаба повезло еще меньше.

– Откуда бьет артиллерия? – придя в себя, озадачил генерал адъютантов. – Максимов перешел в наступление?

Еще один снаряд, упавший рядом с первым, рванул так, что по диагонали толстенной кирпичной кладки змеей пробежала трещина, а с потолка с грохотом упало перекрытие.

«Морские или осадные, – отметил про себя генерал, – не менее шести дюймов... Но, черт возьми, откуда они здесь?!»

– Секан! Обстрел со стороны Харбина! Бьют не меньше двух орудий! – прокричал адъютант сквозь грохот разрывов.

«Как Харбин? Откуда в тылу пушки противника?» – вихрем пронеслось в голове генерала. Хотя... На этой войне он уже перестал удивляться...

– Собрать всех, кто может держать оружие! – отдал команду Куроки. – Всех писарей, обозников, раненых – в строй! Атаковать и привести к молчанию артиллерию противника! Отозвать с передовой часть ударных подразделений!

– Ваше высокопревосходительство, невозможно! Русские неожиданно контратаковали дивизию Нида Тосисукэ. На всей линии соприкосновения идет рукопашный бой!

– Что ж, – скрипнул зубами генерал и исподлобья взглянул на своего начальника штаба, – сражение стало напоминать натянутую струну. Мой приказ о пушках противника в нашем тылу остается без изменений. Берите всех, кого увидите, и отправляйтесь туда. Заставьте их замолчать! А я буду ждать от вас и генерала Тосисукэ добрых известий...

Ждать пришлось недолго. Уже через два часа в расположение штаба англо-японского экспедиционного корпуса прибыл русский парламентар. Ротмистр драгунского нижегородского полка в темно-зеленой форме с малиновыми погонами и околышем был демонстративно вежлив, сух и начал со слов, которые Куроки уже предполагал услышать:

– Простите, генерал, но меня уполномочили сообщить, что ваше положение безнадежно...

* * *

Генерал Тамэмото Куроки был храбрым воином и никогда бы не отдал приказ сложить оружие, даже если бы из дееспособных офицеров в строю остался один. Но он был несамостоятелен в своих решениях, а парламентар держал в руках письмо от сэра Яна Гамильтона, написанное узнаваемым почерком и с личной печатью. Это был больше, чем начальник – кредитор. А сэр Гамильтон, угодивший со своим отрядом в ловушку у Агинского дацана, услышав

про невеселые перспективы сражаться в полном окружении, да еще с подкравшимися с тыла шестидюймовками тяжелого бронедивизиона полковника Самедбек Садыхбек оглы Мехмандарова, имел другую точку зрения.

Для настоящих, кондовых джентльменов война – это всегда только бизнес, где есть прибыль и издержки. Когда вторые превышают первые, война заканчивается, ибо какой смысл? Вот и в данном случае сэр Гамильтон, оценив риски и возможности, решил окончательно и бесповоротно: пришла историческая необходимость сдаваться и сдавать. После чего британский экспедиционный корпус принял решение о капитуляции, поставив своего японского союзника в безвыходное положение.

За кадром остались только переговоры об условиях капитуляции англичан. Вел их с Гамильтоном представитель императора статс-секретарь Ратиев и начал с личного предложения русского царя, от которого невозможно было отказаться. Капитуляция получилась весьма почетной и даже экономически оправданной. Всем офицерам было оставлено личное оружие, а в качестве моральной компенсации были вручены чеки уважаемых немецких банков на вполне достойные суммы.

Личные дела Гамильтона высокие договаривающиеся стороны обсуждали без лишних глаз, но увесистый сундучок, доставленный двумя дюжими казаками под охраной жандарма намекал на всесторонний и полный консенсус. Естественно, что переговоры были секретными, а все подписанные документы предназначались исключительно для отчета Ратиева перед русским царем, поэтому оформлялись как частная переписка, а не официальный документ представителей воюющих держав. Полковник Гамильтон настолько проникся хорошими манерами и предупредительностью князя, что не возражал против дружеской фотографии со своим хлебосольным хозяином – опять же, исключительно для отчетности перед строгим русским императором.

После завершения протокольной части всех джентльменов препроводили с конвоем, аккуратно упаковали в вагоны и отправили в сторону Пекина. Князь Ратиев еще раз клятвенно пообещал Гамильтону держать язык за зубами и никому кроме своего

императора, не раскрывать информацию о ходе и итогах состоявшейся сделки.

Забегая вперед, хочу сказать, что Иван Дмитриевич скрупулезно сдержал свое слово и не смог переступить даже через обещание, данное врагу. Зато сообщник князя Львова, граф Алексей Игнатьев, никому никаких клятв не давал. Пользуясь суматохой, связанной с принятием капитуляции и общей походной неразберихой, он самым бессовестным образом проник в личные апартаменты статс-секретаря и похитил конфиденциальные бумаги...

* * *

В день, когда поезда с британским экспедиционным корпусом начали движение в сторону Харбина, в газете «De Telegraaf» появился обширный материал об окружении и пленении в Забайкалье почти всего японского экспедиционного корпуса, заведенного агентом генерала Китченера сэром Гамильтоном в сибирские «джунгли» и там цинично проданного за русское золото. Генерал Куроки под давлением союзника подписал капитуляцию, хотя на сотни миль вокруг не было никаких серьезных сил противника, кроме кавалерийской бригады да пары батальонов противника.

Когда британский корпус подъезжал к Вэйхайвэю, «De Telegraaf» дополнила первый репортаж эффектными фотографиями, на которых были запечатлены переговоры сэра Гамильтона с князем Ратиевым, очередь британских офицеров за «золотыми» чеками, образец такого чека с четким и понятным названием эмитента, подтверждение банка о подлинности финансовых документов и копии русских ведомостей с росписями в получении. Апофеозом являлось фото самого сэра рядом с сундучком и детальным описанием содержимого.

Европейская пресса взорвалась. Вся континентальная англофобия за одну неделю была выплеснута на страницы газет и журналов. По мнению самых радикальных газетчиков, Британия не просто ударила в спину союзнику – она сорвала Японии уже выигранную кампанию на Дальнем Востоке. Особенно злорадствовали журналисты Германии. Со страниц немецких газет они открыто предлагали отметить «подвиг» сэра Гамильтона и генерала Китченера высшими наградами

Российской империи. Большой подарок Вильгельму II в его отчаянной борьбе с Британией за доминирование в Старом Свете сложно было представить, и кайзер намеревался использовать этот презент по максимуму.

Ошарашенно молчали, переваривая информацию и не веря в происходящее, только в Лондоне и Токио...

* * *

Ничего этого не знали подчиненные генерала Куроки. Они вошли в Читу чудным июньским вечером. Батальонные коробки, держа строй, четко вышагивали по песчаной мостовой Амурской улицы. Пыль, поднимаемая ногами первых шеренг, заслоняла плотной завесой все остальное войско. Скучающие горожане, высыпавшие посмотреть на японцев, быстро потянулись обратно, ибо зрелище было не парадное.

Конвойные казаки, сопровождающие колонну военнопленных, грязные и уставшие, лениво отгоняли особо любопытных зевак и тихо матерились на начальство, заставившее их сотню переться в такую даль с этой оравой, когда другие станичники уже занимались своими домашними делами.

Ни о чем этом не ведал крестьянский сын Борис Федотов. Он погиб одним из первых во время штыковой атаки на позиции ударной японской дивизии. Благодаря этому самоубийственному удару, основные силы генерала Максимова смогли охватить японцев с флангов и нанести кинжальный удар по штабу Нида Тосисукэ.

«Молодой ишо, ему бы жить да жить!» – вздохнул пожилой солдат похоронной команды, закрывая глаза паренька, изумленно глядящие в голубое небо Забайкалья, и разгибая одеревеневшие пальцы, намертво сжавшие винтовку.

В большой политике всегда страдают маленькие люди. По мировой шахматной доске движутся солидные, преисполненные собственной важности фигуры, маневрируют войска и правители. Отвоевывается геополитическое пространство. Закладываются фундаменты для будущего бурного развития или, наоборот, дегградации. А из окопа ничего этого не видно, даже враг еле различим из-за дыма и пыли. Туман войны не только на штабных картах, он в

первую очередь в головах. С ним идут в бой и погибают те, кто даже не может внятно объяснить, из-за чего началась драка и какие цели преследуют «высокие договаривающиеся стороны».

4 июня 1902 года. Круги на воде. Подведение итогов

– Какой из броненосцев был захвачен первым? – спросил император, дождавшись окончания подробного доклада с цифрами и датами.

Он стоял на холодном ветру, наблюдая за тем, как буксиры аккуратно подвели изящный, но беспомощно-беззубый из-за отсутствия орудий главного калибра корпус трофейного корабля к рабочей стенке Соломбальского судостроительного завода.

Крупнейшая верфь петровских времен, низведенная во второй половине XIX века до статуса портовых мастерских, чуть больше года назад получила второе дыхание, и на прилегающей территории вовсю кипела стройка: полярный день давал драгоценную возможность работать круглосуточно. Гигантский электрический кран на рельсовом ходу еще не был пущен в дело, но под дощатым навесом уже стоял длинный ряд тяжелых восьмиосных платформ, на которых покоились обшитые досками и укрытые брезентом огромные цилиндры турбин, генераторов и ходовых моторов.

Короткий литерный поезд – два паровоза, два жилых вагона, передвижной штаб, вагон-радиостанция, четыре вагона охраны и две бронеплощадки с орудийными и пулеметными башнями – отдыхал на соседней ветке.

– Трудно определить, государь, – склонил голову контр-адмирал Балк, – мы начали операцию строго одновременно...

– По традиции первый захваченный у нового противника корабль не меняет названия, – пояснил император. – Так в русском флоте, например, появился «Ретвизан». А захвата британских кораблей я до сих пор что-то не припомню. Первым в таком случае я своим произволом назначаю «Дункан». «Дети капитана Гранта», знаете ли, Жюль Верн... «Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!» – пропел император строчку из незнакомой контр-адмиралу песни. – По переименованию остальных завтра представить предложения. Длительного отдыха, увы, я вам и вашим людям дать не могу. Прощу, – он задумался, – всех участников захвата

наградить сообразно заслугам и без разделения на первых и последних.

– Разрешите выполнять?

Балк дождался разрешения и, отдав честь, почти побежал к замершему поодаль строю.

* * *

– Обижены на меня, Григорий Павлович? – поинтересовался император у другого адмирала, так и простоявшего во время разговора в сторонке с формальным выражением лица.

– За что, ваше...

Адмирал Чухнин не успел закончить обращение.

– За то, что не даю вам взять Константинополь.

– Я готов служить Отечеству на любом посту, государь, – отчеканил адмирал.

– Понимаю. И ценю это. Но обида, я вижу, все равно есть. Только зряшная она, Григорий Павлович, потому что Константинополь мы брать не будем вообще. Турки уже просят о мире, и я готов принять их послы.

Сказать, что Чухнин был поражен, было бы явным преуменьшением. В прошлый раз, в 1878 году, Россия остановилась в шаге от врат Царьграда лишь вследствие вмешательства Британии, направившей в Мраморное море броненосцы вместе с пресловутой «Александрой». Но Королевский флот разгромлен, и древний город, Второй Рим, столетиями манящий кесарей Рима Третьего, готов был пасть в руки победителей, как перезревший плод.

– Царьград, – задумчиво произнес самодержец. – Щит на вратах... Крест над Святой Софией... Серьезное искушение.

– Искушение, государь? – ошеломленно произнес адмирал Чухнин. – Искушение – козни дьявола. Но разве освобождение Второго Рима от магометан не благо?

– Благими намерениями... Знаете, Григорий Павлович, население Стамбула с пригородами – чуть больше миллиона человек. Из них подавляющее большинство – турки. Имперская нация. Гордая нация. Мусульмане. Вы готовы убить или изгнать из своих домов восемьсот

тысяч человек. Причем особой разницы между «убить» и «изгнать» я не вижу, потому что подавляющее большинство беженцев погибнет. Отмолим ли мы эти смерти, даже водрузив крест над Святой Софией?

– Но, государь, это враги! Извечные враги. А если враг не сдается...

– Они сдадутся, – криво усмехнулся император. – Сейчас они подавлены, они в панике, сдадутся. Вы готовы убить сдавшихся?

– Зачем, государь?

– Затем, что их дети и внуки будут мечтать о былом величии... Нам нужна вторая Варшава, когда мы от первой-то еле избавились? И третья, считая Москву и Петербург, столица, наполненная бездельниками и саботажниками?

– Но... Но там же есть и христиане! Их немало.

– Да, там много христиан. Но в этом-то и есть главная беда. Скажите, Григорий Павлович, это же вы вели переговоры с болгарами еще до того, как вас... перевели на Север?

– Я, государь.

– Каким образом вы охарактеризовали бы их позицию накануне войны?

– Болгары нас предали, государь. Более того...

– Не бойтесь, адмирал. За правду я не караю.

– Беда не в том, что они отказались выступить против турок, государь. Беда в том, что, если бы немцы пожелали этого, болгары выступили бы в союзе с турками против нас!

– Вот видите. Были готовы выступить... Можете считать это предвидением или откровением, но в любом крупном противостоянии Запада и России болгары неизбежно встанут на сторону Запада, даже в союзе с Турцией, забыв или, скорее, проигнорировав любую тень благодарности за свое освобождение и ради успокоения совести своей изыскивая и натягивая на щит любые мнимые обиды, которые им якобы причинила Россия.

– Обиды, государь?

– Ну, к примеру, тот факт, что мы не отдали бы им Константинополь, – пояснил император. – Или даже какой-то районишко из прочего турецко-европейского наследства, который логичнее и правильнее было бы передать грекам или сербам. Прекрасное оправдание, не правда ли?

– Правда, государь. Пожалуй, я даже пару-тройку таких санджаков с ходу назову.

– А теперь подумайте, адмирал, долго ли нам будут благодарны эти константинопольские... фанариоты, считающие себя самыми христианнейшими в мире христианами, но настолько привыкшие лизать туфли султану, что это стало их второй натурой, если не первой?

– Но ведь... Тогда, по итогам Берлинского конгресса, мы вынуждены были оставить болгар в руках германской династии, а если мы займем Царьград и будем его прямо контролировать...

– Если мы будем контролировать Царьград, они, эти фанариоты, неизбежно сами попытаются взять под контроль всю Россию. Учтите, за их спинами тысячелетняя история предательств, интриг и ощущения себя пупом вселенной. Вспомните хотя бы титул их патриарха... Первым делом, в качестве всего лишь первого шага господства над всей Россией, все эти Комнины, Ласкарисы и Кантакузины наверняка попытаются подмять под себя Русскую церковь. Вы готовы ко второму Расколу? Или лучше убить их всех вместе с мусульманами? И не только тех, кто выше тележной оси, как трехлетний сын Дмитрия и Марины Мнишек, а вообще всех?

– Нет, но...

– Вот и я не готов, – отрезал император, проигнорировав нерешительное возражение. – Моя и ваша задача, адмирал, служба России, а не Византии или любому по счету Риму. И России будет вполне достаточно Боспорского оборонительного района.

– Насколько большого района, государь?

Было заметно, что адмирал рад сменить ставшую жуткой тему беседы на более практичную для военного человека.

– Достаточного для обеспечения безопасности береговых батарей, аэродромов...

Тут Чухнин поднял бровь, но император не реагировал на безмолвный вопрос и продолжал:

– Военных городков и гарнизонов. Приблизительно двадцать верст от входа в Черное море, как раз на радиус действия дальнобойной артиллерии. И разумеется, по обоим берегам – европейскому и азиатскому. Генеральный штаб уже работает над этим, – успокоил он адмирала.

– А Дарданеллы?

– Без Дарданелл мы можем и обойтись. В военном смысле через Дарданеллы мы из Черноморской лужи выберемся просто в другую лужу, побольше, а в торговом... Если мы контролируем Босфор и можем его запечатать, то при малейшей попытке перекрыть нам торговый путь мы точно также перекрываем этим перекрывающим доступ в Черное, Азовское, а после окончания Волго-Дона и Каспийское моря. Поэтому торговые маршруты будут достаточно надежны, по крайней мере, значительно надежнее, чем сейчас.

– Понимаю, государь.

– Нам важно не пускать врага в Черное море, а не лезть самим в море Средиземное, где и без нас несколько тысяч лет хватает желающих подраться. А настоящий простор здесь, на Дальнем Востоке, и особенно на Севере. Никому не удастся запереть нас там, где можем жить только мы и разве что норвеги – что шведские, что датские. Отсель грозить мы будем шведам и не только. Здесь – основа нашей военно-морской и торговой независимости. Потому что нет на Севере ни Босфора с Дарданеллами, ни Скагеррака с Каттегатом.

Запереть нас очень и очень сложно, но, если постараться, можно. Именно поэтому лучшие адмиралы России здесь и на Тихом океане. Именно поэтому Сергею Захаровичу и его людям не удастся как следует отдохнуть после их неслыханного в истории подвига. Именно поэтому «Сергий» с эскортом обойдется минимальным ремонтом. Пора сделать наш выход в океан бесспорным и окончательным. Мы фактически выиграли войну в Персии, на Балтике и на Черном море. А здесь и на Востоке, пользуясь тем камнем, который мы бросили в мировое болото, мы будем выигрывать мир!

Веский аргумент

Третий лорд адмиралтейства Уильям Мэй пробежался глазами по собственноручно составленной записке. Все верно. Русские довели шесть бывших английских броненосцев до Архангельска, три из них уже встали на модернизацию и достройку. Судя по сообщениям источников, продлится она максимум год.

Теперь было ясно, что эту операцию русский царь со своим клеветом Красиным спланировали, как только узнали о сделке: заказ на башни и турбины для шести кораблей был сделан ими всего спустя

неделю после ее заключения. И даже если утечка произошла в САСШ, то внедрение русскими своих боевиков в рабочие и, не исключено, кочегарные команды, его вина.

И нет никакой возможности собрать силы и разнести корабли вместе с заводом и всем городом: Дальневосточная и Черноморская эскадры уничтожены, Индийской еле хватает на сдерживание русских в Персидском заливе. На Балтике флот истекает кровью, и, если отвести оттуда броненосцы, Борнхольм станет русским в течение нескольких дней. Еще большей катастрофой будут последствия Черноморского рогот'а: русские займут проливы еще до Рождества, а значит, «Формидеблы» резерва понадобятся в Александрии...

Собрать мощный крейсерский кулак? Не с новыми русскими торпедами, которые после всех проволочек и не всегда безуспешных попыток саботажа наконец-то добрались до Севера. К тому же озлобленный на Николая сосланный во льды русский принц Кирилл докладывает, что три уничтоживших эскадру Сеймура «Пересвета» идут на запад вдоль берегов Сибири.

А это значит, во-первых, что посылать в Архангельск любое количество крейсеров – почти гарантированно лишиться их всех, а восполнить потери теперь уже нечем. Во-вторых, что следующим летом у русского царя будут уже восемь рейдеров, способных догнать почти любой британский крейсер и уничтожить его или же уйти от любого британского броненосца. А еще через год – одиннадцать. Если они переоборудуют на манер «Громобоя» еще и «Россию» – двенадцать. И шесть из них...

Адмирал еще раз сверился с цифрами. Да, все действительно плохо. Турбины обеспечат бывшим британским броненосцам вполне достойные крейсеров двадцать два узла и восемь-девять тысяч миль экономичного хода... И при этом семидюймовый пояс, целых восемь орудий в девять и четыре дюйма и восемь – в пять и одну десятую дюйма на борт... Это совсем неплохо даже для корабля линии, а уж для двадцатидвухузлового крейсера – просто убийственная мощь!

Нет, через год и даже через три Британии еще нечего будет противопоставить морским разбойникам. А это конец торговле, которая является основой существования империи. В стране начнется голод, подобный тому, что сейчас испытывают японские союзники. А

это значит, бунты, остановка промышленности, восстание колоний или даже Ирландии, Шотландии и Уэльса...

Третий лорд адмиралтейства, отвечавший за корабли и прочее оборудование флота его величества, не видел иного выхода кроме как закончить эту войну по возможности скорее. Разумеется, проект «Эдуардов» придется пересмотреть, полностью отказавшись от шестидюймовых орудий и заменив одноорудийные башни промежуточного калибра на двухорудийные. В конце концов, британские «девять и два» не намного хуже русских «девять и четыре», особенно если разработать к ним утяжеленный снаряд по образцу неразорвавшегося русского коммона.

А потом надо будет строить новые корабли – турбинные, вооруженные не четырьмя, а восемью крупнокалиберными пушками. Что-то такое предлагали Джеки Фишер с Филом Уоттсом. Возможно, им и предстоит строить новый флот возмездия. Да, на это уйдет десятилетие, но империя всегда возвращается за своими долгами.

Будут ли его аргументы достаточно убедительными? Он надеялся, что средство, к которому он собирался прибегнуть, придаст им дополнительный вес.

Третий лорд адмиралтейства контр-адмирал Уильям Мэй открыл ящик стола и достал из него револьвер.

Историческая справка

Адмирал флота сэра Уильям Генри Мэй в реальной истории дожил до 1930 года. Главнокомандующий флотом метрополии, он поощрял новаторские способы организации своего огромного флота, включая развертывание крейсерских формирований и использование оперативных эскадр.

Мичиган

Президент Рузвельт задумчиво потер переносицу. Ситуация складывалась сложная. Британские броненосцы до Филадельфии не дошли. По донесениям разведки, добрались они до Архангельска, и под Андреевскими флагами. С одной стороны, это была проблема островитян и их же позор: русские взяли все шесть кораблей на abordаж, пока они шли под Юнион Джеком. С другой – в деле были замешаны американские граждане и американский бизнес. И если

непосредственно захватом руководил русский головорез Балк, то роль мистера Гудри, которому сам президент Рузвельт опрометчиво выписал рекомендательное письмо, оставалась неясной.

Но опрометчиво ли? И неясной ли?

Следовало оценить факты трезво. Британцы лишились шести недостроенных броненосцев и вместе с ними надежды в ближайшее время восполнить тяжелейшие потери. А значит, задача смещения Британии с пьедестала владычицы морей стала намного проще. Русские эти шесть броненосцев приобрели, но уже через десяток лет эти слабо защищенные корабли устареют, а промышленность царя получит меньше заказов и будет развиваться медленнее. Это второй плюс.

Третий плюс... Президент посмотрел на докладную записку адмирала Мэхэна, влипшего в эту историю вместе с ним. Президенту было абсолютно ясно, что идея броненосного корабля, лишенного среднего калибра в пользу удвоения количества больших пушек, принадлежала не самому Мэхэну, а загадочному мистеру Гудри, который и поделился этими мыслями со старым словоблудом в уплату за рекомендательное письмо.

Информация о том, что торпеды русских поражают корабли японцев и британцев с полутора миль, была надежно подтверждена разведкой. И то, что русские стремятся увеличить дистанцию атаки вдвое, тоже не вызывало сомнений. Стало быть, средний калибр, слабо эффективный на дистанции свыше шести тысяч ярдов, вскоре станет бесполезным, а удвоение количества стволов главного калибра на броненосцах – более актуальным.

Президент отложил несколько машинописных листков и взял в руки эскиз под шифром «Мичиган». Весьма, как признали его советники, грамотный эскиз. Идея линейно-возвышенных башен, разумеется, нуждалась в экспериментальной проверке, но возможность вести огонь в оконечности из всех восьми орудий главного калибра была заманчивой. К тому же англичанам вряд ли понадобятся заказанные и уже оплаченные орудия: спешно заложенные ими восемь броненосцев типа «Кинг Эдуард» были рассчитаны на сорокапятикалиберные пушки новой модели, и к тому времени, когда корпуса и башни будут готовы, британцы почти наверняка восстановят собственное артиллерийское производство.

А это значит, что есть возможность выкупить сорокака-либерные двенадцатидюймовки обратно с серьезным дисконтом, избежав задержки в вооружении «Мэнов» и «Вирджиний». На разницу в цене можно будет заказать шестнадцать орудий нового поколения в те же сорок пять калибров, что и у англичан. Этого хватит на два принципиально новых броненосца, которые мгновенно сделают все прочие эскадренные корабли мира безнадежно устаревшими. Два броненосца – «Мичиган» и «Южная Каролина» – позволят Америке занять лидерство в новой военно-морской гонке на своих условиях.

Дело за малым. Конгресс должен поддержать эту идею. Согласно выкладкам старины Мэхэна, в боевом отношении два таких корабля будут равноценны всем шести «Коннекти-кутам». Их, разумеется, не стоит и закладывать, а в постройке и эксплуатации новые обойдутся неизмеримо дешевле. Недовольным промышленникам следует пообещать крупную серию наследников «Мичигана» парой лет позже. Пока же они не должны испытывать недостатка в экспортных заказах: русские знатно разворошили осиное гнездо, а построенные в САСШ «Ретвизан» и «Варяг» показали себя на этой войне просто великолепно.

И все-таки мог ли мистер Гудри быть шпионом царя? Даже если не считать того, что он был убит русскими во время абордажа, чему есть надежные свидетели, правильнее полагать, что не был. Шпионы не делают потенциальным противникам (а Россия и Америка рано или поздно станут таковыми) столь ценных подарков – господства на море. Тем более что царь понимает важность морской мощи. Русские, скорее всего, просто воспользовались ошибкой британцев, не проявивших достаточной бдительности при допуске на борт вспомогательного персонала и отправивших небоеспособные корабли через океан без должного эскорта. Впрочем, британцев можно понять: котел Ройял Нэйви уже показывал дно.

– Стивен, – обратился президент к замершему в углу помощнику, – попросите государственного секретаря выразить русскому послу решительный, но вежливый протест относительно немотивированного убийства первого лейтенанта флота Соединенных Штатов Джона Гудри. Подготовьте секретный президентский приказ о присвоении мистеру Гудри этого звания, датированный, скажем, прошлым летом. Но излишней шумихи поднимать не следует: русские

были в своем праве, а ссориться с ними нам пока рано. И соберите на эти выходные конгрессменов из Морского комитета, наиболее толковых адмиралов и промышленников, включая мистера Крампа: «Меморандум Гудри – Мэхэна» нуждается во всестороннем обсуждении.

Историческая справка

Теодор Рузвельт с 1899 по 1900 год занимал пост губернатора Нью-Йорка. В 1900 году команда Мак-Кинли и Рузвельта одержала победу на президентских выборах. 4 марта 1901 года Мак-Кинли вступил в должность президента на второй срок, Рузвельт стал вице-президентом. 6 сентября того же года на Мак-Кинли было совершено покушение, а 14 сентября он скончался от полученной раны. В тот же день Рузвельт был приведен к присяге как новый президент. Он стал самым молодым (42 года и 10 месяцев) президентом за всю историю США.

Бессонница Тирпица

Вице-адмирал Тирпиц запахнул халат и прошелся по кабинету. Спать не хотелось: даже довольно пожилой организм понимал, что сон – непозволительная роскошь в то время, когда прямо на его глазах происходит революция в военно-морском деле.

Он пошуршал разложенными на столе бумагами. Да, в Великобритании позиции германской разведки были не слишком сильны, но из Японии и особенно из России информация текла полноводным потоком. И дело даже не в том, что множество офицеров русского флота имели немецкие корни, а в Николае немецкой крови было больше, чем русской... Шестое чувство опытного царедворца и одного из умнейших адмиралов мира просто-таки кричало о том, что часть документов, поступавших из Петербурга и Владивостока, доходила до его кабинета с молчаливого согласия Николая.

Версию о том, что восточный император надеется на вечную дружбу с рейхом, Тирпиц отмел сразу. Царь, несмотря на свою молодость, не производил впечатления наивного юноши и просто обязан был понимать, что рано или поздно две соседствующие империи будут вынуждены разрешить свои противоречия на поле битвы. Тогда почему?! Эта загадка могла подождать, а вот подборка

документов – нет. Адмирал уселся в кресло и начал раскладывать пасьянс из донесений.

Первое. Новые 24-сантиметровые русские орудия, плод сотрудничества сумрачного гения Круппа и немного варварской деловитости Обуховского завода, показали себя даже лучше, чем ожидалось. Если взрыв «Рамиллиеса» и гибель хладнокровно расстрелянного древним «Петром» «Графальгара» можно было списать на благоприятное стечение обстоятельств, а в составе злосчастной эскадры Сеймура были исключительно броненосцы второго класса, то разгром британской Черноморской эскадры тремя старыми русскими ЭБР, перевооруженными на, казалось бы, несерьезные по калибру орудия, игнорировать было уже невозможно. А значит, с увеличением главного калибра до одиннадцати или даже двенадцати дюймов спешить не стоит.

Второе. Крупп докладывает, что модернизация станков и оснастки Обуховских заводов закончена. Русские теперь в состоянии обрабатывать заготовки для орудийных стволов длиной не четыреста пятьдесят, а целых пятьсот дюймов. Вполне вероятно, что следующая партия русских орудий будет иметь длину ствола не в сорок восемь, а в пятьдесят три калибра.

Разумеется, придется увеличить пороховой заряд и укрепить стенки ствола, чтобы поднять давление. Но вот ведь совпадение! С помощью инженеров AEG и Siemens русские к востоку от Москвы запустили две электрические сталеплавильные печи, питаемые турбинными генераторами на местном торфе, и на сегодняшний день в состоянии производить качественную легированную сталь... Что ж, шесть бывших британских «Дунканов», судя по всему, окажутся еще более зубастыми, чем опасаются англичане.

А вот артиллерией среднего калибра русские пренебрегают. Они с недоверием отнеслись к идее поднять калибр скорострельных пушек с пятнадцати до семнадцати сантиметров и, напротив, уменьшили его до тринадцати, в дополнение к адаптации германского калибра в десять с половиной сантиметров до русских сорока двух линий. А это значит, средний калибр низводится до фактически усиленного противоминного. Разумно. Дальнеходные русские торпеды показали себя грозной силой как при пуске с больших миноносцев, так и при применении с подводных лодок.

Третья составляющая военно-морской революции – турбинные генераторы, позволившие русским морякам выбирать и поддерживать удобную для себя дистанцию боя. Хорошо, что часть этих генераторов была произведена германскими фирмами, и совсем уж замечательно, что два турбинных броненосца, конфискованные прямо у достроечной стенки, вскоре войдут в состав германского флота и позволят его морякам получить бесценный опыт. Да, предстоит драка с армией за дефицитную медь, необходимую для гильз, ведущих поясков снарядов, для обмоток моторов и генераторов, но господам генералам придется подвинуться. Экселенц не согласится на что-либо кроме лучшего для своего любимого кайзерлихмарине.

Четвертый пункт – великолепные приборы наблюдения и управления огнем. Тут тоже все в порядке: свои дальномеры и командно-дальномерные посты русские создавали в сотрудничестве с Цейсом. Два КДП чисто германского производства уже монтируются на конфискованных у российского флота «Веттине» и «Церингене».

Пятый – радиосвязь. «Телефункен». И этим все сказано! Германские корабли обязательно получают лучшие станции в мире.

Шестой... Адмирал вздохнул. Кто же мог предвидеть, что этот наивный мечтатель граф Цеппелин окажется прав относительно своих воздушных пузырей! Разведка, корректировка огня и даже срочная доставка небольших грузов, невзирая ни на какие препятствия и со вполне приличной скоростью...

Забавно, что русские нашли в одном из отправленных с Дальнего Востока грузовых ящиков место для рисунка господина Верещагина, которым поделились с берлинскими газетчиками... Тщеславие или какой-то дьявольски точный расчет? Скорее второе: в контурах острова, рядом с которым гибли британские броненосцы, угадывался Сайпан, а в том, что Макарова на Сайпане нет, Тирпиц мог поручиться своей бородой. Граф уже получил предписание вернуться на родину, осталось добиться только того, чтобы германский люфт-флотте стал составляющей кайзерлихмарине.

Закон о флоте нуждается в некоторой корректировке при формальном сохранении количества и графика ввода новых кораблей. Придется обдумать, как избежать потерь в воздушных кораблях: англичане уже показали, что в состоянии сбивать дирижабли. Да и собственной противовоздушной обороной придется озаботиться.

Интересно, можно ли приспособить крупновские «восемь-восемь» не только для стрельбы по миноносцам, но и для ведения огня по воздушным целям? Наличие шрапнельных снарядов делает немецкие орудия более опасными для дирижаблей, чем британские трехфунтовки...

Разумеется, два последних запланированных «Виттельсбаха» уже не переделать... И стоит ли их достраивать? Но последующие броненосцы необходимо строить по новому проекту. И это великолепная возможность отобрать у британцев пальму военно-морского первенства прямо на старте новой гонки. Следует подумать и о крейсерах с единым калибром, но это позже.

Миноносцы... Скорее всего, от перекиси водорода в торпедах придется отказаться: только германская дисциплина и педантичность позволили избежать массовых жертв при нескольких весьма неприятных авариях. Схема с подогревом, которую, как оказалось, на самом деле применяют русские, становится основной.

Придется поговорить с инженерами AEG о снижении оборотов винтов другими методами, к примеру, посредством зубчатой передачи. Да, несмотря на кажущуюся простоту, задача создания редуктора на такие мощности и такие крутящие моменты весьма сложна, но кому, как не Германии с великолепной промышленностью, ее решать? К тому же русские тоже явно работают над этой темой, правда, пока исключительно в приложении к двигателям внутреннего сгорания...

Подводные лодки... Здесь известно не слишком много, даже притом что одна из русских субмарин, прошедшая в замаскированном под яхту виде Кильским каналом, была сфотографирована со всех ракурсов. Забавно, что наиболее ценная информация была получена посредством обоняния: один из германских инженеров, сопровождавших лодку, совершенно точно определил по запаху выхлопа, что в движение ее приводят не бензиновые моторы Отто, а нефтяные Нобеля, что делает эксплуатацию таких лодок намного безопаснее из-за отсутствия в замкнутом объеме летучих паров бензина.

Следует немедленно вызвать Рудольфа Дизеля из Лондона обратно в Аугсбург. Вряд ли удастся оспорить русские патенты, но свои нефтяные моторы Германия иметь должна.

Итак, новые броненосцы и крейсера с однородной крупнокалиберной артиллерией, скоростные минные суда с дальнеходными торпедами, калибр которых лучше увеличить до пятидесяти сантиметров, подводные лодки и цеппелины...

Адмирал Тирпиц вздохнул. Надо убедить эксцеленца не ввязываться в войну с Россией еще минимум десять-двенадцать лет, иначе молах сухопутного фронта поглотит все ресурсы, способные сделать его любимую Германию первой морской нацией, а значит, владычицей мира.

Историческая справка

Альфред Петер Фридрих фон Тирпиц в 1892 году вошел в состав штаба флота, а в 1895 году получил звание контр-адмирала. В 1900 году он получил дворянство и приставку «фон» к фамилии. Тирпиц подготовил план создания мощного флота, который позволил бы Германии добиться авторитета на мировой сцене, так называемый план Тирпица. Благодаря его реализации к 1914 году флот Германской империи по своим размерам занимал второе место в мире, уступая британскому флоту на 40 %.

Отчаяние Бертена

Мсье Луи-Эмиль Бертен, ставший двадцать лет назад родоначальником японского броненосного флота, а семь лет назад – генеральным инженером флота французского, тяжело вздохнул. Чертовы англичане втянули Японский императорский флот в войну, к которой тот не был готов. Сегодня его детища, его корабли гибли в суровых волнах Тихого океана, унося на дно друзей.

Он попытался пригасить злобу, испытываемую по отношению к русским. Не сейчас. В настоящее время его страна спасалась исключительно из-за того, что все ресурсы Германии поглощала задача инкорпорации польских земель. Срочная модернизация железных дорог, установление собственной администрации, полиции и воинских гарнизонов – все это не давало тевтонским ордам возможности перебросить к границам Франции и запустить по ее цветущим равнинам свой безжалостный паровой каток.

Союзники не вмешаются в смертельную борьбу России с британцами и японцами. Президент республики упаковал в вежливую

обширную речь простую и короткую мысль: Франция не объявит войну Британии. На это русский посол в столь же обширной и столь же вежливой речи ответил четким тезисом: союз между Россией и предавшей ее Францией более не действителен.

Значит, тевтоны могут не спешить. Переважив Польшу, они получают то, чего им не хватало: зерно, скот, уголь, лес... Крестьян и рабочих, которых можно использовать в тылу вместо призываемых в войска истинных германцев... И тогда его прекрасная Франция обречена.

Даже тупые и жадные политиканы, поставившие его родину на грань поражения, осознали это, хотя и слишком поздно. По всей границе с Германией строились крепости и отдельные форты, «Шнейдер» и «Крезо» полностью переключились на армейские заказы, оставляя флот на положении бедного родственника...

Мсье Бертен вздохнул. В этих условиях продать русским станки для производства крупнокалиберных орудий с межцентровым расстоянием в шестнадцать метров было вполне разумным решением: все равно во Франции они будут простаивать. К тому же в качестве бонуса к сделке русские заказали разработку эскизного проекта четырехорудийной башни с максимально компактным погоном.

Разумеется, острый галльский ум нашел изящное решение: орудия размещаются попарно в двух сдвоенных люльках, поэтому четыре орудия русского образца калибра двести тридцать восемь миллиметров вполне могут поместиться в те же габариты, что и два двенадцатидюймовых традиционной схемы... Возможно, будут проблемы с точностью, вызванные слишком малым расстоянием между осями орудий, расположенных в одной люльке. Но, в конце концов, можно либо стрелять полузалпами, либо ввести индукционную задержку выстрела из внутренних стволов!

Он действительно предложил настолько гениальное решение, что русские заплатили за эту работу золотом, а не зачли ее в счет погашения долга за «Цесаревича» и «Баяна»!

Затем его мысли вновь вернулись к предстоящему и неизбежному столкновению. Если усилия правительства позволят задержать тевтонов на границе и перевести войну в череду длительных осад, в дело вступит экономика. А в экономическом соревновании один на один Франция неизбежно проиграет. Ей придется закупать оружие и

военные материалы за рубежом – в Англии, в Америке, да хоть в той же России, которая не откажется заработать на беде предавшего ее бывшего союзника... Чтобы поставки дошли до французских портов, нужен флот, немногочисленный, но способный справиться с германскими истребителями торговли. Возможно, это должно быть что-то типа русских «Пересветов», но более скоростное и тяжеловооруженное.

Японские коллеги не преминули поделиться с ним печальным опытом англичан: скорострельная среднекалиберная артиллерия, на которую возлагались большие надежды всеми ведущими флотами мира, оказалась совершенно неприменима на реальных дистанциях современного боя.

А значит, когда первая паника уляжется, он представит правительству республики проект линейного крейсера для бесперебойного обеспечения военными материалами сражающейся армии.

Вот тут-то разработанные по русскому заказу четырехорудийные башни, но с пушками калибра триста пять и, лишь в случае бюджетных ограничений, двести сорок миллиметров и найдут применение. Две таких башни, расположенных в носовой оконечности одна за другой, позволят вести огонь восьмиорудийными залпами на носовых курсовых углах, а четыре турбины Рато позволят в порыве, вдохновленном галльским патриотизмом яростного натиска, догнать и быстро потопить любой крейсер или броненосец тевтонов.

Лучше обойтись без средней артиллерии. Да. Только большие пушки.

Историческая справка

Луи-Эмиль Бертен – французский военно-морской кораблестроитель. Был известен новаторскими конструкциями, которые зачастую шли вразрез с устоявшимися представлениями. Имел репутацию одного из ведущих кораблестроителей мира.

Ажитация Куниберти

– Нет, мой друг, промедление просто недопустимо! – Генерал морской инженерной службы Италии Витторио Куниберти поправил роскошные усы и пробежался взад-вперед по кабинету. – Промедление

смерти подобно! Все надо делать с самого начала и на совершенно новых принципах!

Собеседник синьора Куниберти был скорее бородат, чем усат, и скорее солиден, нежели подтянут: не военный, а промышленник.

– Объяснитесь, синьор генерал, – попросил он. – Деньги, знаете ли, не любят спешки.

– Речь идет не просто о деньгах, синьор Перроне. Мы говорим о странах, о торговых путях, о колониях, о крушении старых и взлете новых империй, наконец! Вы понимаете, что после устроенного русскими девятидюймового rogom'a мир уже не будет прежним?

– Да, Британия получила серьезный пинок под задницу.

– И не один! Они отступили на Балтике, потеряв половину флота, они отступили в Персидском заливе с тем же результатом, а на Черном море им даже не дали отступить! Полагаю, и на Тихом океане бывшую владычицу морей вместе с ее ручными обезьянками ждет аналогичный разгром. И знаете, что самое обидное, Фердинандо? Русский царь меня опередил!

– Вы тоже хотели разгромить англичан?

– О чем вы говорите, Фердинандо? Покажите мне моряка, который хотя бы раз не мечтал об этом, и я немедленно вышибу его с флота... Если, разумеется, это не английский моряк. Но я о другом. Читайте!

Куниберти запустил по столу несколько листков дорогой бумаги, испещренной аккуратным почерком.

– Подписано «инженер Ферро»? Кто это?

– Писал сам русский царь. За время нашей переписки я выяснил это совершенно определенно. Видите ли, мой друг, я уже давно понял, что современное кораблестроение находится в полном и абсолютном тупике. Два года я прорабатываю проект линкора, вооруженного только главным и противоминным калибром. Вследствие печального состояния итальянских финансов я собирался озаглавить мой труд «Наилучший линкор для британского флота». Для британского, а не для итальянского! Но, как выяснилось, царь каким-то образом узнал о моих идеях и...

– И построил такой линкор?! Но, насколько я знаю, в Черном море и на Балтике русские применили только старые броненосцы!

– Именно! Царь пишет, что такой линкор не может быть заложен ранее следующего года, поскольку требует полной модернизации стапелей: увы, в указанные в моем проекте семнадцать тысяч тонн уложить столько брони, орудий и машин действительно не получится. Сам «синьор Ферро» оценивает водоизмещение подобного колосса в двадцать три или даже двадцать пять тысяч тонн! Разумеется, его инженеры попробуют переоборудовать во что-то подобное бывшие британские «Дунканы», обеспечив им ход в двадцать два узла и залп из восьми девятидюймовок на борт. Но сам царь отмечает, что это будет полумерой, временным решением.

Тем не менее русские адмиралы применили свои старые броненосцы в соответствии с моей доктриной, из которой и следовал проект принципиально нового корабля! Они проанализировали возможности современных методов определения дистанции и управления стрельбой, применили новейшие достижения металлургии, химии и в результате выиграли все свои сражения почти исключительно огнем главного калибра на огромной дистанции!

О, если бы они действительно построили хотя бы два или три линкора моей мечты... Боюсь, тогда англичан ждет полный разгром не только при Босфоре, но и на других театрах! Если корабли царя имели бы не по четыре или шесть, а по двенадцать орудий главного калибра, а броненосцы выдавали не четырнадцать или шестнадцать узлов, а двадцать четыре, как предусмотрено моим проектом, они смогли бы полностью диктовать дистанцию и рисунок боя и уничтожить все четыре британские эскадры, полностью избежав собственных потерь!

– Хм... А ведь русские «Пересветы», как говорит молва, уверенно дают упомянутые вами двадцать узлов...

– Именно! Посмотрите, что стало с отрядом бедняги Сеймура! И если бы Макаров не отправил три из четырех своих броненосцев в Атлантику вдоль берегов Сибири, о чем с уверенностью доносит разведка, я бы не дал и чентезимо за судьбу японского флота!

– А вы готовы «не дать и чентезимо» за судьбу британских кораблей в Атлантике, у их собственных берегов?

– Да! И именно поэтому нам, мой друг, необходимо действовать, не медля ни секунды. Вы понимаете, что Турции как империи уже конец? Вы понимаете, что империи Британской будет трудно, почти невозможно удержать даже Суэцкий канал и Кипр, а может быть, и

Мальту с Гибралтаром, если быстроходные линкоры русских выйдут в море?

Заметьте, в письме царя говорится пусть не о двенадцати, но о девяти орудиях калибра двенадцать дюймов в трех трехорудийных башнях.

– Вы полагаете, русские...

– При чем тут русские?! Им не хватает людей, чтобы освоить даже существующие территории! Но, так или иначе, Британия будет не в состоянии господствовать в Средиземноморье. Франция? О, ее дни продлятся только до того момента, когда немцы перевернут Польшу и, сыто рыгая, повернут свои штыки на запад. А это значит, что без хозяина останутся и Левант, и Алжир, и Судан, и даже Египет... Кто сможет заполнить пустоту, кроме наследников Великого Рима?

– Это весьма амбициозно. Но для того чтобы амбиции не привели к катастрофе, нужна одна вещь – деньги. Вы знаете, что я уже сомневаюсь в своем намерении купить концерт «Ансальдо»? По моей информации, после отказа британцев поставить орудия для наших броненосцев и остановки работ по аргентинскому заказу предприятие находится в весьма бедственном положении. Я не вижу способов окупить вложения.

– Мой друг, – вкрадчиво произнес генерал, – в том-то и дело, что ваши сведения несколько устарели. По совершенно секретной информации, не известной – пока! – даже самим текущим владельцам «Ансальдо», правительство Аргентины решило не поддаваться на британские уговоры и не ликвидировать свой флот. Соответственно, ни о каком отказе от строящихся крейсеров не может быть и речи. Более того, некие изменения, скорее всего, потребуют существенного увеличения морских сил Аргентины. Русские якобы обещали аргентинцам соответствующий кредит: вероятно, их золото, вопреки слухам, в полной безопасности, и деньги у наших кораблестроителей все-таки будут.

– Это надежные данные? Потому что Чили в результате конфискации британцами двух строящихся быстроходных броненосцев остается без противовеса аргентинским «Гарибальдийцам», и мы могли бы заработать на продаже кораблей обеим сторонам!

– Да. И мы обсудим это позднее. Но, Фердинандо, эта информация...

– О, разумеется, дон Витторио. Я понимаю, что она секретна и достаточно ценна. Однако, насколько я знаю, поставки орудий среднего и главного калибра из Британии сорваны самым драматическим образом: им не хватает стволов для оснащения даже собственного флота. Правда, после захвата русскими «Дунканов» эта проблема не столь важна, но, полагаю, в течение ближайших трех лет нам не стоит ожидать поставки орудий ни от «Виккерса», ни от «Армстронга». Эти мерзавцы конфисковали даже пушки, предназначенные для наших собственных кораблей! А боевые корабли без орудий не стоят почти ничего!

– Взгляните, мой друг!

Генерал положил перед промышленником еще один листок.

– Мать Мария! Это...

– Да. Это предложение о поставке русскими шести двадцатичетырехсантиметровых орудий для трех строящихся «Гарибальдийцев». Тех самых пушек, чьи снаряды низвергли британский флот с его пьедестала.

– После Босфора... После Моонзунда... После разгрома Сеймура... Любой, кто откажется от такого предложения – сын сицилийского осла. Скажите, дон Витторио, об этом щедром предложении господин Ансальдо и его компаньоны тоже пока не знают?

– По ряду причин – нет. Они не знают и об этом тоже.

На стол лег еще один листок.

– Господь всемогущий! Царь предлагает лицензию и всю документацию на турбины, генераторы и ходовые электромоторы... И отдает нам все трофейные и затонувшие на мелководье корабли, которые можно поднять, если они не соответствуют стандартам русского флота, или же их броню, механизмы и вооружение, не нужные самим русским, как, например, башни главного калибра и среднюю артиллерию захваченных ими «Дунканов»... Боже мой! «Булварк», «Сикисима», «Фудзи»! Даже если Николай заберет себе сами корабли или же они не подлежат восстановлению, это уже восемь двенадцатидюймовок... Какая ирония. Это как раз то количество орудий, которого британцы нас лишили! «Юпитер», «Марс», «Токива»,

от пяти до семи бронепалубных крейсеров, не считая легких кораблей и всякого старья... И все это всего за... Я просто не знаю, что сказать!

– Ничего не говорите, мой друг. Просто делайте...

– Десять процентов, дон Витторио. Вам отойдет десять процентов акций «Ансальдо», раз уж сам русский царь согласился довольствоваться четвертью. И, пожалуйста... Я хотел бы ознакомиться с вашим опус магнум – с проектом этого... идеального линкора.

Историческая справка

Своим расцветом концерн «Ансальдо» и вся итальянская судостроительная индустрия всецело обязаны Фердинандо Марии Перроне, купившему эту находящуюся далеко не в лучшей форме промышленную группу в 1902 году практически за бесценок. Этот энергичный промышленник с блеском воспользовался потрясениями, последовавшими за русско-британской войной, получив у властей Российской империи подряд на подъем и утилизацию потопленных кораблей, а также выкупил у русских часть их трофеев, получив прозвище «синьор Спаццино» – «мусорщик», «старьевщик».

Кроме того, он скупал боевые корабли предыдущего поколения как в Италии, так и за рубежом, проводил их глубокую модернизацию на основе предоставленных русскими (а затем и собственных) патентов и с немалой выгодой продавал уже вполне боеспособные корабли державам второго ранга. В частности, именно возглавляемый Перроне концерн построил или, в случае кораблей первых серий, модернизировал все девять крейсеров типа «Гарибальди» для Аргентины.

Этот же концерн восстановил и модернизировал для Свободного Южно-Африканского Союза поврежденный в Южной Атлантике броненосец «Дурбан» («Ростислав») и шесть захваченных или потопленных на мелководье и затем поднятых бронепалубных крейсеров типа «Эдгар». Также он произвел коренную модернизацию проданных бурам Россией броненосных таранов «Капштадт» («Император Николай I») и «Блумфонтейн» («Император Александр II»), доведя их бортовой залп до четырех орудий калибра 238 миллиметров.

С легкой руки синьора Перроне получили второе рождение броненосный крейсер «Альмиранте Латорре» (бывший «Токива»), броненосцы «Либертад» (брошенный британцами в Стамбуле и доставшийся русским тяжело поврежденный «Цезарь») и «Конститусьон» («Марс») для Чили. Броненосный крейсер «Альмиранте Кохрейн», ранее «Громовой», и так оказался достаточно современным и требовал лишь замены трех- и шестидюймовой артиллерии на британские орудия в целях унификации.

По соглашению с властями Российской империи концерн «Ансальдо» модернизировал и поставил бразильским заказчикам броненосные крейсера «Минас Жерайс», «Баия», «Риу-Грандиду-Сул» и «Риачуэло» (переведенные на электротурбины и перевооруженные на трофейные шестидюймовые орудия Армстронга «Память Азова», «Владимир Мономах», «Дмитрий Донской» и «Адмирал Нахимов»).

Кроме того, броненосец «Мессудие», не успевший закончить модернизацию до конца войны, был возвращен получившими его в качестве трофея русскими в Геную вместе с аналогичным броненосцем «Гамадие» («Сьюперб»). Там оба корабля были переоснащены на 238-миллиметровые пушки в двух одноорудийных башнях, аналогичных башням броненосных крейсеров типа «Гарибальди», и те же британские шестидюймовки Армстронга, с обновлением машин и котлов. После модернизации корабли были переклассифицированы в броненосцы береговой обороны, получили новые названия «Рио-де-Жанейро» и «Сан-Паулу» и также вошли в состав флота Бразилии.

Фактически дон Перроне не участвовал только в создании ВМС Израиля и массивованном перевооружении Греческого королевского флота, что было совершенно логичным решением, учитывая последующую историю взаимоотношений держав Восточного Средиземноморья после внезапной, но, как оказалось, отлично подготовленной аннексии Грецией Константинополя, Измира, Спорад и Кипра.

Зато один из заказов – поставка турбогенераторов удвоенной агрегатной мощности для модернизации ЭБР «Рет-визан», ЭБР «Владивосток» (бывший японский броненосец «Сикисима», затонувший на относительно малой глубине и поднятый ЭПРОН в 1903 году) и бронепалубных крейсеров «Богатырь», «Витязь», «Кагул»

и «Очаков» – стал началом долгой и плодотворной работы «Ансальдо» в интересах ВМФ Российской империи. Работы, давшей отечественному флоту столь знаковые корабли, как эсминцы типа «Гневный», лидеры типа «Ташкент» и легкие крейсера типа «Держинский», наряду с 533-миллиметровыми торпедами, мощными турбозубчатыми агрегатами типа ТВ-7 и 100-миллиметровым калибром универсальной корабельной (а также впоследствии зенитной, полевой и самоходной) артиллерии.

Неоспоримы также заслуги «Ансальдо» и в создании нового итальянского флота. Благодаря инженерному гению генерала Куниберти и деловой хватке синьора Перроне, несмотря на тяжелое финансовое положение и введенное Британией эмбарго на продажу корабельных орудий кому-либо кроме восстанавливаемого Королевского флота, Италия стала второй после России страной, принявшей на вооружение оллбигганы – перестроенный из броненосца классической схемы линкор «Реджина Маргерита» с восемью двенадцатидюймовыми орудиями и линейный крейсер «Реджина Елена» с десятью 238-миллиметровыми пушками русского образца.

При этом если «Маргерита», законченная как оллбигган исключительно в силу отсутствия предназначенных для нее первоначально восьмидюймовых орудий, и уступала в огневой мощи и особенно броневой защите вошедшим в строй спустя несколько месяцев американскому «Мичигану», британскому «Лорду Нельсону» и германскому «Дойчланду» (по скорости превосходя «Мичиган» и «Дойчланд» и уступая лишь «Нельсону»), то «Елена», в целом соответствуя русским «Дунканам» по защищенности и огневой мощи, превосходила их в скорости на целых два узла (притом что силовые установки крейсеров были совершенно идентичны).

Таким образом, в течение трех лет, с 1906 по 1909 год, до ввода в строй «Инвинсибла» и «Генералиссимуса Суворова» с их двенадцатидюймовыми пушками и более чем двадцатипятиузловым ходом, Италия имела на вооружении лучшие в мире крейсера.

Греки, сэр!

Душная летняя ночь накрыла Крит под аккомпанемент оглушительной музыки цикад.

– Вы заставили меня задуматься, мой принц. – Министр юстиции Критской автономии Элефтериос Венизелос, опытный политик и один из выдающихся умов греческого мира покачал в бокале неплохой коньяк. – Признаться, я считал, что еще рано требовать воссоединения Крита с матерью Элладой, но если это действительно правда...

– Это правда, мой друг, – усмехнулся принц греческий и датский Георг. – Я получил письмо от своей тетушки, вдовствующей императрицы Дагмары. Она раздражена нерешительностью сына, но вынуждена следовать его указаниям. Она прояснила мне все детали произошедших событий, и, надо признать, сложившаяся ситуация достаточно уникальна.

– Возможно, принц, то, что императрица Мария Дагмара считает нерешительностью, на самом деле является мудростью. Владение тем, что тебе не принадлежит, не приносит счастья. И туркам вот-вот предстоит это осознать. А вот нам, эллинам, следует быть едиными, чтобы вернуть наследие прадедов.

– Но сможем ли мы? Я с ужасом вспоминаю события пятилетней давности, когда торпеды на моих миноносцах просто не могли взорваться из-за отсутствия всего-навсего гремучей ртути во взрывателях...

– После окончания войны ваш родственник предлагает Элладе четыре броненосца, только что разгромивших англичан, причем три из них, «Наварин», «Чесму» и «Синоп» можно даже и не переименовывать. Впрочем, при всех давних обидах и Екатерина Великая сделала для нашей родины достаточно добра, чтобы чтить ее память.

– А трем из четырех крейсеров можно просто вернуть исконные названия – «Афина», «Артемиды» и «Эос», переименовав только «Варяг»? – усмехнулся Георг. – Впрочем, это наименьшая из проблем.

– Люди и деньги, – понимающе кивнул господин Венизелос. – Греция и так должна больше, чем она в состоянии выплатить. А люди...

– Моя тетушка сообщает, что в русском флоте более тысячи эллинов, из них почти двести офицеров. Правда, это офицеры военного времени, с сокращенным ниже нижнего предела курсом подготовки, зато с боевым опытом, которого более нет ни у кого. Если

мы как следует потрудимся в течение двух лет, с их помощью мы решим проблему экипажей для кораблей.

– А с деньгами? Да, русские сохранили свое золото и блистательно выкупили за бесценок большую часть своих облигаций, в то время когда все считали их поражение неизбежным, и поэтому могут позволить себе разбрасываться кредитами. Но ведь кредиты все равно придется отдавать!

– Владующий градом Константина не может быть бедным. Особенно если...

– Вы имеете в виду проект вашего кузена Вилли, мой принц? Путь Берлин – Константинополь – Багдад?

– Да. В случае реализации этого проекта Константинополь становится не затычкой на пути вглубь России и вообще Азии, а перекрестком морских и сухопутных путей. Тот, кто будет им владеть, не будет нуждаться в золоте.

– До Багдада и, возможно, даже до Басры эта дорога должна пройти через территории, куда мы загоним турок! Мое эллинское сердце требует мести за века их владычества, мой господин. Я понимаю, что полное уничтожение целого народа не только безнравственно, но и непосильно для нас.

А значит, мой принц, мы будем соседствовать с ордами озлобленных мусульман.

– Турки тоже будут нуждаться в деньгах. И если при занятии града Константина и Смирны мы удержим наших воинов хотя бы от крайних проявлений справедливого гнева... Это будет сложно, друг мой, но мы знаем, зачем следует приложить эти старания.

– Да. Даже если налаживание отношений займет какое-то время, железная дорога от Средиземного моря до германских земель все равно будет крайне выгодным делом. Тем более если верны слухи о Палестине. Но меня смущает один вопрос, мой принц. Зачем это русским? Сейчас нет силы, способной воспрепятствовать им в приколачивании очередного щита к воротам Константинополя – как они могли бы полагать, навечно. Но они готовы довольствоваться базами по обоим берегам Босфора. Зачем им это? Вряд ли ваш кузен – а это явно его инициатива – делает это предложение исключительно в благодарность за свое спасение от японской сабли.

– Затем, мой друг, что даже если Британия потерпит поражение, слишком многие ополчатся на тех, кто владеет Константинополем по праву завоевателя. А мы... Мы выступим в роли того самого щита, приняв на себя неудовольствие и британцев, особенно если произойдет Кипрский энзис, и австрийцев, облизывающихся на турецкое наследство, и итальянцев, точащих зубы на Спорады, и французов, которые были бы не прочь подчинить себе Левант, не будь угрозы германского вторжения...

– Итак, его величество король эллинов требует поддержки от нас, его подданных, в этом великом деле?

– Его величество в настоящее время в размышлениях. Но он понимает, что сегодняшний момент уникален: мы можем заручиться поддержкой и русских, согласившись на размещение их баз, и немцев, посодействовав им с любимой дорогой кайзера. Тогда как все, кто мог бы возразить нам: англичане, французы, итальянцы и, разумеется, сами турки – беспрецедентно слабы.

– А что, если две руки, поддерживающие этот щит (я имею в виду русских и немцев), сойдутся в схватке?

– Тогда мы решим, что будет выгоднее для Эллады: конфискация железной дороги или занятие баз на Босфоре. Если схватка обессилит обе стороны, а мы будем достаточно сильны, то возможны и оба варианта одновременно.

5 июня 1902 года. Радиоразведка

Генри Роунд, молодой сотрудник британского отделения концерна «Маркони», вытер пот некогда белоснежным платком. За прошедшие трое суток ему удалось поспать всего шесть часов, но дело было сделано.

– Здесь, – протянул он записку столь же измотанному японскому лейтенанту, – список обнаруженных неисправностей искровых аппаратов. Все их удалось устранить, но я был бы признателен, если бы вы телеграфировали этот перечень в штаб-квартиру компании. Возможно, это поможет нам поднять надежность связи в будущем. Что касается запасных частей, я выделил двойной комплект на «Микасу», «Сагами» и «Ивате», как на флагманы броненосных отрядов, а также на все три авизо. К сожалению, на остальных кораблях мы будем иметь сокращенный комплект.

– Это согласовано с командованием, – кивнул лейтенант. – Я немедленно отправлю вашу телеграмму, Роунд-сан.

Разумеется, он лгал. Не то чтобы он не доверял этому шатающемуся от усталости гайдзину, восхитившему его и всех радиотелеграфистов своими познаниями, изобретательностью и работоспособностью, но никто не должен был знать точную дату выхода Объединенного флота к базе русских. Поэтому телеграмма будет отправлена по адресу только через двое суток после ухода эскадры.

* * *

– Ну-с, – заметил не пожилой, а без всяких скидок старый моряк в кителе с лейтенантскими погонами, – что я могу сказать...

Он отложил на край стола массивные гуттаперчевые наушники и пошуршал бумажками, покрытыми непонятными закорючками, местами напоминающими нотную грамоту.

– Я могу отметить, что за эти три дня мне и моим молодым коллегам удалось определить около двух десятков различных... эм-м... голосов. Знаете ли, каждый музыкальный инструмент, будь то скрипка, фортепьяно или даже барабан, имеет свои особенности...

Офицеры вспомогательного крейсера «Рион», не чуждые музицированию во внеслужебное время и потому чрезвычайно гордые тем, что один из известнейших русских композиторов современности Николай Андреевич Римский-Корсаков вновь надел морскую форму, согласно кивнули.

Старик продолжил:

– Причем каждому из этих «тембров» соответствовали свои позывные. Зато почерки «исполнителей», я имею в виду радиотелеграфистов, демонстрировали забавную закономерность. Одна группа, от пяти до семи искровых станций, слышима была весьма плохо и имела свой почерк для каждой станции. А другая, из четырнадцати «инструментов», которые мы слышали достаточно хорошо, подавала свой голос весьма любопытным образом. Сначала каждая из этих станций исполняла своего рода несколько гамм, причем почерком, принадлежащим довольно ограниченному набору

«настройщиков», или скорее наладчиков. Временами их «концерт» был довольно коротким, а временами – достаточно длинным. Наладка примерно половины станций занимала довольно много времени. А уже потом станцию опробовали те «музыканты», которым предстоит на них играть.

– Вы считаете, имела место проверка передатчиков четырнадцати собранных в одном месте кораблей японского флота? – уточнил командир рейдера Троян. – А пять искровиков в этой проверке не участвовали?

– Выводы – это скорее ваша епархия, Петр Аркадьевич, – вздохнул старый композитор, – или вон Алешеньки.

– Разрешите мне, господин лейтенант? – вскинулся прапорщик по адмиралтейству Алексей Петровский, пришедший на крейсер с должности преподавателя Минных офицерских классов. – Хотя пеленгационная аппаратура работает пока не вполне надежно, можно с известной уверенностью говорить о том, что все эти четырнадцать «громких» передатчиков излучают из района Иокогама – Токио, тогда как примерно половина оставшихся находилась значительно западнее, в Сасебо, а остальные – значительно севернее, вероятно, где-то на Хоккайдо.

– Это неудивительно, – согласился Троян. – В Сасебо нынче ремонтные мощности изрядно порушены, да и опасаются самураи, что наша эскадра на самый порог микадо наведаться может, вот и концентрируют основные силы в императорской прихожей, оставляя на флангах что придется. Видимо, налаживают и проверяют связь перед какой-то крупной операцией. Что ж, передаем данные в штаб, господу, вместе с очередной метеосводкой. Еще один тайфун был бы совсем некстати.

* * *

– Быстроходному отряду в составе броненосцев «Рет-визан» и «Полтава», броненосных крейсеров «Громобой» и «Россия», в сопровождении минных крейсеров «Гранат» и «Гранит» выйти в море немедленно, – отдавал распоряжения адмирал Небогатов. – Отряду придается цеппелин «Орлан», вылетающий на разведку завтра в пять

ноль-ноль. Задача – перехват и сопровождение японского Объединенного флота, который, согласно разведывательным данным, выйдет в море для атаки маневренной базы «Огасавара» не позднее завтрашнего вечера.

В составе флота противника около четырнадцати боевых кораблей, из них шесть броненосцев (пять «Канопусов» и «Микаса»), три броненосных крейсера, включая британскую «Аврору», до полудюжины авизо, крейсеров эскорта и неизвестное, хотя и вряд ли большое количество миноносцев. После установления связи с Бонинской эскадрой встать под командование вице-адмирала Макарова. До встречи с противником соблюдать радиомолчание, изолировав контакты ключей опечатанными картонками. Командующий эскадрой – контр-адмирал Иессен.

– Слушаюсь, господин вице-адмирал!

Карл Петрович встал и коротко поклонился.

– Вспомогательным крейсерам под командованием контр-адмирала Рейценштейна продолжить сбор и передачу метеорологической информации и блокаду японских портов с дополнительной задачей – не допустить отхода быстроходных кораблей противника в Японию. Одновременно продолжать ведение радиоразведки и уведомлять штаб операции о любых важных изменениях: приказ о радиомолчании на них не распространяется. Отряду придается цеппелин «Альбатрос».

Николай Карлович на одном из своих крейсеров-купцов находился в море, и приказ принял присутствовавший на совещании флагманский радиотелеграфист Тихоокеанского флота.

– Петропавловскому отряду в составе крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Корнилов», а также двух используемых в качестве войсковых транспортов вспомогательных крейсеров немедленно приступить к занятию островов Курильской гряды, начиная от острова Шумшу на севере и вплоть до острова Симушир на юге. Командует отрядом капитан первого ранга Стемман. Шифрограмма Федору Федоровичу уже отправлена.

Начальник связи снова кивнул.

– Я с «Тремя Святителями», «Сисоем», «Мономахом» и миноносцами атакую отряд устаревших броненосцев и поддерживающий их британский броненосный крейсер «Империюз»,

собранные японцами в бухте Вакканай в целях осуществления ныне отмененного по понятным причинам десанта на Сахалин, и одновременно обеспечиваю проход в океан отрядов контр-адмирала Иессена. Далее эскадра осуществляет десанты на острова южной части Курильской гряды – от Кунашира и Хабомаи на юге и до пролива Буссоль на севере с организацией передовой постоянной базы Тихоокеанского флота в заливе Хитокаппу на острове Итуруп. С этой целью эскадре придаются четыре вооруженных парохода с морской пехотой, артиллерией и инженерно-строительным батальоном.

Лицо начальника береговой обороны Владивостока помрачнело: стало ясно, что новых орудий в ближайшее время ему не видать.

– Задача эскадр адмиралов Иессена и Рейценштейна совместно с эскадрой Степана Осиповича – нанесение решительного поражения японскому флоту. Задача прочих двух эскадр – приведение под российский флаг всех без исключения Курильских островов с превращением Охотского моря во внутреннее море России. С Богом, господа!

7 июня 1902 года. Тихий океан.

Близ Бонинских островов

Адмирал Того старался выглядеть бесстрастным. Конверт, полученный им из рук божественного тэнно, жег кожу на его груди напротив сердца даже через прокладку форменного сюртука и тонкий шелк сорочки.

Однако же, дорогой адмирал, в том маловероятном случае, если боги отвернутся от Нашего флота, Мы с уверенностью отметим, что в этом не будет вины ни вашей, ни прочих храбрых моряков Ямато. В связи с этим при любом исходе боя Мы прямо запрещаем вам, или кому-либо из офицеров, или же матросам приносить свои извинения, поскольку вам не в чем извиняться перед Нами.

Более того, будущее Ямато требует, чтобы как можно больше опытных офицеров имели возможность обдумать уроки этой явно несвоевременной войны и объединенными усилиями создать научный труд, который в будущем поможет стране избежать новых ошибок и занять причитающееся ей место под небесами.

Именно поэтому адмирал не собирался уходить под броню рубки: если богам будет угодно лишить его позорной участи, так тому и быть. Если же придется испить чашу, значит, таково веление богов.

Он посмотрел в небеса.

Русские тоже сделали выводы: их разведывательный дирижабль держался довольно далеко в стороне, поэтому шестифунтовки, спешно установленные на зенитные тумбы по британскому примеру, только без толку расстреляли большую часть боезапаса. Разумеется, с такой дистанции дирижабль не сможет корректировать огонь, но и то, что этот воздушный демон фиксирует каждый маневр японской эскадры, было достаточно плохо.

Адмирал перевел взгляд назад. Явный провал контрразведки флота! Догнавшие его утром «Ретвизан» и «Полтава», судя по всему, покинули Владивосток еще до выхода его эскадры и все так же висели у него на хвосте, лидируемые «Громобоем» и отремонтированной после боя с британскими кораблями «Россией». Эскадру прикрывали от торпедных атак два новых быстроходных минных крейсера «Гранат» и «Гранит».

Развернуться и атаковать наглые русские корабли Того не мог: командующий преследующим отрядом неизбежно также развернулся бы на курс отхода и утащил бы его за собой, ведя огонь с больших, недостижимых для японских артиллеристов дистанций. Благодаря тому, что скорость «Ретвизана» и перевооруженной на электрические турбины «Полтавы» была такой же, как у его броненосцев, русские могли отходить до самой темноты, а потом, ориентируясь на подсветку этого принесенного демонами дирижабля, выйти в минную атаку. И даже если не учитывать такую возможность, задачей адмирала Того была ликвидация русской базы с ее запасами угля и снарядов, позволившей крейсерам Макарова накинуть удавку блокады на Японские острова.

Нет, еще три часа экономического хода, а затем рывок на пятнадцати узлах к захваченному острову, оборонять который после ухода «Пересветов» на Север остался единственный русский броненосец германской постройки. Это независимо подтвердили агенты японцев в Петропавловске и разведка англичан в Архангельске и Мурманске.

За неделю до этого в Архангельске

Два года назад великий князь Кирилл Владимирович даже не знал о существовании этого человека, год назад крутил пальцем у виска, узнав, что Никки приближает к себе какого-то польского каторжника, а сегодня вынужден выслушивать худородного сопляка, бессовестно пользующегося авторитетом графа Толстого и самого царя.

Будучи на год младше Кирилла Владимировича (двадцать пять лет против двадцати шести), руководитель Чрезвычайной комиссии при императоре Феликс Дзержинский не испытывал ни грамма пиетета перед членом императорской фамилии и аккуратно перечислял последние события в жизни великого князя, особо тщательно останавливаясь на засекреченной переписке с друзьями в Лондоне и с братом Борисом Владимировичем, разменявшим флигель-адъютантские знаки отличия на арестантскую робу в Чите.

Ну, и кто его убеждал, что код переписки вскрыть невозможно? Расшифровано все до запятой. Кирилл Владимирович чувствовал себя голым на приеме и всего два желания доминировали в его сознании – чтобы это все быстрее кончилось и чтобы ему дали хоть немного собраться с мыслями.

– Требую, – надменно вздернув подбородок, на полуслове прервал Дзержинского великий князь, – чтобы моим делом занимались генерал Трепов или полковник Шершов, а не какие-то полумонахи-иезуиты.

– Трепов отвечает за организацию охраны первых лиц государства, – не поднимая головы от бумаг, быстро ответил руководитель ЧК. – Шершов занимается иностранными шпионами.

– Чем же занимаетесь вы, позвольте поинтересоваться? – нервно скривив губы, спросил великий князь.

– Сфера деятельности ЧК – клятвопреступления, – произнес Дзержинский и впервые за долгий разговор поднял глаза от бумаг на князя. От этого резкого, прямого взгляда глаза в глаза Кириллу Владимировичу стало не по себе. – Впрочем, если вам надоело мое общество, мы можем прекратить общение, но с одним условием. – Взгляд Дзержинского из жесткого превратился в жестокий. – Вы немедленно составите и передадите своим друзьям в Лондоне шифровку о прибытии в Архангельск «Осляби» и «Пересвета» вместе с «Сергием».

Домашнее задание

Когда окончательно сломленного и впавшего в ступор великого князя увели под ручки, Дзержинский брезгливо отодвинул от себя папку с его делом и достал другую, изрядно потертую и заношенную, но содержащую труд, давно ставший фундаментальным и занимающим все свободное время революционера.

«Новое государство и его служащие» – красовалось на форзаце, а первым листом было письмо, отправленное Дзержинским императору, где он выразил категорическое несогласие с передачей власти по наследству и предупреждал, что, исходя из этого, ни в коем случае не может отказаться от революционной деятельности. Записка вернулась с резолюцией, которую Феликс Эдмундович не ожидал увидеть. В верхнем правом углу размашисто наискосок было начертано «Согласен», а рядом подпись – «Тиран».

Собственно, с этого и начался поворот в жизни молодого революционера, запомнившего ставшую крылатой фразу: «Раз могут быть революционные дворяне и даже князья, то почему бы не быть революционному императору?»

– Передача власти по наследству в начале XX века – это действительно архаика, что по форме, что по содержанию, – произносил император совершенно невыносимые для статуса монарха слова во время одного из первых совещаний с участием Дзержинского и Толстого. – Причем эта проблема гораздо шире государственного управления. Хорошо ее удалось описать Томасу Манну в книге «Будденброки. История гибели одного семейства». Если не читали, рекомендую.

Автору удалось подсмотреть закономерность: первое поколение созидает, второе – приумножает, третье – уже ничего не строит, а ударяется в искусство и филантропию, четвертое – спускает в выгребную яму все, что накопили предыдущие, и не только деньги, но влияние, репутацию и даже совесть... Выявленная господином Манном закономерность годится и для политических движений, партий, идей в конце концов. Вот если в XX веке удастся решить проблему и построить справедливые жизнеспособные отношения, ликвидирующие «проклятие четвертого поколения», то цены нам не будет. А если не сдюжим, то это проклятие настигнет и тех, кто ходит под красным знаменем, и тех, кто живет под имперским.

Не выбирая выражений пройдясь по всему правлению Романовых, отчего у собеседников периодически краснели уши, император наглядно продемонстрировал, чего стоила государству непоследовательность его родственников-монархов, политические качели, когда указы одного, в том числе и хорошие, спешно отменял следующий за ним. Полезные начинания задвигались в дальний ящик только потому, что их инициировал опальный ныне придворный или нелюбимый предшественник.

Попытка начать поиск решения с пропаганды марксизма среди отдельно взятого монарха привела к тому, что император скривился, как от зубной боли, досадливо глянул на Дзержинского и заботливо, как капризного ребенка, спросил:

– Феликс Эдмундович, вы находите панацею в социализации средств производства? В рабочем самоуправлении? В прямой демократии? Тогда не надо громких слов. Организуйте такое на любом подмандатном предприятии, в любом уезде и посмотрите, что получится. Практика – критерий истины. Вот и практикуйте, систематизируйте. А заодно изучите внимательно воспетый Марксом опыт управления Парижской коммуной – не найдутся ли там родимые пятна тех же проблем, что и у нынешнего государственного аппарата?

Попытки брюзжания на тему «хуже все равно не будет» пресекались настолько образно, что граф Толстой не выдержал и начал конспектировать.

– Вы правы в определении нынешнего социального устройства Российской империи как гнилого бревна. Но беда в том, что это трухлявое дерево подпирает дверь в ад. Разрушь его, отпихни на обочину – и врата разверзнутся...

Аллегория России с засовом, запирающим преисподнюю, Дзержинскому показалась натянутой, и он списал эту фразу на религиозную экзальтацию монарха, но вот со следующей сентенцией, скрепя сердце, вынужден был согласиться.

– Основная цель провозглашенной социальной революции – создать более благоприятные, комфортные условия жизни и развития всего общества в целом, повысить уровень защищенности каждого отдельно взятого гражданина, обеспечить справедливое распределение производимого продукта. У революционеров есть ответ на вопрос «Что делать?». А вот как это обеспечить? Против лозунга «от каждого

по способности, каждому по труду» не возражает ни один купец или заводчик. Просто они оценивают свой труд по-своему, не так, как крестьяне и рабочие. А кто будет арбитром? Кто справедливо рассудит, оценит, взвесит рабочий день гальванера, машиниста, директора предприятия, художника? Новый чиновник? А откуда он возьмется, честный и неподкупный, если человеческие пороки равномерно размазаны по всем сословиям?

Вот вы, товарищ Дзержинский, вслед за товарищем Лениным агитируете за разрушение российского государства и почему-то считаете, что если хорошенько все разгромить, то на руинах обязательно будет построено «здание светлого будущего», а люди, которые будут громить и сносить, вдруг трансформируются в строителей... Я даже не спрашиваю, каким образом это произойдет и сколько крови при этом прольется... Да-да, к сожалению, лишь четверть профессиональных разрушителей способны что-либо созидать^[62].

Мне интересно, каким волшебным образом материализуются неподкупные, честные, грамотные, квалифицированные и болеющие за общее дело чиновники? Как вы собираетесь обеспечить их поиск, выдвижение и расширенное воспроизводство? Не знаете? У Маркса это не описано? Тогда вы, батенька, патентованный идеалист! Строить здание, не имея чертежей, воспитывать строителей будущего, не имея понятия о том, каким образом и за счет чего среди них будут изживаться традиционные человеческие пороки, как будет формироваться моральный облик слуг народа, а не вышестоящего начальства – все это несколько наивно, не находите?

Начать император предложил с малого – с изучения и обобщения известного исторического опыта самых различных государственных формаций, дабы выделить обстоятельства, заставляющие чиновников работать честно, эффективно и ответственно.

– Не надо ждать, когда вдруг неожиданно на бюрократию снизойдет благодать, – тихо говорил он, и глаза его загорались нехорошим огнем, – нужно ставить ее в такие условия, где работать по-старому невыгодно, позорно, да и вообще опасно... Наша задача – сделать такие условия самовоспроизводящимися. Это и станет новой жизнеспособной идеологией.

Лев Николаевич Толстой, полностью растерявший свой миротворческий запал после пары командировок с инспекциями на стройки заводов, где от его кулаков пострадал не один десяток земских и министерских столоначальников, а сам он приобрел дополнение к титулу – «Бешеный», согласно кивал головой и рисовал на листке бумаги огромную зубчатую пилу.

– Народ привечает власть, которая помогает ему выжить. Пока проблему выживания решало самодержавие, люди были более-менее удовлетворены, – задумчиво проговаривал мысли вслух император. – Не счастливы и не довольны, а именно удовлетворены... Худо-бедно социальный консенсус поддерживался. Но как только монархическая система начала сбоить, она подписала себе приговор и будет воленс-ноленс заменена другой, более соответствующей насущным задачам общества по элементарному выживанию. Этого не надо бояться. Самодержавие – это только инструмент, он хорош на своем месте в свое время. Кстати, Лев Николаевич, вы подготовили текст новой присяги Отечеству?

– Марксизм впервые за всю историю человечества предполагает передачу власти самым бедным и обездоленным, с полным последующим демонтажом государства как такового, – запальчиво защищал свою точку зрения Дзержинский.

– Это не отменяет мучительную череду проб и ошибок, когда за пышными красивыми обещаниями следует нечто прямо противоположное по содержанию, – раздраженно отмахнулся император с таким выражением лица, будто имел личный печальный опыт. – Иногда время экспериментов затягивается на столетия. Иногда, не в состоянии пережить революционный катарсис, в нем растворяются и исчезают целые страны, некогда доминировавшие в этом мире, оставляя за собой кровавый шлейф междоусобиц и обезлюдившие территории... Так вот, наиважнейшая задача – не допустить неуправляемого обрушения страны в кипящий котел смуты, хотя многие по разным причинам желают именно этого. Власть вообще негодный инструмент для строительства рая и предназначена только для того, чтобы не воцарился ад. Предлагаю эту задачу считать минимумом...

А потом была длинная нудная работа по изучению эффективности государственных аппаратов разных наций и стран в Европе, в Азии, в

России, от Древнего Рима и до современного Вашингтона. Сведение в огромные таблицы форм контроля за чиновниками, перечисление вариантов личной мотивации государственных служащих, способы измерения их усердия и умения. И целые грозди разочарования с пониманием, что сложные вопросы не имеют простых решений. И, как и предупреждал император, Парижская коммуна, гордость всех революционеров, на которую буквально молились все марксисты, оказалась совсем не эталоном народовластия, за свои семьдесят дней продемонстрировав редкую непоследовательность и неэффективность.

Люди, оказавшиеся в Париже у власти весной 1871-го, были хорошими ораторами, но никудышными организаторами. В руководство коммуны входили двадцать восемь рабочих, восемь служащих, двадцать девять журналистов. Эта разношерстная публика напринимала множество деклараций: об уничтожении милитаризма, эксплуатации, привилегиях, об отделении церкви от государства, о светском характере образования... И все эти прекраснодушные призывы практически ничем не подкреплялись.

Устанавливались выборность, сменяемость и подотчетность чиновников, зарплата которых приравнивалась к средней зарплате рабочего. Уничтожалась полиция, провозглашалась замена армии всеобщим вооружением народа. Церковь отделялась от государства. Они провозгласили множество нововведений, вызвавших восторг бедноты: восстановили отсрочки по платежам, отказались платить контрибуцию немцам, объявили об установлении рабочего контроля на крупных предприятиях и отмене штрафов, ввели всеобщее бесплатное образование, декларировали равенство полов, обещали открыть бесплатные столовые для бедноты и множество чего еще, что соответствовало представлениям социальных низов о справедливости и счастливой жизни.

Но претворить в жизнь все эти благие начинания коммунары не смогли. То, что выглядело просто и понятно в трудах теоретиков социализма, оказалось трудно выполнить на практике. Все хотели «получить по потребностям» прямо здесь и сейчас, но готовых чем-то для этого пожертвовать было мало. Созданные вместо упраздненных министерств комиссии коммуны были недееспособны: их хаотичные и противоречащие друг другу указания выполнялись выборочно или игнорировались. По сути, единственным зримым результатом

деятельности коммунаров стало обрушение установленной в честь побед Наполеона I Вандомской колонны, объявленной «памятником варварству, символом грубой силы и ложной славы».

Революционеры не смогли даже восстановить производство и ликвидировать безработицу, достигшую восьмидесяти процентов. Город жил бедно. Триста тысяч парижан без денег и работы ежедневно ожидали тридцати су, а руководство коммуны в это время выпрашивало кредиты у Ротшильдов. Картина складывалась парадоксальная: коммунары хотели сделать революцию, прибегая к помощи ростовщиков. Некоторые исследователи выдвигали сомнения: а была ли вообще попытка пролетарской революции?

Снабжение солдат продовольствием и боеприпасами практически отсутствовало. Самым вопиющим оказался конфуз с оружием: нацгвардейцы были вооружены старыми ружьями, в то время как на складах пылились 300 тысяч современных ружей «шаспо», 200 тысяч магазинных винтовок и 14 тысяч карабинов Энфилда.

В отрядах нацгвардии постоянно проходили митинги и переизбирались командиры. Иногда войска коммуны по непонятным причинам вдруг покидали оборонительные укрепления, тут же занимаемые версальцами.

Революционная полиция бросалась из крайности в крайность. То она распускала всех заключенных из тюрем, то вдруг задерживала несколько сотен заложников. Из этих схваченных почти наобум несчастных в последние дни коммуны расстреляли 63 человека, в том числе парижского архиепископа.

Финансовыми делами коммуны тоже руководили неумехи. В подвалах Французского банка лежало три миллиарда франков наличными и ценными бумагами, но коммуна даже не знала об этой грандиозной сумме. Ее комиссар Белэ, инженер по образованию, выпросил в банке кредитов на общую сумму в 16 миллионов франков, в то время как версальское правительство легко получило тайный займ в 267 миллионов.

Революционное правительство Парижа умудрилось за такой короткий срок подорвать доверие к себе даже в рабочей среде. Решения коммуны по социальным вопросам были отрывочными и нелогичными. Был запрещен ночной труд, но почему-то только в пекарнях. И так далее и тому подобное...

Коммунары рубились по теоретическим вопросам и занимались разрушением исторических памятников, а в это время Тьер укреплял свою армию.

Маркс, Энгельс, а позднее и Ленин публично превозносили Парижскую коммуну как пример первого пролетарского государства, а причиной ее падения считали исключительно жестокость озверевшей буржуазии. В частных письмах классики марксизма-ленинизма были более откровенны. Энгельс, например, соглашался со словами Гарибальди: «Парижская коммуна пала, потому что в Париже не было никакой авторитетной власти, а лишь одна анархия».

Читая эти письма, бог весть как попавшие к императору, Дзержинский краснел до корней волос и особенно явственно понимал, что шанс построить что-то действительно новое и светлое будет всего один, поэтому нужно не семь, а семьдесят раз отмерить, прежде чем резать и перелицовывать...

И вот наконец-то, после детального знакомства по долгу службы с монастырским бытом и чиновничьей жизнью, он понял, каким должен быть слуга народа. По всем признакам и параметрам это обязательно монашествующая личность, но не из тех, кто прячется в кельи и пустыни от мира сего, а наоборот, активно вторгается в него, находясь круглосуточно на виду без физической возможности иметь вторую, тайную от общества жизнь. Этаким отшельник наоборот. Светский монах, даже если такое словосочетание является оксюмороном.

Дзержинский аккуратно вложил в папку еще один, последний листок, исписанный бисерным почерком, и с удовлетворением закрыл ее. Завтра доклад и обсуждение его проекта нового государственного аппарата. Надо хоть немного отдохнуть и еще раз перечитать весь материал. Будем считать, что это седьмая примерка – генеральная.

Принуждение к миру

– Прямо по курсу дымы на горизонте! – закричали сигнальщики и сразу же: – «Громобой» и «Россия» ускорятся! Ложатся на параллельный курс по правому борту!

– Русские начали забивать эфир!

– Сейчас все и решится, господа. Выполняйте свой долг перед императором. Флоту увеличить ход до пятнадцати узлов. Крейсерскому отряду быть готовым атаковать «Громовой» и «Россию».

– Русские корабли по носу опознаны! Разделены на два отряда. В первом отряде – головной «Виттельсбах», за ним два трехтрубных башенных крейсера, предположительно «Богатырь» и «Витязь», в сопровождении двух малых крейсеров. Во втором отряде – три трехтрубных крейсера и один четырехтрубный, в сопровождении дестройеров!

– Это тот самый бой, который мы искали. «Читосэ» произвести разведку сил Макарова. «Такасаго»...

– «Громовой» открыл огонь с дистанции восемьдесят! Отряд Макарова разворачивается «все вдруг», ложится на курс отхода! «Виттельсбах» замыкает колонну, дистанция до него сто двадцать! Падение залпа «Громовой» между вторым и третьим отрядами!

– Похоже, сегодня русские не столь точны, господин адмирал. Их снаряды ложатся достаточно далеко от «Канопу – сов» и от крейсеров.

– Вижу. Но они ведут огонь не по нам, господа. Почему-то они пытаются первым делом достать не броненосцы и даже не броненосные крейсера, а «Такасаго»!

– Не понимаю...

– Возможно, Макаров-сан собирается лишить нас глаз и ушей. «Такасаго» отойти за линию, «Ивате», «Якумо» и «Авроре» атаковать «Громовой» и «Россию». Прикажите им не приближаться к русским броненосцам...

– Попадание в «Такасаго»! Фугасным! Сбита грот-мачта, пожар!

– Запросите капитана Ёсимацу о повреждениях.

– Разбит радиотелеграфный аппарат, уничтожено кормовое восьмидюймовое орудие, ходовая часть и прочая артиллерия в порядке.

– Отлично!

Несмотря на это «отлично», что-то беспокоило адмирала. Русские вели бой не так, как вел бы его он сам. Уступая по числу тяжелых кораблей вдвое (три броненосца против шести и два броненосных крейсера против трех), он бы попытался соединить свои силы и, пользуясь превосходством в дальнобойности и меткости на дальних дистанциях, сначала сравнял счет, а потом...

Но Макаров, активно пользуясь той самой дальнобойностью, объединить свои силы не спешил. Напротив, «Варяг» и «Богини» ускорились.

– «Виттельсбах» начал обстрел «Читосэ»!

– Почему-то господин Макаров первым делом пытается выбить наши крейсера, – заметил командир «Микасы» Хаясаки. – И если «Читосэ» сам пошел на сближение, то «Така-саго» просто шел в ордере...

Адмирал Того задумался. Макаров показал себя грамотным, хотя и несколько авантюристичным противником, а значит, у этой странности должна быть своя причина.

– «Читосэ» поворачивает, ложится на курс возвращения! Русские крейсера его преследуют! Пытается передавать, но русские забивают искру!

Адмирал поднял бинокль. «Почему Макаров оставил при „Виттельсбахе“ еще двоих?» – пронеслось в его голове. Четверка русских больших бронепалубников пыталась перехватить отправленный на разведку крейсер, но разница в скорости была невелика, даже несмотря на турбины, позволяющие «Богиням» давать двадцать четыре узла. А вот «Газель» и «Новик»...

Море вокруг «Читосэ» кипело от разрывов шести- и четырехдюймовых снарядов, среди которых изредка вставали по два более высоких пенных столба от кормовых девятидюймовок «Виттельсбаха».

– «Новик» и «Газель» выходят в минную атаку! «Читосэ» пытается сигналить прожектором, но с такой дистанции сигнал невозможно разобрать за дымом!

«Газель» уже горела в двух местах – артиллеристы «Читосэ» достигли нескольких попаданий, – но скорость построенного немцами крейсера не снижалась. Оба корабля выпустили полный бортовой торпедный залп по небольшому бронепалубному крейсеру, вместо того чтобы приберечь торпеды для крупных кораблей.

– Они очень настойчивы, – словно бы сам себе сказал адмирал, – в попытках уничтожить наши быстроходные корабли. Этому должна быть причина. Лейтенант, – обратился он к почтительно стоящему рядом молодому офицеру, – мне говорили, что у вас великолепное зрение. Осмотрите русскую эскадру и сообщите мне любую странность, которую вы заметите.

Лейтенант с поклоном принял небрежно протянутый ему адмиральский бинокль.

– Там... Я прошу прощения у господина адмирала, но...

– Короче, лейтенант.

– Перед «Виттельсбахом» идут не «Богатырь» с «Витязем», а два «Пересвета», господин адмирал! Длинный полубак, он выше, чем на «Богатырях»! А дальномерная будка, по которой «Пересвет» легко опознать, была сбита в предыдущем бою!

Адмирал Того улыбнулся. Итак, все странности прояснились, и стало возможным выработать тактику. Хитрые демоны...

– «Читосэ» торпедирован! Садится кормой!

Последовательность атаки русских приносила плоды: у него стало меньше на один быстроходный корабль, способный поспорить с турбинными крейсерами Макарова.

– Что в эфире? – Казалось, адмирал не обратил внимания на судьбу своего разведчика.

– Русские радиостанции забивают передачи, господин адмирал!

– «Такасаго» и всем авизо собраться в единый отряд под командованием капитана первого ранга Ёсимацу. Через пять минут вместе с третьим броненосным отрядом повернуть вправо и на максимально возможной скорости уходить к Японии. «Ивате», «Якумо» и британской «Авроре» обеспечить прорыв через «Громобой» и «Россию». Задача отряда капитана Ёсимацу – выйти из области подавления радиосвязи и передать в штаб данные о том, что переход двух «Пересветов» через Северный проход – дезинформация. Далее действовать по обстановке.

– Попадание крупнокалиберного снаряда в авизо «Ми-яко»! Корабль парит, снижает ход!

– Тем меньше причин медлить. «Мияко» из отряда прорыва исключить. Третьему броненосному отряду атаковать «Громовой» и «Россию». Ха! Господин Макаров действительно готов на все, чтобы не допустить утечки информации о «Пересветах»... Заметьте, господа, русские бронепалубники «Газель» и «Новик» тоже пошли на перехват. А значит, броненосцы Макарова остались без прикрытия... И они сняли с «Пересветов» половину скорострельных орудий. Штурман, сколько осталось до русской базы?

– Тридцать две мили, господин адмирал!

– Все, дальше они убежать не будут. Первому и второму боевым отрядам – полный ход, держать восемнадцать узлов, что бы ни

случилось! Дестройерам приготовиться к минной атаке на «Пересветы»! Именно на «Пересветы»! У «Виттельсбаха» слишком сильная противоминная и средняя артиллерия! Поднять сигнал: «Император ожидает, что каждый исполнит свой долг!»

– Броненосцы Макарова перестраиваются пеленгом! Дистанция девяносто! «Виттельсбах» открыл огонь!

«Пересвет», пораженный торпедой в носовую оконечность, не мог дать больше четырнадцати узлов; снаряды горячей, но все еще уверенно прущей вперед «Микасы» ложились совсем рядом. На открытом всем ветрам и осколкам мостике японского флагмана можно было при желании разглядеть фигуру адмирала.

Обстрел на дистанции в пятьдесят кабельтовых был малоэффективен, поэтому поврежденный корабль смещался левее и скоро должен был выйти за радиус эффективного огня японцев. Повредивший его дестройер, единственный из прорвавшихся к русским кораблям, получил на отходе снаряд в котельное отделение и еле плелся, пытаясь выйти из-под разрывов.

– «Мисима» и «Окиносима» отстают, адмирал-сама! У «Мисимы» подводная пробоина в носовой оконечности – перелет по нам. У «Окиносимы» сбита вторая труба и вышли из строя несколько котлов! Ход не больше пятнадцати узлов!

Адмирал Того вздохнул. Поставленные англичанами «Канопусы» были не слишком удачными кораблями. Броневой пояс всего в шесть дюймов – тоньше, чем у японских броненосцев второго класса. Но это полбеда. Вторая половина – тонкая бронепалуба, всего один дюйм в оконечностях. Да и котлы Бельвилля, безотказно служившие в иных флотах, на британских броненосцах почему-то регулярно отказывали.

– Капитанам Нарито и Кабураги свалиться влево. Действовать независимо. Догнать и уничтожить поврежденный русский броненосец. При приближении «Ретвизана» и «Полтавы» задержать их, пока мы будем разбираться с «Виттельсбахом» и «Ослябей». «Микасе» снизить скорость до семнадцати узлов, принять Второй боевой отряд в кильватер. Лейтенант, скорость «Виттельсбаха» и «Осляби»?

– Не меньше восемнадцати узлов, господин адмирал. Они идут галсами под сорок пять градусов к генеральному курсу, чтобы иметь открытыми носовые башни. Их скорость убегания тринадцать-четырнадцать узлов. Через десять минут мы выйдем на дистанцию поражения!

– К этому времени у них все равно закончатся фугасы, – мрачно произнес командир броненосца. – И они будут вынуждены сблизиться, чтобы иметь возможность использовать бронебойные снаряды.

– Мы с «Виттельсбахом» будем пробивать друг друга примерно на одинаковой дистанции – от двадцати до двадцати пяти кабельтовых. Пояс «Осляби» будет пробиваться нами примерно с тридцати, а вот «Ивами», «Сагами» и «Суо» с их шестидюймовыми поясами будут уязвимы уже с сорока кабельтовых. Скорее всего, русские сначала постараются выбить с сорока кабельтовых идущие за нами «Канопусы».

– На такой дистанции, по опыту предыдущих столкновений, русские должны достичь двадцати процентов попаданий, – меланхолично заметил капитан Хаясаки.

– Мы же, – продолжил адмирал, – вряд ли добьемся более десяти процентов: наши дальнометы значительно уступают русским.

О том, что русским уступает и подготовка артиллеристов, адмирал умолчал: сказать об этом прямо было бы слишком оскорбительно для его офицеров.

– Как считаете, капитан, сколько попаданий сможет выдержать «Канопус»?

– Учитывая, что бронебойные снаряды Макарова-сан будут пробивать пояса, броню башен и казематов, не больше десяти до выхода из боя, адмирал-сама.

– Значит, русским будет достаточно дать пять залпов и еще два – на пристрелку. Это четыре-пять минут. Пять наших залпов, из них два пристрелочных – в лучшем случае по три попадания в каждый из кораблей Макарова-сан. Боюсь, что этого будет недостаточно для выбивания даже «Осляби», и еще через пять минут у нас останется два броненосца против двух русских... Или, если боги будут к нам особенно благосклонны, против одного.

– «Окиносима» взорвался! – закричал сигнальщик.

Его крик не меньше чем на полминуты опередил грохот взрыва, но грибовидное облако, поднимавшееся над одним из двух отправленных на добивание «Пересвета» броненосцев, не оставляло сомнения в том, что второй «Канопус», «Мисима», если и отомстит за собрата, то задержать Иессена не сможет никаким образом. А значит, к тому моменту, когда они все же выбьют хотя бы один из кораблей

Макарова, русский засадный полк – «Ретвизан» и «Полтава» – бросит на чашу весов свои тяжелые аргументы.

– Противник в пределах досягаемости! Разрешите открыть огонь, господин адмирал?

– Разрешаю, – коротко кивнул Того.

Первый залп дал недолет. Второй тоже. А третий...

– Адмирал-сама! Как командир корабля покорнейше прошу вас пройти в рубку, – низко поклонился капитан Хаясаки. – Мы будем нуждаться в вашей мудрости.

Адмирал Того задумчиво кивнул. Он представлял, какого мужества потребовала от командира «Микасы» столь невежливая просьба.

– Повреждения? – спросил он, обращаясь к волнам и ветру.

– Прямое попадание в ствол правого носового орудия главного калибра, адмирал-сама. Носовая башня небоеспособна, данные о возможности ввести в строй левое орудие поступят с минуты на минуту.

Адмирал благосклонно кивнул и проследовал под защиту броневых плит. Залп с «Виттельсбаха» лег близким накрытием пять секунд назад, а прилет от «Осляби» ожидался примерно через десять. Дело, скорее всего, было в премерзком характере шимозы, наполняющей фугасные снаряды «Микасы», один из которых, видимо, разорвался прямо в стволе. Разумеется, он не будет поправлять капитана.

– Передать на второй боевой отряд: разворачиваемся строем фронта. Нам нужно ввести в действие орудия наших мателотов. Начать маневр через две минуты.

– Дымы на правой раковине! – послышался голос сигнальщика.

– Лейтенант, – обратился Того к тому самому, особо зоркому офицеру, – посмотрите, кто это.

– Это «Громовой» и «Россия», адмирал-сама. Скорость – двадцать узлов. «Россия» горит, но, судя по всему, без повреждений в ходовой части!

– Значит, Третий боевой отряд уничтожен, но кто-то из быстроходных кораблей смог прорваться, – кивнул адмирал и пояснил: – Если хотя бы один из наших броненосных крейсеров все еще представлял бы угрозу для русских, «Громовой» или «Россия»

остались бы добивать его. Раз Макаров-сан отозвал оба крейсера, ни «Ивами», ни «Якумо», ни «Аврора» больше не представляют для них опасности. Но поскольку «Россия» с «Громобоем» вернулись без бронепалубных крейсеров, тем есть кого преследовать.

Офицеры с непритворным уважением поклонились.

– «Ретвизан» и «Полтава» открыли огонь по «Мисиме»! – закричал один из офицеров и через секунду добавил: – «Мисима»... Она...

– Она спускает флаг, – жестко закончил за подчиненного адмирал Того. – Господа, я ни на секунду не могу допустить, что кто-то из офицеров тэнно согласился бы покрыть себя, все свои прошлые и будущие воплощения несмываемым позором. Но спешу напомнить, что больше половины команды на «Канопусах» – англичане. А они понимают долг и честь не так, как сыны Ямато.

Поскольку еще три «Канопуса» с такими же экипажами шли по соседству с «Микасой», некоторые из офицеров штаба не смогли удержать на своих лицах бесстрастное выражение.

А потом 226-килограммовый фугасный снаряд, один из четырех последних в боеукладке «Осляби», ударил в броню рубки, и свет для всех, собравшихся в ней, померк.

9 июня 1902 года. Бонины

Грубо сколоченная из досок дорожка, поднимающаяся на вершину холма к высокой мачте, служащей одновременно для причаливания дирижабля и для радиотелеграфной связи, была совершенно лишена изящества, но, по крайней мере, позволяла не утонуть в выбитой маминскими тягачами и раскисшей после недавнего тропического ливня колее.

– Все дело в плотности населения, – весело сказал адмирал Макаров, проследив за неодобрительным взглядом собеседника. – У нас слишком мало людей и слишком много того, что надо сделать. Приходится ограничиваться самыми быстрыми и наиболее функциональными решениями.

Адмирал Того задумчиво кивнул. «Интересно, – подумал японец, – на вышке развеивается только военно-морской флаг с Андреевским крестом, а бело-сине-красный государственный флаг не поднят. Имеет ли это какое-либо значение?»

– Как вы получили это ранение, Макаров-сан? – спросил он, имея в виду висящую на перевязи руку русского адмирала.

– На «Боброке», – ответил тот. – Примерно так же, как и вы, Того-сан. Ваш фугас разорвался на броне рубки, меня отбросило, только вот приложился я не головой, как вы, а плечом.

– Признаться, я не надеялся, что мы сможем потопить хотя бы один ваш броненосец, – сменил тему Того.

– Морской бой – не только точный расчет, но и череда случайностей. Еще два ваших фугаса попали почти в одну точку в носовой оконечности «Осляби», прямо по ватерлинии, а дополнительное бронирование «Пересветов» все-таки было немного кустарным. Поэтому несколько плит просто-напросто сорвало с подкладки, и броненосец начал набирать воду. Плюс в погоне за мореходностью наши инженеры увеличили высоту борта сверх разумных пределов. Помпы не справлялись, крен увеличивался, и возникла серьезная опасность опрокидывания. В результате мой заместитель приказал оставить корабль. «Пересвет», к слову, мы до базы тоже не довели, как вы могли заметить.

– С другой стороны, вы, потеряв два броненосца, приобрели три, – пожал плечами Того.

– Нам повезло, что некоторые англичане оказались более рациональны, чем подданные японского императора. И гибель «Микасы»... К слову, о роковых случайностях. Мы рассчитывали, что «Ретвизан» и «Полтава» добьются попадания уже третьим залпом, но не ожидали такого эффекта. Так вот, гибель флагмана, а затем «Ивами» оказалась для команд «Сагами» и «Суо» несколько... шокирующей. И у них был пример «Мисимы».

– Я понял, что именно вы имели в виду под этой рациональностью. Какова дальнейшая судьба изменников и мятежников? Смею почтительно заметить, – взгляд адмирала Того стал жестким, – что эти... люди на момент проявления ими своей «рациональности» и убийства ими японских офицеров находились под юрисдикцией Ямато.

– В настоящее время я несу за них ответственность как за военнопленных. Я приказал разместить их отдельно от ваших моряков, чтобы избежать эксцессов. А что до их послевоенной судьбы... Полагаю, это станет одним из вопросов на мирных переговорах.

– Могу ли попросить вас о любезности? Я хотел бы представить свои предложения по этому вопросу моему императору.

– Только в том случае, если я буду уверен, что вы не коснетесь некоторых иных... деталей. К сожалению, я не могу рисковать.

– Вы имеете в виду тот факт, что...

– Чем дольше англичане уверены, что вскоре на их коммуникации выйдет не один, а сразу три «Пересвета», тем быстрее закончится война. Мы не можем допустить утечку информации, касающейся именно этой военной хитрости.

– Я понимаю вашу точку зрения, Макаров-сан. Но это значит, что...

– Увы, Того-сан. «Такасаго» действительно прорвался через наш крейсерский отряд, но потерял большую часть артиллерии, а радиотелеграф был разбит еще до прорыва. Его скорость в результате полученных при прорыве повреждений не превышала пятнадцати узлов, и сегодня утром два вспомогательных крейсера адмирала Рейценштейна перехватили ваш крейсер в сотне миль от Йокогамы. Часть ваших людей была спасена, и скоро мы доставим их сюда, где вы сможете поговорить с ними.

– Благодарю, господин адмирал. Полагаю, скорейшее окончание войны и в наших интересах. «Если ты не можешь быстро выиграть войну, возможно, имеет смысл быстро ее проиграть». Хорошо, я предоставлю вам письмо в незапечатанном конверте и обязуюсь не упоминать о том, что «Ослябя» и «Пересвет» остались здесь. К слову... Я бы посоветовал устроить на ушедших в Атлантику «Богатырях» парусиновый обвес поверх лееров в носу, чтобы визуально увеличить высоту полубака. Один из моих офицеров опознал ваши броненосцы именно по этой примечательной черте – высокому борту.

– Не за что, господин адмирал, мы оба просто выполняем свой долг. И благодарю за совет.

– Что вы собираетесь делать с трофейными «Канопу – сами»?

– Англичанам мы их не вернем совершенно точно. Полагаю, переделаем по образцу «Дунканов» – с двумя четырехорудийными башнями в девять и четыре дюйма и турбинами нового образца, что позволит сделать из них недурные крейсера, которые смогут

прослужить в первой линии хотя бы пять-десять лет. А дальше... Флоты всех ведущих держав станут совершенно другими.

Адмирал Того задумался. То, что Макаров-сан делится с ним своими стратегическими планами, тоже должно было что-то значить... Возможно, русские желают, чтобы Япония, восстанавливая свой флот, с самого начала ориентировалась именно на эту совершенно иную концепцию? Это неизбежно: островная держава без флота – колония, а колонизировать Ямато русские явно не собираются и вряд ли мечтают, чтобы это сделал кто-то другой.

– Полагаю, вы правы. Знаете, господин Макаров, большинство наших кораблей так и не успели задействовать свои шестидюймовки. Ваша идея насчет уменьшения количества среднекалиберных пушек на «Пересветах» была правильной, но вам следовало бы компенсировать их отсутствие увеличением числа противоминных орудий.

– Да, это была ошибка, и мы довольно дорого за нее заплатили. Следовало вообще убрать все орудия Канэ, трех-и шестидюймовые, и заменить их на германские в сто пять миллиметров. Но у нас не было на это времени. Впрочем, мы можем обсудить пути развития военных флотов мира позднее, Того-сан. И... Не могу ли я тоже обратиться к вам с просьбой?

– Я к вашим услугам, Макаров-сан! – почтительно ответил адмирал и подумал: «Да, похоже, русские не собирались вычеркивать Японию из числа морских держав. И это явно не было самодеятельностью отдельно взятого адмирала. Флаг! Значит, это было...»

– На мирных переговорах, – продолжил Макаров, – изначальная установка российской делегации будет включать в том числе и аренду этого острова под военно-морскую базу на девяносто девять лет.

– Изначальная?

– Да. Но на самом деле моего государя устроит срок в двадцать четыре года.

– Это немного.

– По словам императора, России вполне хватит этого времени, чтобы укрепиться в Северной Маньчжурии и на Дальнем Востоке, включая Сахалин, Камчатку и Курилы, и не опасаться новых действий со стороны вынуждаемой внешними силами Японской империи, даже при условии наличия у нее современного и мощного флота.

Адмирал Того отметил про себя, что Макаров не упомянул ни Корею, ни Формозу, ни, собственно, Китай. Что ж, русские тяготеют к северу по своей природе. Значит, другие варианты все еще открыты для Японии. И на период восстановления флота – долгий, тяжелый, длительностью как раз примерно в поколение – было бы даже неплохо иметь барьер, отделяющий Японию от набирающих мощь и запускающих свои щупальца в Азию Северо-Американских Соединенных Штатов.

Андреевский флаг, одиноко развевающийся над островом, имеет важное значение!

Ленин

Прошло уже не менее четверти часа, а они все сидели молча друг напротив друга, помешивая давно остывший чай, хрустя ломкой баранкой и поглядывая исподлобья на визави, думая каждый о своем, но занимаясь при этом исключительно личностью собеседника.

Ленин, как ни старался, не мог уловить в глазах монарха хотя бы след обиды или злорадства, как не услышал ни одного слова упрека по поводу трагических событий в Финляндии. Казалось, император вообще не был удивлен таким развитием событий с буйством националистов, окончательно откинувших даже видимость революционной риторики и активно занимающихся окончательным решением русского вопроса в княжестве.

Вот, кажется, прямой повод топтать и ничтожить. А он сидит молча, в глазах непонятная грусть и сочувствие... Так смотрят на тяжело больного человека, при котором боятся огласить диагноз врача. Это удивляло, раздражало и дезориентировало. Ленин привык к ожесточенным спорам, к смертельному противостоянию и в состоянии конфликта со всем белым светом чувствовал себя как рыба в воде... А этот сострадающий, без тени сарказма взгляд самодержавного правителя и злейшего врага его идей... Невыносимо.

Император же с непонятной, гнетущей ностальгией смотрел на человека, которого столько времени считал своим учителем, кому старался подражать, чьи идеи защищал и претворял в жизнь, пока не увидел пугающую разницу между марксистской теорией и революционной практикой. В частности, действительность разбивала вдребезги постулат Маркса «у пролетариата нет Отечества» и

убежденность Ленина в природном интернационализме трудящихся. События в Финляндии в 1918-м и в Польше в 1920-м продемонстрировали совершенно другое, очень даже национальное лицо рабочих и крестьян.

Помня это, Сталин попытался в 1922-м провести свой собственный проект построения социалистического государства – без всякого союза независимых стран, с включением всех национальных окраин в состав Советской России... Ух, какой жестокий конфликт с Лениным пришлось тогда выдержать и отступить... А во время Великой Отечественной войны все стало ясно окончательно. Пролетарский интернационализм – польский, болгарский, венгерский, немецкий – просыпался тем сильнее, чем решительнее наступала Советская армия, чем неотвратимее был виден крах Третьего рейха.

А в июне 1941-го никаким интернационализмом и не пахло. Европейские трудящиеся с удовольствием, наперегонки спешили поучаствовать в «дранг нах остен», и самый капиталистический капиталист из Европы был им ближе, милее и понятнее, чем «русские варвары» из Страны Советов. Наиболее прогрессивный, с точки зрения Маркса и Ленина, немецкий пролетариат с удовольствием шел на сговор с национальной буржуазией и под ее руководством радостно, с песней отправлялся унижать, убивать, колонизировать и грабить своих классовых собратьев на востоке.

И только получив от души по морде, выплевывая выбитые зубы, европейский пролетарий вспоминал о солидарности трудящихся. Но не раньше. Понял ли это Ильич, ощутив на своей шкуре ледяное дыхание этнических чисток, или считает все произошедшее лишь исключением, подтверждающим правило? Ах, как не хочется поднимать этот колючий вопрос, но придется...

– Владимир Ильич, поделитесь вашими выводами из произошедшего... пожалуйста, – тихо произнес император, подняв глаза на революционера.

– Вы про эксцессы с участием финских патриотов? – Ленин со звоном бросил чайную ложечку на блюдце. – Да, это крайне неприятно. Однако необходимо отличать национализм нации угнетающей и нации угнетенной, национализм большой нации и нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации,

оказываемся виноватыми^[63]. Антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма против национализма русского... Досадно, что в некоторых местах этот оборонительный национализм превратился в наступательный. Но главное, что таким образом будет разрушена основа эксплуатации человека человеком – частная собственность на средства производства.

– Вы считаете, что национализм может предотвратить эксплуатацию человека человеком? – поднял бровь монарх.

– Нет, конечно! – раздраженно поморщился Ленин. – Сам по себе национализм не противоречит эксплуатации. Но если он может сплотить рабочих и перевести их борьбу из сугубо экономической плоскости в политическую, то его можно и нужно использовать как инструмент консолидации масс...

– То есть вы не намерены призвать финских товарищей к соблюдению принципов интернационализма? – поинтересовался император.

– Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда), – спорил Ленин, – должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возместило бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения^[64].

– Оно уже и так присутствует, это неравноправие, – пожал плечами монарх. – В Финляндии никогда не было крепостного права, всегда работали местные органы власти и местный парламент, существовала независимая от российской судебная и правовая система...

– Вы не понимаете! – покачал головой Ленин. – Национальная автономия и национальная идентичность тут вообще ни при чем. Трудящиеся Финляндии недовольны эксплуатацией, частной собственностью, вообще капиталистическими отношениями. Но прорывается это недовольство в виде национального противостояния... Это временно. По мере роста политического

образования масс местечковый национализм будет ослабевать и полностью исчезнет, как только эксплуатация человека человеком уйдет в прошлое.

– Вы полагаете, в социалистическом государстве, где отсутствует частная собственность, столкновений на национальной почве быть не может?

– Исключено! – отрубил Ленин, хлопнув ладонью по столу. – Нации и национализм – это порождение исключительно эксплуататорских классов. С их ликвидацией сгинет какая-либо причина для межнациональной розни...

– А пока они есть...

– До тех пор наша партия будет считать своим долгом защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ^[65].

– Не слишком ли самонадеянно и... идеалистично? – парировал царь.

– Не более, чем ваши попытки поставить на службу обществу капиталистов и религиозных мракобесов. Предположение, что царские чиновники, буржуазия и клерикальное духовенство, а равно и их наследники способны построить новое, справедливое общество – это самый большой и беспардонный идеализм, – жестко отрубил Ленин.

– Эко вы круто... – закричал император, поперхнувшись чаем. – Как беспощадно вы только что прошли по капиталисту Энгельсу и сыну раввина Марксу... Да и себя, сына царского чиновника, не пожалели...

Ленин на секунду завис.

– Вы не понимаете, это другое! – тряхнув лобастой головой, ответил он и принялся ожесточенно перемешивать несуществующий сахар в чашке с чаем.

«Ну вот и поговорили, – подумал император. – У Старика всегда было потрясающее чутье на политическую целесообразность в борьбе за власть. Он видит, что я последовательно выбиваю у него традиционные козыри: требование восьмичасового рабочего дня, отпуска и страховки, отмену штрафов и оплату сверхурочных. И поэтому железной хваткой уцепился за вечное – за обиженные малые нации, уязвленные уже тем, что они малые. Не получится использовать

для своих целей окраинных националистов, он легко и непринужденно подведет идеологическую базу для любой другой социальной группы, позволяющей вскарабкаться на вершину власти. И ничего с ним не поделаешь. Неприручаем. Остается последний аргумент, и, если не получится, предложим заниматься исключительно теорией... в Горках!»

– Владимир Ильич, а может быть такое, что за деревьями борьбы с русскими фабрикантами и заводчиками вы не увидели лес интернациональной финансовой олигархии, неожиданно ставшей вашим союзником в борьбе за права малых народов в деле отрыва их от большого?

– Что вы имеете в виду?

– Вот эту папку – Император достал из стола увесистый «кирпич» банковских векселей и выписок. – Тут присутствуют весьма любопытные транзакции, касающиеся в том числе и недавних событий в Финляндии. Особенно интересны вот эти расписки товарищей Циллиакуса и Парвуса. В них, к сожалению, не указано, за какие услуги рассчитываются банкиры с финскими социалистами, но отчеты наших агентов в Европе прекрасно заполняют эту лауну... Вы можете не торопясь ознакомиться с этими бумагами, а пока разрешите вас развлечь цитатой из совсем свежей книги англичанина Джона Гобсона «Империализм». Он, конечно, не относит себя к марксистам, но я уверен, его взгляды сделают ученого изгоем в буржуазной Британии.

«Если частные интересы владельцев капитала могут столкнуться с общественными и привести к губельной политике, то еще большую опасность представляют специфические интересы финансиста... Эти крупные коммерческие махинации – грюндерство банков, маклерское посредничество, учет векселей, устройство займов и организация акционерных обществ – образуют центральный нервный узел международного капитализма.

Связанные между собой теснейшими организационными узами, находясь постоянно в самом близком и непосредственном контакте друг с другом, располагаясь в самом сердце деловой столицы любого государства, по крайней мере в Европе, руководимые людьми особой и единственной породы, имеющей позади себя многовековой финансовый опыт, они имеют возможность управлять всей международной политикой... Станет ли кто-нибудь утверждать

серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников?

Всякий крупный политический акт, который требует нового притока капиталов или влечет за собой сильное колебание ценности существующих бумаг, должен получить санкцию и практическую поддержку этой небольшой группы финансовых королей... Как спекулянты и финансовые дельцы, они являются самым серьезным, единственным в своем роде фактором в экономике империализма. Всякая война, революция, анархистское убийство или другое общественное потрясение оказываются выгодными для этих господ. Это пауки, которые высасывают свои барыши из всякой вынужденной затраты и всякого внезапного расстройств народного кредита...

Богатство крупных банкирских домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми и решительными сторонниками империалистической политики. Они, обладая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязывать свою волю международной политике... Финансы скорее управляют империалистической машиной, направляя ее энергию и определяя ее работу...»

– Возможно, возможно, – задумчиво пробормотал Ленин, увлеченный неожиданно попавшими в его руки финансовыми документами, проливающими свет на странное, непоследовательное и до сих пор не совсем понятное поведение финских социалистов. – Но это не секрет. Гобсон в данном случае не больше, чем Мистер Очевидность.

– Очевидность? – удивился император. – Но почему тогда на эту тему не писал сам Маркс? Почему молчал гений политэкономии? В начале первого тома он объясняет свое «скудословие» тем, что рассматривает капитал в той его форме, в которой он «определяет собой экономическую организацию современного общества», и пока совершенно не будет касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм – торгового и ростовщического капитала. Но экономическую организацию современного общества, как доказывает Маркс в своей работе, определяет промышленный капитал, на него он и обрушивается со всей своей яростью, не замечая, что воюет с хвостом дракона, игнорируя голову.

– Ошибаетесь. – Ленин не мог терпеть нападки на своего кумира. – Маркс писал, что большая часть «денежного капитала» совершенно фиктивна, и все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. А промышленный капитал является главным врагом, потому что именно он эксплуатирует пролетариат. Банковские наемные служащие к нему не относятся, поэтому банкам Маркс уделяет гораздо меньше внимания. Но это совсем не значит, что он питает какие-то симпатии к финансистам. Наоборот. Он, например, охотно цитирует христианского богослова и инициатора Реформации Мартина Лютера, полностью разделяя его точку зрения:

«Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик, и все же он сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице, чтобы его клевало такое же количество воронов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все вороны, разделив его, могли бы получить свою долю... Ростовщик – это громадное и ужасное чудовище, зверь, все опустошающий... И если колесуют и обезглавливают разбойников и убийц, то во сколько раз больше должно колесовать и четвертовать, изгонять, проклинать, обезглавливать всех ростовщиков».

– Ну и?.. – Император выжидательно взглянул на революционера. – Если финансисты такие чудовища, почему Маркс не делает их главными врагами, с которыми необходимо бороться в первую очередь? Почему в манифесте коммунистической партии среди десяти условий построения коммунизма отсутствует запрет на ростовщичество? Так может, первым шагом мировой революции является свержение ига мародеров-ростовщиков? И в данном случае союзниками рабочих могут выступить крестьяне, купцы, заводчики и дворяне... Разберемся с банкирами – будем решать следующую проблему...

Ленин вдруг ощутил абсолютный сюрреализм происходящего. Самодержец, легко оперирующий фамилиями и работами

революционеров, цитирующий страницами Маркса и всерьез рассматривающий возможность социальной революции, хоть и не такой радикальной, о какой мечтал сам Ленин, казался каким-то пришельцем из другого мира. Это удивляло и настораживало. Но больше всего беспокоило ощущение, что прямо сейчас в отношении его император принимает какое-то очень важное решение, и оно может стать судьбоносным, а потому следует удвоить бдительность и не поддаваться на провокации...

– Весь смысл знаменитой работы Маркса, по моему скромному мнению, сводится к тому, чтобы показать неминуемую гибель капиталистического способа производства из-за присущих ему внутренних противоречий, – осторожно произнес Ильич, внимательно глядя в глаза монарху.

– Цивилизация вообще продукт противоречий, – отозвался император, – но мы же с вами практики и должны не просто произносить лозунги, но и понимать, как будут функционировать социальные механизмы их реализации. Говоря «ликвидация эксплуататоров», вы должны четко и недвусмысленно сформулировать: предполагается запрет на определенную деятельность или физическая ликвидация конкретных людей? Произнося слова «диктатура пролетариата», вы обязаны понимать, как будет работать механизм этой диктатуры. Каким образом малограмотный и забитый пролетарий сможет реализовывать свои полномочия диктатора?

– За них это будет делать организация профессиональных революционеров, представляющая пролетариат, – быстро ответил Ленин, совсем недавно издавший свою книгу «Что делать?».

– А вы уверены, что эта организация будет правильно оценивать желания рабочих? Всех ведь волнуют конкретные, приземленные проблемы и совершенно не интересуют непонятные, стратегические. К примеру, фундаментальная наука, неизвестная простому человеку. Зачем ее финансировать? Зачем платить тому, кто профессионально считает звезды или ищет какую-то закономерность, расставляя химические обозначения веществ в таблице? И что будут делать в этом случае профессиональные революционеры?

Уничтожат химию и астрономию, чтобы они не мешались под ногами пролетариата? Или пойдут против диктатора? А что, если

профессиональная организация революционеров захочет узурпировать власть и сделать диктатуру пролетариата своей собственной? Или еще вариант: возникнет несколько профессиональных организаций революционеров, каждая из которых заявит о своем эксклюзивном праве представлять пролетариат, с последующим кровавым противостоянием между ними?

– А у вас что, есть ответы на эти вопросы? – прищурил глаза Ленин.

– Нет, – честно признался император, – у меня нет ответов на эти и еще очень многие другие вопросы. Но в организации профессиональных революционеров, которую вы описали в своей книге «Что делать?», легко узнаются и привилегированное жреческое сословие, и масонская ложа, но более всего – каста столоначальников. Про них еще Николай Первый с горечью говорил, что именно они управляют государством Российским, а не царь. Сегодня вы своими руками засевааете этим крапивным семенем всю социал-демократию, завтра – устанете пропалывать.

– Вы опять не понимаете, – с каким-то сожалением произнес Ленин. – Ликвидация частной собственности кардинально изменит человека, его нравственный облик. Вместе с эксплуататорскими классами большинство привычных человеческих пороков отомрет, так как для них просто не останется почвы...

– Когда отомрет, Владимир Ильич? Через сто лет? Через тысячу? – раздраженно бросил император, тяжело вздохнул, поднялся с кресла и, сутулясь, подтаскивая ногу, подошел к окну.

Ленин с удивлением обратил внимание на стариковскую походку и осанку еще молодого человека...

– Ну что ж, Владимир Ильич, – медленно произнес монарх, глядя в окно, – я не буду разубеждать вас в том, что ваши мечты беспочвенны и с ликвидацией самодержавия и буржуазии никуда не денутся зависть и жадность, трусость и гордыня... К сожалению, они, так же как и счастье, равномерно размазаны по сословиям и нациям, классам и организациям, богатым и бедным. Марксистская теория упирается в этот факт как в стену, заменяя благими пожеланиями твердый расчет и научное обоснование. А я не имею права пользоваться в политике таким инструментом. Эта роскошь ведет к слишком большим жертвам и жестоким разочарованиям...

– Но чего же вы тогда ждете от меня? – почти вскричал Ленин.

– Я жду от вас теорию, твердо стоящую обеими ногами на земле, а не витающую в облаках мечтаний о человеке будущего, который возникнет в результате смены форм собственности! России требуется революционная теория, способная не только продекларировать, но и обеспечить на практике реализацию принципа «от каждого по способности, каждому по труду», идеология, предусматривающая доместикацию бюрократии, ибо она способна приватизировать, извратить и опошлить любые, самые светлые беспорочные идеи. Ваша партия еще не ощутила запаха власти, а партийные чиновники уже оптом и в розницу продают саму идею, вас и друг друга, причем совсем недорого. А что будет, когда они займут государственные посты? Да у вас патронов не хватит расстреливать единомышленников, превращающихся на ваших глазах во врагов народа!

Ленин буквально сорвался с кресла, быстрым шагом дошел до императора и долго смотрел в его глаза, пылающие словно мартен.

– А я даже не подозревал, что так могут досадить профессиональные столоначальники, если вы их узрели даже в подпольных организациях... Как профессиональный революционер я не могу, не имею права вам верить, но отрицать вашу правоту в организационных вопросах глупо... Да, марксизм – крайне молодая, еще не устоявшаяся теория со множеством белых пятен, и работы тут непечатый край. Обещаю, я займусь этим вопросом немедленно, но что касается финансистов в качестве первичной цели революции, мне кажется, в вас просто говорит некоторая зависть к их свободе и могуществу.

– Можете считать и так, – погасив огонь в глазах, в обычной спокойной манере усмехнулся император. – Поэт Генрих Гейне был хорошо знаком с Ротшильдами, он так описывал одного из членов этой семьи: «Я предпочитаю встречаться с бароном у него в конторе, чтобы наблюдать, как люди... пресмыкаются перед ним. Здесь вы увидите такие изгибы позвоночника, которые трудно повторить даже самому умелому акробату. Мне доводилось быть свидетелем того, как, подходя к барону, человек судорожно складывается вдвое, словно прикоснувшись к вольтовой батарее...» Так что вы правы, их власти можно позавидовать...

Император, совершенно неожиданно для революционера, аккуратно взял его за пуговицу пиджака и слегка потянул к себе, так что взгляды их встретились. Глуховатый, как будто надтреснутый голос монарха гипнотически тихо начал вливаться в уши, перекрывая собой все остальные дворцовые звуки:

– Вы умный человек и обязательно рано или поздно почувствуете опасность, исходящую от международного финансового интернационала, гораздо большую, чем от отечественных фабрикантов. Капиталисты-предприниматели, конечно, не ангелы. Но, во-первых, они, в отличие от банкиров, заняты выпуском материальных благ, являются организаторами производства, выполняют действительно общественно полезную функцию. Во-вторых, они находятся в таком же неустойчивом состоянии, как и рабочие, которых эксплуатируют. В условиях высоких рисков и при весьма скромной, в сравнении с банковским делом, прибыли они запросто могут лишиться своего дохода, а при определенных обстоятельствах даже оказаться в долговой яме. За производственника легко ухватиться: завод через границу не перетащишь и в подземном хранилище не спрячешь. А вот финансисты... Они, как скользкая змея, всегда могут вывернуться, и ухватить их не за что. Недвижимости у них нет, средств производства нет, иногда даже наемных рабочих нет, а эксплуатация есть. Они вненациональны и потому крайне опасны...

– И как же вы планируете бороться с таким смертельно опасным врагом, находящимся за пределами вашей юрисдикции, имея на руках порочных и недалеких союзников? – спросил Ленин, освобождая пуговицу из прокуренных пальцев императора и отстраняясь от него. – Как собираетесь преодолеть преклонение перед Западом жадной и циничной российской элиты, избалованной французской кухней и швейцарскими курортами? Они же Отечество продадут не задумываясь!

– Как раз используя их жадность и цинизм. – Голос монарха обрел привычную жесткость. – Отечественный капитал, пропустивший через себя последнюю войну, столкнувшийся в жестокой схватке с самым опасным и хитрым противником – Британией, уже понял, что можно не только защищаться, но и нападать, не только отбиваться от западных обманщиков и грабителей, но самим обманывать и даже грабить Запад... Знаете, что мне сказали братья Рябушинские? За этот

год многие с удивлением обнаружили, что отнимать деньги у Запада проще и, главное, прибыльнее, чем продавать ему свое Отечество. И что лично для меня оказалось сюрпризом, отечественные буржуи оказались стократ зубастее и последовательнее в отстаивании интересов России, чем домотканые посконные славянофилы и всеядные интернационалисты.

– А зачем вам тогда наша партия? Мы не собираемся поддерживать буржуазию, даже самую патриотичную.

– А ваша партия, Владимир Ильич, необходима, как та самая щука, чтобы карась не дремал, чтобы порочная, циничная и жадная отечественная элита не забывала: обманывать, грабить иностранных банкиров и капиталистов гораздо проще, безопаснее и выгоднее, чем собственное население.

Историческая справка

В статье «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» 30–31 декабря 1922 г. Ленин позволил себе прямые выпады против Сталина.

«Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“.

Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

«Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в „социал-национализме“ (тогда как он сам является настоящим и истинным не только „социал-националом“, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развитие и упроченность пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки „обиженные“ националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».

Историческая справка

О готовности Сталина использовать капиталистов на самых высоких постах в СССР.

В 1932 году Фердинанд Порше, к тому времени возглавивший собственное конструкторское бюро и начавший производство автомобилей в Штутгарте, получил от советского правительства предложение совершить деловую и туристическую поездку по СССР, с посещением всех автомобильных предприятий страны. Такое путешествие Порше вместе с коллегами совершил, побывал даже на озере Байкал, но самое главное – на только что построенном Горьковском автомобильном заводе.

Пикантность ситуации заключалась в том, что завод на Волге был построен американским автомобильным магнатом Генри Фордом-старшим, одним из основных конкурентов Порше на мировом автомобильном рынке. Завершилась поездка неожиданно, во всяком случае, для самого Порше. Он получил предложение от самого Иосифа Сталина переехать вместе со своим бюро в СССР, работать в должности главного конструктора с самыми широкими полномочиями в сфере автомобилестроения, а также производстве танков, самолетов и тракторов. По сути это означало возглавить весь советский автопром. Порше отказался: решил, что союз с Гитлером выглядит более перспективно...

15 июня 1902 года. Шпицберген

Шпицберген – голландское название, дословно – «остроконечные горы». «Официальным» первооткрывателем архипелага считается Виллем Баренц, высадившийся на нем в 1596 году, хотя еще раньше на островах были поселения поморов и викингов. Голландский моряк посчитал, что земля является частью Гренландии, поэтому не претендовал на «великое географическое открытие». Вероятно, название «Шпицберген» так и «уснуло» бы в судовом журнале Баренца, если бы в прибрежной акватории голландцы не обнаружили огромную стаю гренландских китов.

В 1607 году архипелаг созерцал Генри Гудзон. Он работал на британскую Muscovy Company (Московская компания), получившую от русского монарха монополию на торговлю с Россией. Гудзон также

отметил большую популяцию китов в прибрежных водах, о чем доложил по возвращении в Британию. А через три года «невероятное китовое изобилие» в водах Шпицбергена отметил еще один сотрудник Muscovy Company капитан Джон Пуль.

К тому времени у Шпицбергена уже всю промышленность испанские, французские и голландские китобои. Англичане проблему международной конкуренции решили просто – семь боевых судов Британии разогнали несколько десятков иностранных кораблей. Свое агрессивное поведение представители британской компании оправдывали тем, что исключительные права они получили от «московского государя». Дескать, еще с конца XV века эта земля принадлежит русским, которые даже организовали там поселения. Британцы задолго до начала XX века признали Шпицберген русской территорией и сегодня, 15 июня 1902 года, жестоко за это расплачивались.

«Сергий» продолжал бить трехорудийными залпами с шестидесяти кабельтовых, не давая старому крейсеру шанса ответить: орудия «Австралии» могли вести огонь всего на пятьдесят. Еще два предположительных «Пересвета», с трудом различимые в неверном свете бесконечного полярного дня, держались мористее и огня не открывали за отсутствием других целей, достойных девятидюймовых орудий. Британцы так и не успели установить на этой промерзлой земле береговые батареи, а лишних кораблей для отправления на этот край света у них не было.

– Открыть кингстоны, оставить корабль, – приказал капитан Невилл. – Раненых – в шлюпки. Гребите к берегу!

Сам капитан остался на мостике. Он усмехнулся: окружающий пейзаж с суровыми скалами, все еще кое-где покрытыми снегом, не слишком напоминал южный континент, полностью принадлежавший его величеству. Через час, много через два русские высадятся на берег, и можно биться об заклад, что эта груда камней сменит хозяина. И дай Господь, чтобы лагерь военнопленных для британских моряков был подальше от Мурманска.

Капитан поднес к глазам бинокль. Два трехтрубных башенных силуэта задымили сильнее, а «Сергий», оценив скорость погружения своей жертвы, тоже сдвинулся с места.

– Сэр! – ворвался на мостик дежурный телеграфист. – Мы починили ее! Станция работает!

– Лучше поздно, чем никогда. Передавайте, Стивенс! Минут десять у нас еще есть.

– Что передавать, сэр?

– Сообщите о нашей гибели. Сообщите, что Шпицберген занят русскими. – Невилл кивнул в сторону моря, где два русских транспорта спускали со шлюпбалок десантные катера. – Сообщите, наконец, что на наши коммуникации в Атлантике выходят три «Пересвета». Может быть, нас даже услышат и кто-то из трампов успеет спрятаться.

В это же время. Дурбан

После печального происшествия с рыболовной сетью в Монтевидео, еще до войны и загадочных взрывов в Босфоре и Либаве, все корабли его величества, находящиеся на стоянке, были обязаны постоянно осматривать прилегающую водную поверхность. Как минимум дважды в сутки либо непосредственно перед выходом в море предписывалось проверять кюйт-камеры на наличие посторонних предметов, а водолазам и ныряльщикам проводить осмотр подводной части кораблей.

Но какой бы жестокой ни была дисциплина, нахождение вдали от театра боевых действий неизбежно приводило к мелким, но регулярным нарушениям регламентов.

Крейсер его величества «Эдгар», ставший флагманом Южноафриканской эскадры после ухода его сестершипа «Гибралтар» в Персидский залив (увы, навстречу гибели), существовал относительно благополучно. Во-первых, одно время он был учебным кораблем, обеспечивающим освоение командами нового поколения крейсеров. Во-вторых, именно с ним приключилась та досадная история с намотавшейся или намотанной кем-то на винт рыбацкой сетью в самый что ни на есть критический момент.

По крайней мере, ежеутренние погружения водолазов для осмотра днища и винтов осуществлялись на нем со всем тщанием. Осмотр прилегающей акватории тоже проводился, и даже с указанной в предписаниях периодичностью, но вот тщательность и бдительность откровенно страдали. Поэтому когда никому не известный капрал

морской пехоты лениво перегнулся через леер и осветил ручным фонарем куда-то вниз, никто не услышал ни двух прозвучавших с воды тихих хлопков, ни всплеска от упавшего в воду фонаря, ни звяканья зацепившейся за леерную стойку «кошки». Даже шум падения тела на палубу не привлек внимания напарника ввиду отсутствия такового.

Британцы непозволительно расслабились, ведь русские до этого момента были слишком далеко, а буры до сих пор воевали только на суше. Через какие-то минуты тихие хлопки раздавались уже один за другим, потом в борт ударились несколько окрашенных в черный цвет шлюпок, подошедших почти бесшумно. Кто-то вскрикнул, раздались выстрелы, потом в железных потрохах корабля прогремели несколько весьма громких взрывов, сопровождавшихся исключительно яркими вспышками, но удивительно малым разрушительным эффектом, и все было кончено.

«Монарх», второй британский корабль в порту, уже лежал на дне, пораженный предательской миной с «Эдгара». Позиции береговой артиллерии на острове Солсбери и казармы британских войск были разнесены корабельными орудиями, а на мачте «Эдгара» развевался флаг Свободной Оранжевой Республики из белых и – кто бы мог подумать! – оранжевых полос, с голландским флажком в левом верхнем углу.

* * *

– Эй, вы, назовите хотя бы свое имя! – выкрикнул контр-адмирал Артур Мур, когда его вежливо, но непреклонно грузили на портовый катер – разумеется, тоже с бело-оранжево-голландским флагом.

– Питер Хендрикс, господин адмирал, – беспечно усмехнулся новый командир его бывшего флагманского крейсера. – Корветтен-капитан военно-морского флота Свободной Оранжевой Республики! То есть, простите, уже полчаса как фрегаттен-капитан!

– Я запомню вас, мистер Хендрикс!

– Как вам будет угодно, минхер! И на всякий случай: мой отец, да упокоится его душа в море, был весьма суров, так что у меня с детства иммунитет к грозным взглядам! Следи за адмиралом, Тойво!

– Слуш-шаюсь, минхе-ер! – со странным акцентом ответил здоровенный белобрысый головорез.

Он посмотрел на британцев сонным взглядом таких пугающе-белых глаз, что адмирал решил не продолжать. Юноша тем временем уже повернулся к нему спиной, а задница адмирала с размаху шлепнулась о банку.

– Он не голландец, – почти не разжимая рта, произнес капитан Флит, пару часов назад смещенный с должности командира «Эдгара» посредством пули в руку из удивительно тихо стреляющего револьвера, – у него чересчур мягкий выговор. Немец, скорее всего из Баварии, или австриец.

Адмирал не ответил. На причалах уже суетились грязные, вонючие буры, разгружающие с парохода «Фюрст Борзиг» ящики с винтовками и патронами к ним, а один из кранов опускал на тросе полевую пушку неизвестной обоим морякам модели. Судя по всему, деревенщина, только что штурмовавшая Дурбан, не только обзавелась военным флотом, но и резко усилила огневую мощь объединенной армии бурских республик.

Историческая справка

Южно-Африканское послесловие

Становление флота Свободного Южно-Африканского Союза неразрывно связано с именем Питера Хендрикса, в ходе дерзкой ночной вылазки захватившего стоявший в Дурбане крейсер его величества Эдуарда VII «Эдгар». Затем крейсер под командованием тогда еще корветтен-капитана Хендрикса потопил торпедной атакой колониальный броненосец «Монарх», а через сутки, под командованием Хендрикса, но уже в чине фрегаттен-капитана, корабль выдержал двухчасовой бой с двумя британскими крейсерами класса «Диадема» – «Аргонавтом» и «Ариадной».

В результате «Эдгар», нанеся обоим крейсерам тяжелые повреждения и будучи столь же тяжело поврежденным сам, был вынужден укрыться в порту Дурбана, но и британские крейсера отошли, дожидаясь подкрепления. Сведения о том, что рядом с Южной Африкой действует эскадра великого князя Александра Михайловича, а также приближение бурских отрядов к Капштадту (Кейптауну) вынудило британский флот отступить.

В первые же дни после победы республик именно Хендрикс доказал, что только наличие у Союза мощного флота способно удержать британцев от очередного покушения на независимость Южной Африки.

После безуспешной попытки британцев вновь завоевать мятежные республики зее-генерал Хендрикс отправился в Италию с целью приобретения и модернизации двух броненосцев второго класса «Аммиральо ди Сан-Бон» и «Эммануэле Филиберто» в дополнение к уже имевшимся у буров трем броненосцам русской постройки. Сделка была заключена, однако на обратном пути из Италии зее-генерал Хендрикс исчез с крейсера «Пауль Крюгер» (бывший «Крисцент»), и даже присутствие неподалеку русского военного транспорта «Князь Борис», немедленно подключившегося к поискам, не помогло: вероятно, зее-генерал слишком бурно отметил заключение контракта и выпал за борт.

При этом в свободных бурских республиках главной версией его гибели было, есть и навсегда останется покушение со стороны англичан, неоднократно терпевших поражения от молодого флотоводца и оттого преисполненных мести. В конце концов, зее-генерал Питер, помимо совершенно феноменальных навыков пловца, был добрым протестантом и никогда не предавался таким греховным излишествам, как безудержное пьянство.

Альтернативная версия о том, что зее-генерал Питер Хендрикс на самом деле является русским адмиралом Петром Хреновым, воевавшим на стороне буров, а через одиннадцать лет после столь своеобразной «отставки» сменившим легендарного Сергея Захаровича Балка на посту начальника Сил особых операций, по мнению официальных историков является полнейшей конспирологической чушью.

Разумеется, множество русских моряков наряду с добровольцами иных стран вступили в ряды ВМФ Южной Африки еще до их физического возникновения, но ни один из них не покидал службу столь мелодраматично. Разумеется, зее-генерал Хендрикс ко времени своего загадочного исчезновения изрядно устал от препирательств с политиками всех пяти республик и, разумеется, его гигантская работа по созданию, подготовке и боевому слаживанию флота уже была в основном закончена.

Кроме того, в Музее Бурской войны в Антверпене целый зал посвящен личности и подвигам великого зее-генерала. Его детские фотографии, предоставленные гордыми родственниками, а также табели из приютской школы, личные вещи и другие экспонаты убедительно опровергают эти досужие домыслы.

Бермудский треугольник

– Что за ерунда?! – воскликнул командир крейсера «Цинциннати» капитан Гласс. – Черномазые управляют броненосцем?!

И действительно, на палубе, на мостике и в ходовой рубке хорошо знакомого ему британского колониального «Хотспура» можно было заметить исключительно чернокожие лица. Тем не менее броненосец пер вперед на всех своих двенадцати узлах.

– Ты знаешь этот флаг, Фрэнк? – спросил Гласс у вахтенного офицера.

– Нет, сэр!

Флаг был красочным.

– Атакуем? – уточнил офицер.

– Все бы тебе атаковать, Фрэнки. А поговорить? Видишь, «угольки» спускают катер и просят принять посланника. Сообщают, у него есть пакет для старины Тедди.

* * *

Кто бы допустил грязных ниггеров на американский крейсер иначе как в статусе кочегара?!

– Что вам нужно? – Спустившийся до нижней площадки трапа командир «Цинциннати» не добавил «сэр».

Уверенно стоявший на палубе катера чернокожий в удивительно естественно сидевшем на нем мундире командора британского флота, казалось, не заметил этого.

– Забия Констэнт, вице-бвана флота Свободных Бермудских островов, сэр, – представился моряк и протянул ему пакет.

Гласс скорчил презрительную мину, но предназначенный президенту пакет принял.

– Я не слышал о таком флоте, – холодно произнес он.

– Он образован только вчера, сэр. Позавчера граждане Бермуд подняли восстание против британской колониальной администрации. К сожалению, телеграфная линия пострадала при беспорядках, поэтому Временным правительством Свободных Бермудских островов я уполномочен передать этот пакет президенту Соединенных Штатов. Мое правительство просит Соединенные Штаты о помощи в деле защиты свободы от британских колонизаторов!

Капитан Гласс закатил глаза. Вот уже два года его крейсер мотался туда-сюда по всем Карибам, защищая жизнь и собственность американских граждан во время охвативших весь Карибский бассейн бунтов. Ну что за жизнь? И вдруг – Бермуды...

– Что мешает мне арестовать вас и повесить как пирата? – прищурился американец.

– Если не считать двух двенадцатидюймовок, четырех шестидюймовок и какой-никакой брони моей «Матумбы», – «задумался» наглый негритос, не упомянув двух своих сопровождающих, тоже чернокожих, вооруженных «Маузерами-С96» и длинными, изукрашенными серебром кинжалами, – пожалуй, это вызовет неодобрение президента Рузвельта. Вряд ли британские базы у самых берегов САСШ соответствуют доктрине Монро. А вот американские ей соответствуют.

Капитан Гласс подумал, что британцы слишком избаловали своих черномазых. Возможно, это и полезно для страны. В конце концов, вышибли же Соединенные Штаты испанцев с Кубы, воспользовавшись бунтами местных мулатов. Так почему бы не повторить то же самое с англичанами на Бермудах? Впрочем, это не его уровень.

– Я передам ваше послание по назначению, – процедил он. – А теперь вы свободны.

Видимо, негритос все-таки знал свое место. Он с двумя головорезами без разговоров спустился в кокпит катера, лихо отвалившего от борта, и так же быстро рванул в сторону броненосца.

– Мы идем в порт, сэр? – спросил у капитана помощник.

– Вот еще. Много чести. Вскроем пакет и передадим его содержание по радиотелеграфу. Кстати, надо бы привести в боевую готовность наши «кожаные шеи»^[66]: вдруг придется высаживаться на этих забытых богом Бермудах и наводить порядок. Британцам сейчас

не до Кариб: русские броненосцы-крейсера вышли в Атлантику, и лайми стягивают силы к метрополии отовсюду, откуда могут!

* * *

– Уходим, господа, и быстро! – Поручик по адмиралтейству Константин Забиякин почти бегом поднялся в ходовую рубку. – Степаныч, маску и перчатки не снимать! – рявкнул он на стоявшего у штурвала и густо потевшего кондуктора, попытавшегося избавиться от черной шелковой балаклавы с прорезями для рта и глаз. – Пока не отойдем достаточно далеко, терпеть!

– Терпеть – это мы всегда, вашбродь, – грустно ответил тот. – Ежели для дела, конечно... А калошу эту жалко, – добавил он. – Понимаю, что не уведем ее отсюда и что топить надо, чтобы концы в воду. А жалко. Такой музейный экспонат пропадает, не хуже того шлема!

* * *

Морские пехотинцы с «Цинциннати» успели вовремя. Неплохо вооруженные невесть откуда взявшимся потрепанным, но вполне современным британским оружием, чернокожие повстанцы все еще вяло осаждали каменные казармы, где засели последние остатки британского гарнизона и успевшее сбежать мирное население, включая и нескольких американских граждан.

Впрочем, если бы «демоны свободы», эти загадочные черные братья, вооружившие обитателей местного дна почти новыми «лиэнфилдами», «веблеями» и даже двумя «Виккерсами» на пушечных лафетах и с ходу вырезавшие охрану порта, телеграфа и дворца губернатора, не испарились куда-то во вторую же ночь восстания, судьба засевших в казармах британцев и гринго оказалась бы печальной. А так без направляющих оплеух обитатели трущоб, внезапно ставшие революционерами, предпочли грабежи опустевших богатых кварталов штурму прочных каменных стен.

Атакующим мог бы помочь захваченный «демонами» броненосец «Хотспур» с его артиллерией, но тот почти сразу же вышел в море да так и не вернулся. Впрочем, треугольник между Бермудами, Флоридой и Пуэрто-Рико издавна пользовался дурной славой, корабли пропадали там регулярно, поэтому в бесследном исчезновении торжественно переименованного в «Матумбу» «Хотспура» не было ничего удивительного.

Фолкленды

– Итак, синьор Терри, – Уильям Хаггард, чрезвычайный посланник и полномочный министр Британской империи в Аргентинской Республике, изрядно нервничал, – правительство его величества короля Эдуарда не понимает, почему ваше правительство отозвало взятые на себя обязательства...

Четыре аргентинских броненосных крейсера вместе с тремя быстроходными бронепалубниками были одним из последних шансов восполнить потери флота его величества. Еще один броненосец, два броненосных и три современных бронепалубных крейсера должна была предоставить Чили.

И вдруг аргентинский министр сообщает, что сделка не состоится!

– Русские, мой друг. Мадонна, они просто-напросто высадились на Мальвинах...

– На Фолклендах?

– На Мальвинах. Мальвинские острова. Тут недалеко. Знаете? – Диего имел ирландские корни (кто-то из его дальних предков был чертовым якобитом), и он явно наслаждался замешательством англичанина. – Мы здесь, в Аргентине, предпочитаем именно это название... Так вот, люди русского принца Алессандро высадились на Мальвины с нескольких вооруженных пароходов, потопив перед этим то ли два, то ли три британских боевых корабля, и, увы, захватили сами острова, угольные склады и несколько британских торговых судов...

– Это... – Британец еле-еле сдержал слово «катастрофа». – Но откуда...

– Насколько я знаю, русские пришли из Персидского залива. По крайней мере, и «Штандарт», и крейсер «Память Азова», и

«Ростислав» (это же броненосец, правда?) – все они, как говорят наши моряки, числились именно в Персидской эскадре...

– Они...

«Этого не может быть», – подумал посол, но почти сразу же понял: может. С отбытием адмирала Фишера в Лондон и затем в Стамбул ополовиненная в том жутком бою Индийская эскадра впала в состояние кататонии. Все ее помыслы были о том, чтобы не дать русским ворваться в Индию до прибытия «Формидеблов». А значит, они имели все шансы упустить русский отряд, отправившийся в Атлантику в обход Африки. Два русских угольщика с Мадагаскара и работающий на нефти «Ростислав» вполне могли обеспечить переход.

– О, не стоит беспокоиться, дорогой друг! Наша крейсерская эскадра заставила их уйти, в настоящее время Порт-Стэнли и сами Мальвины вне их контроля. Но Южная Атлантика становится слишком опасным местом, и я боюсь, все наши «гарибальдийцы» понадобятся для обеспечения безопасности мореплавания. К сожалению, мы просто не можем продать броненосные корабли Британии – ни те четыре, что в строю, ни те два, что строятся в Италии. Надо учесть слухи о трех русских «Пересветах»...

– Но...

– Не переживайте так, мой друг. Аргентинская Республика позаботится о безопасности островов и британских подданных, которые вскоре будут доставлены в Буэнос-Айрес, откуда они могут отправиться на родину. Кстати, мы достигли взаимопонимания и с чилийским коллегой: если его величество Эдуард Седьмой не пожелает выступить арбитром в этой новой ситуации, то мы готовы согласиться на арбитраж президента Рузвельта, даже при всех сложностях наших отношений с гринго...

– Мое правительство вряд ли смирится с контролем Аргентины над принадлежащими его величеству землями...

– Увы, мой друг, русский контроль был бы еще большим бедствием, не так ли? К слову, президент Рузвельт с этим полностью согласен, поэтому несколько броненосцев Соединенных Штатов, разумеется, по приглашению правительства Аргентинской Республики, уже вышли в направлении Мальвин в целях недопущения возвращения русских...

Посол понял, что это конец. Разумеется, проклятые американцы будут действовать в рамках доктрины Монро, вышибая европейцев со своего заднего двора... И к сожалению, Британия ничего не может противопоставить флоту бывших тринадцати колоний, еще вчера ничтожному по сравнению с Гранд Флитом.

Историческая справка

Аргентинское послесловие

Крейсеры «Ривадавия» и «Мариано Морено», которые при иных обстоятельствах были бы известны как «Ниссин» и «Касуга», были достроены по измененному проекту. Артиллерия главного калибра обоих кораблей составила по два 48-калиберных 9,4-дюймовых орудия Обуховского завода образца 1901 года; оснащены турбогенераторами и электромоторами итальянского производства, произведенными по русской лицензии.

На испытаниях оба крейсера показали максимальную скорость более 23,5 узлов и дальность хода на 10 узлах 6200 морских миль. Четыре условно-однотипных крейсера итальянской постройки – «Гарибальди», «Сан-Мартин», «Пуэйрредон» и «Генерал Бельграно» – были также модернизированы по этому стандарту.

На предоставленные Аргентине русские кредиты были закуплены и аналогичным образом переоборудованы все три однотипных крейсера итальянских ВМС – «Джузеппе Гарибальди» (переименован в «Коронель Розалес»), «Варезе» (переименован в «Альмиранте Гуэррико») и только что спущенный на воду «Франческо Феруччо», законченный как «Президенте Митре».

В результате Аргентина получила три практически однородных броненосных крейсерских отряда трехкорабельного состава, что является достаточно уникальным случаем для так называемых держав второго ранга.

Модернизация четвертого (быстроходного) крейсерского отряда, состоящего из бронепалубных крейсеров «Вейнтисинко де Майо», «Нуэве де Хулио» и «Буэнос-Айрес» проводилась уже на аргентинских верфях, построенных доном Фердинандо Перроне, также с использованием трофейных британских среднекалиберных орудий и turbo-электрических установок «Ансальдо», позволивших

модернизированным кораблям показать на испытаниях скорость более 25 узлов.

Кроме того, в 1904 году Аргентина приобрела у России броненосец «Воевода Боброк» (бывший «Виттельсбах») и при посредничестве итальянцев выкупила у Германии два броненосца той же серии – «Швабен» и «Мекленбург».

Таким образом, флот Республики Аргентина на момент начала первого англо-аргентинского кризиса состоял из линейного отряда в составе трех быстроходных эскадренных броненосцев типа «Виттельсбах», броненосного отряда береговой обороны, трех броненосных крейсерских отрядов, быстроходного крейсерского отряда, двух дивизионов мореходных миноносцев типа «Сокол», четырех дивизионов миноносцев прибрежного действия различных типов и двух подводных лодок «Холланд».

Этот вполне современный на 1906 год флот в сочетании с продолжающейся чередой кризисов по всему свету заставил Британию отказаться от планов немедленного возвращения под свою юрисдикцию Мальвинских (Фолклендских) островов после частичного восстановления Британией броненосных сил и не дал ей сконцентрировать дополнительные силы против Южно-Африканских республик.

А за три года до этого четыре броненосных и два бронепалубных крейсера аргентинских ВМС вместе с Особым отрядом Инфантериа де Марина под командованием контр-альмиранте Серхио Балко и капитано де корбето Констансио Матона (первого чернокожего офицера аргентинского флота) также сыграли ключевую роль в подавлении спровоцированной США попытки отделения Панамского перешейка от Колумбии.

Многие историки считают, что именно с создания мощного флота началось превращение сначала Аргентины, а затем и созданного ею Латинского Союза в мировую державу, безусловного гегемона на Южно-Американском континенте в противовес Северо-Американским Соединенным Штатам. Хотя, разумеется, значительно большее значение имели экономические факторы, такие как настойчивое проникновение аргентинских производителей на освободившиеся вследствие кризиса Британской и Турецкой империй периферийные рынки, в частности на продовольственные рынки Свободного Южно-

Африканского Союза, Израиля и Объединенных Аравийских Эмиратов.

22 июня 1902 года. Портсмут

– Дистанция восемь, цель неподвижна, стоит левым бортом, противоминные сети отсутствуют, охранение отсутствует, решение – атака всеми аппаратами, залпом, без расхождения!

Командир «Дельфина» Черкасов волновался. Пусть он и командовал первой подводной лодкой дальнего действия, но стоящий за его спиной контр-адмирал Беклемишев, открывший пару месяцев назад боевой счет русского подводного флота, немного действовал ему на нервы. А с другой стороны, не жаловаться же. Самостоятельно в Либаве он при похожих обстоятельствах не попал...

Сам Беклемишев тоже чувствовал себя неловко: его так и тянуло оценить ситуацию лично, отстранив подопечного от перископа... Нет, он не будет этого делать.

– В данном случае имеет смысл стрелять очередью, – вежливо поправил он Черкасова. – У вас, Анатолий Нилович, все четыре аппарата трубчатые, и подача в них воздуха почти одновременно неизбежно приведет к выталкиванию носа лодки на поверхность. Вспомните о судьбе «Сома».

– Виноват, Михаил Николаевич!

– Ничего страшного, Анатолий Нилович, дело новое. Будь цель в движении, можно было бы и рискнуть для повышения вероятности попадания, а по стоящему и так вполне себе можно.

– Да, вы правы. Благодарю за совет. Ход самый малый, аппараты с первого по четвертый – товсь! Боцман, смотреть за глубиной при выстрелах. Пуск с интервалом... десять секунд. Первый – пли!

Зашипел воздух, загудела вода в магистралях.

– Второй – пли! Третий – пли! Четвертый – пли! Право на борт, ход малый, глубину держать!

Почти минуту ничего не происходило. Секундомер в руках вахтенного офицера подрагивал. Наконец гул далекого взрыва заставил лодку слегка вздрогнуть.

– Первая – попадание! Взрыв у борта, ближе к кормовой оконечности!

Еще десять секунд... Пятнадцать...

– Неужели промазали? Тогда и остальные...

Лодку качнуло снова.

– Третья – попадание, по миделю!

– Четвертая – попадание! Мичманец, камеру к перископу, постарайтесь сделать снимки!

Беклемишев снова удержался от желания прильнуть к окулярам лично: фотографические подтверждения успешной атаки важнее.

– Перископ убрать, – продолжал командовать Черкасов. – Глубина сто футов. Курс сто десять. Отползаем на двух узлах, ночью всплываем, заряжаем аккумуляторы – и к Скагерраку. Маскировка наша кончилась, и каналом немцы нас никак не пропустят. Но знаете что, господин контр-адмирал?

– Да, коллега?

– Надо все-таки сделать аппараты перезаряжаемыми. Понимаю, что они упрощенные, для вящей надежности и безопасности, но будь у нас запасные торпеды и возможность перезарядки, мы бы сейчас и «Королеву» того-с. Она там рядом у стеночки под кранами стояла...

– Пишите рапорт, Анатолий Нилович. А так-то я с вами вполне согласен: на «Щуке» и «Крабе» калибр побольше нужен, да и боезапас тоже, но, думаю, на следующую войну. Эта, считай, закончена. Во всяком случае, на море. – И больше для себя, чем для Черкасова, добавил вполголоса: – Кто бы мог подумать... Наши корабли у Портсмута... Это разгром...

22 июня 1902 года. Борнхольм

– Чем обязан визиту вашего высочества? – процедил адмирал Бересфорд, принявший командование на Балтике после отзыва лорда Керзон-Хау.

На флагманском «Лондоне», как и на всей Балтийской эскадре, царила суэта с легкими нотками паники, но не принять катер под вымпелом брата германского императора грозило совершенно ненужным международным скандалом.

– Мой повелитель император Вильгельм, – улыбнулся принц Генрих Прусский, – видя затруднительное положение флота своего брата, короля Эдуарда, решил оказать Британии посильную помощь. В составе моего отряда, помимо всего прочего, имеются четыре мощных буксира, способные провести поврежденные корабли его величества

«Маджестик» и «Нил» Кильским каналом, дабы избежать навигационных рисков в Датских проливах.

Адмирал окинул бесстрастным взглядом горизонт. Свинцовое небо Прибалтики дымили два быстроходных «Виттельсбаха», сопровождающие их броненосные крейсера «Фюрст Бисмарк» и тезка его собеседника «Принц Генрих» с двадцатичетырехсантиметровыми орудиями, четыре из пяти «Фридрихов», четыре «Бранденбурга», четыре бронепалубника и бесчисленные орды «черной прислуги» – миноносцев и истребителей с характерными для немцев высокими полубаками.

– Насколько я понимаю, его королевское величество Эдуард Седьмой предполагал оставить поврежденные корабли у Борнхольма для обороны острова, – продолжал разглагольствовать принц Генрих. – Даже учитывая замечательную дальнобойность орудий нового образца, которую я могу подтвердить, – он обвел рукой строй кораблей кайзерлихмарине, явно стараясь показать, что имеет в виду не только «Виттельсбахи», но и крейсера с «Фридрихами», чьи орудия явно были покороче, – вряд ли это остановит русских, не так ли?

Адмирал промолчал. Кто-то из светлых голов предложил устроить русскому флоту сюрприз, затапливая отсеки неподбойного борта назначенных в брандвахты поврежденных кораблей, увеличивая дальность их стрельбы почти до дальности русских девятидюймовок. Вместе со спешно установленными береговыми орудиями, хоть и старого образца, это могло затормозить устаревшие броненосцы царя. Но вряд ли «Нил» переживет подобное издевательство, да и четырех орудий одного «Маджестика» против восьми русских несерьезного калибра явно не хватило бы.

Все броненосцы и крейсера требовались в Атлантике, не сегодня и не завтра, а еще неделю тому назад. Четыре оставшихся у него исправных броненосца ничего не могли противопоставить даже не русским, а дефилирующей перед ним германской армаде.

– Мой венценосный брат, – вздернул подбородок принц, – обеспокоен вероятностью того, что с уходом основной части Балтийской эскадры русские займут Борнхольм по праву победителя. Это было бы абсолютно неприемлемо для Германии. Мы вынуждены взять безопасность Балтики в свои собственные руки.

– Я должен посоветоваться с адмиралтейством, – произнес адмирал.

– Разумеется, – просиял принц, – время пока есть. Русские сейчас занимают Либаву и Мемель, проводят разминирование, и вряд ли их броненосцы появятся здесь раньше, чем через неделю. Да и нашим войскам, призванным обеспечить безопасность Борнхольма, нужно время для погрузки на транспорты. Но я бы не рекомендовал вам медлить, мой адмирал: кто знает, как скоро здесь могут появиться, к примеру, русские U-боты. Согласитесь, цивилизованная Германия в качестве гаранта безопасности этого острова будет более хорошим вариантом, чем варварская Московия.

Сутки спустя. Лондон

– Итак, господа, надеюсь вы все в курсе «благородного» предложения нашего дорогого кузена?

– Сжечь! Сначала послание, а потом и Вильгельмсхафен! Этот солдафон...

– Солдафон? Ты уверен, Уильям, что он действительно солдафон, паяц, неврастеник, трус и заслуживает массы других эпитетов, которыми мы награждали его все эти годы? Алан?

Джентльмен с плохо запоминающимся лицом, которого его величество назвал Аланом, встал.

– Мне хотелось бы напомнить, господа, из чего выросла вся эта... непростая ситуация. Из той самой карты с нанесенными на ней стрелами русских ударов по Индии, которую агенты кайзера якобы выкрали у русских и, разумеется, совершенно случайно, ознакомили с ней наших людей.

– Но царь тянул по указанным направлениям железные дороги, сосредотачивал запасы и войсковые группировки...

– Как выяснилось, совершенно оборонительного характера. А железные дороги перевозили в основном хозяйственные грузы. Масштабный, гениальный по замыслу и исполнению бизнес-проект, не уступающий Транссибирской магистрали, знаете ли. Но я продолжу. После этого Вилли резко идет навстречу царю в вопросах промышленного сотрудничества и, что более интересно, в перевооружении его армии и флота. Причем не только за деньги, но и за существенные территориальные и политические уступки, с немалой

прибылью. В дополнение к этому на вооружении царя внезапно оказываются орудия германского калибра, превосходящие старые крупновские девятидюймовки не на одно, а на два поколения. На флот кайзера они начинают поступать только сейчас.

– Эти русские девятидюймовки всего лишь перестроенные старые, – заметил новый третий лорд адмиралтейства, сменивший несчастного Уолтера Мэя. – Хотя, надо признаться, эффект от их модернизации впечатляющ. Джек был прав: русские преподнесли нам весьма неприятный сюрприз.

– И вы полагаете, что проект качественного повышения боевых возможностей за столь малую цену русские придумали сами? – поднял бровь Алан. – Честно говоря, в инженеров Круппа, десятилетиями работающих именно с этим калибром, я верю больше.

Несколько весьма уважаемых британских промышленников, присутствующих на совещании по неписаному, но никем не оспариваемому праву, переглянулись и кивнули.

Мистер Алан продолжил:

– Далее, турбины, ставшие столь неприятным сюрпризом для нас и японцев. Тише, Джек, теперь мы все знаем, что ты был прав, а мы нет. Полагаю, господа из AEG и Siemens сами не ожидали подобного эффекта, а когда поняли, что именно сотворили... Вот тогда они пошли нам навстречу, «испугавшись» и задержав передачу русским большей части оснащенных этими турбинами кораблей, приберегая их для себя. Для этого самого момента.

– И самоходные мины, – вздохнул лорд Керзон-Хау, которого этот вопрос коснулся особенно неприятным образом. – Их керосиновые «Уайтхеды» шли возмутительно далеко, большинство наших противоминных орудий на тех пятнадцати или даже двадцати кабельтовых, с которых русские производили пуск, были попросту неэффективными. И могу сказать, что немецкие легкие силы с недавних пор тоже отрабатывают залпы с дальних дистанций. А минные силы тевтонов достаточно многочисленны и беспрецедентно активны. Они называют их «черная прислуга», потому что те всегда заняты, как Синдерелла из детской сказки.

– И их торпеды при этом не взрываются прямо в аппаратах, – добавил третий морской лорд. – Как и русские. Замечу, русские именно из Германии импортируют эту дьявольскую перекись,

стоившую нам одиннадцати светлых голов. Правда, мы отследили только одну небольшую партию, но в том, что русские пользуются именно немецкой перекисью, у меня лично сомнений нет. Возможно, тевтоны знают какой-то секрет...

– И это тоже. Но особенно интересны результаты расследования истории подброшенного нам угольщика с адскими машинами.

Джентльмены нахмурились: этот случай единодушно воспринимался всеми как абсолютно нерыцарский способ ведения войны.

– Тринитротолуол для адских машин, как оказалось, тоже был не русского, а немецкого производства. Разумеется, немецкую взрывчатку русские также закупали: их собственная химическая промышленность слишком слаба. Но взрыватели по конструкции полностью отличаются от обычных русских взрывателей Бринка и напоминают немецкие.

– Русские просто заматают следы!

– Не исключено. Но клейма на взрывателях спилены очень тщательно. Правда, мы обратились к мистеру Вуду из Америки. Он великолепный экспериментатор в области физики и весьма изобретательный молодой человек, знаете ли. Так вот, разглядывая предоставленный образец в поляризованных ультрафиолетовых лучах, что является новым словом в научной криминалистике, он умудрился частично восстановить клеймо. Изображение, разумеется, нечеткое, но, я думаю, все его узнают.

Представитель разведки пустил по кругу несколько фотографий.

– Джерри, – прорычал лорд Керзон-Хау. – Чертовы джерри!^[67]

– Вряд ли русские были в курсе идей, которые могут прийти в безумную голову мистера Вуда, – пожал плечами разведчик, – да и немцы тоже. С точки зрения традиционного подхода, эти спиленные клейма невозможны. И еще один интересный нюанс. Угольщик, который мы захватили, хоть и ходил под русским торговым флагом, принадлежал немецким подданным. И его шкипер, тоже немец, взяв подряд на доставку угля в Либаву, сначала «забыл» в Ростове коносаменты, а потом, когда русские решили закрыть на это глаза, начал апеллировать к орднунгу. И продержал свою калошу в Либаве до тех пор, пока не стало слишком поздно. А потом исчез.

– Это интересно, но...

– Есть еще кое-что. Мистер Розенберг, так некстати построивший в Уругвае угольную станцию, позволившую русским оторваться от нас и сыгравшую фатальную роль в наших дальневосточных усилиях, говорил о себе как о еврее, уроженце Одессы. Мы послали в Россию одного из наших молодых перспективных сотрудников, также одессита по рождению... И никто из местной общины не смог опознать по фотокарточке некоего Мордухая Розенберга, отправившегося искать счастья за океан пятнадцать лет назад. Более того, после продажи мистером Розенбергом терминала людям кайзера и исчезновения, мы тщательно исследовали его жизнь в Уругвае. Он посещал местный молельный дом, тщательно соблюдал субботы... Но по воскресеньям, сразу после окончания шаббата, неизменно приходил в один малоизвестный ресторанчик, содержанием которого был немец, и постоянно заказывал себе пиво с сосисками и тушеной капустой. Со свиными сосисками, джентльмены!

– О-о-о...

Это было чисто британское, до ужаса аристократические «О-о-о», выражающее настолько много смыслов, сколько иным народам не выразить и в обширном философском трактате. Особенно, когда это «О-о-о» является хоровым.

– А Гавайи?

– Мистер Кац, уроженец не Одессы, а Жмеринки, построивший аналогичный терминал в бухте Перл-Харбор и ведущий переговоры о продаже своего предприятия правительству САСШ, не позиционирует себя в качестве ревнителя кашрута, отговариваясь тем, что свинина – основа мясного рациона гавайцев. Наряду с угольными, нефтяным, двумя грузовыми и пассажирским причалами он завел неподалеку маленький, но имеющий тенденцию к расширению пивной заводик и продавать его не собирается: ведь американские военные моряки любят пиво...

Присутствующие переглянулись. Возможно, мистеру Кацу или его наследникам все же придется продать свой заводик... Только уже не правительству САСШ, а британским частным лицам. Ведь племянники требуют присмотра не меньше, чем более дальние родственнички. Особенно такие племянники, которые по доброте душевной предлагают попавшему в трудную ситуацию дряхлеющему дядюшке позаботиться об оставшемся без должной охраны имуществе.

Например, о Бермудах. Или Вэйхайвэе, или Сингапуре. Или даже не «или», а «и». И разумеется, исключительно во избежание того же, что случилось с Фолклендами, откуда в ближайшие три-четыре года выгонять обнаглевших аргентинцев просто нечем...

– Обращаю ваше внимание, – продолжил разведчик, – что обе угольные станции были построены на кредиты, выданные германскими банками. К тому же мы проследили путь тех злосчастных телеграмм в Петербург. Мы потеряли двоих офицеров, но совершенно определенно выяснили: телеграмма, отправленная в наше посольство с предписанием вручить ноту об объявлении войны, была искажена на одной из германских телеграфных станций. Оставим пока тот крайне беспокоящий меня факт, что люди кайзера могут не только читать, но и вмешиваться в нашу зашифрованную переписку...

– Значит... кайзер сознательно...

– Я ничего не утверждаю, джентльмены, но посмотрите на факты. Немцы накачали русскую армию и флот деньгами, технологиями, кораблями и, как мы можем утверждать с уверенностью, своевременными базами снабжения в счет оплаты за сельскохозяйственные, сырьевые и промышленные ресурсы Польши.

– Это гигантский проигрыш Николая, – задумчиво вставил свое веское слово его величество. – Я склонен думать, что пойти на такой беспрецедентный шаг – отдать наиболее развитые в культурном и промышленном плане территории, чтобы поссориться с Британией, – царь мог под влиянием некоей карты, «совершенно случайно» добытой у тевтонов с помощью разведки, или какой-либо телеграммы, искаженной в одной-единственной цифре. А отказ Николая занять Стамбул, где у кайзера имеется серьезный интерес в виде дороги Берлин – Багдад, а также задержка его атаки нашей Балтийской эскадры и блокировка германским флотом Борнхольма, может быть плодом более явного намека на немецком языке.

– Да, ваше величество. Именно немцы абсолютно точно допустили как минимум одну утечку информации, ставшую запалом для этой злосчастной войны. В результате британский флот сократился вдвое, его моральный дух низок, как никогда со времен Великой армады. Мечта Вильгельма потеснить нас в океане превращается из несбыточной в реальную. На сегодняшний день наши силы на Балтике уступают тевтонам вдвое, а если добавить сюда неожиданно

боеспособные старые русские броненосцы – второе. Я уже не говорю об армии, истекающей кровью сразу на трех континентах, включая Африку, где у Вильгельма тоже есть интересы.

На лицах присутствующих скорбь смешалась с легкой паникой.

– Наши отношения с Данией, Швецией, Японией и Францией безнадежно испорчены. Вопрос безоговорочной капитуляции еще одного нашего союзника, Турции, после «девятидюймового погрома» и начавшихся неофициальных переговоров – дело нескольких недель. Наши мятежные колонии уже приглядываются к наследству Британии, а не мятежные ищут того, кто мог бы их защитить лучше нас.

– Как благородно... Вильгельм, поигрывая своими новенькими броненосцами, предлагает нам безопасный выход из балтийской ловушки, обещая «позаботиться о том, чтобы Борнхольм не достался азиатским варварам, подобно Шпицбергену», – задумчиво сказал его величество.

– Это наглость! После занятия Борнхольма Балтика окончательно станет внутренним морем кайзера! Нам необходимо собрать и провести через Датские проливы все шесть «Формидеблов» из канала, Средиземного моря и Индийского океана, оставив у Ормуза только крейсера и «Соверены». Мы больше не можем распылять силы. Мы перебросим средиземноморцев за м-месяц! Вместе с оставшимися «Маджестиками» они смогут разнести и германские бро-броненосцы, и...

– Мне жаль, Джек. Я лично приказал Уильяму пока не доводить информацию даже до адмиралов, чтобы избежать паники.

– Что еще? – Смуглое, обезображенное черной повязкой лицо Фишера потемнело.

– Помнишь слухи о новой русской подводной лодке, что якобы прошла Кильским каналом? Так вот, это было не «якобы».

– Где? Кто?

– Портсмут. Там никто и не думал опускать сети. «Принс оф Уэлс» готовился к испытаниям орудий и дальномеров на максимальной дальности, он получил четыре торпеды в борт. Одна не взорвалась. У нас осталось шесть «Формидеблов», включая «Лондон» на Балтике. Подводная лодка, чтобы не было вопросов, спокойно ушла к Датским проливам. И не думаю, что она у Николая или у Вильгельма с Николаем одна.

– Они до-должны страшно за-за-заплатить, сир. Оба. Наша месть должна быть у-у-ужасной, иначе... Иначе империи конец. Ее просто разорвут, как старого бо-большого волка.

– Однако чтобы эта месть состоялась, прямо сейчас придется принять предложение тевтона, джентльмены. Иначе нас начнут рвать на куски уже через два месяца, едва Вильгельм вторгнется во Францию, а мы ничего не сможем сделать. И отправьте дипломатов не только к нему, но и к Николаю. С этим недоразумением – вы меня поняли, джентльмены? – с этим крайне прискорбным недоразумением должно быть покончено... Тем более что один из виновников этого недопонимания погиб на «Террибле», а другой застрелился. А Британия... Британия будет восстанавливать силы. Подождем, когда джерри с Иванами вцепятся друг другу в глотки. Мы сначала поможем обоим народам избавиться от поджигателей войны, а потом добьем тех, кто выживет.

В это же время. Ставка Верховного главнокомандования

– Таким образом, – Юденич торжествующим взглядом обвел присутствующих, – сегодня мы в состоянии провести одновременно три десантные операции с выходом ударных групп к Стамбулу, Токио и Лондону через неделю после их начала...

Генералы и адмиралы одновременно перевели глаза с начальника Генерального штаба на императора, сидящего вполоборота к карте и безучастно глядящего в окно, где буйство летнего дня уже сменилось вечерней прохладой.

– Значит, десант? – задумчиво произнес монарх тихим надтреснутым голосом. – С последующим парадом в столицах Турции, Японии и Британии? Я правильно понял? Желаете повторить тысяча восемьсот четырнадцатый? – Он поднял глаза и медленно, внимательно обвел военачальников тяжелым, совсем не торжествующим взглядом. – Смело, инициативно, а главное, вовремя...

Император встал с кресла, обошел стол и вплотную приблизился к карте мира, рядом с которой по стойке смирно вытянулся начальник Генерального штаба. Очень тихо, так, что слышали только сидящие совсем рядом, он процедил сквозь зубы:

– А морда не треснет?

Шепоток, вихрем пронесшийся по Большой приемной, император прервал совершенно неожиданным вопросом, заданным в полный голос:

– Как вы думаете, почему наш легендарный полководец Михаил Илларионович Кутузов был категорически против похода в Европу после изгнания Наполеона? Что им двигало? Стариковское брюзжание? Прихоть обласканного царем освободителя Отечества? Или что-то еще? Главный вопрос в другом: прав ли был Кутузов, призывая Александра Первого не переходить границы России? Ведь все так хорошо сладилось: казаки поили коней в Сене, блестящие офицеры прогуливались с барышнями по Елисейским полям и Монмартру...

Император прохаживался мимо сидящих за столом генералов, заставляя их оборачиваться и заглядывать ему в глаза.

– Почему-то никто не связывает триумфальный поход в Европу с последующими печальными событиями. Нет, я не про декабристов и не про Крымскую войну, они только внешнее проявление глубинных процессов, происходивших в государстве. Вынеся на себе всю тяжесть борьбы с Наполеоном, Россия надорвалась, распылив свои силы в иностранных походах, оставив за границей огромное количество людских и материальных ресурсов. Именно их потом не хватило для модернизации собственной экономики...

Тайные общества, бунт тысяча восемьсот двадцать пятого года, поражение в Крымской войне – это последствия абсолютно непродуманной, ущербной внешней политики во время войны с Наполеоном. Она потащила за собой целую цепь других ошибок. Самая крупная – торопливая, половинчатая, непродуманная отмена крепостного права. Если помните, этой реформой остались недовольны и крестьяне, и дворяне. И, как ни странно, нынешнее отставание от всех ведущих мировых держав по всем экономическим показателям – результат ошибочных решений почти столетней давности, считавшихся триумфальными на тот момент.

Обойдя вокруг стола, император вернулся к карте и, задумчиво глядя на красные и синие стрелы, продолжил:

– Мы, конечно, можем пренебречь собственным печальным опытом и, очертя голову, броситься на штурм столиц противника. Я

даже могу предположить, что военная удача от нас не отвернется. Но что взамен?

Резкий поворот – и стальной взгляд уперся в ошалевшие глаза генералов.

– Взамен мы повесим на себя заботу о населении оккупированных территорий и побежденных стран. Кто-нибудь считал, во сколько это нам обойдется? Только не надо мне говорить про прирастание территориями. Новый двадцатый век диктует нам совершенно другую логику развития: страны будут прирастать не территориями, а промышленностью и наукой, технологиями и производствами, школами и университетами, грамотными образованными подданными. Тот, кто проиграет эту гонку, обречен на поражение. Знаете, как это будет выглядеть?

В зале стало тихо, как ночью на кладбище.

– В Германии по требованию офицера Генерального штаба Шлиффена начинается реконструкция железных дорог, строительство рокад, позволяющих оперативно маневрировать резервами на огромных расстояниях. Это значит, они уже начинают готовиться. А когда будут готовы, последует провокация. Ну, например, внезапная смерть высокопоставленной особы, того же Франца Фердинанда, восстание венгров и аншлюс Австрии с целью спасения австрийцев. Франция, понимая, что она следующая, нападет на Германию. Кайзер контратакует через Бельгию и Нидерланды, обойдет французские укрепления. Блицкриг – Франция капитулирует...

За очень короткое время промышленность всей Европы окажется под протекторатом Германии. А она уже сейчас превосходит нашу по всем показателям: кораблестроительные мощности – в два раза, артиллерийские и снарядные – в пять, химические (по кислотам, пороху и взрывчатке) – более чем в десять раз. И когда в воскресенье 22 июня армия объединенной Европы, имея подавляющее преимущество во всех видах вооружений и в людских силах, перейдет через границу России, чем мы будем останавливать эту лавину саранчи, господа победители? Освежите головы, вспомните объемы производства чугуна и стали, пушек и снарядов, винтовок и патронов, которые можем производить мы и они... Прикиньте мобилизационные потенциалы и скорость оперирования резервами на огромном ТВД от Балтики до Черного моря...

Император устало опустился на стул и уперся взглядом в столешницу.

– Удачно отбившись от врага, следует не хапать все подряд, а заняться собственными делами. Россия – страна на четыре пятых крестьянская, с околонулевой механизацией и химизацией агропромышленного производства, с неграмотным, нищим населением. Нам нужны гигантские вложения: требуется переселить минимум семьдесят миллионов человек в города, превратив крестьян в высокообразованных, квалифицированных работников, построить заводы, школы, больницы. Одного жилья потребуется не менее четырехсот миллионов квадратных метров. И все это вне досягаемости форсированного броска врага на западе и на востоке.

Фактически нам надо создать внутри России еще одну страну, совсем непохожую на ту, что вы ежедневно видите из окна дилижанса и поезда, и сделать это за кратчайшее время, иначе нас раздавят. Нет у нас времени и других ресурсов на десанты. Поэтому операцию, разработанную Генеральным штабом и представленную полковником Юденичем, отменяю...

Народ простит что угодно, кроме обманутых ожиданий

Главное политическое управление Российской империи в полном составе собралось впервые с начала боевых действий, и впервые повестка дня не содержала ни одного военного вопроса – верный признак того, что успешная, победоносная война заканчивается, уходит в историю. Но в письме императора, врученном участникам совещания, отсутствовали фанфары и бравурные марши.

«Пусть вас не обманывают и не успокаивают звонкие победы на море и на суше, – читали собравшиеся обращение монарха, – это всего лишь благоприятный фон для проведения глубоких внутренних преобразований. Стоит хоть чуть-чуть с ними опоздать, позволив себе почивать на лаврах, и все результаты последней кампании будут неумолимо обнулены, а победы русского оружия превратятся в великие потрясения для нашего государства...»

Собрание, заряженное тревожным тоном послания, гудело встревоженным ульем, обсуждая предстоящие реформы. Все были в сборе, за исключением императора. Немногословные адъютанты неизменно повторяли интересующимся одну и ту же фразу:

«Верховный главнокомандующий приносит свои извинения за опоздание. Еще не закончилось совещание Генерального штаба. Ждите!»

Разбившись на группы доверительного, неформального общения, присутствующие оживленно обменивались мнениями, благо интересных собеседников хватало, а задачи предстояло решать грандиозные.

– Нет, война не закончилась, господа, – задумчиво скручивая в трубочку свой доклад, вполголоса говорил полковник Ипатьев, обращаясь к собеседникам. – Она просто переместилась в учебные аудитории, лаборатории и цеха. Наши преподаватели, профессора и доценты, сами того не желая, уже вчера оказались на передовой. Поэтому весьма актуальным считаю вопрос, почему западные университеты, например германские, и в мирной жизни являются очагами национального духа, в то время как в воюющей России с кафедр императорских университетов звучат речи о патриотизме как о чем-то недостойном современного «интеллигента», обязанного в равной мере любить все человечество, об армии как тормозе прогресса, ибо война якобы есть остаток варварства, и тому подобное.

– Потому что, дорогой вы наш полковник, – глядя в глаза инженеру-химику, отвечал недавно прибывший с Дальнего Востока барон Врангель, – если роль идеологии в обществе становится чрезмерно высока, то она приобретает собственную волю и уже может диктовать решения, правильные в ее рамках, но очевидно губительные в реальности. И реальность в таком случае просто приходится игнорировать.

– И какая же идеология главенствует в наших университетах? – удивленно вздернул брови стоящий рядом с Ипатьевым Менделеев.

– Нигилизм, отрицание всего существующего порядка в целом и каждого его элемента в отдельности. Нашим профессорам как бальзам на сердце последняя работа Льва Николаевича о пользе еретиков для развития цивилизации. Они купаются в собственной фронде, вслед за социалистами призывая к разрушению всего окружающего их пространства. Надеются, покрасовавшись на митингах, призвав к необходимости разрушения «всего мира насилия до основания», вернуться в свой уютный мирок, где лакей примет трость и шляпу, а услужливая горничная плеснет горячего чая. А ничего этого уже не

будет. Будут руины с отчаявшимися людьми, убивающими друг друга за кусок хлеба.

– Откуда такая фантазмагория? – язвительно задал вопрос лысый очкарик с шикарной архиерейской бородой и неожиданно армейской выправкой.

Остатки волос, небрежно зачесанные назад, свисали гроздьями на воротник черного сюртука, обсыпанного перхотью. Весь вид его был вызывающе неопрятным и отталкивающим, но живые, пронизательные, двигающиеся в унисон с мимикой глаза завораживали, притягивали к себе и заставляли абстрагироваться от всего остального. К старику было приковано повышенное внимание, присутствующие то и дело косились на него. То там, то здесь по залу проносились шепотки. «Неужто это тот самый Кропоткин?» – «Да-да, не сомневайтесь, собственной персоной. Прибыл-с под личные гарантии безопасности...»

– Проводя командно-штабные игры под руководством Главкома, – в тон вопрошавшему ответил Врангель, – Главное политическое управление целый год перебирало различные сценарии социальной революции в России: с приходом к власти левых сил, со свержением левых правыми... И всегда, как проклятие, перевороты сопровождаются параличом органов власти, разложением армии и полиции, а далее неминуемо следует девятый вал анархии, смертей, нищеты, низведение экономики до натурального хозяйства... Вы не представляете, господа, как страшно выглядит современный зимний город без электричества и отопления, с улицами, отданными на откуп мародерам. – Врангель закрыл глаза, переживая заново сюжеты из последних штабных учений. – Страшный суд, да-с... И знаете, самое удивительное, что любые перевороты одинаково выгодны нашим заклятым друзьям на Западе...

– То есть социальные революции России противопоказаны? – не успокаивался настырный оппонент.

– Только те, что декларируют необходимость уничтожения государства, князь, – слегка склонил голову Ипатьев.

– Ах, оставьте титулы, полковник, вы же знаете мои убеждения. – Кропоткин мотнул растительностью на лице, как конь гривой, и вернулся к теме разговора: – Любая социальная революция – это становление нового через отрицание старого, через его уничтожение.

Но мне интересна точка зрения барона. Скажите, юноша, вы что, несмотря на молодость, не признаете развитие страны через революционные преобразования?

– Главная ошибка, допущенная современными левыми теоретиками, с моей точки зрения, заключается в том, что понятие «изжить» заменено понятием «уничтожить», – терпеливо пояснил Врангель. – Вы решили, что достаточно уничтожить под корень капиталистические отношения в обществе, и сразу победят коммунистические, что, кстати, противоречит той же теории Маркса, требующей, чтобы старые отношения себя изжили. Новое общество будет жизнеспособным, если победит в честной конкурентной борьбе. Но для этого нужно увидеть в старом не врага, а соперника. С врагом не соревнуются, с ним можно только воевать не на жизнь, а на смерть.

– Я не специалист по общественным наукам, и цели моей последней работы были несколько иные, – вставил свое слово Менделеев, с любопытством наблюдающий дискуссию, – но точно знаю, что не бывает истины в последней инстанции. Задача ученых – находить и исправлять ошибки ранее открытых законов, развивать теорию дальше, как это делают физики, математики, химики и представители других наук. Если ученый только цитирует классиков, считая их непорочными, то он не ученый, а попугай. К сожалению, количество повторяющихся птиц в общественных науках растет с каждым днем, а в будущем рискует стать доминирующим.

– Я совсем не апологет Маркса, но вы, мне кажется, возводите на него напраслину, – нахохлился анархист. – Можете прямо сейчас назвать мне хоть одну ошибку левых теоретиков, чтобы подтвердить вами сказанное?

– Я специально не занимался этими вопросами, но извольте. Возьмем, к примеру, теорию смены общественных формаций как результат классовой борьбы между антагонистическими классами. Эта красивая теория не имеет ничего общего с реальностью, и я рискну утверждать, что не существует ни одного подтверждающего ее факта.

– Интересно, интересно... Так чего, по-вашему, нет: классов, классовой борьбы или смены общественных формаций?

– Нет смены общественных формаций из-за классовой борьбы.

– Как, по-вашему, они тогда меняются?

– Как угодно, только не из-за классовой борьбы. Переход от рабовладельческого строя к феодальному, который якобы наступил вследствие борьбы рабов, порчи ими хозяйского инвентаря и прочих партизанских действий, это же просто ложь. Вся политическая борьба в Риме – это столкновение интересов абсолютно свободных римских граждан: плебеев и патрициев, крестьян и латифундистов, то есть собственников средств производства и... тоже собственников, но более крупных и зажиточных. Рабы, кстати, тоже владели средствами производства, так называемыми пекулиями, поэтому к абсолютно неимущим их отнести нельзя даже с очень большой долей фантазии.

Но самое удивительное произошло после перехода к якобы более прогрессивному феодальному строю. Развалины античных городов наглядно демонстрируют, что наступившее в Европе «темное время» после разгрома Римской империи, было по своей сути деградацией рабовладельческого строя. Любой специалист сельского хозяйства скажет вам, что производительность римской латифундии в разы превышала производительность феода. А права раба в Римской империи, охраняемые законом, просто грешно сравнивать с правами холопа. По эдикту императора Клавдия, раб, о котором хозяин прекращал заботиться, становился свободным. Адриан запретил самосуд, к смерти раба могла приговорить только официальная судебная инстанция. Пий повелел принудительно выкупать рабов у хозяев, заподозренных в жестоком обращении с ними.

За время рабства некоторые рабы умудрялись сколотить такое состояние, что их положению завидовали плебеи. «Когда свободнорожденный бедняк, у которого тога светила, а в башмаках хлюпала вода, видел, как бывший клейменный раб сидит в первом ряду театра, одетый в белоснежную тогу и лацерну тирийского пурпура, сверкая на весь театр драгоценными камнями и благоухая ароматами, в нем начинало клокотать негодование. Оставалось утешать себя преимуществами своего свободного рождения...» – пишет Марциал в своих «Эпиграммах».

Имелись в Римской империи, если по Марксу, и вовсе «пришельцы из будущего» – крепостные крестьяне, которых называли колонами. Присутствовали и пролетарии, никакой собственности не имевшие и продававшие свой труд, в том числе и на пекулиях, рождая марксистский парадокс: раб присваивал прибавочную стоимость,

производимую свободным гражданином Рима... И теперь сравните его положение со статусом холопа, которого могли совершенно безнаказанно убить, продать, изнасиловать.

Или вот еще один пример классовой чехарды. Совсем недавно в Соединенных Штатах по всем признакам был буржуазный строй, а на плантациях трудились чернокожие невольники. Германия, именуемая буржуазным государством, провозгласила у себя рецепцию римского права и копирует систему управления Римской империи: выборность, юриспруденцию и все остальное. Так какой это строй?

Рассмотрим еще один пример. Древний Египет. Мы называем его рабовладельческим. Но любой серьезный египтолог вам скажет, что в Древнем Египте практически не было рабов, и устройство его (только не надо смеяться) ближе всего к государственному капитализму. Земля, главное средство производства, принадлежала государству в лице царя-фараона и распределялась между жрецами по жребию, с периодическими переделами. Государственные служащие, крестьяне и ремесленники – вот весь классовый состав египетского общества. Оно просуществовало мирно и счастливо почти тысячу лет, пока его не захватили римляне.

Такие вот парадоксы общественных формаций знает реальная история, а вся ее подгонка под теорию классовой борьбы является откровенной профанацией.

– И по какой же тогда причине канули в Лету такие прогрессивные, с вашей точки зрения, государства?

– Абсолютно правильный вопрос, Петр Алексеевич! Император считает, что государства гибнут из-за неспособности элиты нести тяготы государственной службы. Деграция служивого сословия до состояния полной неконкурентоспособности порождает паралич власти, вследствие чего властная конструкция рушится.

– Это естественно, – победно улыбнулся Кропоткин. – Мы требуем от столоначальников заботы о посторонних для них людях. А каким образом, простите, если они совершенно не зависят от тех, о ком должны заботиться? Продвижение чиновника вверх по служебной лестнице, его награды и, наоборот, порицание, вплоть до низвержения в небытие – это привилегия вышестоящего начальства, а не тех, чьи интересы он якобы должен блюсти.

– Значит, нужны чистки! – резко высказался Врангель. – Жестокие и скорые. Как прошлым летом, когда военно-полевые суды пресекали попытки спекуляции и вывоза хлеба во время неурожая. Надзирать и карать!

– Никаким надзором эту задачку не решишь, – парировал Кропоткин. – Надзор – это тоже чиновники. И за ними нужен контроль. А над контролем – спецнадзор, а над спецнадзором – спецконтроль... И так до бесконечности.

– А вот тут я согласен с Петром Алексеевичем, – кивнул Ипатьев. – Система, которой требуются бесконечные чистки, нежизнеспособна. Нужно решать проблему отбора в дворянство... Ну хорошо, не нравится дворянство, назовите как-то по-другому социальную группу, влияющую на государственные решения. Независимо от названия, все равно потребуеться ответить на вопрос: кто и зачем туда стремится? Если это вопрос привилегий, то деградация неизбежна.

– Деградация неизбежна в любом случае, если мы говорим о профессиональных столоначальниках, – настаивал на своем видный теоретик анархизма. – Посмотрите внимательно. Большинству тех, кто при власти, хорошо при любой власти, и надо быть идиотом, чтобы отдавать свою страну кучке бюрократов в надежде, что все они будут заботиться о ней, как о своей матери. Заботиться они, конечно, будут, но только о собственной заднице: она ближе и роднее. Особенно под лозунгом «Воруем вместе». Воровать и защищать свои привилегии различными иммунитетами – вот то, что лучше всего получается у бюрократов. И случится как всегда: чем больше неприкасаемых, тем хуже работают государственные механизмы. Особенно в России, стране огромных возможностей для злоупотреблений.

– Уважаемый Петр Алексеевич, – невольно улыбнулся Менделеев, – мы все знакомы с вашей теорией анархо-коммунизма. Я даже скажу больше: такой строй, без чиновников и сословий, уже существовал в истории человечества, когда Адам пахал, а Ева ткала. И вот сами видите, что из этого вышло.

Менделеев сделал эффектный жест, приглашая собеседников оглянуться и подтвердить несовершенство окружающего мира.

– И какой же выход из замкнутого круга предлагаете вы? – сварливо спросил Кропоткин. – Коллективное управление? Опять

элита? А это кто? Самые просвещенные? Но нужны не просто знания, а знания на фундаменте нравственности. Знания без нравственности приводят к цинизму. Тогда где и как искать этот круг избранных?

– Пожалуй, я знаю человека, который лучше меня ответит на этот вопрос, – загадочно улыбнулся Врангель, взглядываясь поверх голов куда-то в зал. – Прошу простить меня... Одну минуту...

– Я не столь категоричен в отношении государственных служащих, как вы, Петр Алексеевич, – обратился к Кропоткину Ипатьев, – и уверен, народ простит им очень многое, но не обманутые ожидания. Все, кроме несправедливости. А справедливость торжествует не тогда, когда всем поровну, а когда по заслугам. Нет у русских и никогда не будет зависти к материальному достатку и привилегиям талантов и тружеников. И властные полномочия никогда не будут предметом иронии, если они уравниваются личным талантом и самоотверженностью, ответственностью за результат управления, в конце концов... Хотя лучше всего про это вам расскажет тот, кого ведет к нам барон...

– Петр?

– Петро?

Вельяминов и Кропоткин разглядывали друг друга, будто давно потерянную вещь, отыскавшуюся в самом неожиданном месте, когда про нее все и думать забыли.

– Ты все-таки решил вернуться в немытую Россию из просвещенной Европы?

– Ты тоже решил вернуться в безбожную Москву из добровольной ссылки, из тмутаракани?

– Меня пригласили, Петя.

– Так и меня, Петро, тоже пригласили. Сказали, что время собирать камни...

– И ты готов их собирать?

– Теперь, когда встретил здесь тебя, буду считать это своим долгом...

– Господа, вы знакомы? – с удивлением произнес Врангель.

– Более чем... – странно улыбнулся Кропоткин. – Мы делили походный котелок и палатку во время Олекминско-Витимской экспедиции Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества...

– Во время которой ты заклеил меня как ретрограда и религиозного фанатика...

– А ты меня как карбонария и разрушителя устоев...

– Господа, – решил вмешаться Ипатьев, – предлагаю обмен воспоминаниями старых знакомцев перенести на более позднее время, тем более что в нашем управлении император, словно специально, собирает политических противников, которым всегда есть что сказать друг другу. Но мы хотели услышать сегодня другое...

– Да, будьте добры, – обратился Врангель к Вельяминову, – расскажите, пожалуйста, про реформу государственного управления, в которой вы принимаете такое непосредственное и деятельное участие.

– Вообще-то я буду подробно говорить о ней в своем докладе, – проговорил Вельяминов, не отрывая взгляда от Кропоткина.

– Не беда, – вставил свое слово Менделеев, – это настолько важный вопрос, что мы готовы выслушать вас дважды...

– А для вас это будет что-то вроде репетиции, – добавил Ипатьев.

– Ты вот что, Петро, не тушуйся и не жди от меня никакого подвоха, – абсолютно серьезным тоном вдруг произнес Кропоткин. – Я же прекрасно понимаю, что его величество собрал нас вместе не для выяснения, кто прав, а для того, чтобы такие, как мы, разойдясь по разные стороны баррикад, в запале не разорвали на куски Россию.

– И то верно, – натужно улыбнулся Вельяминов, – Отечество и его благополучие поважнее наших амбиций. А с реформой все просто и сложно одновременно. Император уверен, что право законодательной инициативы могут иметь только те, кто готов нести уголовную ответственность за свои предвыборные обещания. Не уверен – не обещай. Пообещал – расшибись в лепешку, но сделай. Не смог – посиди подумай, почему не получилось.

– И сколько надо сидеть и думать в случае провала?

– Были различные предложения, пока остановились на зеркальном варианте: время, проведенное в кресле законодателя в случае невыполнения предвыборных обещаний, должно соответствовать времени последующего заключения...

– Кхм... Предполагаю некоторые трудности в формировании законодательного собрания...

– Россия – слишком бедная страна, чтобы позволить себе парламент из сказочников и прохиндеев. Нам не подойдут традиции

западного парламентаризма с безбожным надувательством избирателей и безудержным грабежом колоний...

– Мне даже страшно предположить, что же тогда вы собираетесь делать с прохиндеями-столоначальниками?

– Исполнительная власть, начиная с губернатора и выше, должна формироваться из тех, кто физически не сможет наживаться, используя служебное положение. Чиновник на время службы не будет иметь никакого собственного имущества. Ни он, ни члены его семьи. Казенный человек должен быть таковым полностью. Как монах, взявший на себя обет нестяжательства. Раз уж взялся служить, все личное на время службы становится государственным. Не навсегда. По окончании ревизоры подсчитают результат службы. Если государство приросло, все личное вернется приумноженным... И наоборот.

– И что должно прирасти в государстве, чтобы личное благосостояние чиновника за время службы выросло?

– Народ. Количество подданных и продолжительность их жизни.

– Лихо... А почему ж только начиная с губернаторов? А как же земства?

– Они за все государство отвечать просто не в состоянии. Но и там предусмотрена обратная связь с населением. Любого чиновника народ может в любой момент уволить, просто собрав определенное число подписей избирателей. Это же будет и защитой от произвола. Ни одного земского чиновника нельзя будет снять приказом свыше без одобрения большинства жителей...

– Боюсь, что присутственные места с таким подходом обезлюдят.

– Древлеправославная церковь готова предоставить прямо сейчас не менее десяти тысяч кандидатов для работы в государственных учреждениях именно на этих условиях...

– Не знаю, не знаю, Петро, – покачал головой Кропоткин. – Меня тут за глаза называют фантазером, но ты всех переплюнул... В любом случае для таких масштабных изменений с возложением совершенно непривычной ответственности на людей, привыкших смотреть в рот вышестоящему начальству, потребуется едва ли не больше времени, чем Моисею, сорок лет водившему евреев по пустыне. Есть у его величества столько времени?

– Нет, – раздался твердый голос собеседника, до сих пор сохранявшего молчание.

Все обернулись на человека в мундире военного медика, с умным открытым лицом, пронизательным взглядом и непокорным ежиком коротко стриженных волос.

– Евгений Сергеевич? – удивленно протянул Ипатьев. – Что вы имеете в виду?

Доктор Боткин потер переносицу, на которой отпечатались след пенсне, поиграл желваками на выбритых до синевы щеках и продолжил:

– Я хотел сказать только то, что сказал. Боюсь, что у его величества, как и у нас с вами, нет сорока лет в запасе...

Произнося эти слова, Евгений Сергеевич уже корил себя за несдержанность. Но, с другой стороны, носить в себе тяжкий груз, ощущая собственное бессилие, тоже было невыносимо. Вот и прорывалось оно наружу отвратительным настроением, периодическими срывами и такими репликами, за которые потом было стыдно.

Но заслуженный доктор не врал. Времени действительно оставалось все меньше, а может, его и вовсе уже не было. Неделю назад он обнаружил, что император не спит. Абсолютно. Инсомния... Какое-то системное нарушение функционирования организма... Контузия... Нервное перенапряжение... Может быть, комплекс всего вышеназванного... Стандартный набор терапевтических средств не помогал. И Боткин прекрасно понимал: без сна человек долго не протянет. Но сделать он ничего не мог, а император... Такое впечатление, что даже и не стремился...

В Ставке Верховного главнокомандующего

Император сидел, расслабившись, в кресле, и молча наблюдал, как на его столе росла стопка прошений об отставке. Он не испытывал ни сожаления, ни радости. Адмиралы, честно отстоявшие свою вахту во время последних битв на море, генералы, не покинувшие пост в битвах за Маньчжурию и Забайкалье, к сожалению, были солдатами тех войн, каких в XX столетии уже не будет. Битвы моторов, скорострельного оружия и боеприпасов огромной разрушительной силы диктуют принципиально новые требования к морально-волевым качествам командиров.

Крейсер, потопивший военный корабль врага и занимающийся спасением экипажа, немислим в новой жестокой действительности, как и освобождение из плена под честное слово не брать больше в руки оружия. А эти генералы воевать по-другому, цинично и жестоко, уже не смогут. Пусть уходят с миром, с высоко поднятой головой, с чувством выполненного долга и обиды за лишение их права принять победный парад в столице поверженного врага. Это пройдет со временем...

Важно, что мучительно-рискованная военная кампания окончена. Дело сделано неплохо. Британия ослаблена настолько, что ни о каких геополитических проектах типа Антанты не помышляет, но не так сильно, чтобы стать легкой добычей для тех же тевтонов. Сунется Вилли на остров – англичане, изрядно ошипанные, но непобежденные, получившие хороший опыт войны нового типа дадут ему по зубам. И тем и другим предстоит долгая утомительная возня вокруг британских колоний. А в той избушке свои погрешности. Один на один кайзер с королем пожалуй, справился бы, да только на то же наследство претендуют Америка, Япония и с десятков игроков рангом пониже. И этого занятия им всем на десять-пятнадцать лет, не меньше...

А мы в это время будем строить и учиться. Превращать аграрную архаику в промышленную технократию. А еще снабжать воюющие стороны оружием и боеприпасами. И экспансия наша будет носить точечно-сырьевой характер. В Маньчжурии это аграрные Кирин и Барга, позволяющие не ломать голову над продовольственной безопасностью Сибири и Дальнего Востока, это железо Аныпаня, алюминий Ляонина и нефть Фушуня. Нефть – приоритет!

На этот раз он дотянулся до всего, о чем знал: Месопотамия, Аравия, Персия и даже Борнео. Везде эксклюзивные концессии российских компаний, повсеместно присутствуют горные инженеры империи, имеющие вторую, не гражданскую специальность и числящиеся на службе по военному ведомству Осваиваются, вырастают неприступными бастионами в неприветливые пески внешне частные, а на деле – глубоко интегрированные в государственное тело нефтедобывающие компании. Вот тут Гучков на своем месте и занят так, что на революционные глупости времени ему уже не хватает.

Нефть, алюминий, железо – это то, что будет иметь решающее значение в XX столетии. Поэтому он сам предложил Швеции обмен –

Финляндское княжество, грубо поправшее унию, на железнорудную продукцию Кируны. Шведский властитель пытался возражать, но броненосцы на рейде Стокгольма – серьезный аргумент. Договорились поменяться по-свойски, на пятьдесят лет, а там посмотрим...

Рудники отгружают первое сырье в экстренно отстраивающийся Мурманск, а шведские драбанты наводят порядок в Гельсингфорсе, вдумчиво развешивая по фонарям финских националистов. Завтра «сумрачный тевтонский гений», потолкавшись по европейскому железнорудному безрыбью, волей-неволей обратится за сырьем к своему восточному соседу. Тут мы его и будем ждать с чрезвычайно выгодными и единственно возможными для него условиями – сталь и нефть в обмен на заводы и технологии.

Франция ничего не может предложить на этом празднике жизни, и она продвигает свои иезуитские хитрости – инициативы, из которых во все стороны торчат уши «Опус Деи»: собрать «Лигу наций» и передать ей все права по урегулированию спорных международных вопросов. С этими хитрованами он церемониться не стал, в лоб заявил: «Россия будет участвовать в работе тех международных организаций, где имеет право вето». Французы удалились озадаченными. Русская миссия в Ватикане доложила, что вместе с ними озадачился и сам папа.

Впрочем, папское изумление не идет ни в какое сравнение с ротшильдовским. Пока главный дипломат клана выяснял отношения с самодержавием в Кремле, практически все молодое поколение его семьи по личному приглашению русского царя и Императорского географического общества со всем возможным комфортом было перемещено из Европы в Азию и путешествовало под надежной охраной по Сибири, Памиру и Тибету в компании с Ионовым, Корниловым, Громбчевским и Маннергеймом.

Эдмон умница, сразу смекнул, что таким оригинальным образом были замечены и оценены попытки Ротшильдов влезть во внутреннюю политику России с черного хода. Обязательно надо наградить старого Канкрин. Полтора года тщательной подготовки, больше тысячи задействованных агентов, даже не подозревающих о конечной цели операции. Филигранная работа.

Ну а молодые Ротшильды будут путешествовать, пока старшее поколение не выполнит взятые на себя обязательства: возратить в Россию украденные при их участии бюджетные средства, прекратить

финансировать революционнотеррористические организации и сепаратистов. В качестве штрафных санкций – налоги в Англии и Америке. Они должны быть минимум в два раза выше российских, ведь новый флот стоит дорого!

Все перечисленное – только благоприятный фон для решения *главной задачи*, ради которой он так старательно разжигал весь сыр-бор. На краю стола лежит подписанный манифест о новом порядке управления страной, ставящий жирный крест на самодержавном правлении. Сегодня его зачитают на собрании Главного политического управления, завтра опубликуют газеты, и уже никто не сможет развернуть этот океанский лайнер.

Его личное изобретение – двухпалатный Государственный совет с разделенными полномочиями. Законодательное собрание из выборных депутатов. Приходят со своими пятилетними программами, одобренными избирателями, и обязаны их реализовать, а иначе – суд – приговор – Сибирь на следующую пятилетку. Там народные стройки только разворачиваются.

А вот в сенат, ведающий исполнением законов и назначениями чиновников, никого не избирают и не назначают. Это представительство тех, кто является стеновым хребтом государства. Здесь собираются лучшие организаторы производства. Семь постоянных мест забронированы за отраслями-интеграторами, связывающими страну в единое целое государственными монополиями: образование, наука, оборона, продовольствие, медицина, энергетика, пути сообщения. Остальные отданы предприятиям, ставшим мировыми лидерами в своей отрасли. Чем больше таких будет, тем лучше. Чтобы управлять страной, не потребуется выслуживаться и интриговать, достаточно хорошо строить и производить. И если делаешь это лучше других, добро пожаловать в ареопаг избранных.

Для самого императора такой способ формирования высших государственных органов был непривычен, но личный неудовлетворительный опыт участия в различных представительных организациях просто вопил о необходимости нестандартных решений. Если вы хотите получить то, чего у вас никогда не было, вы должны сделать то, чего никогда не делали.

А в России никогда не было одновременно независимости и преемственности политики. В Великобритании ее обеспечивал долгосрочный консенсус лендлордов и банкиров Сити, в Америке – негласные соглашения финансистов Уолл-стрит. Ну а в России, с ее традиционными патерналистскими отношениями и отсталой архаичной экономикой, логика обстоятельств требует отдать бразды правления строителям-промышленникам.

В Англии и в САСШ им в горло уже вцепились финансисты и сожрут рано или поздно. Вот тогда и окажется, что Россия – единственная страна, управляемая инженерами и учеными, а не спекулянтами и ростовщиками. Тихая пристань для желающих что-то создавать своими руками, а не стричь купоны... Да, технократия! Но что такого страшного в этом слове? Технари создают рабочие места и выпускают необходимую народу продукцию, куют плуги и оружие победы. Они же – смертельные враги ростовщиков, спекулянтов и прочих паразитов, традиционно прячущих за государственной вывеской свой корыстный интерес. Паразитов – к ногтю!

Запрет на ростовщичество и вывоз капитала, государственные инвестиции и монополия на внешнюю торговлю принесли за прошедший год больше денег, чем «пьяные бюджеты» господина Витте. Кстати, надо бы его уже отпустить: опасности не представляет... Витте отпустить, а в манифесте прописать категорический запрет для государственных служащих иметь зарубежные долги, ценные бумаги, векселя, недвижимость и прочие материальные капиталы...

Император вспомнил, как он сатанел на посту генсека, когда следователи НКВД докладывали о вскрытых тайных счетах, расписках, драгоценностях и акциях «ленинской гвардии», обнаруженных в ходе расследования весьма плодотворной в финансовом смысле заграничной деятельности Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова и прочих «несгибаемых профессиональных революционеров». Чего стоит один сейф товарища Яши Свердлова с килограммами драгоценностей и заграничными паспортами для всей семьи!

Повторения столь вопиющей продажи Родины оптом и в розницу допустить нельзя, поэтому обязательно нужен запрет и сразу же отдельной строкой оговорка, что отмена его, а равно ликвидация

государственных монополий, снятие запрета на ростовщичество могут быть осуществлены только всенародным волеизъявлением – референдумом...

Он еще раз взглянул на стопку прошений. Как же хорошо, что он с первых дней своей работы начал перекраивать чиновничий аппарат. В старые меха новое вино лить бесполезно: все благие пожелания так и остались бы на бумаге. А сейчас, когда три четверти чиновников заменены «птенцами гнезда Вельяминова», такие указы и меморандумы – новая метла им в руки, чтобы было чем по-новому мести. Сами утвердятся и столыпинскому правительству не дадут забронзоветь...

Тень следующего посетителя легла на стол совершенно неожиданно. «Какие мягкие тут все-таки ковры. Совершенно не слышно шагов», – успел подумать император.

– Здравия желаю, товарищ генералиссимус, – раздался над ухом тихий вкрадчивый голос.

Хозяин кабинета удивленно вскинул глаза на моложавого военного в темно-зеленом кителе пограничной стражи. На его смуглом лице удивительным образом уживались по-детски припухлые губы, точеный нос с еле заметной горбинкой и тяжелые надбровные дуги, из-под которых внимательно и неподвижно смотрели огромные совиные глаза. Император прищурился, пытаясь сообразить, где он раньше видел это лицо и какая неправильность так смутила его и заставила вздрогнуть...

– Николай... Виссарионович, позвольте засвидетельствовать вам мое почтение и высказать искреннюю радость, что на этот раз между нами состоялся не только вербальный, но и визуальный контакт. И все благодаря вам... Не признаете? А вы ведь после последней нашей встречи так настойчиво пытались угадать по голосу и даже набросать в своем блокноте мой образ.

– Айтон?

– Не совсем. Скорее твое представление обо мне...

Император осторожно, боясь головокружения, мучающего его беспрерывно последнее время, поднялся, вплотную подошел к гостю, глядя в его бездонные глаза, словно в колодец, погладил плотную ткань кителя и вышивку погон, коснулся рукой лица...

– Однако ты совсем не похож на плод моего воображения...

– Все правильно. Воображение – это те образы, которые ты, фантазируя, перебираешь в голове, как картинки в книге. А то, что видишь сейчас, это жестко структурированная реальность, продукт однозначной и твердо проявленной воли. С фантазиями она имеет такое же сходство, как игрушечная детская деревянная лошадка с настоящим скакуном. Ты один из немногих, способных так скрупулезно и доходчиво конструировать действительность, поэтому

все, что вокруг тебя, можно осязать всеми доступными органами чувств...

– Твои ответы, как всегда, порождают еще больше вопросов... Но главный я задам немедленно. Ты зачем приперся, страж границы?

Губы Айтона тронула улыбка, создав еще больший диссонанс с серьезным и даже зловещим немигающим взглядом ночного хищника.

– Неправильно поставленный вопрос не дает возможность дать правильный ответ. У меня нет возможности припереться куда-либо к кому-либо. Приходят ко мне, даже если для этого требуется сделать всего три шага, – почти прошептал Айтон, показав глазами в сторону только что покинутого кресла.

Монарх резко обернулся. За столом, уронив голову на рассыпавшиеся бумаги, застыло тело последнего царя Российской империи.

– Это несправедливо... – просевшим от волнения голосом произнес император. – Я ничего не успел... Я только начал...

– Все успеть невозможно. – В голосе Айтона проскользнула нотка сочувствия. – Ты хотел исправить ошибки: создать условия, исключаящие узурпацию власти партийными функционерами, мечтал, чтобы идеология стояла на службе у народа, а не наоборот. Ты сделал свой ход, – совиный взгляд «пограничника» перетек на папку с подписанными манифестами и указами, – дал своим подданным новый инструмент – формирование управляющих органов по объективным, измеряемым критериям, а не по наследству, рекомендациям товарищей и не по родственной протекции. Это действительно что-то новое. Ты сам не представляешь, какой девятый вал поднял, предложив такой вариант работы социальных лифтов. Твоим апологетам и противникам на десятки, а то и на сотни лет хватит споров: что справедливее при продвижении претендента на командную должность – бездушный механистический подсчет его «добрых дел» или экспертная оценка уважаемых людей.

– Это требуется проверить на практике, настроить, устранить ошибки... Я не могу вот так все бросить на полпути...

Взгляд Айтона сверкнул в сантиметре от глаза императора.

– Нам обоим хорошо известен тот, кто стремился исправить допущенные ошибки... Его ресурс был еще более ограничен. Фактически он успел подготовить только двенадцать учеников, один из

которых оказался предателем. Так почему ты требуешь для себя большего?

Почувствовав, что взгляд Айтона будто проходит сквозь него, император инстинктивно обернулся. За спиной стоял складной деревянный иконостас походной церкви императора Александра I, надо сказать, примечательный. Николай II, осматривая его в 1899 году, «изволил обратить внимание, что некоторые из имеющихся на иконостасе походной церкви надписей на церковнославянском языке содержат орфографические ошибки». Речь шла об отсутствии титла, ударений, а также ударения, поставленного с наклоном не в ту сторону. Художнику было дано повеление исправить ошибки, на которые с давних пор никто не обращал внимания^[68]... Как и когда иконостас попал в Кремль, император не помнил, да это сейчас было не очень важно.

– Твое сравнение с *ним* меня греет, – повернувшись обратно к собеседнику, тихо произнес монарх.

– Это просто напоминание, что ты, как и другие люди, создан по образу и подобию, со всеми вытекающими, как приятными, так и неприятными последствиями...

Император еще раз скользнул по иконам, перевел взгляд на бумаги, сплошным покрывалом застилавшие рабочий стол, отвернулся, медленной, шаркающей походкой подошел к огромной карте, утыканной разноцветными флажками. Погладил рукой плотную шершавую бумагу и тяжело вздохнул.

– Дежавю. Все как в прошлый раз...

– Нет, не все, – возразил Айтон. – В этот раз ты пытался кардинально изменить жизнь людей, не посылая на эшафот несогласных. Это дорогого стоит. Дороже, чем все твои бюрократические игры. А учитывая предыдущий, достаточно brutальный революционный опыт...

– Это неправда. Слух о моей кровожадности сильно преувеличен. Я всегда уважал чужое мнение и не карал за инакомыслие. А репрессии вообще никакого отношения не имеют к идеологии, это тяжелый выбор между гибелью тысяч ради спасения миллионов...

– Признавая благодатными воды Всемирного потопа и огонь, сошедший на Содом и Гоморру, не смею осуждать.

– То есть *он* не будет гневаться?

– Он? – Губы Айтона опять тронула улыбка. – Позволь объяснить, как это работает. Вселенная для атеистов или Всевышний для верующих откликаются на просьбы, сформулированные и оформленные должным образом. Весь вопрос только в желании и вере – это два обязательных условия реализации задуманного, два строительных элемента, из которых и состоит каркас мироздания. Люди, созданные по образу и подобию божьему, имеют дар конструировать реальность. Проблема только в умении непротиворечиво структурировать и визуализировать свои желания, проявлять волю в их воплощении. Навык этот не врожденный, а приобретаемый. Для его развития была придумана молитвенная практика, позволяющая сосредоточиться на главном и отринуть несущественные детали. Но человеческая натура загадочна. Некоторые, молясь по двадцать часов в сутки, так и остаются бесплодными, а другие, такие, как ты, умудряются собственной волей, без всяких молитв, пробуждать жизнь целых вселенных...

– Насчет «без молитв» ты не прав, – покачал головой император.

– Молитва и взрывающийся собор несовместимы, – парировал Айтон. – Впрочем, нет наказания без вины. Жаль только, что грешат одни, а наказывают за это совсем других. Но в этом тоже есть свой смысл. Коллективная ответственность несовместима с философией «моя хата с краю».

– Подожди, подожди, – поднял руку император. – Ты хочешь сказать, что окружающий меня мир создал я сам?

– Не льсти себе. Он создан не тобой, но по твоему категоричному требованию. Новую реальность создает любой человек каждый раз, когда делает выбор. А вот получить второй шанс – это уникальное явление, еще раз доказывающее твои феноменальные способности влиять на окружающую среду и взаимодействовать с ней...

– А ты, стало быть, следишь, чтобы я не наворотил лишнего?

Айтон закатил глаза.

– Нет, я не вмешиваюсь в твою кипучую деятельность и не мешаю делать выбор. У меня другая служба. Структура мироздания мертва без энергии. Например, власть, способность навязывать свои цели, свой образ будущего другим людям, это чистая энергия. Моя задача, чтобы ее количество со знаком минус не превышало того, что со знаком плюс. Чтобы отрицательные эмоции не превалировали над

положительными. Чтобы количество счастливых людей среди бедных и богатых, облеченных властью и бесправных было примерно одинаковым... Если допустить перекося, вся конструкция мироздания обесточится, словно аккумулятор, у которого исчез один из полюсов...

– Так вот почему ты так поощрял терпимость и призывал к гуманности... Я, кажется, начинаю понимать решаемые тобой проблемы. Ты все время вынужден действовать в условиях дефицита положительной энергии.

– Да, зло не требуется стимулировать, оно самовоспроизводится, как сорняк, прорастающий на любом неудобье. С положительными энергиями сложнее, они требуют кропотливой работы и все равно хрупки как хрустальная ваза. А ты, – совиные глаза «пограничника», казалось, потептели, – удивительный человек. Ты даже монотонный неквалифицированный труд сумел для многих сделать радостным и жизнеутверждающим.

– Для того чтобы удовлетворить твои пожелания, я должен остаться здесь и не раздавать, а наоборот, концентрировать в своих руках все доступные полномочия.

Айтон наклонил голову и стал еще больше похож на сову.

– Ты сам давно пришел к мнению, что самые могущественные политики подчиняются логике обстоятельств: она сильнее логики их намерений. И наоборот, взмах крыльев бабочки в теории Анри Пуанкаре способен вызвать лавину необратимых изменений.

– Амплуа насекомого для меня все же несколько непривычно... И как будет выглядеть результат нашей совместной работы?

– Ну например, в будущем некий правитель, усаженный на престол России западными покровителями путем кровавых интриг, может вдруг почувствовать непреодолимое желание покинуть трон. Его «Я устал, я ухожу!» станет громом среди ясного неба для вложивших миллионы в этого иуду и надеявшихся нажить на распаде страны на удельные княжества. Но самое удивительное, что все последующие действия недоброжелателей, ранее гарантированно провоцировавшие хаос и дезорганизацию российского государства, начнут приводить к противоположному результату. Яму, усердно копаемую для России, страна вдруг начнет использовать, как окоп. Деньги как главная сила Запада в борьбе за мировое господство вдруг превратятся в его слабость. Течение энергии поменяется на

противоположное. Без грома пушек и вражеских войск у порога западная империя зла начнет разрушаться под тяжестью собственных грехов.

– Ты сам уже все так детально продумал... Но... Откуда ты знаешь, что произойдет в будущем?

– Время, как и пространство, материально. И если в вашем, трехмерном мире расстояние в сто лет надо прожить, в моем, четырехмерном достаточно просто перевернуть страницу...

– Ах вот оно что! Это меняет дело и позволяет идеально планировать свои ходы, если, конечно, в таком безвременье слово «планировать» вообще уместно...

– Но без тебя, без такого, как ты, реализовать задуманное я не смогу.

– Да, я помню. Почетная миссия – соучаствовать в работе творца. А здесь? Что останется здесь?

– Не беспокойся! Единожды созданная вселенная не может находиться без присмотра. На нее распространяются все законы мироздания. Какое-то время она будет существовать параллельно с той, которую ты покинул в тысяча девятьсот пятьдесят третьем. Однако даже параллельные прямые пересекаются, поэтому слияние их неизбежно...

Эпилог

21 июня 1913 года, суббота. Ставка Верховного главнокомандования

– Я начну с севера.

Начальник разведуправления Генштаба генерал Потапов заметно нервничал, отчего чисто выбритое лицо покрылось пятнами. Его содокладчик контр-адмирал Непенин выглядел не лучше.

– Линейные крейсера «Мольтке» и «Гебен» в сопровождении легких сил «Бреслау» и «Ниобе», а также четырех мореходных истребителей прибыли в Альтен-фьорд. По сообщениям наших агентов в Стокгольме, на север проследовали цеппелины LZ-103, LZ-108 и новейший LZ-202. По не полностью проверенным данным, в

Норвегию направляются четыре трансатлантических лайнера с двумя альпийскими горнострелковыми дивизиями. Они покинули Вильгельмсхафен согласно расписанию, но первый из них так и не прибыл в Нью-Йорк, а сразу несколько источников уверяют, что купить билеты на эти рейсы было совершенно невозможно. Кроме того, несколько офицеров с нарукавными знаками в виде эдельвейса были замечены в порту незадолго до отхода кораблей. Если все четыре лайнера сформировали единый отряд, то они должны были выйти на траверз Груманта сегодня в пятнадцать тридцать.

– А все тяжелые линкоры остались на Балтике? – уточнил генеральный секретарь Главного политического управления.

Это был одорукий монах в ранге викария, кавказской наружности, с рябым лицом и тяжелым горским акцентом. Два находившихся под его началом келейника вели записи, а сам генсек отвечал за полноту и точность протоколов, поэтому за три года с момента пребывания на этой технической по своей сути должности все уже привыкли к таким уточняющим вопросам. А фактический генеральский статус, георгиевские орденские планки и нашивки за ранения ветерана Русско-британской войны придавали мирному монаху весомый авторитет среди военных.

– Так точно, Иосиф Виссарионович. Пять линкоров типа «Дойчланд» и пять – типа «Нассау», все с одиннадцатидюймовыми орудиями, три дня назад вышли на учения в район Борнхольма. Туда же стянуты четыре дивизиона миноносцев ближнего радиуса действия, два отряда У-ботов и неустановленное количество тральщиков. Борнхольмская и Кильская бригады морской пехоты тоже принимают участие в данных учениях.

– Цеппелины? – уточнил викарий.

– Вся первая бригада, восемь килей, – кивнул Непенин. – Один из этих цеппелинов дважды «заносило ветром» в Ирбенский пролив, в район наших минных банок. Немцы принесли извинения, но...

– Такие же «ошибки» немецкие летчики уже допускали южнее, на всем протяжении нашей западной границы, – подтвердил генерал Потапов, – и частота таких «ошибок» достигла максимума две недели назад, а потом резко снизилась, одновременно с сокращением искрообмена восточнопрусской, польской и болгарской группировок, якобы «выведенных на отдых» перед десантом в Британию.

– За-замечу, что в по-последний раз германцы бомбили Ло-ондон бо-больше месяца назад, – с трудом выговорил полковник Уточкин, изрядно заикающийся еще с детства и усугубивший этот дефект после аварии во льдах Арктики. При всей своей славе лихого и не слишком-то склонного к кропотливой штабной работе пилота, фотографическая память и способность оперировать в уме пятизначными цифрами делали его незаменимым участником подобных заседаний. – И сразу после этого их начало «за-заносить» через нашу границу.

– Они смогли накопить месячный запас бомб в дополнение к текущему производству, – кивнул начальник военно-учетного стола генерал-майор Деникин. – А активных военных действий германцы не ведут уже более шести месяцев, и запасы артиллерийских снарядов и патронов у них еще выше, поскольку сокращения производства не зафиксировано.

– Позвольте продолжить, – скривился Потапов, недовольный тем, что его перебивают. – Венгерские войска пока не подают признаков повышенной боеготовности, а вот болгарская армия, усиленная Восьмым Австрийским и Девятым Богемским корпусами, концентрируется вблизи греческой границы с общим направлением на Константинополь и Салоники.

– При этом Царьград оказывается в пределах действия дальнобойной артиллерии болгар, – кивнул генсек, – как и передовые позиции Боспорского оборонительного района.

– В дополнение к артиллерии, – нахмурился Потапов, – на аэрополях Багдадской линии «София» и «Галлиполи» сконцентрировалось до двух десятков транспортных цеппелинов, якобы задержавшихся из-за неисправностей. А три дня назад по Константинопольской дороге из Германии прибыли четыре транспортных и шестнадцать пассажирских эшелонов, вставших под разгрузку на срочно построенных и не известных нам до недавнего времени полевых станциях.

– Войска и боеприпасы, – констатировал генсек.

– По сообщениям источников, – очень тихим голосом произнес сидевший в уголке старичок типично семитской внешности, со знаками различия ветерана ВМС и орденскими планками России и Израиля, – три германских офицера, гулявших несколько дней назад в одном из кабаков Софии, имели на рукаве нашивку Верденского щита.

– Штурмовые группы, – отметил командующий БОР адмирал Эбергард. – Против константинопольских и салоницких греков такие вояки не нужны. Это по наши души. Если это те войска, что брали Верден...

Собравшиеся переглянулись. Оборона Боспорского района строилась на совесть, на большую глубину не только в оперативно-тактическом, но и в прямом смысле – в плане зарывания в землю. Однако до французских крепостей с их бетонными потернами, долговременными фортами и подземными узкоколейками ей еще было далеко. А ведь те, кажущиеся неприступными форты были всего за месяц разбиты крупновскими орудиями и взяты германскими штурмовыми отрядами...

Тихо звякнул стоявший на столе секретариата телефон, и один из адъютантов взял трубку.

– Срочная депеша. Пять крестов, – тихо сказал он.

– Прошу прощения, господа, – нахмурился отец Иосиф, – протокол требует прерваться. Фельдъегерь с информацией особой важности.

Высокие двери открылись, и в зал практически ввалился черный от усталости офицер с шикарными драгунскими усами.

– Прапорщик Чепаев с пакетом от начальника разведки БОР к председателю Государственного комитета обороны, – хрипло доложил он.

Премьер-министр встал, принял пакет и расписался дважды – на нем и в фельдъегерской книжке.

– Отдохните, Василий Иванович, – заботливо предложил фельдъегерю генеральный секретарь ГПУ. – Двенадцать часов в воздухе – не шутки...

Едва дверные створки отрезали кабинет от мира, премьер вскрыл пакет. Его лицо побледнело.

– Начальник разведки БОР сообщает, – медленно произнес он, – что германские войска начали выдвижение к линии границы. Одна из групп потеряла ориентировку, зашла на нашу территорию и была частично уничтожена, а частично задержана нашими патрулями. Один из германцев, уроженец Австрии, ефрейтор, сказал, что вчера им был зачитан приказ о том, что освобождение Европы от славянского

варварства начнется завтра, двадцать второго июня, в четыре часа утра.

Лист бумаги дрожал в руках генерала, сменившего совсем недавно пост командующего Дальневосточным округом на жесткое кресло председателя кабинета министров.

– Четыре часа утра, – слабым голосом произнес он, – двадцать второе июня... Воскресенье... Он... Он знал...

– Кто?

– Император. Прямо перед той самой трагедией. Он говорил, что мы заиграемся в политиканство, и однажды, двадцать второго... В воскресенье... В четыре утра... Он пытался предупредить нас. А мы...

В помещении прекратилось даже щелканье телеграфного аппарата. Собравшиеся смущенно переглядывались, как будто то, уже забытое совещание состоялось буквально вчера и все они были участниками парада постыдного неверия, погубившего, как всем казалось, последнего монарха империи.

– Уважаемое собрание, прошу прощения, – прервал тишину глухой голос с кавказским акцентом. – Есть мнение, что требуется прежде всего принять незамедлительные меры по парированию угрозы. Виноватых мы можем поискать позже.

– Надо поднять войска по тревоге. Но следует передать, что возможна провокация со стороны кайзера и поддаваться на нее ни в коем случае нельзя!

– Вздор, – отрезал генерал Леш. – Во-первых, это хуже, чем не передавать никакого сигнала. Командиры и начальники на местах сочтут, что мы сами не знаем, что происходит, и растеряются. Это наложится на бардак, неизбежный при переходе от мирного времени к военному, и германцы возьмут нас тепленькими.

– А во-вторых, – заметил тот самый старый еврей, при одном взгляде которого вытягивались во фрунт все офицеры разведки, – озвученные здесь перемещения германских войск и войск их союзников – это немного дороговато для простой провокации.

– В соответствии с регламентом, – снова подал голос генеральный секретарь Главного политического управления, – предлагаю Комитету издать приказ по армии и флоту: подняться по боевой тревоге и быть готовыми всеми силами отразить нападение Германского рейха, которое должно состояться завтра, двадцать второго июня тысяча

девятьсот тринадцатого года в четыре часа утра. Великая страна, оставленная нам в наследство, стоит того, чтобы сделать все необходимое для ее защиты, даже если тревога окажется ложной. Наше дело правое, товарищи. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

* * *

– На аэродром, – сухо бросил водителю генеральный секретарь ГПУ, устраиваясь на кожаном кресле «Руссо-Балта» и не сводя при этом глаз со здания Ставки Верховного главнокомандования. Только когда стены Кремля исчезли за поворотом, он разжал кулак с талисманом – маленьким перламутровым крестиком, врученным императором во время их единственной встречи на награждении героев битвы в Персидском заливе.

В тот день последний монарх империи остановился напротив него, только что выписанного из госпиталя, худого и несуразного, в новой, плохо подогнанной форме, сидевшей мешком, скользнул взглядом по искалеченной левой руке и нашивке за ранение, покачал головой, долго пронизывал его своим стальным взором глаза в глаза, а потом вдруг обратился по-грузински:

– Как чувствуешь себя, Сосо?

– Уже лучше, спасибо, батано, – автоматически ответил Иосиф, удивленный домашним обращением и не поняв причины такого повышенного внимания к своей персоне.

– А мама? – еще более неожиданно и совсем тихо спросил император. – Как себя чувствует мама? Ты давно ее видел?

– С мамой все в порядке, спасибо, – сконфуженно ответил молодой кавказец, замечая, что на них уже начинают коситься все присутствующие. – Она недавно ко мне приезжала, привезла чурчелу...

– Это хорошо, – неожиданно широко улыбнулся император, думая, как показалось Иосифу, о чем-то своем, – это очень хорошо...

Он уже сделал шаг в сторону, а потом неожиданно развернулся и уже по-русски произнес нормальным громким голосом:

– Чем собираешься заниматься дальше, герой?

– Морской артиллерией, – заученно выпалил Иосиф, сотни раз думавший о дальнейшем образовании.

И опять был сбит с толку неожиданным вопросом:

– А что по этому поводу говорит мама?

– Мама? – вздернул брови Сосо. – Мама говорит: «Лучше бы ты стал священником!»

Император вернулся обратно, еще раз пронзил собеседника своим металлическим взглядом и так же тихо, как в начале разговора, но отчетливо произнес:

– Надо слушать маму, бичо!

– Я подумаю, – упрямо наклонив голову, пробормотал молодой кавказец, хотя в глубине души понял, что его судьба только что сделала уверенный поворот.

– Подумай, – согласился император и вложил ему в ладонь перламутровый крестик. – Это вам с мамой... лично от меня...

Новая духовная академия под патронажем Льва Толстого и близко не напоминала ненавистную Сосо семинарию. Два года будущих священников пяти основных конфессий больше обучали практическим вопросам выживания их паствы, нежели духовным канонам. Оказание первой помощи при бедствиях и болезнях, ликвидация безграмотности, организация медицинского обслуживания, потребительская кооперация и многое-многое другое, что имеет отношение к облегчению нелегкой доли в основном крестьянского населения.

Академия настойчиво прививала навыки взаимодействия и взаимовыручки вдали от очагов цивилизации. Учила не уходить от мирской жизни, а, наоборот, активно вторгаться в нее. Готовила из духовных лиц специалистов самого широкого профиля, чтобы каждый был способен, если потребуется, работать преподавателем, библиотекарем, фельдшером, строителем и даже пожарником. А что? Храм обычно самое высокое здание, с него лучше всего обозревать окрестности и, в случае чего, бить в набат.

А потом им же, как самым грамотным, первыми пришлось осваивать ремонт и эксплуатацию тракторов и автомобилей, потому что вокруг сельских приходов и монастырей уже создавались механизированные тракторные станции. Их же привлекали в рейдовые

отряды по выявлению и пресечению ростовщичества – единственного, полностью запрещенного вида хозяйственной деятельности в стране. Именно там его способности к оперативной, организаторской и аналитической работе подметил сам Дзержинский, двинув в Главное политическое управление...

– Иосиф Виссарионович, приехали!

Он даже не заметил как «Руссо-Балт» выкатился на Ходынское взлетное поле, где уже раскручивал винты первый в мире пассажирский самолет «Илья Муромец». Старшее поколение еще побаивалось совершать воздушные путешествия, но для него это служебная необходимость: иначе везде просто не успеть. С дозаправкой в Казани он уже к вечеру будет в Мотовилихе, на самом западном заводе военно-промышленного комплекса. Все остальные – гораздо восточнее, немцам до них никак не дотянуться. И дело тут не только в расстояниях.

Урал, Алтай и Сибирь – это целая сеть подземных хранилищ Всемирной резервной валютной системы, безопасное пристанище золотых авуаров правительств половины мира, результат длинного и трудного выяснения отношений с Ротшильдами. Сошлись на том, что творить они могут что хотят, но только за границей. После массового путешествия по сибирским и тибетским просторам финансисты нашли Хартленд идеальным местом для надежного хранения международных резервов и первыми подали пример. Даже знаменитый метеорит не поколебал их решимости.

Ротшильдов понять можно: в подбрюшье медведя, да еще и под охраной его клыков гораздо безопаснее, чем на «свободном рынке», где банкиров грабят и отстреливают как куропаток гангстеры (Савенков совсем распоясался). Мировые биржи последние десять лет сотрясает кризис за кризисом, и только сибирские полиметаллические ценные бумаги стоят скалой среди ревущего океана нестабильности. Лучше дела только у казенной компании «Русский нефтяной консорциум», раскинувшейся широким серпом от Аравии и Месопотамии на юге до Уфы и Казани на севере.

Вот на это богатство и зарится военная машина кайзера, сидящая на строгой углеводородной диете. Ну ничего, поборемся! Воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне^[69].

Самолет парил над прямой как стрела дорогой, по которой неторопливо ползли зеленые гусеницы поездов. Изредка их разбавляли яркие оранжевые пятна молодежных поселков на колесах – вагоны, сконструированные как жилье на две семьи. Для каждой гостиная, две спальни, кухня, туалет, душ – невиданная роскошь для селян, привыкших к спартанским условиям. Эти – на БАМ.

А буквально пять лет назад «бородинцы» (их называли так по фамилии инженера-конструктора Александра Бородина) ежедневно сотнями стартовали из европейской части империи, вывозя охочую до приключений и заработка молодежь на стройки Урала, Сибири, Маньчжурии. Простое в своей гениальности решение. Дом на колесах заселялся молодоженами при отправлении. На месте прибытия его просто снимали с рельсов, устанавливали на временный фундамент, утепляли, подключали к удобствам, а новоселы отправлялись на заранее подготовленные для них рабочие места.

Семнадцать миллионов за три года, тридцать эшелонов в день – невиданное переселение народов, здорово разгрузившее ставшую тесной европейскую часть России, позволившее заложить две сотни новых городов и больше десяти тысяч поселков. Восемьдесят пять миллиардов рублей (по пять тысяч на каждого переселенца) потратила казна за пять лет. Но зато теперь вдоль трех железных дорог, тянувшихся с запада на восток до самого Тихого океана можно было летать не только днем, но и ночью – по «светлячкам» железнодорожных узлов, населенных пунктов, месторождений, электростанций и промышленных гигантов, напряженно выдающих на-гора мегаватты тепла и электричества, тонны промышленной продукции.

Иосиф в эти годы работал неутомимо, без сна и отдыха, по двадцать часов в сутки, за что получил прозвище Стальной, а после подсчета построенных его управлением механизированных станций занял законное место в сенате вместе с промышленником Второвым (за город-завод Электросталь), энергетиками Классоном и Красиным (за тысячу сибирских электростанций), инженером Ипатьевым (за отечественный химпром) и изобретателем Шуховым, чьи ажурные конструкции с тех пор являются визитной карточкой Сибири, Маньчжурии и Дальнего Востока.

Тянется ниточкой под крылом самолета железная дорога, ветвится убегающими в сторону подъездными путями. Кажется, он может их перечесть, закрыв глаза: исходил ногами и верхами с запада на восток. Его дневник побед и поражений (и такие были). Особенно обидно он мог сесть в тюрьму из-за невыполненного предвыборного обещания: каждому первокласснику – сборник Пушкина. Пообещал, выслушал рукоплескания и, с головой уйдя в текущую работу, просто не успел. И сел бы, если бы не его начальник – Дзержинский. Феликс Эдмундович лично выступил на суде, сварливо заметив: «Ваша честь! После его нынешней работы любая каторга, на которую вы определите Иосифа, будет для него отдыхом!»

Приговор все равно вlepили, но с отсрочкой исполнения на три года. А уже через год второй его поручитель, Лев Николаевич, лично вручал первоклассникам Ясной Поляны новые, пахнущие типографской краской и сверкающие глянцевой обложкой сборники сочинений Александра Сергеевича. Обещание было выполнено, урок усвоен: лучше вообще не обещать, чем обещать и не сделать! Утешало то, что не один он такой. Владимир Ильич со своим проектом замены армии и полиции на поголовно вооруженный пролетариат так и путешествует из законодательного собрания в Шушенское и обратно.

Зато за время совместной работы им удалось принять новое пенсионное уложение, направленное на сохранение положительной демографической динамики. В соответствии с ним государственная пенсия родителей напрямую зависит от заслуг, достижений и уплаченных налогов воспитанных ими детей. При наличии нескольких детей пенсии складываются.

Народ сообразил быстро. Через год у детских домов и сиротских приютов не было отбоя от желающих усыновить, удочерить или оформить опеку. Отечественных сирот расхватывали как горячие пирожки, а обделенные бездетные потянулись в поисках неприкаянных бездомных ребятишек за границу. Ну и слава богу! Много детей не бывает. Нам еще Дальний Восток и Крайний Север заселять.

Самолет сделал круг над Казанью, нырнул вниз, будто хотел ткнуться носом в зеленый лесной ковер, но в последний момент передумал, скользнул над самыми кронами, подпрыгнул на невидимых кочках и покатился по грунтовой полосе, отфыркиваясь двигателями, будто морж после купания.

На взлетном поле было шумно, как на базарной площади перед праздником. Казань – удобный транзитный перекресток для нового крылатого транспорта. На юг до Багдада и Медины, на восток до Харбина и Владивостока, на запад до Одессы и Вильно торили дорогу солидные, степенные «Ильи Муромцы» и юркие быстрокрылые «Алеси Поповичи». Третий богатырь, «Добрыня», в силу своей специфики обретался только на водоемах и был первым гидросамолетом, сразу попавшим на военную службу. Впрочем, и первые два богатыря тоже делали свои последние гражданские рейсы. Мобилизационный приказ уже подписан.

– Иосиф! Ты ли?!

На взлетном поле, расставив руки, будто демонстрируя результат удачной рыбалки, стоял герой сражения в Персидском заливе командир батареи поручик Жуковский. Точнее, уже не поручик и даже не артиллерист.

– Да никак капитан авиации? – вздернул брови Иосиф.

– И ты уже не вольноопределяющийся, – хохотнул летчик.

– Ну да, определился вроде... – улыбнулся иерей.

– Вот и я тоже! Мне уже самоходный дивизион давали под команду, но как увидел это чудо, – Жуковский махнул перчаткой на новенький биплан, – так и понял: погиб я для артиллерии! Правда, в воздухоплавательную академию приняли с понижением в чине, несмотря на все боевые заслуги. Но, веришь, ни одного дня не жалел. С тех пор и летаю.

– С Уточкиным служите?

– Да, а до этого с Красиным! Леонид Борисович сейчас в Америке, мотается от побережья к побережью – роет носом землю, ищет таланты, гребет всех, кто имеет хоть какую-то ценность, и переправляет в наши академгородки... Прости, Иосиф, мне уже на взлет отмашка. Пора! Рад был свидеться...

Мягкий июньский день клонился к закату. Генеральный секретарь Главного политического управления Иосиф Джугашвили присел на теплую траву, привалился спиной к самолетному шасси и прикрыл глаза. Надо постараться хотя бы немного отдохнуть. Последний мирный день. Потом будет недосуг.

Завтра начнется... Грохот пушек, кровь, пот, вонь сгоревшего пороха и растерзанных тел. Оскалившиеся легионы «цивилизаторов» в очередной раз накатят как океанская волна, чтобы разбиться о ненавистную им твердыню, схлынут, оставляя на просторах Отечества выбитые зубы, обгаженные портки и лохмотья собственной спеси. Защитники, отложив оружие, в который раз возьмут в руки мастерки, чтобы чинить и восстанавливать порушенное нашествием «наших западных партнеров». И так без конца. Раз за разом, столетие за столетием.

«Все это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ – великий народ. Русский народ – это добрый народ. У русского народа ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ неодолим, неисчерпаем»^[70].

Приложение к эпилогу

Политические идеи, озвученные в книге

Ответственность чиновников как основа функционирования государственного аппарата

– Вам нужен честный, исполнительный и, главное, ответственный чиновник или поговорить о таком? Земский собор может долго и нудно его обсуждать. А создать, воспитать, организовать может только сильная, централизованная и жестокая власть. Жестокая! Я надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

Я имею в виду элементарную ответственность за свои действия, Александр Иванович, как необходимое условие существования государства. Это готовность чиновника к негативным последствиям своих просчетов, не говоря уже про преступления. Вы видели когда-нибудь строителя моста, который становится под опорой во время испытания на прочность? А я видел! Это и есть пример высшего

проявления ответственности. Он готов умереть, если допустил ошибку!

Вот и чиновники должны точно так же отвечать за результат своей работы... Они должны *постоянно* стоять под опорами построенного ими моста! Они должны там жить! Если этого нет, то власть, которую они представляют, стремительно деградирует и гарантированно погибает в борьбе с конкурентами...

Дворяне возникли именно как служивое сословие, сиречь чиновники, – продолжал император, – и дворянская честь предполагает бросать перчатку обидчику и пускать себе пулю в висок в случае осознания собственного позора. Но факт мздоимства и казнокрадства среди дворян почему-то не считается оскорблением, позор которого смывается кровью... А ведь это оскорбление конкретным чиновником всего служивого сословия... Из-за одной паршивой овцы будут считать паршивым все стадо. Но оно глухо, немо и озабочено сохранением своих привилегий.

И знаете, что в результате произойдет? Ему бросит перчатку другое сословие, и в этой дуэли уже не будет ни правил, ни секундентов, а только тотальное истребление. Впрочем, вы же изучали историю и знаете, как славно поработала гильотина в революционной Франции? Думаете, Россия избежит подобной чистки? Я считаю, что нет...

Заставлять человека делать то, что он делать не хочет, долго, хлопотно и малопродуктивно. Легче изменить условия, при которых он сам сделает то, что от него требуется. Однако что вы вообще понимаете под управлением? – прищурил император глаза, еле видные под бинтами.

– Распоряжения, приказы, контроль над их выполнением...

– Управление, уважаемый Александр Иванович, это прежде всего план, где написано, куда вы хотите попасть и каким образом. А во вторую очередь это ресурсы: время, деньги, машины и, главное, люди. Кадры решают все! А когда люди перестают быть толпой и становятся ресурсом? Когда они реагируют и действуют предсказуемо, что есть первый признак организации...

Ну а теперь вернемся к политике. Итак, у нас есть цель. Я ее озвучил, и вы меня поддержали. Мы даже сошлись в способе достижения этой цели – через прививку ответственности перед

Отечеством чиновникам и вообще всем, кто своими действиями на политику влияет. А теперь вопрос: какая организация все это будет делать? Кто будет осуществлять разработку планов, обеспечивать их ресурсами и, как вы правильно заметили, отдавать приказы и контролировать их выполнение?

О веротерпимости и взаимодействии конфессий

– Для того чтобы этот документ не остался пустой декларацией, представители каждой конфессии составят список действий и заявлений, которые они считают неприемлемыми и оскорбительными, а представители остальных конфессий дадут письменное обязательство воздерживаться сами и удерживать единоверцев от указанных действий и заявлений. Вторым обязательным условием окончания совещания является учреждение Российской духовной академии с числом факультетов, равных числу конфессий, и набором единых для всех факультетов предметов, необходимых для единообразного понимания отечественной истории и текущих задач, стоящих перед государством, а значит, перед каждой конфессией отдельно...

Налог на жадность

– Бедность подданных России я считаю своим личным позором и буду с ней бороться всеми доступными мне способами. Именно поэтому появился манифест об освобождении от налогов малоимущих.

Предупреждаю сразу: 50 % от прибыли, полученной за счет повышения цен, придется отдать в казну. Этот налог назовем налогом на жадность. Точно таким же налогом будут облагаться доходы от ростовщических операций. Этим я, как глава церкви, хочу помочь добропорядочным верующим избавиться от дьявольского искушения. Не благодарите...

Про титулы

– Обращение «ваше благородие», по моему мнению, лучше всего подходит в качестве дополнения к военному ордену как признательность окружающих за совершенный его носителем подвиг. Какая разница, какое происхождение было у Ивана Сусанина? Его

поступок благороден и бескорыстен, поэтому такое, и только такое титулование понятно и одобряемо...

Кто такой граф? – развивал тем временем свою мысль император. – Изначально это просто грамотный человек в окружении суверена. Образование традиционно создает ореол света, поэтому – «сиятельство». Ничто не мешает нам привести форму в соответствие с содержанием и присваивать этот титул нашим ученым и учителям, которые действительно несут свет просвещения и двигают технический прогресс. Есть мнение, что будет правильным присваивать титул графа с титулованием «ваше сиятельство» всем нашим сиятельным служителям науки, совершившим открытия или подготовившим достойных учеников на преподавательском поприще. Этому же титулу должны быть удостоены те, кто не жалея сил строят сегодня школы и больницы, вытаскивают российских подданных из лап болезней и из мрака невежества.

Про справедливое распределение и альтернативу коллективизации

– Вас волнует несправедливое распределение произведенного продукта? Вот и давайте заниматься этой проблемой, а не городить огород обобществления коней и коров, маслобоен и плугов. Пример? Извольте. Нам, всем присутствующим, захотелось хлеба с маслом. У вас есть молочный сепаратор, у него есть корова, а у меня – только мои руки. Нам надо сложить все эти составляющие вместе ровно на время, необходимое для получения искомого продукта. Произведем, поделим и разбежимся каждый по своим делам, вы – с маслобойкой, он – с коровой, я – со своими руками.

– И получим равное количество конечного продукта?

– Как договоримся! Я лично не против равенства. Только вычтем из общего дохода амортизацию маслобойни и коровы, исключительно для возможности воспроизводства капитальных вложений, чтобы было чем платить за ремонт машины и услуги ветеринара...

– И в чем разница? Где существенное отличие от предлагаемого обобществления?

– После окончания работы на общество хозяйин коровы отведет ее не в общественный хлев, а в свой собственный и будет ухаживать за ней, как за своей, потому что если по понедельникам корова

«работает» на общие, то по вторникам – на собственные нужды владельца. С маслобойней и с мельницей тот же коленкор. Они передаются во владение общества только на время производственного цикла, а все остальное время принадлежат конкретному человеку.

Вход в наше товарищество свободный, но каждый новый участник должен иметь двух поручителей из числа старых пайщиков. Пайщики несут полную материальную ответственность за все дела и сделки нового участника. Любые конфликтные ситуации разрешают те, кто за них поручился. На улаживание конфликтов отводятся сутки, больше времени не даем: работать надо. В случае если у поручителей возникают разногласия и они отказываются отвечать за своего подопечного, через двадцать четыре часа рекламация переходит на поручителей поручителей и так далее.

Второв говорил, а карандаш его порхал по бумаге, рисуя паутину связей между кукольными человечками.

– Если возникает спорный вопрос или конфликт, тот, кто считает себя потерпевшим, заявляет протест, после чего сразу же приостанавливаются все сделки ответчика. Если за следующий день его поручители не урегулировали конфликт с поручителями истца, тогда блокируется деятельность самих поручителей. Если и они не находят общий язык, то еще через день замораживается работа поручителей поручителей и так далее. Однако, – Второв довольно улыбнулся, – за все время работы товарищества, дальше поручителей ответчика дело не заходило ни разу. Сама угроза разрастания конфликта и перехода рекламации на следующий «этаж» обеспечивала достаточную ответственность сторон за улаживание конфликта.

– И что же, – Верещагин недоверчиво pokrutil листок с рисунками Второва, – вы хотите сказать, что, получив возможность вот так, на щелчок пальцев, приостанавливать работу другого человека, вы не получили девятый вал необоснованных претензий, имеющих целью исключительно шантаж и вымогательство?

– Томск – это не место для книжного благородства, и жуликов тут хватает. – По тону Второва можно было понять, что с такими ему приходится иметь дело регулярно. – По старой привычке многие участники устраивали склоки и заявляли необоснованные претензии. Но пройдохи, заторговавшиеся поручительствами, как и некоторые их

протеже, скоренько вылетели из товарищества. Остальные быстро поняли: честно работать – выгодно, и уже не пытались ловчить...

notes

Примечания

1

Надеясь на лучшее, будь готов к худшему (*англ.*). – *Здесь и далее прим. авт.*

2

Птицы с одинаковым оперением держатся вместе (*англ.*).

3

Перо сильнее меча (*англ.*).

4

Когда встречаются трудности, неугодные идут вперед (*англ.*).

5

Нет места лучше дома (*англ.*).

6

С английского Ivan Terrible именно так и переводится.

Ты можешь привести коня к водопою, но ты не заставишь его пить (*англ.*).

Мусор для одного, сокровище для другого (*англ.*).

9

Если хочешь сделать хорошо, сделай это сам (*англ.*).

10

Слишком много поваров портят бульон (*англ.*).

Человек – не остров (*англ.*). Аналог русской пословицы «Один в поле не воин».

Штабс-капитан Ржевущий во время восстания ихэтуаней в 1900 году организовал отход гарнизона станции Телии и эвакуацию мирного населения в Харбин. В момент нападения китайцев на станцию 23 июля там находилось всего 166 казаков и 39 пехотинцев охранной стражи, а также около 200 железнодорожных рабочих и более 250 китайцев-христиан. Для этого требовалось преодолеть более 450 км по территории, охваченной пламенем восстания.

Китайцы быстро обнаружили отряд и установили его численность. Во второй половине дня они атаковали русских одновременно с нескольких направлений. Атаки были отражены огнем с места, после чего Ржевущий приказал ускорить движение, бросив часть обоза. Расчет оказался верным. Занявшись дележом добычи, китайцы не смогли организовать преследование.

27 июня отряд достиг станции Шуан-Мао-Дзи, где в его состав вошло еще более 30 стражников, отошедших с других постов. В результате силы русских увеличились до 274 сабель и 70 штыков. Этого оказалось достаточно, чтобы в тот день отразить нападение полуторатысячного отряда китайцев, не потеряв ни одного человека убитым. Правда, 18 человек получили ранения.

На следующий день у д. Мяозгоу отряд вновь был атакован превосходящими силами противника. На этот раз одновременно с обороной занятой позиции Ржевущий приказал сотне казаков контратаковать китайцев во фланг. Противник был рассеян. Среди многочисленных убитых и раненых, оставшихся на поле боя, был обнаружен главный воинский начальник Мукденской провинции.

2 июля в районе станции Чунь-Чунь противник снова преградил путь отряду. Ржевущий решил контратаковать врага. Завязался тяжелый бой, который выиграли русские. Они прорвались сквозь неприятельские ряды, потеряв 3 человека убитыми и 14 ранеными.

Девять дней спустя отряд достиг Харбина, усилив его гарнизон более чем на 300 активных бойцов. Несмотря на трудности отхода и активность противника, русские потеряли всего 10 человек убитыми и 31 раненым. За умелое руководство войсками и личную храбрость

командир отряда Степан Андреевич Ржевуцкий был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Гобято Леонид Николаевич – русский конструктор оружия, изобретатель миномета. Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. С начала войны – капитан, командир полубатареи 3-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В бою под Цзиньчжоу, командуя полубатареей, впервые в боевой обстановке применил стрельбу с закрытой огневой позиции с помощью угломера.

Николай Николаевич Андреев – герой обороны Порт-Артура. Из боевого донесения 1905 года: «Два дня японцы атакывали Угловые горы, что у бухты Луиза. Все их атаки отбиты; Угловая, Высокая и Дивизионная – в наших руках. Потери неприятеля очень велики. Особенно отличились: генерал Кондратенко, полковник Ирман, подполковник Иолшин, артиллерии капитан Андреев».

Lieutenant commander соответствует армейскому майору или современному капитану третьего ранга. John Baptiste Bernadou, кроме прочего, мастер технологического шпионажа: именно ему приписывается кража рецепта пироклодия – бездымного пороха Менделеева.

Джейкоб Шифф – самый яростный русофоб среди всех банкиров начала XX века. Финансировал все и всех, кто мог хоть как-то навредить России. Наоми Коэн (англ. Naomi Wiener Cohen), биограф Джейкоба, называла отношение Шиффа к России своего рода «личной войной, которая с годами усиливалась и превращалась во всепоглощающую страсть». Шифф призывал своих коллег к бойкоту российских займов. Помимо прочего, он составил завещание, запрещающее его банкирскому дому кредитовать «антисемитскую Россию» даже после его смерти. За свою поддержку Японии во время Русско-японской войны (110 млн долларов) был награжден японским орденом Священного сокровища и орденом Восходящего солнца. Выступал против сионизма, считая эту идею утопичной.

Приводится оригинальный текст японо-британского соглашения от 30 января 1902 года.

Пудовые осветительные ракеты в начале XX века выпускались в Николаеве.

На японском – тора! Тора! Тора!

Реальная технология, примененная в Первую мировую войну на русских броненосцах со старыми сорокакалиберными орудиями. Скорострельность главного калибра, разумеется, снижалась, зато действие новых снарядов по цели, особенно на дальних дистанциях, стало не в пример лучше, «Гебен» тому свидетель.

Terrible (*англ.*) – ужасный, кошмарный, жуткий.

Сергей Захарович Балк – человек-легенда, командир порт-артурского буксира, но по характеру – прирожденный морской диверсант. Авантюрист до мозга костей, который просто опередил время: такие части на флоте во время его службы просто не существовали.

Контр-адмирал Дэвид Прайс во время Крымской войны возглавлял англо-французскую эскадру и застрелился перед самой атакой Петропавловска.

В начале XIX века Дании не повезло, причем дважды по одному и тому же сценарию. Оба раза с моря появлялись англичане и требовали отдать им флот, угрожая в случае отказа применить силу. И применяли! Так и появился этот термин – констатирование.

С того момента, как я сошел на Аомори
С ночного поезда, идущего из Уэно,
Меня окружает снег.
Возвращающиеся на север люди
В молчании слушают шум волн.

Прощай, я уезжаю домой.
А вой ветра пронизывает сердце,
Словно говорит мне: «Плачь, плачь...»
Сангарский пролив зимой.

Исторический факт. Именно так ответил Витте маркизу Ито на предложение разделить сферы влияния и тем самым предотвратить Русско-японскую войну.

Залив Д'Анвиль в западной традиции того времени, в русской – залив Посъета.

Предоставленный англичанами ЭБР «Вендженс» типа «Канопус».

В. Ленин. Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920.

Название «Лейтенанта Буракова» в китайском флоте.

Брошюра «Боевые действия горных войск» Наркомата обороны Союза ССР (Москва, 1940), хранится в личной библиотеке Сталина с его множественными пометками.

Красный флажный сигнал на флоте означает «веду бой».

Все «шалости» японцев в Корее имеют документальную основу.

Историческая Анастасия Юдина, не получив возможность реализовать свой бурный нрав на военном поприще, завершила свой жизненный путь, грабя золотопромышленников.

Известный в русском флоте как миноносец типа «Сокол».

Роман Исидорович Кондратенко – герой обороны Порт-Артура. В самый тяжелый момент осады города возглавил оборону, занимался усовершенствованием оборонительных позиций, лично руководил обороной на самых сложных и опасных участках. Отличительным свойством Кондратенко было умение воздействовать на дух войск, что сказалось при отражении нескольких штурмов, когда никто уже не надеялся на успех; он связал сухопутные и морские войска в одно целое, умело направляя их к дружным, совместным действиям.

Погиб при загадочных обстоятельствах в форте № 2, якобы при прямом попадании гаубичного снаряда в каземат. Кондратенко был последним препятствием для сдачи Порт-Артура японцам.

Александр Алексеевич Гернгросс. В 1900 году был назначен начальником гарнизона Харбина. Участник подавления Ихэтуаньского восстания. Один из героев Русско-японской войны, не единожды спасавший русские войска в безнадежных, казалось бы, ситуациях.

Николай Александрович Бржозовский – легендарный начальник крепости Осовец в Первую мировую войну. Во время осады предложил немецкому парламентарю, предлагавшему сдать крепость, остаться в ней во время штурма с условием, что, если штурм будет неудачным, немца повесят, а если крепость будет взята, то пусть повесят его, Бржозовского. Крепость устояла.

Платон Алексеевич Лечицкий – один из непризнанных, забытых героев Русско-японской и Первой мировой войн. Один из авторов самой успешной операции русской армии, вошедшей в историю как Брусиловский прорыв. «Не был назначен командующим фронтом Лечицкий по единственной причине – он не владел французским языком, на котором предстояло общаться с союзниками...»

Из речи Сталина на VIII съезде ВЛКСМ (1928).

Из телефонного разговора И. В. Сталина с бывшим членом президиума ЦК КПСС Дмитрием Ивановичем Чесноковым (1953).

Из речи Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 года.

Генри Хаттлестон Роджерс (Henry Huttleston Rogers). Один из монстров Уолл-стрит, владелец United States Steel, а еще Standard Oil Company, где он был одним из совладельцев, и его участие в компании называли просто – мозг Standard Oil. Говорящее прозвище при жизни – Адская гончая. В списке самых богатых людей Америки за всю историю находился выше Рокфеллера и Моргана. И он же – категорический противник создания частного эмитента денег, известного нам сегодня, как Федеральная резервная система (ФРС). Был ближайшим другом Марка Твена.

Ленин, действительно, голословно обвинил Красина в растрате партийных средств, после чего черная кошка пробежала между Леонидом Борисовичем и Лениным на всю оставшуюся жизнь. Эта неприязнь прорывается как в многочисленных письмах Красина жене, так и в общении с друзьями. Георгий Исецкий записал его слова в конце 1917 года: «Ставка на немедленный социализм – утопия, доведенная до геркулесовых столпов глупости! Нет, ты подумай только: они все с ума сошли с Лениным вместе! Забыто все, что проповедовали социал-демократы, забыты законы естественной эволюции [...] А Ленин... Да, впрочем, ты увидишь его: он стал совсем невменяем, это один сплошной бред! И это ставка не только на социализм в России, нет, но и на мировую революцию под тем же углом социализма! Ну, остальные, которые около него, ходят перед ним на задних лапках, слова поперек не смеют сказать, и, в сущности, мы дожили до самого форменного самодержавия».

В реальной истории Главным управлением кораблестроения (ГУК) 1 июня 1911 года был выдан заказ Обуховскому сталелитейному заводу (ОСЗ) на создание 130-миллиметровой корабельной пушки. 2 марта 1912 года чертежи были переданы для утверждения в ГУК. Стремясь к удешевлению орудия и упрощению его конструкции, ГУК утвердил картузный вариант орудия с длиной ствола 55 калибров. Также было решено отказаться от разработанного конструкторским бюро Обуховского завода оригинального полуавтоматического затвора в пользу поршневого трехтактного затвора системы Виккерс. Заказы на производство орудий были размещены в 1913 году на Обуховском сталелитейном заводе (471 орудие) и на заводе Виккерса (100 орудий). К началу 1917 года Обуховский завод произвел 143 орудия. Главный герой учел, что картузное зарядание и поршневой затвор по опыту войны были признаны не соответствующими требованиям флота, отсюда – гильзовое зарядание и клиновой затвор немецкого типа, заимствованный со 105-миллиметровой немецкой пушки. (Источник справки – Wargaming.)

Лесные братья появились в Прибалтике в самом начале XX века. Пополнялись из батраков и рабочих. По части жестокости были вполне сопоставимы с потомками в послевоенном СССР. Нападали на волостные управы, чтобы захватить бланки документов и печати (которые могли помочь скрыться по подложным документам), уничтожить документацию и архивы (долговые расписки, рекрутские списки для призыва в армию, данные о жителях волости), захватить деньги. Грабили кабаки, дома старост, лесников, священников, при этом не слишком отличаясь от банд обычных преступников и наводя ужас на население. После того, как 2-й съезд ЛСДРП в июне 1905 года провозгласил курс на вооруженное восстание и были сформированы группы боевиков, лесные братья стали официально считаться боевым крылом социал-демократов.

Катилинарии – термин, введенный Курцио Малапарте и обозначающий вообще любых бунтовщиков, как левых, так и правых («Техника государственного переворота», 1931).

Участие рабочих в управлении предприятием – одна из идей Зубатова, не получившая поддержки начальства в реальной истории.

Эрнест Хемингуэй. По некоторым сведениям – секретный агент Сталина, известный в НКВД под кличкой Арго. (Writer, Sailor, Soldier, Spy, The Secret Adventures of Ernest Hemingway 1935–1961).

Это реальное донесение Ратаева в 1905 году. Леонид Александрович Ратаев, предшественник Зубатова на посту начальника Особого отдела Департамента полиции, позже – заведующий заграничной агентурой Департамента полиции со штаб-квартирой в Париже.

Эрнст Феттерлейн с 25 ноября 1896 года служил в Министерстве иностранных дел, был ведущим криптоаналитиком Цифирного комитета министерства. Непосредственный начальник Феттерлейна В. В. Сабанин писал о нем: «В высшей степени полезный сотрудник». После революции 1917 года Феттерлейн с женой бежали в Западную Европу. В 1919-м поступил на службу в Центр правительственной связи Британии. Благодаря Феттерлейну была дешифрована значительная часть дипломатической переписки Советской России во время англо-советских торговых переговоров, и в начале 1920-х годов он возглавил русскую секцию британской дешифровальной службы.

Beshoffs – одна из наиболее известных сетей рыбных ресторанов в Дублине.

Фредерик Уильям Вандербильт чуть-чуть ошибся: пяти миллиардов долларов внешний долг США достигнет в 1913 году. Но на начало XX века САСШ все равно была страной-должником с отрицательным торговым балансом.

Вскоре после окончания Гражданской войны в США пароход «Султана» вез по Миссисипи освобожденных из плена северян. По невыясненной причине он взорвался и угробил более двух тысяч человек.

Финское презрительное наименование русских.

Описываются реальные события в Финляндии в 1917–1918 годах. Слова, приписанные Циллиакусу, на самом деле принадлежат финскому историку Оути Каремаа.

Том 17 ПСС, «Об отношении рабочей партии к религии»,
«Пролетарий» № 45, 1909 г.

Автор почти дословно пересказал случай из реальной жизни великого князя Бориса Владимировича, только вместо Грибского был Куропаткин.

В 1814 году при Ватерлоо игра Натана Ротшильда на понижение биржевых ставок превратилась в величайшее ограбление Британии. В 2015 году английское правительство все еще выплачивало долги семье Ротшильдов.

Нефть в районе Киркука была обнаружена в 1927 году, в районе Пальмиры – в 1951-м.

Сталину пришлось отстранить от работы, посадить и даже расстрелять три четверти профессиональных революционеров, принимавших участие в событиях 1917 года как раз по причине их полной профнепригодности для дела социалистического строительства.

Из статьи В. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» 30–31 декабря 1922 г.

Там же.

Из статьи В. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» 30–31 декабря 1922 г.

Морпехи.

На русский это можно перевести как «изобретательный немец», «хитрый фриц». Появилось такое прозвище во время Второй мировой войны (1902 год – это авторский произвол). Британцы называли немцев джерри от слова Germany. Джерри – это враг, но хитрый, умелый, технологичный. Враг, с которым нужно быть осторожным.

Реальный исторический факт. Николай II настолько хорошо знал церковнославянский язык, что вполне мог проверить качество работы профессиональных реставраторов.

Сталин. Политический отчет Центрального комитета XV съезду ВКП(б). 3 декабря 1927 года.

Сталин. Беседа с Коллонтай.